902.7 1136791 кф.
М34

Материалы по этнографии России. Т.II. Петроград, 1914.

Ф 1136791 Р (22)
902.7
М34

МАТЕРІАЛЫ
по
ЭТНОГРАФІИ РОССІИ

ТОМЪ II

ИЗДАНІЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

ПЕТРОГРАДЪ. 1914.

902.7
М34

МАТЕРІАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФІИ
РОССІИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Ѳ.К.ВОЛКОВА

Ф 1136791 Р

ТОМЪ II

Областная ... библиотека
Сектор редкой книги

ИЗДАНІЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

С.ПЕТЕРБУРГЪ. 1914

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С. Петербургъ

Настоящій томъ выходитъ со значительнымъ опозданіемъ. Совершенно исключительная важность и научный интересъ открытій полковника П. К. Козлова въ Хара-Хото побудили Этнографическій Отдѣлъ, въ виду скорѣйшаго опубликованія ихъ, отложить нѣсколько приготовленныхъ уже къ печати статей, чтобы дать мѣсто описанію и изображеніямъ найденныхъ въ Хара-Хото и поступившихъ въ Русскій Музей предметовъ, научную обработку которыхъ любезно взялъ на себя академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ. Такая перемѣна содержанія настоящаго тома, вмѣстѣ съ техническими трудностями воспроизведенія полуистлѣвшихъ иногда картинъ, и была причиной поздняго выхода этого тома. Прочія статьи соотвѣтствуютъ той общей программѣ изданія, которая была изложена въ предисловіи къ I-му тому.

Художественная часть изданія, какъ и прежде, была предметомъ заботливости хранителя Отдѣла—А. А. Миллера. Корректура изданія и въ особенности очень сложная корректура статьи С. Ѳ. Ольденбурга была съ рѣдкимъ терпѣніемъ и вниманіемъ читана Э. К. Пекарскимъ, которому С. Ѳ. Ольденбургъ просилъ выразить его глубокую благодарность за оказанное содѣйствіе. Алфавитный указатель этнографическихъ предметовъ, личныхъ, и географическихъ именъ, такъ же какъ и для I-го тома, составленъ Э. К. Пекарскимъ.

Памяти Д. А. Клеменца.

Нынѣ выпускаемый въ свѣтъ второй томъ „Матеріаловъ“ былъ уже почти законченъ наборомъ, когда изъ Москвы пришла грустная вѣсть о кончинѣ Дмитрія Александровича Клеменца. Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ общимъ желаніемъ Этнографическаго Отдѣла дать въ скорѣйшемъ времени характеристику научной дѣятельности покойнаго Дмитрія Александровича, бывшаго въ періодъ съ 1902 по 1910-й годъ завѣдующимъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, объясняется то, что посвященныя памяти покойнаго научнаго дѣятеля строки могутъ послужить лишь для общей характеристики дѣятельности Д. А. въ области науки. Послѣ Д. А. Клеменца не осталось какого-либо монографическаго труда, анализъ котораго могъ бы намъ дать его характеристику, какъ ученаго: все написанное Д. А. Клеменцомъ разбросано въ разныхъ извѣстіяхъ и запискахъ ученыхъ обществъ, отчетахъ ученыхъ экспедицій, спеціальныхъ и общаго содержанія журналахъ, провинціальныхъ изданіяхъ и даже газетахъ. Собрать все это—трудъ весьма нелегкій и едва ли во всемъ объемѣ въ короткое время выполнимый, а потому печатаемыя ниже строки отнюдь не претендуютъ на исчерпывающую полноту. Обстоятельная характеристика Д. А. Клеменца, какъ дѣятеля науки, можетъ явиться лишь въ результатѣ кропотливаго изслѣдованія.

Въ лицѣ покойнаго Д. А. Клеменца сошелъ съ жизненной арены человѣкъ, выдававшійся многими рѣдкими качествами своей очень яркой индивидуальности, чрезвычайно разносторонней, весьма сложной натуры. Глубокій, проницательный умъ, способный къ тонкому анализу, носилъ у Д. А. всѣ черты философскаго склада. Въ вѣчномъ ненасытимомъ стремленіи къ познанію истины находилъ онъ высшую цѣль и полное удовлетвореніе. Не даромъ, не случайно, уже въ ранніе годы его кипучей общественной дѣятельности, его біографъ характеризуетъ его какъ „образчикъ мыслителя“. Умъ этотъ весьма реалистической складки, несклонный ко всему, что носило отпечатокъ метафизики или чистаго умозрѣнія, ближе всего примыкалъ къ школѣ позитивизма, создателемъ которой былъ Огюстъ Контъ. Воспитанникъ физико-математическаго факультета сначала Казанскаго, затѣмъ С.-Петербургскаго университетовъ въ 70-е годы, Клеменцъ не окончилъ своего официальнаго образованія и не былъ дипломированнымъ ученымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ ученый въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Д. А. не былъ дилетантомъ науки: это былъ человѣкъ, глубоко преданный научному исканію; въ добытыхъ истинахъ онъ видѣлъ ихъ внутреннюю глубокую цѣнность и по мѣрѣ силъ своихъ

неустанно работалъ на излюбленной имъ нивѣ знанія. Основу энциклопедическихъ познаній Д. А. и его богатой эрудиціи составляло естествознаніе. Физика, химія, минералогія и геологія, гидрографія и метеорологія—всѣмъ онъ интересовался, все онъ изучалъ, „обладая ненасытной жаждой знанія", какъ пишетъ его біографъ, которому онъ досаждалъ отчетами о лекціяхъ Гельмгольца. Будучи трансформистомъ, послѣдователемъ эволюціонистскихъ воззрѣній, онъ и изъ этой теоріи не сдѣлалъ себѣ общей призмы, чрезъ которую разсматривалъ весь сложный комплексъ явленій окружающаго міра. Скептическій умъ его зналъ цѣну лучшимъ гипотезамъ и самымъ сильнымъ теоріямъ, и предъ многообразіемъ преходящихъ явленій стоялъ онъ свободный отъ всякихъ предвзятыхъ идей, въ поискахъ единаго начала, лежащаго въ основѣ объективированнаго процесса вѣчнаго развитія.

Съ такой теоретической и научной подготовкой Д. А. Клеменцъ подошелъ къ изученію человѣческаго населенія земли, его культуры матеріальной и духовной. Еще живя въ Европейской Россіи, Д. А. Клеменцъ не былъ только теоретикомъ, кабинетнымъ ученымъ. Его симпатіи увлекли его въ самую толщу народной жизни, жизни великорусскаго крестьянина. Д. А. быстро овладѣваетъ всѣми сокровищами русскаго народнаго языка и осваивается съ психологіей крестьянина, что дѣлаетъ ему доступнымъ весь внутренній міръ крестьянства,—обстоятельство весьма важное въ его будущей дѣятельности, какъ этнографа. Заброшенный судьбою въ небольшой городокъ Сибири—Минусинскъ, Д. А. Клеменцъ натолкнулся случайно на собранныя Н. М. Мартьяновымъ въ мѣстномъ Музеѣ археологическія коллекціи. Никогда ранѣе не занимавшись археологіей, онъ съ поразительной энергіей берется за изученіе и обработку этого матеріала и выпускаетъ его описаніе подъ заглавіемъ: „Древности Минусинскаго Музея. Памятники металлическихъ эпохъ" (Томскъ 1886 г.). Работа эта, можно сказать, сдѣлала судьбу Минусинскаго Музея: изъ никому невѣдомаго мѣстнаго музея онъ дѣлается извѣстнымъ даже за предѣлами Россіи. Хотя авторъ этой работы въ предисловіи и оговаривается, что, по недостатку свѣдѣній въ области сравнительной археологіи, онъ долженъ былъ отказаться отъ научно-критической обработки матеріала и почти ограничиваетъ свою роль дѣломъ составителя каталога, однако, авторъ вышелъ далеко за предѣлы имъ самимъ намѣченной скромной роли. Этому каталогу предпослано введеніе въ 78 стр. убористаго текста, содержащее физико-географическій очеркъ долины верхняго Енисея, описаніе археологическихъ памятниковъ этой мѣстности, сдѣланное частью по личнымъ наблюденіямъ, частью по литературнымъ источникамъ. Д. А. даетъ здѣсь свою классификацію могильниковъ, критикуя классификацію своихъ предшественниковъ, разбираетъ литературные источники о Минусинскомъ Краѣ и сообщаетъ данныя объ исторической этнографіи края. За этимъ предисловіемъ нельзя не признать значенія серіозной научно-критической работы, и всѣ, кто когда-нибудь занимался археологіей Сибири, не могутъ обойтись безъ руководящихъ указаній и замѣчаній, набросанныхъ талантливымъ и вдумчивымъ изслѣдователемъ.

На этой работѣ важно остановиться еще и потому, что она является едва ли не первой чисто научной работой Д. А. Дѣятельность Д. А. на литературномъ поприщѣ началась гораздо раньше, но статьи его носили характеръ общелитературный или публицистическій, и печаталъ онъ ихъ безъ подписи или подъ псевдонимомъ. Написанный въ стѣнахъ музея, на основаніи матеріала, хранившагося въ музеѣ, трудъ этотъ явился въ то же время началомъ дѣятельности Д. А. Клеменца, какъ музейнаго работника,— дѣятельности, которой предстояло въ будущемъ широкое развитіе. На этомъ трудѣ не закончились изслѣдованія Д. А. Клеменца, какъ археолога. Въ 1891 г. онъ принялъ участіе въ Орхонской экспедиціи академика В. В. Радлова, гдѣ ему поручена была вполнѣ самостоятельная задача; онъ представилъ въ началѣ 1893 г. обстоятельный археологическій дневникъ поѣздки въ

среднюю Монголію въ 1891 г., напечатанный въ 1898 г. въ Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи. Давая здѣсь подробное описаніе памятниковъ старины, встрѣченныхъ на пути экспедиціи, Д. А. и здѣсь счелъ долгомъ предупредить читателя, что въ трудѣ своемъ онъ видитъ лишь отчетъ, а не монографію, и воздерживается отъ какихъ бы то ни было историческихъ соображеній. Въ 1898 году Императорская Академія Наукъ поручила Д. А. Клеменцу спеціальную задачу—обслѣдованіе въ археологическомъ отношеніи Восточнаго Туркестана. Результаты этой экспедиціи были весьма значительны: представленный Д. А. Клеменцомъ отчетъ, напечатанный въ 1899 г. Академіей Наукъ въ спеціальномъ изданіи Nachrichten über die von der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Turfan und seine Alterthümer, а также богатыя коллекціи памятниковъ искусства изъ турфанскихъ древнихъ сооруженій и доставленные имъ образцы древне-уйгурскихъ надписей, прочитанные академикомъ В. В. Радловымъ, обратили на себя самое серіозное вниманіе ученаго міра, особенно послѣ конгресса историковъ Востока и восточной археологіи въ Римѣ. Матеріалы, добытые Д. А. Клеменцомъ, дали толчокъ ряду новыхъ экспедицій, между прочимъ, длительной экспедиціи академика С. Ѳ. Ольденбурга, которыя повели за собой весьма важныя новыя открытія въ области древней исторіи культурныхъ странъ Азіи, исторіи искусства и лингвистики. Открытія Д. А. Клеменца вызвали къ жизни особую международную организацію—Союзъ для изученія Средней и Восточной Азіи. Функціонирующій въ Россіи Комитетъ направилъ пока всѣ свои силы на изученіе Восточнаго Туркестана. Хотя Комитетъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ неустанной энергіи академика В. В. Радлова, но нельзя не признать, что идейный импульсъ этому важному дѣлу данъ былъ трудами Д. А. Клеменца, и историки Востока должны поставить ему это обстоятельство въ крупную заслугу. Таковъ краткій перечень заслугъ Д. А. Клеменца въ области первобытной и восточной археологіи. Не менѣе важны его работы въ области этнологіи и этнографіи. Мы уже упоминали выше о продѣланномъ Д. А. Клеменцомъ и совершенно необходимомъ для этнографа опытѣ живого общенія съ народной массой, съ жизнью великорусской деревни и ея обитателей. Сибирь того времени, едва затронутая этнологическими изслѣдованіями, дала обширное поле для изслѣдованій подобнаго рода живому, чуткому и подготовленному наблюдателю. Уже работая въ Минусинскомъ Музеѣ, Д. А. Клеменцъ находилъ время для экскурсій по новому для него краю, и, на ряду съ изслѣдованіями топографическими, физико-географическими и геологическими, онъ начинаетъ изучать бытъ мѣстнаго населенія, главнымъ образомъ—инородческаго, чему мы находимъ много доказательствъ во введеніи къ его Древностямъ Минусинскаго Музея. Позднѣйшая двухлѣтняя экспедиція къ монголамъ и бурятамъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, еще болѣе расширила опытъ Д. А., какъ изслѣдователя этнографическихъ явленій, дала ему глубокое знаніе кочевого быта, заставила не менѣе сильно заинтересоваться вопросами первобытной религіи и культа, а также вліяніемъ ламаизма и воздѣйствіемъ его на психику и первобытное религіозное міросозерцаніе азіата-номада.

Двѣ категоріи этнографическихъ явленій всегда были особенно близки ему, особенно интересовали и привлекали его. Это, во-первыхъ, вопросы первобытной соціологіи, эволюціи формъ быта и соціальныхъ и экономическихъ взаимоотношеній въ предѣлахъ той или иной бытовой формаціи и, во-вторыхъ, вопросы религіи, ея формъ и эволюціи религіознаго сознанія. Литературнымъ памятникомъ этой категоріи вопросовъ, волновавшихъ умъ и воображеніе Д. А., явились, главнымъ образомъ, слѣдующія работы Д. А. Въ 1903 г. онъ помѣстилъ нѣсколько статей о кочевомъ бытѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, перепечатанныхъ затѣмъ черезъ 5 лѣтъ, съ небольшимъ предисловіемъ автора, въ журналѣ „Сибирскіе Вопросы“ за декабрь 1908 г. подъ общимъ заглавіемъ „Замѣтки о кочевомъ

бытѣ". Въ 1906 г. имъ написана обстоятельная статья „Буряты" для издаваемой Джемсомъ Гастингсомъ Encyclopaedia of Religion and Ethics. Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ только въ 1910 г. на англійскомъ языкѣ въ 3-мъ томѣ Энциклопедіи. Въ томъ же году въ первомъ томѣ „Матеріаловъ по этнографіи Россіи", издаваемыхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, напечатана его статья „Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ", написанная на основаніи рукописныхъ матеріаловъ М. Н. Хангалова, хранящихся въ Музеѣ.

„Замѣтки о кочевомъ бытѣ"—слишкомъ скромное заглавіе для значительной по объему (болѣе 3-хъ печатныхъ листовъ) статьи, весьма богатой по содержанію. Начиная съ естественно-историческаго опредѣленія самаго понятія о кочевомъ бытѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ симбіоза человѣка и животныхъ, вскрывая сущность этого явленія и его тенденціи, опредѣляя мѣсто этой бытовой формаціи въ ряду другихъ типовъ бытовыхъ формъ, критикуя устарѣлые взгляды и защищая кочевника отъ обвиненій, укоренившихся въ воззрѣніяхъ ученыхъ, благодаря ошибочно истолкованнымъ фактамъ, Д. А. Клеменцъ является предъ нами блестящимъ этнографомъ и историкомъ культуры. Статья эта переполнена массой глубокихъ мыслей и затронутыхъ темъ и вопросовъ, которые могли бы стать предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, блещетъ превосходнымъ знаніемъ быта и жизни кочевника, даетъ цѣлую программу для опытовъ какъ соціально-экономическаго характера, такъ и административнаго, опытовъ и проектовъ акклиматизаціи разнаго рода животныхъ формъ. Можно смѣло сказать, что если бы голосъ объективной науки былъ достаточно убѣдителенъ для людей, призванныхъ управлять и имѣющихъ власть направлять жизнь въ то или иное русло, многія ошибки землеустройства, связанныя съ коренной ломкой кочевого быта, были бы избѣгнуты. Ему удалось доказать, что кочевой бытъ и возникаетъ и измѣняется въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, которыя не создаются по волѣ человѣка, и что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нельзя создать новой формы быта вмѣсто кочевого, что въ нѣкоторыхъ условіяхъ исконный земледѣлецъ превращается въ скотовода и, наоборотъ, что стѣсненіе кочевокъ создаетъ не земледѣліе, а нищету, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разведеніе скота для пользованія молочнымъ продуктомъ, мясомъ, шерстью и т. д. является наиболѣе выгодной формой хозяйства. По авторитетному мнѣнію Д. А. Клеменца, кочевой бытъ доказалъ свою способность къ развитію. Обращаясь къ введенію, написанному Д. А. Клеменцомъ къ статьѣ „Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ", я ограничусь лишь указаніемъ на ту широкую біологическую основу, на которую онъ всегда стремился поставить вопросы первобытной культуры и соціологіи, примыкая въ этомъ отношеніи къ Леббоку, Тейлору и др. Обстоятельная статья подъ заглавіемъ „Буряты", напечатанная въ вышеупомянутой Энциклопедіи на англійскомъ языкѣ и нигдѣ, къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, не перепечатанная по-русски, заключаетъ весьма содержательный очеркъ религіозныхъ воззрѣній бурятъ, ихъ примитивныхъ анимистическихъ представленій, широко практикуемаго культа обширнаго пантеона божествъ, шаманизма, жертвоприношеній и позднѣйшаго ламаизма монголо-тибетскаго происхожденія. За невозможностью детально излагать ее здѣсь, я позволю себѣ высказать пожеланіе, чтобы статья эта (въ 3 печатныхъ листа приблизительно) была скорѣе переведена на русскій языкъ и сдѣлалась доступной болѣе широкому кругу читателей въ Россіи.

Вопросы эволюціи религіи, какъ я упомянулъ уже, всегда интересовали Д. А. Клеменца, и въ доказательство этого мы можемъ привести два доклада Д. А. на эти темы. Первый сдѣланъ въ Географическомъ Обществѣ и носитъ заглавіе: „Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки въ Алтай въ 1904 г."; второй прочитанъ на засѣданіи подсекціи Этнографіи XII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ и напечатанъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (кн. 83) подъ заглавіемъ: „О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурят-

скимъ шаманствомъ". Оба эти доклада объединены общностью темы и трактуютъ о кризисѣ, переживаемомъ шаманизмомъ, одинъ изъ моментовъ котораго Д. А. Клеменцъ имѣлъ возможность наблюдать въ исторіи бѣднаго алтайца Чета-Челпанова, выступившаго противъ шаманизма и кровавыхъ жертвоприношеній. Исторія Чета-Челпанова интересна еще и тѣмъ, что она дошла до судебнаго разбирательства, и Д. А. Клеменцу суждено было освѣтить ея глубокій смыслъ и значеніе въ качествѣ эксперта на судѣ. Общій выводъ Д. А. по этому вопросу сводится къ тому, что шаманство, если и представляло когда-нибудь рядъ безсвязныхъ суевѣрій, не сведенныхъ въ какую-либо систему, то въ настоящее время оно скорѣе подходитъ по своимъ признакамъ къ развитому политеизму, нежели къ культамъ низшаго порядка.

Въ 1908 г. изданъ А. Ф. Девріеномъ въ Петербургѣ сборникъ статей подъ редакціей І. С. Мельника, съ заглавіемъ: „Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды". Для этого сборника Д. А. Клеменцомъ написана статья „Населеніе Сибири" (стр. 37—78). Статья эта содержитъ во введеніи статистику населенія Сибири и ея частей по отношенію къ площади страны. Затѣмъ идетъ очеркъ исторіи ознакомленія и постепеннаго завоеванія русскими Сибири и очеркъ колонизаціи Сибири, въ которомъ использована не только классическая для своего времени работа о Сибири Н. М. Ядринцева, но и приведены данныя, основанныя на работахъ новѣйшихъ этнографовъ, экономистовъ, демографовъ и статистиковъ. Болѣе половины статьи посвящено нерусскому, коренному населенію Сибири, объединенному общимъ терминомъ инородцы; часть эта наиболѣе интересна и представляетъ весьма содержательный этнологическій очеркъ населенія Сибири. Въ немъ Д. А. не придерживается общепринятой лингвистической классификаціи инородцевъ, находя, что создавшаяся на лингвистическомъ признакѣ группа такъ называемыхъ палеазіатовъ носитъ чисто искусственный характеръ и что, вообще, на основаніи только родства языковъ, соединяются крайне разнообразные съ культурной точки зрѣнія народы. Для этого очерка использована вся обширная литература, какъ старая, въ родѣ работъ Крашенинникова, Стеллера, Палласа, Бергмана, Кастрена, Маака, Шренка, такъ и новѣйшихъ изслѣдователей, какъ, напр., Адріанова, Богораза, Грумъ-Гржимайло, Іохельсона, Штернберга, Ярилова и др.

Д. А. Клеменцу принадлежатъ еще редакція, бо́льшая часть перевода и многочисленныя дополненія и примѣчанія къ большому труду H. Schurtz'a: Urgeschichte der Kultur, изданному фирмой „Просвѣщеніе" и представляющему объемистый томъ въ 660 стр. Въ заключеніе бѣглаго очерка трудовъ Д. А. Клеменца въ области этнографіи, я не могу обойти молчаніемъ одну его популярную статью въ 20 печатныхъ страницъ подъ заглавіемъ: „Бѣглыя замѣтки о желтой опасности", напечатанную въ „Русскомъ Богатствѣ". Будучи популярной, она, тѣмъ не менѣе, трактуетъ вопросы сравнительной этнологіи и взаимныхъ отношеній расъ вполнѣ научно и проникнута глубокимъ гуманизмомъ и убѣжденіемъ, что будущее несетъ съ собой не вражду, а мирное сотрудничество народовъ и расъ человѣчества. Авторъ высказываетъ здѣсь рядъ весьма остроумныхъ положеній и соображеній о будущей роли Россіи, занимающей центральное континентальное положеніе, въ связи съ культурнымъ возрожденіемъ Востока.

Намъ остается еще сказать о другой сторонѣ дѣятельности Д. А. Клеменца, имѣвшей не меньше значенія въ дѣлѣ изученія этнографіи въ Россіи, чѣмъ его литературные труды. Въ началѣ 90-хъ годовъ мы видимъ Д. А. Клеменца въ Иркутскѣ -въ качествѣ правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Это были годы несомнѣнно самой кипучей научной и литературной его дѣятельности. Кромѣ обязанностей, связанныхъ съ отвѣтственной ролью правителя дѣлъ и редактора изданій, на которыя Д. А. всегда умѣлъ привлечь частныя средства, онъ является въ то же время организаторомъ мѣстнаго музея, принимаетъ близкое участіе въ „Восточномъ Обозрѣніи" и еже-

годно совершаетъ экспедиціи въ Монголію по порученію Академіи Наукъ. Но и на этомъ не ограничивается его роль въ мѣстной жизни. Важнѣйшимъ дѣломъ его за это время была, безъ сомнѣнія, организація Сибиряковской экспедиціи. Д. А. Клеменцъ сумѣлъ заинтересовать извѣстнаго мецената И. М. Сибирякова изученіемъ Якутскаго края. Получивъ для этой цѣли относительно крупныя средства, Д. А. Клеменцъ отправился въ Якутскъ и организовалъ большую экспедицію, къ организаціи которой привлечены были всѣ наличныя интеллигентныя силы, состоявшія изъ мѣстныхъ чиновниковъ, мѣстныхъ уроженцевъ русскихъ и якутовъ, а главнымъ образомъ—изъ лицъ, находившихся въ то время въ ссылкѣ въ Якутской области. Результатомъ Сибиряковской экспедиціи были обширныя изслѣдованія и матеріалы огромной научной важности. Труды эти касались всесторонняго изученія всѣхъ народностей Якутской области и дали въ результатѣ богатѣйшій матеріалъ по фольклору, лингвистикѣ, матеріальному быту, антропологіи чукчей, юкагировъ, тунгусовъ, якутовъ и т. д. Достаточно будетъ назвать труды Богораза, Виташевскаго, Геккера, Іонова, Іохельсона, Майнова, Пекарскаго, Ястремскаго. Богоразъ и Іохельсонъ совершили впослѣдствіи грандіозныя экспедиціи на дальній сѣверовостокъ по иниціативѣ и на средства американскихъ ученыхъ учрежденій и напечатали обширнѣйшія монографіи объ обитателяхъ нашихъ дальневосточныхъ окраинъ. Толчокъ всей этой грандіозно развернувшейся дѣятельности данъ былъ несомнѣнно Д. А. Клеменцомъ.

Вскорѣ затѣмъ Д. А. Клеменцъ вызванъ былъ академикомъ В. В. Радловымъ изъ Сибири въ Петербургъ для работъ въ академическомъ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи въ связи съ намѣченнымъ уже тогда расширеніемъ этого Музея и его дѣятельности. Вначалѣ въ должности нештатнаго хранителя Музея, затѣмъ съ 1898 г. въ штатной должности старшаго этнографа вплоть до конца 1901 г. Д. А. Клеменцъ много потрудился надъ новымъ размѣщеніемъ коллекцій Музея въ связи съ расширеніемъ его помѣщеній, надъ приведеніемъ въ порядокъ и новой системой регистраціи музейнаго матеріала, притокъ котораго къ этому времени замѣтно увеличился. Къ тому же періоду относится его Турфанская экспедиція, столь богатая результатами.

Въ началѣ 1901 г. состоялись три совѣщанія по вопросу объ устройствѣ и организаціи Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Георгія Михаиловича. Участникомъ этого совѣщанія въ числѣ прочихъ былъ Д. А. Клеменцъ, представившій особое мнѣніе, напечатанное на правахъ рукописи, по вопросу о раздѣленіи Россіи на географическія и культурно-историческія области. Въ этой обстоятельной запискѣ Д. А. Клеменцъ, между прочимъ, настойчиво защищалъ включеніе въ задачи Музея Императора Александра III изученіе этнографіи странъ сопредѣльныхъ, находящихся въ сферѣ культурнаго, экономическаго и моральнаго вліянія Россіи. Въ началѣ 1902 г. Д. А. Клеменцъ назначенъ былъ завѣдующимъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III и весь отдался организаціи этого новаго, грандіознаго по замыслу, дѣла. Поставленный во главѣ отвѣтственной задачи, онъ всегда и вездѣ сознательно отводилъ себѣ роль перваго работника въ музейномъ дѣлѣ со всей его повседневной, незамѣтной работой, роль перваго между равными участниками въ музейномъ строительствѣ, всегда настойчиво и послѣдовательно проводившаго принципъ коллегіальнаго начала. Все его вниманіе прежде всего было устремлено на выработку программы для собиранія этнографическихъ документовъ и организацію систематическихъ сборовъ музейнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи онъ также желалъ быть въ числѣ первыхъ участниковъ практической работы и, несмотря на пошатнувшееся здоровье, предпринялъ лѣтомъ 1904 г. путешествіе на Алтай, причемъ обслѣдовалъ лѣвобережный районъ Катуни и Чуйскій районъ теленгитовъ до границы съ Китаемъ. Еще раньше была имъ предпринята поѣздка за границу для изученія техники музейнаго дѣла и

осмотра лучшихъ европейскихъ музсевъ; съ этой цѣлью онъ посѣтилъ Гельсингфорсъ, Стокгольмъ, Бременъ, Гамбургъ, Цюрихъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Дрезденъ и Прагу. Съ этой же цѣлью, по настойчивому желанію Д. А. Клеменца, имѣли командировки за границу и его товарищи по работѣ въ Музеѣ. Постоянныя заботы и трудъ, несмотря на лѣтній отдыхъ и лѣченіе въ Наугеймѣ, однако, замѣтно сказывались на расшатанномъ здоровьи Д. А.: уже въ періодъ 1906—1908 годовъ трудно было узнать въ немъ прежняго Д. А. Клеменца,—настолько развившійся артеріосклерозъ, сердечныя страданія и безсонница сказались на всемъ его обликѣ. Вынужденный по разстроенному въ концъ здоровью въ началѣ 1910 г. оставить службу и любимое дѣло, онъ поселился въ Москвѣ и занялся литературной обработкой богатыхъ сырыхъ матеріаловъ, накопленныхъ имъ въ его многочисленныхъ путешествіяхъ.

8 января 1914 г. Д. А. Клеменца не стало: воспаленіе легкихъ въ нѣсколько дней свело его въ могилу. Товарищи и друзья его, знавшіе его жизнь и лично близко соприкасавшіеся съ нимъ, дали уже въ печати характеристику личности покойнаго и его оцѣнку, какъ человѣка рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, и къ этой характеристикѣ намъ нечего прибавить. Всѣ, кому приходилось сталкиваться съ Д. А. на жизненномъ пути, отъ людей съ высокимъ положеніемъ до простыхъ, неграмотныхъ людей, всѣ могли сразу оцѣнить высокій строй его души и платили ему неизмѣнной симпатіей и привязанностью.

Въ лицѣ его небольшая семья русскихъ этнографовъ утратила одного изъ лучшихъ своихъ собратьевъ, товарищи — горячо любимаго друга, русская наука — ревностнаго и искренняго служителя, культурный міръ — одного изъ трудолюбивыхъ своихъ дѣятелей. Съ Д. А. Клеменцомъ ушелъ отъ насъ, несомнѣнно, большой человѣкъ.

7 февраля 1914 г. Н. Могилянскій.

Перечень работъ Д. А. Клеменца: Древности Минусинскаго Музея. Памятники металлическихъ эпохъ. (Съ Атласомъ). Томскъ. 1886 г.—Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. С.-Петербургъ. 1892 г., I (Стр. 13 -23): Письмо Д. А. Клеменца на имя академика В. В. Радлова.—Ibid., 1895 г., II (Стр. 1—74): Археологическій дневникъ поѣздки въ среднюю Монголію. — Сибирскій Сборникъ, 1893 г. (Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію"): Новая попытка достигнуть сѣвернаго полюса. (Публичная лекція, читанная Д. А. Клеменцомъ въ Кяхтѣ 11 марта 1893 г.). Ibid.: Новѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи д-ра Нансена. — Nachrichten über die von der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft I, 1899 (Стр. 1—53): Turfan und seine Alterthümer.—Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XL. Спб. 1905 г. (Стр. 47—50): Николай Михайловичъ Мартьяновъ (Некрологъ).—Ibid. T. XLI. 1905 г. Спб. 1906 г. (Стр. 155—159): Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки на Алтай.—Этнографическое Обозрѣніе. Кн. 83, 1909 г.: О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ.—Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Т. I. Спб. 1905 г. (Стр. 256—258): Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій (Некрологъ).—Сибирскіе Вопросы. 1908 г., №№ 33—34 (Стр. 15 — 28): Новый сборникъ статей о Сибири (въ сотрудничествѣ съ А. А. Макаренко, за подписью Альтерно). — Ibid., №№ 49—52 (Стр. 7—57): Замѣтки о кочевомъ бытѣ.—Ibid., 1909 г., № 1: На текущія темы.—Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. І. С. Мельника. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1908 г. (Стр. 37—78): Населеніе Сибири.—Матеріалы по этнографіи Россіи. Т. I. Спб. 1910 г. (въ сотрудничествѣ съ М. Н. Хангаловымъ): Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ (Зегете-аба—охота на росомахъ).— Encyclopaedia of religion and ethics. Ed. by James Hastings. Vol. 3. 1910 (pp. 1—17): Buriats.—Русское Богатство, 1905 г., №№ 7 и 9: Бѣглыя замѣтки о желтой опасности. Г. Н. Потанинъ. — Г. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. Пер. съ нѣмецкаго проф. И. Н. Смирнова подъ ред., съ предисловіемъ и дополненіями Д. А. Клеменца. Спб. Книгоиздательство „Просвѣщеніе". — Перев. съ нѣмецкаго: W. Radlof. Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibiriens und Mongolei. (Aus „Vergl. Grammatik der nördlich. Türksprachen"). Lpz. 1883, pp. 29—33, gr. 8°, подъ загл.: Этнографической обзоръ тюркскихъ племенъ южной Сибири и Джунгаріи. Томскъ, 1888. Изд. П. И. Макушина.

Рис. 1.

Изба Семи Государей.

Далеко за предѣлами Мардинской волости, Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, намъ пришлось услышать, что въ селеніи Верховьѣ, принадлежащемъ къ этой волости и расположенномъ по берегамъ рѣки Мудьюги—притока Онеги, имѣется старинная курная изба, такъ называемая Изба Семи Государей. Это была лишь вторая курная изба на протяженіи пути отъ Архангельска до Кеми, вслѣдствіе чего мы, не задумываясь, уклонились отъ первоначально намѣченнаго маршрута и направились съ фотографомъ А. Н. Павловичемъ къ с. Верховью, съ цѣлью сфотографировать и детально осмотрѣть заинтересовавшую насъ постройку.

Селеніе Верховье состоитъ изъ двухъ деревень—Митенской и Ряхновской, расположенныхъ одна противъ другой по берегамъ рѣки Мудьюги, недалеко отъ ея истоковъ; отсюда, очевидно, и деревни получили въ народѣ одно общее названіе—Верховье.

Поселеніе это, какъ и вообще всѣ посѣщенныя нами сѣверныя деревни, уже потеряло свой прежній безпорядочный типъ расположенія построекъ, гдѣ не было ни плана, ни порядка. Частые пожары, быстро разрушающіяся еловыя постройки и дешевизна лѣса способствовали тому, что требованія строительныхъ правилъ почти вездѣ уже выполнены. Такъ и деревня Митенская, расположенная вдоль рѣки, приняла уже видъ поселенія, устроеннаго по плану. Длинной вереницей вытянулись избы порядками—рядами, параллельно берегу рѣки. Ближе къ рѣкѣ помѣстились амбары, а у самой воды — бани, чередующіяся, иногда, съ амбарами, построенными у нѣкоторыхъ хозяевъ на сваяхъ. Всѣ избы глазами—окнами обращены къ рѣкѣ. Рядъ избъ, ближайшій къ рѣкѣ, обычно—болѣе новой постройки, за нимъ второй рядъ—старѣе; здѣсь лицевой фасадъ избъ выходитъ также на рѣку, но на противоположной сторонѣ улицы видны лишь сараи да въѣзды на нихъ избъ перваго ряда. Во второмъ ряду, почти перпендикулярно ему, глазами — лицевой стороной на югозападъ, стоитъ заинтересовавшая насъ старинная курная изба. Владѣлецъ ея до сихъ поръ живетъ въ ней съ женой и сыномъ и, хотя новая изба уже нѣсколько лѣтъ стоитъ

почти готовая, не хочетъ разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ. „Хочется,—говоритъ,—помереть тамъ, гдѣ жили дѣды и прадѣды".

При осмотрѣ постройки, послѣдняя оказалась представляющей интересъ не только какъ единственная уцѣлѣвшая въ этомъ районѣ курная изба, но и по самому типу, характеру и древности постройки, тѣмъ болѣе, что вырѣзанная на слегѣ цифра „1765" точно указываетъ время ея основанія.

145-лѣтнее существованіе, естественно, создало ей своего рода извѣстность среди мѣстныхъ жителей, и крестьяне, гордясь своей курной избой, называютъ ее Избой Семи Государей, указывая тѣмъ на давность постройки, которая относится къ эпохѣ царствованія прежнихъ шести Государей и седьмого Государя, нынѣ царствующаго.

Рис. 2.

По наружному виду изба представляетъ высокій, длинный и просторный, крытый двухскатной крышей двухъэтажный домъ, гдѣ жилое помѣщеніе соединено въ одно органическое цѣлое съ постройками для хозяйственныхъ надобностей (рис. 1).

Составными частями всего строенія являются: 1) передъ—срубъ жилой избы, поставленный на подполье, 2) задъ—срубъ клѣти, поставленный на подклѣть,—оба соединены между собою прирубанными къ клѣти сѣнями—и 3) повѣть—срубъ сарая, вплотную примыкающій къ заднему срубу.

Вся постройка сложена изъ мощнаго сосноваго лѣса; срубъ ея отъ времени осѣлъ въ землю аршина на полтора. Жилое помѣщеніе находится только въ верхнемъ этажѣ сруба, который внизу образуетъ вполнѣ развитой нижній этажъ. Первыя бревна избы составляютъ самые нижніе вѣнцы сруба и, очевидно, положены были, какъ это и теперь иногда дѣлаютъ, непосредственно на землѣ. Бревна сруба пригнаны другъ къ другу вплотную, причемъ на нижніе вѣнцы накладывался мохъ, а на нижней сторонѣ верхнихъ бревенъ выдалбливался желобъ, пасъ—глубокая борозда, прикрывающая мохъ, благо-

даря чему верхнія бревна плотно прилегали къ нижнимъ. Перекрещивающіяся бревна по угламъ связывались такимъ образомъ, что въ нижнемъ бревнѣ была выбрана выемка, а въ верхнемъ — сдѣлана зарубка. Эта связь вѣнцовъ называется — рубить въ уголъ, въ круглую и, притомъ, въ потемокъ, въ глухарь, такъ какъ концы бревенъ выпускаются наружу и прикрываютъ самую связь. Теперь, обыкновенно, связь идетъ въ чистую, въ лапу, т.-е. концы бревенъ стесываются приблизительно на одну треть съ одной и съ другой стороны и прибиваются одно къ другому деревяннымъ гвоздемъ, что́ называется скрѣплять на коксъ. „Теперь больше строятъ на

Рис. 3.

коксáхъ, — говорятъ старики, — а то распадется. Въ потемокъ — моды нѣтъ и обшивать неудобно". Къ чисто техническимъ способамъ скрѣпленія постройки относятся также находящіяся на нижнихъ вѣнцахъ лицевого фасада (рис. 3), равно какъ и въ верхнемъ этажѣ повѣти (рис. 1), какъ бы поперечныя бревна срубовъ; это—такъ называемый зауголъ, представляющій обрубки бревенъ длиною отъ 2 до 3 аршинъ, врубленные въ длинныя бревна, какъ въ данномъ случаѣ, на лицевомъ фасадѣ, чтобы ихъ отъ времени не выпирало и не коробило, а также для скрѣпленія короткихъ бревенъ, какъ это сдѣлано при постройкѣ сарая. Свободные концы этихъ обрубковъ, и теперь внутри строенія не отпиливающихся и не обравнивающихся, производятъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго и, въ то же время, создаютъ въ сараяхъ удобные уголки, куда можно припрятать разную мелочь. Такой зауголъ виденъ и съ улицы около крыльца (рис. 2) подъ горницей. Его происхожденіе объясняется тѣмъ, что срубъ горницы нависаетъ надъ срубомъ подгорницы и, такимъ образомъ, зауголъ служитъ поддержкой вѣнцовъ сруба горницы. Перпенди-

кулярно лицевой сторонѣ избы, т.-е. со стороны фронтона, на высотѣ оканчивающагося заугола, прирубана — врублена поперечная пятая стѣна (рис. 3), отдѣляющая шомнушу—хозяйственную комнату отъ чистой половины жилой избы.

Въ курныхъ избахъ, обычно, чистая половина или совсѣмъ не отдѣлялась отъ хозяйственной (шомнуши), или прикрывалась занавѣсками, или, наконецъ, отгораживалась досчатыми перегородками, недоходящими до потолка, для того, чтобы дымъ могъ проникать за перегородку и нагрѣвать вторую половину. Въ описываемой же нами постройкѣ переборка врублена при самой постройкѣ избы, доходитъ до потолка и представляетъ, очевидно, прототипъ пятой стѣны такъ называемой двойной или пятистѣнной избы.

Рис. 4.

Всѣ неровные концы перекрещивающихся бревенъ сруба по угламъ отпилены и сравнены, исключая продольныхъ бревенъ трехъ верхнихъ вѣнцовъ, служащихъ, вмѣстѣ со слегами, слягами — тремя врубленными въ третій вѣнецъ поперечными бревнами, основаніемъ крыши. Сляги обыкновенно дѣлаются съ лапами, чтобы стѣна не ушла. Выходящіе къ фронтону концы бревенъ третьяго вѣнца отесаны и обработаны въ видѣ какого-то архитектурнаго украшенія; на одномъ изъ нихъ имѣется вырѣзанный годъ постройки избы — 1765 (рис. 4). Подкуретники — два верхнія продольныя бревна, далеко выдаваясь впередъ, служатъ главной опорой крыши. Концы ихъ обрѣзывались по параллельнымъ съ ними рѣшетинамъ, правилинамъ, поребринамъ, лежащимъ на быкахъ — стропилахъ, нижніе концы которыхъ—ноги упираются въ подкуретники, а верхніе прикрѣплены къ князьку, посомкѣ—самой верхней балкѣ избы. На рѣшетины положены доски крыши — тёсовыя съ подтёсками. Верхніе концы ихъ, очевидно, прикрывалъ шóломъ — выдолбленное и отесанное угломъ бревно, лежавшее на ребрѣ крыши жолобомъ внизъ, подъ которое и запускался тесъ. Нижніе концы досокъ укрѣплены двумя потóками—жолобами, лежащими съ каждой стороны на трехъ кокоркахъ—курицахъ, вдѣланныхъ въ верхніе вѣнцы стѣнъ и прикрѣпленныхъ къ поребринамъ. Концы курицъ отесаны и похожи на головы животныхъ.

Крыша уже осѣла, разошлась, а князекъ и остатки шóлома безпомощно свѣсились надъ щипцомъ; тѣмъ не менѣе, благодаря двухъаршинному надвѣсу, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчали, получается съ фронтона огромнѣйшій, защищающій отъ непогоды щитъ.

Надъ крышей возвышается разрушившаяся деревянная — нѣкогда рѣзная, разукрашенная—труба.

Въ девятомъ и десятомъ вѣнцахъ, какъ съ лицевой стороны избы, такъ и со стороны входа, сдѣланы проемы (4×8 в.) для волоковыхъ оконъ, причемъ съ наружной стороны бревна стесаны и оконныя рамы — шестерка вставлены въ нихъ непосредственно безъ какихъ бы то ни было косяковъ. Посединѣ, между волоковыми окнами, находится по красному окну. Рамы этихъ оконъ—девятка вставлены въ косяки, состоящіе изъ трехъ брусковъ: верхняго прогона — перекладины и двухъ боковыхъ стоекъ — косяковъ, плотно пригнанныхъ къ прорѣзанному отверстію; подоконникомъ служитъ до половины выбранное бревно девятаго вѣнца. Волоковыя окна сдѣланы и въ шомнушѣ, причемъ

одно изъ нихъ, выходящее на лицевой фасадъ, давно уже стоитъ для тепла съ забитымъ одностворчатымъ ставнемъ, представляющимъ доску на петляхъ. Этотъ ставень интересенъ, какъ единственный уцѣлѣвшій образецъ ставня волокового окна вообще, такъ какъ на остальныхъ окнахъ въ настоящее время остались лишь едва замѣтные слѣды нѣкогда врѣзанныхъ желѣзныхъ петель. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти исчезнувшіе ставни замѣнили собою другіе еще болѣе древніе, которые первоначально были внутри избы и дѣлались задвижными. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то, что внутри избы выдолбленныя около всѣхъ волоковыхъ оконъ отверстія, равныя по величинѣ самимъ окнамъ, забиты кусками широкихъ досокъ, поставленныхъ перпендикулярно бревнамъ. Все въ избѣ такъ подгнило, а отверстія такъ давно забиты, что установить подвижность бывшихъ ставней можно было бы, лишь вынувъ одинъ изъ такихъ кусковъ, на что хозяинъ избы, къ сожалѣнію, не согласился. Такого устройства окна, какъ это видно на рисункахъ Олеарія и другихъ путешественниковъ, встрѣчались въ XVIII вѣкѣ и въ самой Москвѣ.

Необходимо обратить вниманіе также и на то, что прорѣзы для волоковыхъ оконъ, равно какъ и такія же скважины — отверстія въ сараѣ, сдѣланы въ двухъ смежныхъ бревнахъ, что̀ въ настоящее время, однако, встрѣчается все рѣже и рѣже, такъ какъ, при современныхъ постройкахъ, какъ это видно и на вновь строящейся сосѣдней избѣ (рис. 3), предпочитаютъ дѣлать отверстія, выпиливая кусокъ одного бревна.

Подклѣть — нижній этажъ второго сруба по способу постройки ничѣмъ не отличается отъ вышеописаннаго; въ верхнемъ же этажѣ горница и клѣть представляютъ два несоединяющихся между собою сруба, вѣнцы которыхъ положены на подклѣть, причемъ срубъ горницы выдался впередъ и нависъ надъ подклѣтью, о чемъ говорилось выше.

Промежутокъ между переднимъ и заднимъ срубомъ задѣланъ стѣнами сѣней, съ одной стороны врубленными въ клѣть и съ другой стороны забранными въ столбы, т.-е. скрѣплены бревнами, поставленными въ стѣну стоймя и плотно пригнанными къ срубу жилой избы (рис. 2). Къ сѣнямъ примыкаетъ открытое крыльцо, состоящее изъ наружной лѣстницы и рундука—площадки, расположенной передъ входомъ въ избу и устроенной на выпускныхъ бревнахъ. Для освѣщенія сѣней въ былое время служило красное окно, нынѣ покосившееся и забитое досками; въ горницѣ же имѣется два окна, изъ которыхъ въ одномъ девятка—старинная рама замѣнена современной четверкой.

Третья составная часть постройки—сарай (повѣть) пригнанъ вплотную къ заду—къ задней части избы, причемъ верхній этажъ, собственно сарай, и тогда уже ставился на стоянахъ, а дворъ—срубъ нижняго этажа рубился совершенно самостоятельно за наружными стойками сарая. Стояны, какъ раньше, такъ и теперь, вкапываются въ землю и обкладываются камнями и гни́лой (глиной), въ верхнихъ же частяхъ ихъ дѣлаются выемы—углубленія, въ которыя и кладутся первыя бревна сруба сарая, являющіяся, въ то же время, верхнею связью стоекъ. Здѣсь, въ верхнемъ этажѣ, не видно тщательной пригонки кругляковъ другъ къ другу, нѣтъ пазовъ и незамѣтно мха. Срубъ двора, поставленный на почвѣ, сдѣланъ изъ менѣе крупнаго лѣса, но бревна пригнаны такъ же плотно, какъ и въ жильѣ.

Входъ въ жилую часть—черезъ обрушившееся крыльцо, какъ мы уже говорили, а въ хозяйственную—черезъ въѣздъ, находящійся на противоположной сторонѣ избы. Взвозъ, звозъ, въѣздъ, взъѣздъ поставленъ на расположенныхъ въ два ряда сто́ячкахъ, сверху которыхъ укрѣплены продольныя бревна, а на нихъ накатанъ круглякъ.

Внутреннее раздѣленіе нижняго этажа соотвѣтствуетъ таковому же раздѣленію верхняго, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ разсмотрѣнія прилагаемыхъ плановъ (рис. 5 и 6). Не останавливаясь здѣсь на самой планировкѣ помѣщеній, перейдемъ къ описанію ихъ.

Наружная лѣстница ведетъ въ сѣни, направо отъ которыхъ расположена жилая изба, налѣво—два раздѣленныхъ между собою проходомъ сруба клѣти и горницы. Часть сѣней, находящаяся между срубомъ клѣти и шомнуши, перегорожена досчатой перегородкой, снабженной дверью, и служитъ мѣстомъ склада испеченнаго хлѣба, колобковъ, молока и пр. Это—темный чуланъ, въ которомъ хранятся предметы первой необходимости, всегда нужные и которые должны быть подъ рукой. Онъ не запирается на замокъ, а лишь прикрывается вертлюжкомъ — деревянной защелкой, придѣланной къ деревянной ручкѣ двери. Въ сѣняхъ, надъ входною дверью и окномъ — полка, гдѣ лежатъ обломки косъ-горбушъ, гвозди, топоры и пр. Досчатый полъ сѣней укрѣпленъ на двухъ поперечно положенныхъ балкахъ. Такъ же сдѣланъ и потолокъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, настланный, когда развалившаяся крыша начала усиленно протекать, а зимнія вьюги стали заносить сѣни снѣгомъ. У стѣны, примыкающей къ жилой избѣ, придѣлана дымница—досчатая труба, выводящая дымъ наружу, а противъ трубы на стѣнѣ у горницы, на уровнѣ человѣческаго роста, между двумя поличками — планками, поставленъ рядъ старыхъ иконъ, на которыхъ лики святыхъ совершенно стерты отъ времени. Вотъ и все убранство сѣней.

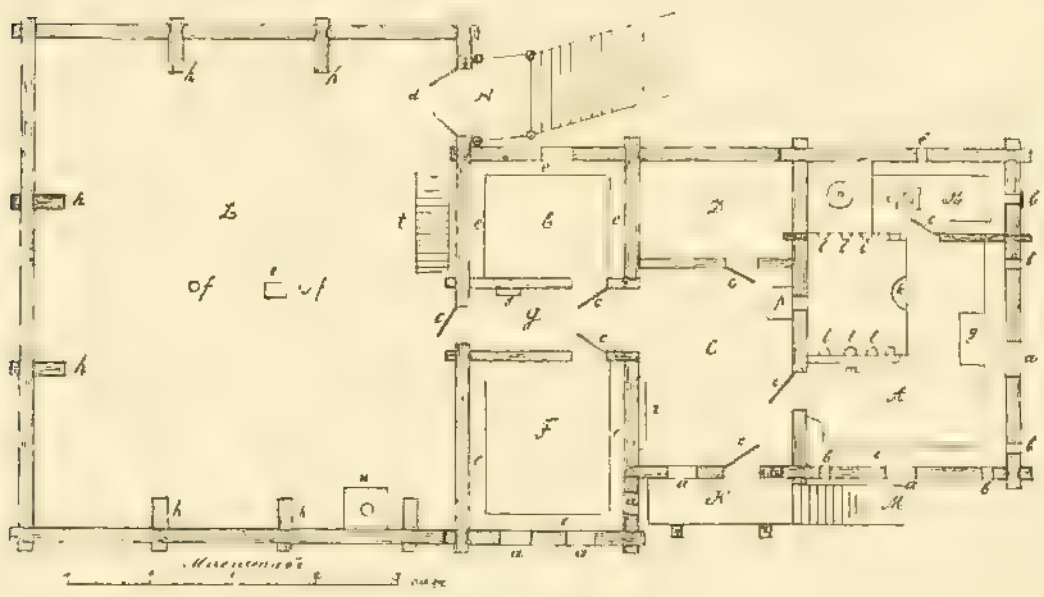


Рис. 5.

Верхній этажъ: *A*—изба; *B*—шомнуша; *C*—сѣни; *D*—чуланъ; *E*—клѣть; *F*—горница; *G*—проходъ; *K*—рундукъ; *L*—сарай; *M*—лѣстница внизъ; *N*—въѣздъ; *a*—красное окно; *b*—волоковое окно; *c*—двери; *d* ворота; *e*—лавки; *f*—столбы, поддерживающіе слеги; *g*—столъ; *h*—зауголъ; *i*—подпольница; *k*—устье печи; *l*—печурки; *m* приступъ; *n*—жернова; *p*—дымница; *r*—полички; *s* лѣстница на подволоку; *t*—лѣстница внизъ; *u*—нужникъ; *z*—отверстіе въ полу для спуска сѣна.

При входѣ въ жилое помѣщеніе, прежде всего, бросается въ глаза открывающаяся въ сѣни массивная дверь, которая составлена всего лишь изъ двухъ вертикально поставленныхъ досокъ; съ наружной стороны ея находится желѣзная защелка, а съ внутренней — ручка. Дверь прикрѣплена къ обо́дверинѣ, одве́рью косяку, поставленному на довольно толстомъ брусѣ, служащемъ порогомъ.

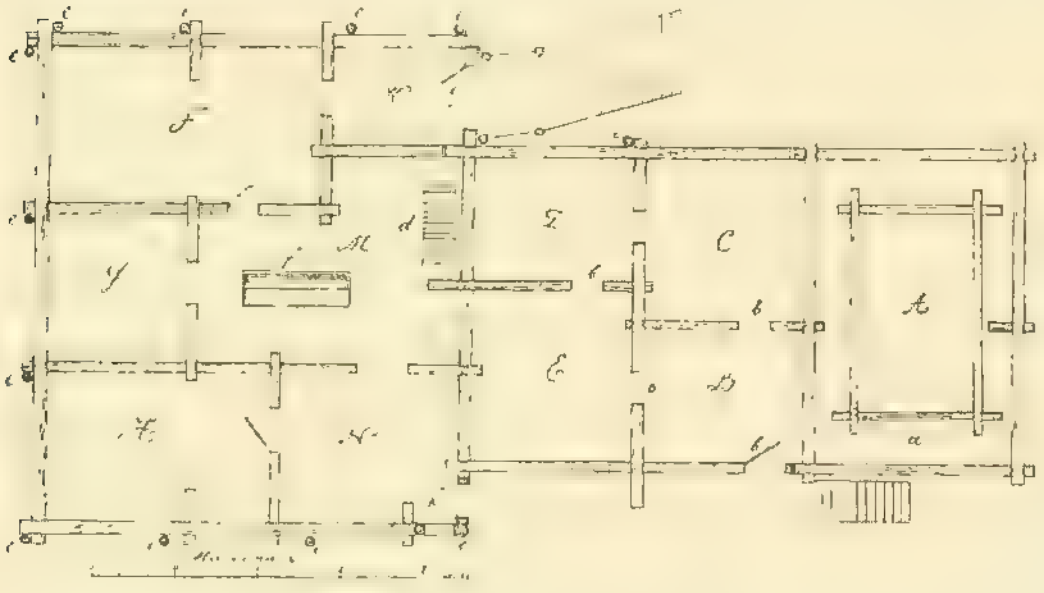


Рис. 6.

Нижній этажъ: *A*—подполье; *B* и *C*—подсѣнье; *D*—подклѣть; *E*—подгорница; *F*-*N*—дворище; *F*—телятникъ; *G* и *K* загоны для овецъ; *H*—для лошадей; *M* и *N* хлѣвы для коровъ; *a*—завалина; *b*—двери; *c*—ворота; *d*—лѣстница вверхъ; *e*—стояны; *f*—ясли.

Стѣны избы внутри обтесаны и тщательно вымыты. Такое же пріятное впечатлѣніе производитъ и полъ, настланный изъ брусьевъ въ причертъ и, притомъ, съ выте-

сомъ, т.-е. такимъ образомъ, что края одного бруса заходятъ за края другого. Брусья лежатъ на нѣсколькихъ балкахъ, почти сплошь покрытыхъ землей, насыпанной на черный мостъ, состоящій изъ рядомъ положенныхъ бревенъ. Черный мостъ служитъ потолкомъ подполья. Обратное впечатлѣніе производитъ потолокъ жилого помѣщенія, состоящій изъ лежащихъ на двухъ матицахъ-слегахъ кругляковъ, поверхъ которыхъ насыпана земля. Потолокъ весь—черный и покрытъ такимъ толстымъ слоемъ копоти, что невольно опасаешься, какъ бы на голову не посыпалась сажа. Налѣво у порога, въ дверномъ углу, виситъ на гвоздѣ мѣдный рукомойникъ, подъ которымъ на печномъ приступѣ стоитъ деревянный тасъ (тазъ). Здѣсь же въ трехъ печныхъ печуркахъ помѣщаются тряпки, мыло,

Рис. 7.

мочалки и проч., а подъ приступомъ, ближе къ порогу, сложена кучка сора; въ боковое отверстіе подпечья воткнутъ вѣникъ (рис. 7).

Далѣе идетъ печное мѣсто—печь, занимающая четвертую часть всего помѣщенія, почти вплотную прилегающая къ стѣнѣ сѣней и хайломъ обращенная къ лицевой сторонѣ избы. Кирпичный сводъ печи поставленъ на клѣтку, по угламъ которой, выходящимъ на средину избы, установлено по печному столбу. Первый изъ нихъ, находящійся ближе ко входной двери и выходящій на средину избы, укрѣпленъ наверху двумя воронцами—брусьями, идущими къ краснымъ окнамъ; одинъ упирается, такимъ образомъ, въ лицевую стѣну, а другой—въ боковую. Второй печной столбъ служитъ косякомъ двери, ведущей въ шомнушу, и укрѣпленъ наверху бревнами пятой стѣны. Клѣтка печи состоитъ изъ широкихъ съ рѣзными концами брусьевъ и образуетъ под-

печье, въ которомъ, кромѣ упомянутаго уже бокового отверстія, есть еще одно такое же, находящееся подъ шосточницей и служащее мѣстомъ склада ухватовъ, кочерги и пр. На подпечье настланы брусья, поверхъ которыхъ уложены плашмя своедѣльные необожженные кирпичи, залитые и обмазанные гнйлой (глиной), что̀ и составляетъ такъ называемый подъ печи. Сводчатая часть печи надъ подомъ носитъ названіе боровокъ, неба, а сводчатое отверстіе передней стѣнки ея, черезъ которое накладываютъ дрова и сажаютъ горшки, называется устьемъ, причемъ наружная сводчатая часть стѣны, по которой валитъ изъ неба, подымаясь къ потолку, дымъ и которая сплошь закопчена, называется челомъ. Передъ устьемъ, вдоль всей ширины печи, идетъ выступомъ верш-

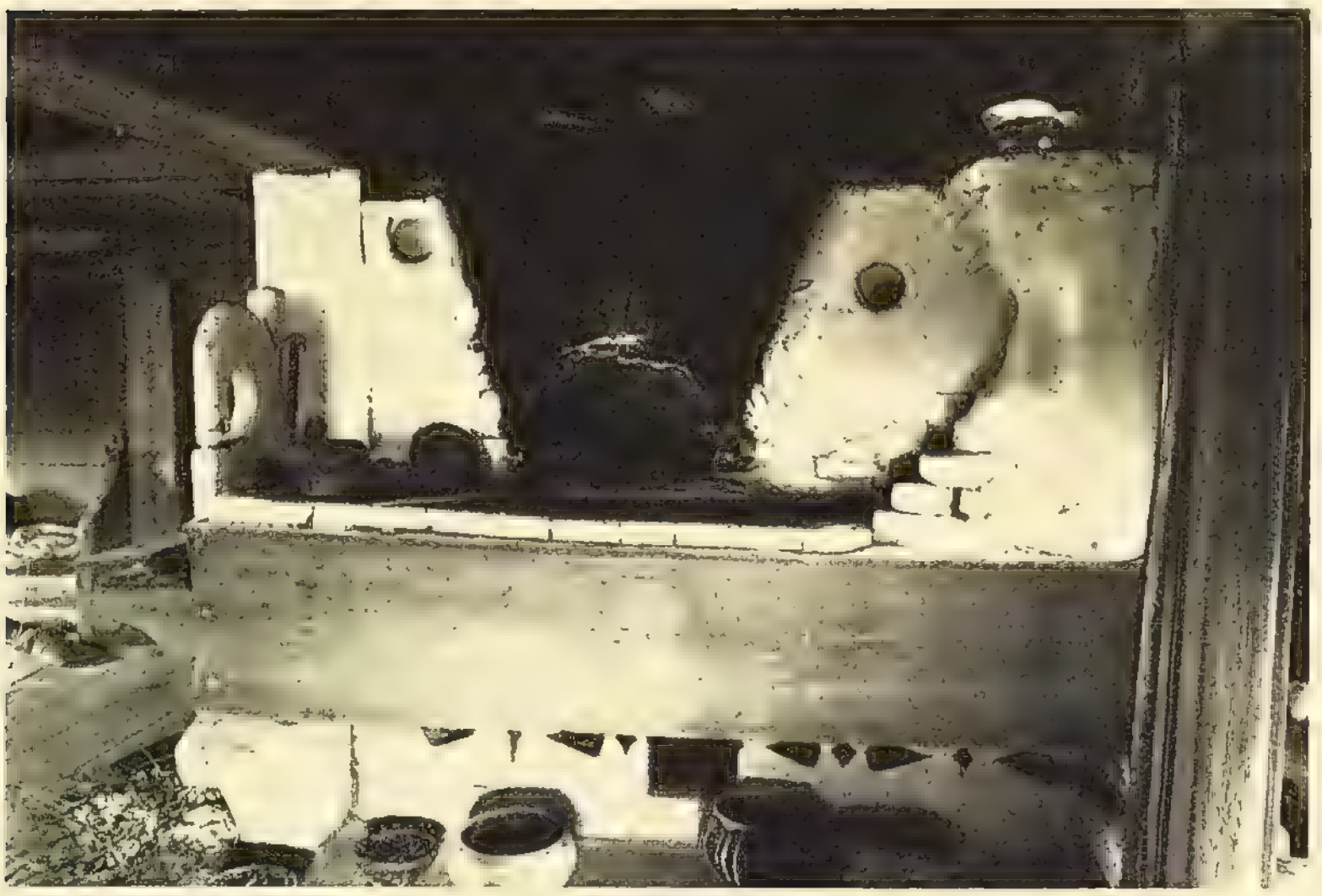


Рис. 8.

ковъ на десять шостокъ—шестокъ, служащій мѣстомъ, куда ставятся горшки. Ниже шостка спускается шосточница—широкая доска, прикрывающая съ лицевой стороны подпечье. Съ лѣвой стороны шостка стоитъ конекъ—рѣзная доска, образующая съ печнымъ столбомъ уголокъ, куда можно прислонить мутовку, не запачкавъ ею шостокъ, положить растопку и пр. Но этотъ уголокъ созданъ не только для хозяйственныхъ надобностей. Когда печь остыла, а избное тепло ушло, на шосткѣ, въ данномъ случаѣ за коника, въ иныхъ случаяхъ просто къ гвоздю, привязываютъ маленькихъ дѣтей, перепоясавъ ихъ веревочкой. Съ правой стороны шостка устроенъ жаратокъ, гдѣ на желѣзномъ крючкѣ виситъ котелокъ, а подъ нимъ въ шосткѣ сдѣлана горнушка—небольшое углубленіе, наполняемое горячими углями. Жаратокъ заключенъ между тремя стѣнками, причемъ одною изъ боковыхъ стѣнокъ его является лицевая стѣна

печи съ челомъ, заднею стѣнкой служитъ часть боковой стѣны печи, приходящаяся противъ шостка, а третья стѣнка его лежитъ на шосточницѣ. Выходящій изъ устья дымъ подымается по челу къ потолку и, разостлавшись тамъ до самыхъ воронцовъ, тянется вдоль поверхности печи по напечи къ дымоволоку (рис. 9), устроенному надъ печью, сзади нея, а оттуда выходитъ черезъ поставленную въ сѣняхъ дымницу—досчатую трубу. Дымоволокъ, весь покрытый сажей, снабженъ ставнемъ, который, чтобы не открывался, подпирается припорой, трубникомъ—палкой, лежащей около на напечи.

Присутствіе вышеупомянутаго жаратка замѣчаемъ и въ бѣлыхъ печахъ, недавно передѣланныхъ изъ курныхъ—черныхъ печей, но его нѣтъ во вновь строящихся печахъ. Съ другой стороны, при передѣлкѣ старыхъ печей никакъ не могутъ разстаться съ лѣвымъ свободнымъ угломъ на шосткѣ, и стѣна жаратка, лежащая на шосточницѣ и превратившаяся, въ большинствѣ случаевъ, въ переднюю часть кожуха или ко́мина, на сѣверѣ сплошь и рядомъ задѣлывается лишь съ одной правой стороны.

Воронецъ, идущій отъ печного столба къ лицевой сторонѣ избы, замѣняетъ собою полку, и на немъ обычно ставится то, что не боится копоти и не портится отъ нея. Второй воронецъ, упирающійся въ боковую стѣну избы, служитъ, вмѣстѣ съ перекладиной—небольшой балочкой, положенной надъ входной дверью, основаніемъ, на которое положены полатницы, грядки—доски, равныя длинѣ самой печи и которыя служили мѣстомъ отдохновенія послѣ зимней работы; теперь же на нихъ, по окончаніи топки печи, складываются обыкновенно рабочая одежда и инструменты; такимъ образомъ, потребность въ полатяхъ, какъ площади, расширявшей поверхность печи, совершенно исчезла.

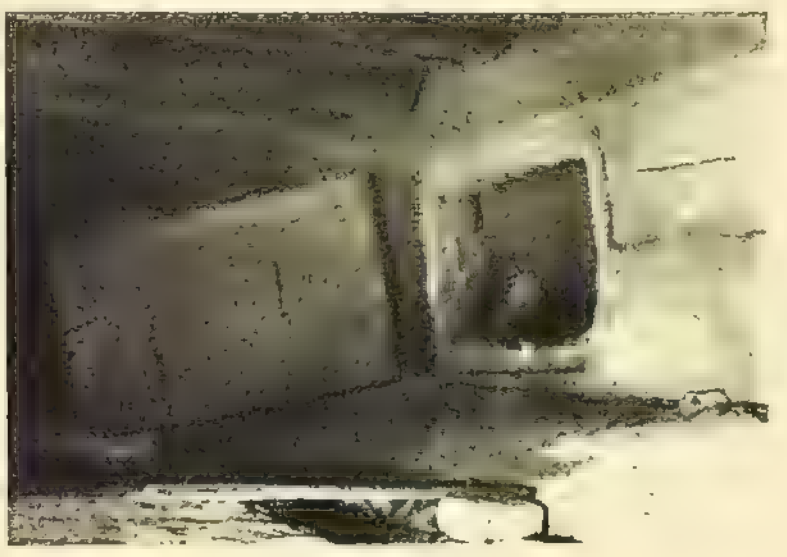


Рис. 9.

Направо отъ входа въ избу (рис. 8 и 10), начиная отъ самой двери, установлены по стѣнамъ всей комнаты неподвижныя лавки, сдѣланныя изъ вершковыхъ досокъ шириною въ аршинъ и прибитыя на высотѣ восьми вершковъ отъ пола, а наверху, на уровнѣ воронцовъ, параллельно имъ, только меньшихъ размѣровъ, тянутся надлавочники—полки. Такъ какъ дымоволокъ находится нѣсколько выше уровня полокъ, то изба является закопченной разстилающимся наверху дымомъ лишь до уровня полокъ; ниже ихъ начинается чистая половина.

Въ большомъ углу, находящемся между двумя волоковыми окнами (рис. 10), виситъ божница, имѣющая форму треугольнаго въ основаніи шкапчика, уставленнаго внутри иконами. Противъ печи, у краснаго окна лицевого фасада, помѣщенъ обѣденный столъ. У двери, прорубленной въ пятой стѣнѣ, стоитъ блюдникъ, представляющій собою въ верхней части открытый шкапикъ, куда кладутся въ наклонномъ положеніи тарелки, крынки и пр., а внизу—шкапикъ, закрывающійся двухстворчатыми дверцами. За блюдникомъ у печи—меньшо́й уголъ и дверь въ шо́мнушу, шо́вныш у—хозяйственную комнатку, гдѣ также, на протяженіи всей комнаты, наверху расположены полки, а внизу—лавки. Противъ двери шомнуши находится волоковое окно; другое же, выходящее на лицевую сторону, какъ мы уже упоминали, забито ставнемъ. Налѣво отъ двери, между печью, которая и со стороны шомнуши снабжена тремя печурками, и наружною стѣною избы, помѣщаются жернова для помола. Около нихъ валяется на полу перинникъ, который

на ночь стелется въ избѣ на полу между печью и краснымъ окномъ. Почти передъ самыми дверьми, посрединѣ шомнуши, сдѣланъ ходъ въ подклѣть, представляющій собою квадратное отверстіе, закладываемое подпольницей — крышкой, заключенной въ деревянную раму съ желѣзнымъ кольцомъ. Приподнявъ крышку люка, по приставной лѣстницѣ спускаются въ подполье, зажигая лучину. Въ подпольѣ, на разстояніи аршина отъ наружнаго основного сруба, сдѣланъ второй, внутренній срубъ, высотой около полутора аршина, а промежутокъ между ними забитъ землей, благодаря чему въ подпольѣ получается кругомъ завалина — земляная полка, на которую ставятъ крынки съ молокомъ и которая должна предохранять избу отъ зимней стужи. Подполье играетъ роль погреба.

Рис. 10.

Въ проходѣ сѣней, ведущемъ въ сарай, находятся двери въ горницу и клѣть, расположенныя одна противъ другой. Какъ въ горницѣ, такъ и въ клѣти по стѣнамъ внизу устроены лавки и наверху придѣланы полки. Единственнымъ отличіемъ въ устройствѣ этихъ двухъ помѣщеній является то, что въ горницѣ—два окна, а въ клѣти — одно. Въ горницѣ, такъ же какъ и въ клѣти, полъ и потолокъ настланы изъ пригнанныхъ другъ къ другу брусьевъ, причемъ полъ—двойной, подробное описаніе устройства котораго помѣщено въ описаніи пола жилой избы. Въ горницѣ, въ углу противъ двери, стоитъ божница съ иконами, болѣе богатыми, чѣмъ въ жилой избѣ. Семья нынѣшняго владѣльца избы—небольшая и вся помѣщается въ жилой избѣ, вслѣдствіе чего горница является не жилой комнатой, а лишь мѣстомъ склада домашнихъ вещей. Здѣсь на полу стоятъ сундучки съ остатками приданаго; здѣсь же хранится праздничная одежда и, вообще, все богатство семьи. Въ клѣти помѣщаются запасы муки, топленое масло въ крынкахъ и пр.

Въ сѣняхъ, около двери въ клѣть, стоитъ приставная лѣстница, по которой, черезъ квадратное отверстіе, попадаютъ на подволоку—чердакъ, гдѣ на длинныхъ грядкахъ—

шестахъ висятъ вѣники — запасъ на зиму; на такихъ же грядкахъ развѣшана зимняя одежда и старые, уже негодные къ употребленію, остатки ея. На полу чердака въ безпорядкѣ валяются старыя поломанныя прялки, зыбка, турачки отъ красны и пр.

Сарай (повѣть) отдѣляется отъ сѣней дверью, сколоченною небрежно, на скорую руку, и, для того чтобы войти въ него, надо подняться на двѣ ступеньки. При входѣ въ сарай, налѣво, у наружной стѣны, досками отгорожено (2 × 2½ арш.) помѣщеніе съ лавкой, въ которой прорѣзано круглое отверстіе. Это — нужникъ, сообщающійся непосредственно съ хлѣвами. Полъ въ сараѣ настланъ изъ плохо прилаженныхъ, ходуномъ ходящихъ, отесанныхъ кругляковъ. Посрединѣ сарая—два столба, поддерживающіе поперечныя слеги. Потолка въ сараѣ нѣтъ; часть его замѣняютъ лежащія на слегахъ запасныя доски, кокорки, грядки, изъ которыхъ иныя лежатъ десятки лѣтъ, другія попали туда на-дняхъ; онѣ-то и создаютъ подволоку — чердакъ сарая, на который можно попасть по приставной лѣстницѣ. Тамъ лежатъ вилы, грабли, рыболовныя снасти и пр. Между столбами, поддерживающими слеги, въ полу сдѣлано аршинное отверстіе, черезъ которое прямо въ ясли бросаютъ сѣно. Направо отъ входа въ сарай отгороженная перилами лѣстница ведетъ во дворъ, а немного далѣе—запирающіяся на засовъ ворота на въѣздъ. Въ ближайшемъ къ воротамъ углу свалено сѣно, а далѣе—обычная картина сѣвернаго сарая: видна цѣлая серія саней, большихъ и малыхъ, легкихъ и тяжелыхъ; тутъ же и соха. За слегами торчатъ косы-горбуши, топоры и пр. На бревнахъ заугола висятъ дуги и веревки, въ углахъ же стоятъ, прислоненные къ стѣнамъ, хомуты и валяется всякая мелочь.

Закончивъ этимъ описаніе верхняго этажа, скажемъ еще нѣсколько словъ о нижнемъ этажѣ.

Находящіяся подъ рундукомъ крыльца двери (рис. 2 и 5) ведутъ въ первую половину подсѣнья, заваленную поломанными и пришедшими въ негодность предметами домашняго обихода; вторая, задняя, половина оказалась пустующей, такъ какъ врубленныя перегородки завалились и грозятъ паденіемъ. Налѣво отъ подсѣнья идетъ подгорница или подклѣть, сообщающаяся съ нимъ двумя ходами, а направо — подполье, сообщающееся лишь съ жилой избой. Къ подгорницѣ примыкаетъ огромный дворъ съ двумя наружными ходами къ скоту: одинъ—около крыльца подъ горницей, другой—съ противоположной стороны избы, подъ взъѣздомъ. Весь дворъ продольными и поперечными перегородками раздѣленъ на сообщающіяся между собою части—хлѣва. Послѣдніе—безъ половъ и довольно грязны, хотя навозъ, по мѣрѣ накопленія, выбрасывается черезъ скважины — небольшія отверстія, служащія и для освѣщенія и прикрывающіяся доской. Посрединѣ двора, противъ отверстія въ полу сарая, устроены ясли.

Таково устройство видѣнной нами курной избы 1765 года, представляющей типичное, вытянувшееся въ длину, жилище великороссовъ сѣверной полосы Россіи.

Л. Костиковъ.

Бортничество въ Бѣлоруссіи.

Южная часть Минской губерніи, расположенная въ бассейнѣ рѣки Припети, по обилію лѣсовъ входитъ въ составъ такъ называемаго Полѣсья. Огромная площадь, извѣстная подъ этимъ названіемъ, охватываетъ Пинскій, Мозырскій, Рѣчицкій, Бобруйскій, частью Игуменскій и Слуцкій уѣзды Минской губерніи, сѣверозападную часть Волынской и бо́льшую половину Гродненской, съ извѣстной Бѣловѣжской пущей. Почти горизонтальная поверхность Полѣсья, съ незначительнымъ склономъ къ юговостоку, представляетъ плоскую низменность, прорѣзанную лишь изрѣдка невысокими песчаными холмами. Обиліе влаги и мягкій умѣренный климатъ являются благопріятными условіями для развитія здѣсь богатой и разнообразной растительности. Полѣсье почти сплошь покрыто огромными лиственными и хвойными лѣсами, разнообразными видами болотъ, начиная отъ моховыхъ топей вплоть до кочковатыхъ низинъ, поросшихъ жесткой осокой, и прекрасныхъ заливныхъ луговъ, расположенныхъ по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ, рѣчекъ и небольшихъ озеръ.

За исключеніемъ волынскаго Полѣсья, гдѣ попадаются суглинки, въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ (Минская и Гродненская губерніи) въ большинствѣ случаевъ почва—песчаная, мало пригодная для земледѣлія. Хлѣбъ, особенно озимый, родится крайне плохо. Его недостаетъ на собственныя надобности мѣстныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ даже до декабря. Лучшіе урожаи даютъ яровые посѣвы: просо и гречиха. Но главнѣйшимъ пищевымъ продуктомъ бѣлоруссовъ-полѣшуковъ является картофель, который на удобренной навозомъ песчаной почвѣ родится довольно хорошо и содержитъ въ себѣ большой процентъ крахмала. Во всякомъ случаѣ, несмотря на большія затраты труда на обработку пашни, скудные урожаи хлѣба вынуждаютъ мѣстныхъ жителей разными промыслами снискивать средства къ существованію. Къ такимъ промысламъ относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, птицеводство, собираніе грибовъ и ягодъ, заготовленіе, вывозъ и сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ, сидка смолы и дегтя, бортничество, заготовка еловой, дубовой и ивовой коры для дубленія кожъ, липоваго и лозоваго луба и лыкъ для выдѣлки рогожъ, корзинъ, лаптей, веревокъ и другихъ предметовъ домашняго и хозяйственнаго обихода.

Однимъ изъ старѣйшихъ промысловъ, безъ сомнѣнія, является бортничество, которое до послѣдняго времени производится въ Полѣсьѣ посредствомъ довольно примитивныхъ орудій домашняго изготовленія и тѣми пріемами, какіе перешли отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Новѣйшіе способы раціональнаго пчеловодства мало распространяются среди полѣшуковъ, которые очень неохотно принимаютъ какія бы то ни было новшества. Кромѣ того, на пріоб-

рѣтеніе или изготовленіе усовершенствованныхъ орудій требуется извѣстная затрата денегъ или умѣнье и практическій навыкъ въ обращеніи съ этими орудіями. Образцовыхъ пасѣкъ, насколько мнѣ извѣстно, въ Полѣсьѣ среди крестьянъ не существуетъ, и полѣшуки продолжаютъ разводить пчелъ въ дуплахъ деревьевъ, какъ это дѣлали предки ихъ во времена начальной лѣтописи, или, въ лучшемъ случаѣ, изготовляютъ ульи-колоды, поднимаютъ ихъ въ лѣсу на деревья и устанавливаютъ на сучьяхъ или на особо устроенныхъ „полатяхъ“. Это, такъ сказать, искусственныя борти, въ которыя входятъ „шатущіе“ рои домашнихъ или дикихъ пчелъ.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мною сдѣлана попытка описать тѣ пріемы и орудія, къ какимъ прибѣгаютъ бѣлоруссы-полѣшуки при разведеніи дикихъ и домашнихъ пчелъ, и прослѣдить, какъ эти пріемы и орудія постепенно развивались и совершенствовались. Матеріаломъ для описанія послужили замѣтки, сдѣланныя мною во время многолѣтняго пребыванія въ Полѣсьѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и при этнографическихъ экскурсіяхъ по порученію Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ 1906—1910 гг. Большинство фотографій и всѣ рисунки и чертежи сдѣланы мною съ натуры.

рис. 1.

Дикій медъ.

По свидѣтельству многихъ писателей, „дикій медъ“, т.-е. медъ шмелей и дикихъ пчелъ, былъ извѣстенъ въ самой глубокой древности почти у всѣхъ народовъ земного шара. Легенды, повѣрья, сказанія и разсказы полуязыческаго, полухристіанскаго характера указываютъ, что человѣчество давно научилось добывать медъ, не примѣняя прежде никакихъ мѣръ по части ухода за медоносными насѣкомыми. По Ратцелю, „всего проще заставить работать на себя природу, если заботиться лишь о томъ, чтобы не мѣшать ей. Дикіе пчелиные ульи часто опоражниваются съ такой правильностью, что это даетъ начало первобытному пчеловодству. Человѣкъ позволяетъ другимъ животнымъ собирать запасы, чтобы потомъ отнять ихъ у нихъ“ [1]). По словамъ лѣтописца, древляне платили дань кіевскимъ князьямъ, между прочимъ, медомъ и воскомъ. Медъ и воскъ въ натуральномъ видѣ служили предметами какъ внутренней торговли, такъ и экспорта. Древляне добывали медъ и воскъ изъ бортей, которыхъ въ то время было много по огромнымъ лѣсамъ древлянской земли.

Сладкій душистый медъ является самымъ лакомымъ кушаньемъ не однихъ только бѣлоруссовъ. Онъ у многихъ народовъ служитъ символомъ дружбы, довольствія и сладости счастливой жизни. Обыкновенно медомъ въ томъ или иномъ видѣ угощаютъ близкихъ родственниковъ и самыхъ дорогихъ или почетныхъ гостей. Медъ дарятъ въ знакъ любви и добраго пожеланія. Медъ и воскъ употребляются въ свадебномъ ритуалѣ: обыкновенно зажигаютъ восковыя свѣчи, а медомъ угощаютъ новобрачныхъ при встрѣчѣ ихъ и пріемѣ въ домъ. По народному обычаю, даже врагъ, принявшій угощеніе медомъ, забываетъ вражду и становится доброжелателемъ. Какъ самый медъ, такъ равно изготовленныя съ нимъ кушанья приносятъ въ даръ роженицамъ. Сваренный изъ меда напитокъ—традиціонное питье древнихъ славянъ. И теперь, какъ пережитокъ старины, медъ-напитокъ

[1]) Ратцель, Ф. Народовѣдѣніе. Спб. 1900, т. I, стр. 87.

изготовляется въ Бѣлоруссіи во время храмовыхъ праздниковъ. Общественное изготовленіе этого напитка является отголоскомъ старинныхъ славянскихъ пировъ, на которыхъ выпивалось много меду. Медъ входитъ въ любимыя народныя кушанья, какъ „куця́“—кутья или сочиво, кисель, „сыта̀“—подслащенный медомъ перетертый макъ, „узва̀ръ“—сваренные съ медомъ сушеные фрукты и ягоды и т. д. Медъ употребляется во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни. При погребеніи и въ дни поминовенія усопшихъ непремѣнно изготовляются такія кушанья, въ которыя медъ входитъ составною частью. Въ народной медицинѣ медъ вообще, а особенно шмелиный, считается цѣлебнымъ средствомъ и употребляется при самыхъ разнообразныхъ болѣзняхъ. По повѣрію бѣлоруссовъ, смѣшанныя съ медомъ даже ядовитыя вещества теряютъ свои дурныя свойства и могутъ быть приняты внутрь безъ вреда для организма. Какъ говоритъ докторъ И. Любарскій, „медъ въ высшей степени питателенъ и удобоваримъ, такъ какъ усвояется почти цѣликомъ (курсивъ автора). Употребляемый въ видѣ пищи, онъ замѣтно оживляетъ тѣло, потому что поглощается въ разжиженномъ видѣ шариками нашей крови, безъ обремененія ихъ неусвояемыми остатками; это придаетъ крови извѣстную энергію, которая придаетъ всему организму мускульную крѣпость, тѣлу—легкость и гибкость въ движеніяхъ, освѣжаетъ нервы, поднимаетъ духъ, расширяетъ горизонтъ мысли и даетъ спокойный сонъ“ [1]). Такія свойства меда давно подмѣчены народомъ. Въ старину не только считали медъ продуктомъ въ высокой степени питательнымъ, цѣлебнымъ, но и приписывали ему свойство продолжить жизнь каждаго человѣка. Бѣлоруссы и теперь говорятъ, что посредствомъ употребленія въ пищу большого количества меду можно надолго сохранить молодость и здоровье и продолжить свою жизнь. Кромѣ меда, какъ извѣстно, воскъ находитъ большое примѣненіе въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ и идетъ на изготовленіе какъ церковныхъ свѣчей, такъ и свѣчей-амулетовъ, которыя употребляются для огражденія отъ вѣдьмъ и нечистой силы.

Рис. 2.

Такое значеніе меда и воска въ жизни человѣка побудило его изыскивать способы къ возможно успѣшному добыванію столь благодѣтельныхъ продуктовъ. И замѣчательно, что разные народы по всему земному шару, начиная съ глубокой древности, научились добывать дикій медъ и употреблять его какъ въ пищу, такъ и для иныхъ надобностей.

Обиліе въ Бѣлоруссіи лѣсовъ, естественныхъ луговъ и огромныхъ пространствъ, сплошь покрытыхъ разнообразными цвѣтами, а особенно верескомъ, является благопріят-

[1]) Любарскій, И., д-ръ. Цѣлебныя свойства меда, стр. 3. (Спб., изд. Русск. О-ва Пчеловодства, не ранѣе 1908 г.).

нымъ условіемъ для развитія здѣсь дикаго бортничества. Дѣйствительно, бортничество въ своемъ первобытномъ видѣ—одинъ изъ старѣйшихъ промысловъ славянскихъ племенъ, населявшихъ означенный край съ доисторическихъ временъ. До послѣдняго времени въ глухихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и даже Литвы пріемы добыванія меда сохранились въ такомъ первобытномъ видѣ, что по нимъ можно прослѣдить эволюцію современнаго бортничества, которое, впрочемъ, здѣсь мало чѣмъ отличается отъ своего прототипа—хищническаго роебойнаго промысла.

Изъ медоносныхъ насѣкомыхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ водятся чмелі—шмели *(Bombus)* и пчелы *(Apis)*. Здѣсь различаютъ три вида шмелей. Земляные шмели *(Bombus terrestris)*—чернаго цвѣта; три послѣдніе сегмента брюшка—съ бѣлыми волосками; передняя часть груди и перевязки на второмъ брюшномъ кольцѣ—съ желтыми волосками; устраиваютъ свои гнѣзда въ землѣ. Черные шмели *(Bombus lapidarius)*—почти сплошь чернаго цвѣта, съ ярко-красными тремя задними сегментами брюшка; у самцовъ голова и грудь—съ желтыми волосками; строятъ гнѣзда тоже въ землѣ и между камнями. Моховые или надземные шмели *(Bombus muscorum)*—желтокоричневаго цвѣта, гнѣздятся подъ мхомъ и травой въ небольшихъ кочкахъ [1]). Шмели живутъ небольшими семьями и устраиваютъ неправильныя овальныя ячейки, образованныя изъ грубаго бураго или красноватаго воска. Обыкновенно только первыя ячейки гнѣзда строятся изъ воска; въ качествѣ дальнѣйшихъ ячеекъ служатъ пустые коконы куколокъ; тѣ и другіе наполняются хотя и грубымъ, но очень душистымъ медомъ и цвѣточной пылью [2]). Шмели первыхъ двухъ видовъ иногда запасаютъ довольно много меда. Моховые или надземные шмели хотя собираютъ незначительное количество меда, но зато онъ отличается очень пріятнымъ вкусомъ и нѣжнымъ ароматомъ. Шмелиный медъ является большимъ лакомствомъ и употребляется бѣлоруссами какъ цѣлебное средство при многихъ болѣзняхъ. Изъ шмелинаго воска дѣлаютъ свѣчи, которыя употребляются знахарями при различныхъ пріемахъ колдовства. Хотя бѣлоруссы усердно отыскиваютъ шмелиныя гнѣзда и собираютъ иногда значительное количество меда, но польза человѣку отъ шмелей во всякомъ случаѣ не велика, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ этотъ медъ поѣдается на мѣстѣ. Кромѣ того, отыскиваніе шмелиныхъ гнѣздъ и добываніе изъ нихъ сотовъ, особенно земляныхъ шмелей, сопряжено съ большими трудностями при ничтожной сравнительно взяткѣ. Приручить шмелей, какъ извѣстно, человѣку не удалось до послѣдняго времени. Какъ бы то ни было, но человѣкъ уже очень давно научился лакомиться медомъ шмелей и пчелъ.

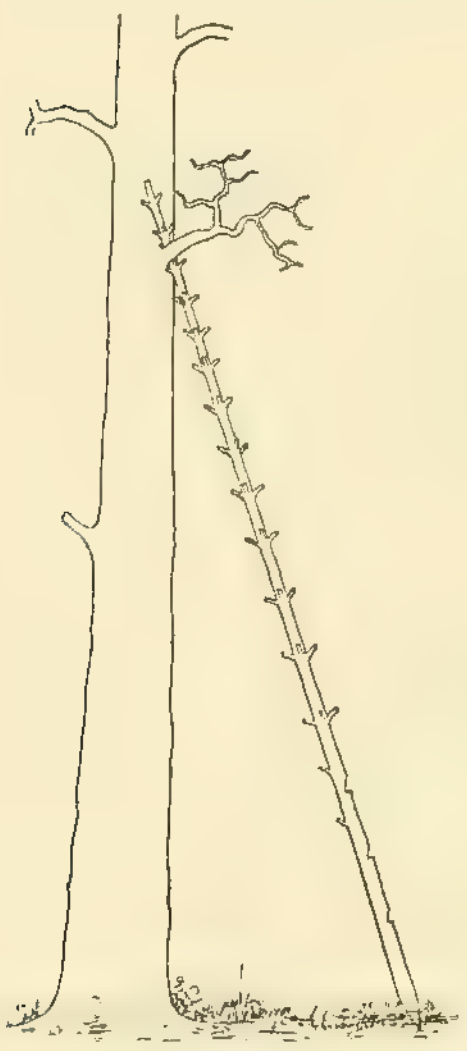


Рис. 3.

Въ Бѣлоруссіи существуетъ повѣрье, что пчелы появились изъ головы льва, тогда какъ шмели каждую весну выходятъ изъ ноздрей медвѣдей. Большой темнобурый медвѣдь, по словамъ полѣшуковъ, производитъ темныхъ земляныхъ шмелей, тогда какъ маленькій свѣтлобурый медвѣдь, такъ называемый медвѣдь-муравейникъ, который поѣдаетъ муравьевъ, является производителемъ желтыхъ слабыхъ шмелей, живущихъ въ кочкахъ.

[1]) Римскій-Корсаковъ, М. Шмели (Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр., т. XXXIX, стр. 727).
[2]) Ibid., стр. 726.

1136731

Поэтому, шмели почитаются мѣстными насѣкомыми, тогда какъ дикія и домашнія пчелы—иностранными, заморскими. Въ библейскомъ сказаніи о Сампсонѣ, какъ извѣстно, имѣется указаніе на подобную легенду о происхожденіи пчелъ. Существуетъ много бѣлорусскихъ сказокъ, въ которыхъ разсказывается о переселеніи пчелъ въ этотъ край изъ чужихъ далекихъ заморскихъ странъ. Такое происхожденіе означенныхъ медоносныхъ насѣкомыхъ, по словамъ бѣлоруссовъ, подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что медвѣди съ такимъ ожесточеніемъ нападаютъ на пчелъ, какъ происшедшихъ отъ соперника по силѣ—льва. Впрочемъ, медвѣди охотно лакомятся и шмелинымъ медомъ.

Мѣстные бортники говорятъ, что дикія пчелы отличаются отъ домашнихъ нѣсколько меньшей величиной и болѣе темной окраской тѣла.

Такое утвержденіе основано на поверхностномъ наблюденіи и не заслуживаетъ довѣрія. Дѣйствительно, въ Сѣверо-Западномъ краѣ распространены два вида какъ дикихъ, такъ равно домашнихъ пчелъ: сѣверная пчела *(Apis mellifica in sp.)* и итальянская *(Apis ligustica)*. Работницы-пчелы перваго вида имѣютъ болѣе темную окраску грудной части тѣла и кончика брюшка, чѣмъ пчелы другого вида. Можетъ-быть, вслѣдствіе темной окраски первыя кажутся отчасти меньшими, на самомъ же дѣлѣ онѣ—одинаковой величины. Нѣкоторые пчелиные рои устраиваютъ соты всегда параллельно продольнымъ стѣнкамъ борти, т.-е. въ вертикальномъ положеніи въ дуплахъ деревьевъ, и не измѣняютъ такого направленія по отношенію къ борти даже въ томъ случаѣ, когда она устанавливается наклонно или почти горизонтально. Между тѣмъ, другой видъ пчелъ неизмѣнно, при возведеніи сотовъ, придерживается плоскости, перпендикулярной продольнымъ стѣнкамъ борти.

Рис. 4.

Такими особенностями въ положеніи возводимыхъ сотовъ отличаются тѣ или иныя—какъ дикія, такъ равно и домашнія—пчелы. Пойманный въ лѣсу дикій рой, будучи помѣщенъ въ ульѣ на пасѣкѣ, ничѣмъ не отличается отъ роя домашнихъ пчелъ. Такое приручені дикихъ пчелъ совершается въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и на Волыни даже въ наше время. Съ другой стороны, рои домашнихъ пчелъ улетаютъ въ лѣса и поселяются тамъ въ дуплахъ деревьевъ. Проживая по лѣсамъ, такіе рои пчелъ считаются уже дикими. Словомъ, между дикими и домашними пчелами нѣтъ никакой существенной разницы, изъ чего можно заключить, что послѣднія произошли отъ первыхъ. Особенности въ окраскѣ пчелъ и въ томъ, какъ онѣ возводятъ соты, отчасти указываютъ на то, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣются два вида этихъ насѣкомыхъ, живущихъ въ лѣсныхъ бортяхъ и въ ульяхъ на пасѣкахъ. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ научныхъ данныхъ, основанныхъ на анатомическомъ строеніи и подробномъ изученіи жизни мѣстныхъ пчелъ; поэтому, для рѣшенія вопроса о томъ, къ одному или къ двумъ разнымъ видамъ относятся дикія и домашнія пчелы, распространенныя въ Бѣлоруссіи, отсылаю читателя къ спеціалистамъ-зоологамъ.

Бѣлоруссы, со своей стороны, строго различаютъ дикихъ и домашнихъ пчелъ. Первыхъ называютъ „слѣпатомъ“, а вторыхъ—пчелами. Какъ тѣ, такъ и другія, независимо отъ того, живутъ ли въ лѣсныхъ бортяхъ или въ ульяхъ на пасѣкахъ, относятся къ двумъ видамъ пчелъ, а именно: сѣверныя пчелы *(Apis mellifica in sp.)* и итальянскія *(Apis ligustica)*.

Слѣпатъ—дикія пчелы, отъ которыхъ произошли домашнія, еще и въ настоящее время довольно часто попадаются по лѣсамъ Полѣсья и даже Литвы въ дуплахъ деревьевъ.

Еще въ недалекомъ прошломъ, какъ разсказываютъ старики, въ огромныхъ, почти дѣвственныхъ лѣсахъ Полѣсья было такое множество дикихъ пчелъ, что отыскиваніе ихъ не представляло никакой трудности; полѣшуки безжалостно разоряли борти, отнимая весь медъ и воскъ, и тѣмъ уничтожали пчелиный рой. Благодаря такому хищническому роебойному пріему добыванія сотовъ и вслѣдствіе постепеннаго уничтоженія лѣсовъ, дикія пчелы попадаются все рѣже и рѣже. Уже недалеко то время, когда онѣ и въ Полѣсьѣ будутъ истреблены окончательно.

Лѣтъ 25—30 тому назадъ, когда землевладѣльцы въ Полѣсьѣ не обращали почти никакого вниманія на свои огромные лѣса и когда самое разграниченіе полѣсскихъ земель устанавливалось лишь по названіямъ „живыхъ", т.-е. не утратившихъ еще своихъ народныхъ названій, урочищъ, мѣстные крестьяне пользовались лѣсами, какъ своей собственностью. Съ давнихъ поръ полѣшуки, по тѣмъ или инымъ причинамъ, забирались въ глухіе лѣса куда-либо за непроходимыя болота и основывали тамъ новыя поселенія. Иногда только спустя долгое время помѣщики узнавали о такихъ поселеніяхъ и обращали новоселовъ въ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ. Крестьяне одного помѣщика забирались во владѣнія другого, разрабатывали тамъ земли подъ пашню и сѣнокосъ, отыскивали и разоряли пчелиныя борти, ловили рыбу, охотились на звѣрей и т. п. Словомъ, по народному воззрѣнію прежняго времени, лѣса и подлѣсныя земли являлись общей собственностью. Чтобы обратить эту общую собственность въ частную, требовалось затратить такъ или иначе извѣстное количество труда или наложить на предметъ знакъ частной собственности. Условные знаки частной собственности дѣлаютъ на самыхъ разнообразныхъ такъ называемыхъ безхозяйственныхъ предметахъ: окажется гдѣ-либо подходящее мѣсто для сѣнокоса—бѣлоруссъ тотчасъ же вбиваетъ въ землю вѣшку и обвязываетъ ее пучкомъ травы. Съ того момента намѣченная лужайка становится частной собственностью, и уже здѣсь никто не имѣетъ права ни косить, ни скотомъ портить траву. Особенно часто подобные знаки собственности и въ настоящее время дѣлаются въ общественныхъ лѣсахъ на тѣхъ деревьяхъ, въ которыхъ найдены пчелиныя борти или которыя намѣчаются для какихъ-либо надобностей того или иного крестьянина. По старинному народному обычаю, никто не имѣетъ права трогать тотъ предметъ, на которомъ уже имѣется знакъ собственности. Этотъ обычай строго соблюдается, всякое же нарушеніе влечетъ за собою строгое наказаніе виновнаго. Помимо возмѣщенія убытковъ, виновный подвергается позорному названію з л о́ д з е я—вора. Но изъ всѣхъ нарушеній частной собственности самымъ позорнымъ считается посягательство на лѣсныя пчелиныя борти, на которыхъ уже имѣются условные знаки. П ч а л а д з ёр ъ, т.-е. воръ чужихъ пчелиныхъ сотовъ изъ бортей—самое

Рис. 5.

позорное бранное названіе. Такое названіе даютъ только самымъ неисправимымъ преступникамъ, для которыхъ уже нѣтъ ничего святого.

Обыкновенно въ прежнее время полѣшуки, не обращая вниманія, кому принадлежатъ лѣса, свободно разгуливали въ нихъ и отыскивали пчелиныя борти. Дикія пчелы въ большинствѣ случаевъ помѣщаются въ готовыхъ дуплахъ, продѣланныхъ въ деревьяхъ птицами или лѣсными четвероногими животными. Полѣшуки отыскиваютъ дуплистыя деревья, на которыхъ растутъ древесные грибы, и, постукивая въ стволъ обухомъ топора, прислушиваются къ жужжанію пчелъ. Когда по жужжанію или по другимъ признакамъ замѣтятъ присутствіе въ деревѣ пчелиной борти, то прорубаютъ на стволѣ свой условный знакъ собственности, дѣлаютъ по пути на деревьяхъ замѣтки, чтобы впослѣдствіи легче отыскать пчелиную борть, и оставляютъ пчелъ до тѣхъ поръ, пока онѣ заготовятъ значительные запасы сотовъ. Затѣмъ, въ началѣ осени, обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ, бортники, захвативъ съ собою посуду и необходимыя орудія, опять отправляются въ лѣсъ за добываніемъ сотовъ. Отыскавъ по намѣченнымъ признакамъ пчелиную борть, прежде всего, взвѣшиваютъ всѣ обстоятельства и соображаютъ, какъ удобнѣе добраться до пчелъ. Когда борть помѣщается очень высоко и стволъ дерева—толстый и гладкій, то влазятъ на него посредствомъ „лі͡эзива“ (рис. 1 и 2) или „астрòги“ (рис. 3). Когда же поблизости стоитъ тонкое высокое дерево, достигающее вершиной до сучьевъ ствола съ пчелиной бортью, то взбираются по этому дереву вверхъ, перелазятъ по сучьямъ на другое дерево и тамъ прикрѣпляютъ легкое „лі͡эзиво“, посредствомъ котораго уже свободно то опускаются, то поднимаются вверхъ сами и поднимаютъ необходимую посуду и разныя орудія. Иногда сосѣднее дерево срубаютъ такъ, чтобы оно повисло на сучьяхъ возлѣ борти, и по его стволу влазятъ на толстое дерево. Только въ крайнемъ случаѣ, когда нѣтъ никакой возможности добраться до борти, срубаютъ дерево, прорубаютъ борть и добываютъ соты. При этомъ, конечно, пчелы погибаютъ. Впрочемъ, иногда такъ удачно срубаютъ дерево, направляя его на другое, что оно постепенно склоняется въ сторону и падаетъ на землю безъ большого сотрясенія. Въ такихъ случаяхъ отъ ствола отпиливаютъ часть съ пчелиною бортью и перевозятъ ее на пасѣку. Добравшись до борти въ растущемъ деревѣ, прежде всего, затыкаютъ летокъ, чтобы избѣжать нападенія пчелъ; затѣмъ, посредствомъ бурава, тонкой пилы и долота, продѣлываютъ въ борти продолговатое отверстіе, черезъ которое вырѣзываютъ соты, не трогая вверху самаго пчелинаго гнѣзда. Захвативъ добычу, должею—отверстіе въ борти забиваютъ деревяшкой и покрываютъ ее берестой или дощечкой, чтобы защитить пчелъ отъ зимняго холода. Такія борти уже очень напоминаютъ обыкновенные ульи-колоды, въ которыхъ помѣщаются домашнія пчелы. На рис. 4 можно видѣть фотографическое изображеніе подобной борти, найденной въ толстой липѣ въ окрестностяхъ м. Столина, Пинскаго у., Минской губерніи. Пчелы живутъ въ этой борти уже около 10 лѣтъ и ежегодно приносятъ хозяину большое количество сотовъ.

Рис. 6.

Но такъ какъ готовыя дупла въ деревьяхъ рѣдко оказываются удобными для пчелинаго роя, то полѣшуки давно научились заготовлять по лѣсамъ искусственныя борти, дѣлая въ нихъ летокъ и должею для вырѣзыванія сотовъ. Рои дикихъ пчелъ охотно входятъ въ искусственныя борти и принимаются за изготовленіе сотовъ, не затрачивая даромъ труда на приспособленія и очистку дупла.

Изготовленіе подобныхъ бортей производится разными способами. Въ Литвѣ до послѣдняго времени поступаютъ такъ: при помощи лѣстницы или иныхъ приспособленій поднимаются на толстое дерево, укрѣпляются на сучьяхъ и срубаютъ верхнюю часть ствола, вырубая въ пнѣ чашковидное углубленіе, въ которомъ застаивается дождевая вода. Вода проникаетъ въ стволъ дерева, сердцевина котораго и безъ того часто бываетъ уже испорченной, мало-по-малу производитъ гніеніе и черезъ нѣсколько лѣтъ образуетъ дупло. Затѣмъ, дупло вычищаютъ и заготовляютъ борть (рис. 5). Для этого сбоку ствола про-

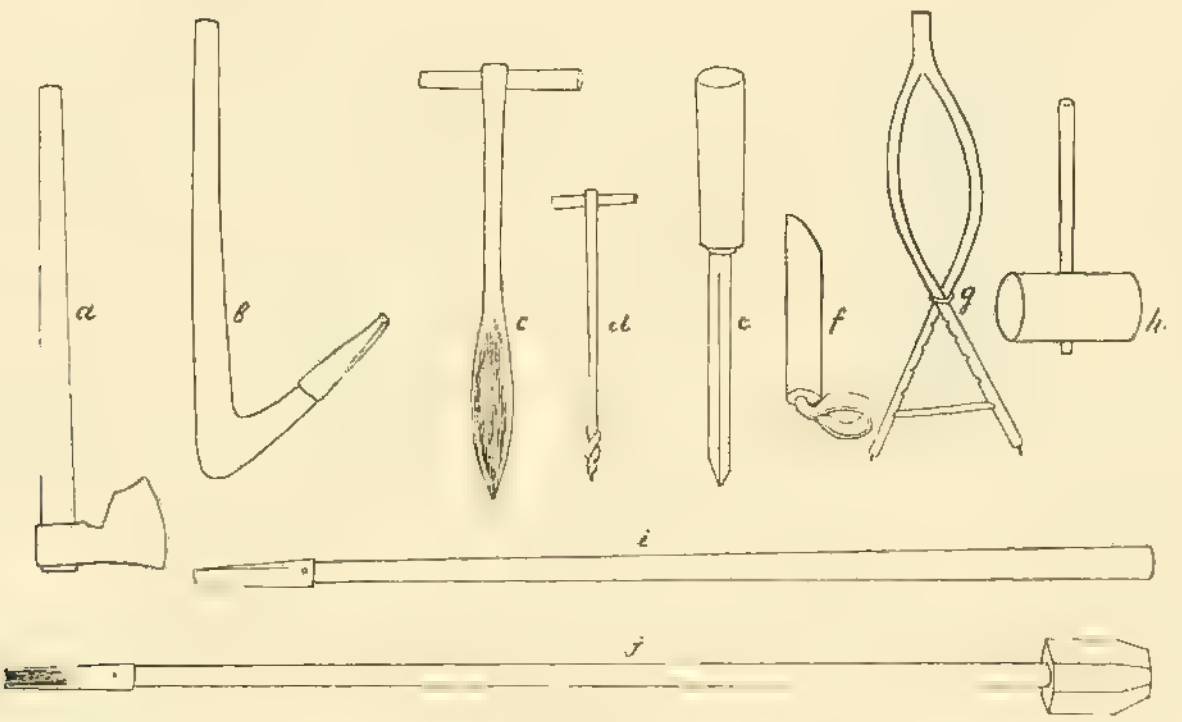


Рис. 7.

a — сакі̂эра или гакъ — топоръ, *b* — цеслá — тесло, *c* — лóпацень — лопатень, *d* — свѐрдзелъ — буравъ, *e* — дóлато — долото, *f* — склобля — скобель, *g* — размі̂эръ — циркуль, *h* — даубѐшка — молотокъ, *i*, *j* пі̂эшня — пешня.

дѣлываютъ летокъ и должею, т.-е. продолговатое отверстіе для вынимания сотовъ. Сверху дупло затыкаютъ деревяшкой и покрываютъ берестой, которую придавливаютъ тяжелымъ камнемъ, чтобы вѣтеръ не сбросилъ бересты, защищающей борть отъ дождя и снѣга.

Заготовленіе бортей по лѣсамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомство съ инстинктами дикихъ пчелъ являются началомъ пчеловодства. Сначала люди только отыскивали по лѣсамъ готовыя пчелиныя борти и отнимали соты, затѣмъ приспособляли для бортей готовыя дупла въ деревьяхъ и, наконецъ, начали выдѣлывать помѣщенія для пчелъ въ стволахъ различныхъ лѣсныхъ породъ, но преимущественно въ соснахъ, дубахъ и липахъ, такъ какъ давно замѣчено, что дикія пчелы охотнѣе избираютъ эти породы деревьевъ.

Передвижныя борти или ульи-колоды.

Отъ приспособленія по лѣсамъ въ дуплахъ деревьевъ помѣщеній для дикихъ пчелъ уже прямой переходъ къ изготовленію передвижныхъ бортей или такъ называемыхъ ульевъ-колодъ.

Какъ было сказано выше, бѣлоруссы осторожно срубали дерево, въ которомъ помѣщались пчелы, выпиливали самую борть и перевозили ее на пасѣку или въ иное мѣсто. Иногда въ одномъ стволѣ дерева помѣщалось понѣскольку бортей. Въ такихъ случаяхъ борти отрѣзывали поодиночкѣ или оставляли по двѣ вмѣстѣ. На рис. 6 изображена подобная двойная борть литовцевъ-дзуковъ Виленской губ., Трокскаго уѣзда. Заготовленіе бортей въ растущихъ деревьяхъ представляетъ большія трудности. Точно такъ же, чтобы выпилить лѣсную борть и перевезти ее въ иное мѣсто, необходимо предварительно срубить дерево. Но тяжелый, полусгнившій древесный стволъ при паденіи на землю нерѣдко разбивается и совершенно портитъ имѣющіяся въ немъ борти. Гораздо проще срубить подходящее, съ полусгнившей сердцевиной, дерево, разрѣзать его на отдѣльныя колоды и въ нихъ выдѣлывать борти. Такъ и поступаютъ бѣлоруссы до самаго послѣдняго времени.

Рис. 8.

Заготовленныя такимъ путемъ борти, или ульи-колоды, поднимаютъ высоко на сучья деревьевъ. Дикія или домашнія пчелы охотно входятъ въ эти ульи, которые, какъ своимъ устройствомъ, такъ равно и положеніемъ на извѣстной высотѣ надъ поверхностью земли, напоминаютъ обыкновенныя лѣсныя борти.

Улей-колода представляетъ изъ себя цилиндрическій обрубокъ толстаго древеснаго ствола; длина около $1^{m},5$, толщина иногда достигаетъ значительныхъ размѣровъ — до $0^{m},80$ и болѣе въ діаметрѣ. Матеріаломъ служатъ сосна, дубъ, липа, тополь, ветла и другія толстыя деревья, въ которыхъ сгнила сердцевина. Бѣлоруссы предварительно долго подыскиваютъ подходящее на ульи дерево, причемъ присматриваются, чтобы на его стволѣ были древесные грибы, которые указываютъ на образовавшуюся въ сердцевинѣ гниль. Дѣло въ томъ, что изъ дуплистаго ствола дерева легче выдѣлывать борти и, кромѣ того, ихъ больше любятъ пчелы.

Рис. 9.

Срубленное дерево оставляютъ на мѣстѣ годъ и болѣе, чтобы оно слегка просохло въ корѣ и не дало трещинъ. Затѣмъ стволъ перепиливаютъ на куски по длинѣ улья и перевозятъ въ селеніе. Здѣсь, въ свободное время, изъ этихъ кусковъ изготовляютъ борти. Для этого сбоку продалбливаютъ продолговатое прямоугольное отверстіе, должею, длиною — около $0^{m},60$, шириною — $0^{m},15$, и выдѣлываютъ въ колодѣ сквозное помѣщеніе для пчелъ. Сверху и снизу отверстія забиваютъ деревянными колодками или кругами, продѣлываютъ в ѣ ч к о — летокъ, состоящій изъ двухъ круглыхъ сквозныхъ дыръ для входа

и выхода пчелъ, и прилаживаютъ дòўжень, т.-е. деревяннымъ брускомъ слегка забиваютъ продолговатое отверстіе, должею, и сверху двумя деревянными гвоздями прибиваютъ снiэ̀дъ—широкую доску, чтобы она плотно закрывала отверстіе. Инструменты, посредствомъ которыхъ дѣлаютъ борти, помѣщены на рис. 7. Галава̀—верхняя половина улья предназначается для пчелинаго гнѣзда; средняя часть противъ должеи служитъ помѣщеніемъ для сотовъ; пŏдка—нижняя часть улья не имѣетъ особаго назначенія; здѣсь обыкновенно валяются трупы мертвыхъ пчелъ, разный мусоръ и ставится посудина съ медомъ, когда требуется подкармливать слабый рой.

Рис. 10.

Въ Бѣлоруссіи до настоящаго времени пчелы помѣщаются по преимуществу въ такихъ ульяхъ-колодахъ. Обыкновенно означенные ульи съ пчелами ставятъ вертикально на землѣ (рис. 8) или кладутъ на колодку или на козлы—„крыжы́“ въ наклонномъ положеніи такъ, чтобы голова улья была выше основанія (рис. 9). Сверху ульи покрываютъ берестой, жолобомъ, еловымъ лубомъ или досками и помѣщаютъ снаружи строеній подъ крышей (рис. 10) или подъ деревьями (рис. 11). Но давно замѣчено, что пчелы не любятъ жить низко надъ землей: онѣ нерѣдко даже оставляютъ въ ульѣ свои соты, улетаютъ прочь и поселяются въ пустой борти, но находящейся высоко надъ поверхностью земли. По словамъ бѣлорусскихъ бортниковъ, рой пчелъ никогда не входитъ въ находящійся на землѣ улей, а избираетъ такой, который прилаженъ высоко на деревѣ. Дѣйствительно, въ поднятые на деревья ульи охотно входятъ рои какъ дикихъ, такъ равно и домашнихъ пчелъ. Зная такую наклонность пчелъ, бѣлоруссы поднимаютъ борти высоко на деревья и тамъ укрѣпляютъ на толстыхъ сучьяхъ или ставятъ на особыхъ полатяхъ или вышкѣ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, защищаетъ пчелиныя борти отъ медвѣдей и отчасти злонамѣренныхъ людей, особенно же отъ подростковъ-пастуховъ, готовыхъ при удобномъ случаѣ полакомиться медомъ. Борти помѣщаютъ какъ на самыхъ полатяхъ, такъ и надъ ними на крѣпкихъ сучьяхъ дерева (рис. 12).

Рис. 11.

Адзёръ, пасцѐль—полати или вышка (рис. 13) устраивается слѣдующимъ образомъ. Обыкновенно подыскиваютъ прысà ды—растущія рядомъ два дерева, а если одно, то съ крѣпкимъ могучимъ стволомъ, имѣющимъ рàла или казлы́—развилины. Развилины или два дерева связываютъ вверху щы́пами—крѣпкой четырехугольной рамкой, сдѣланной изъ деревянныхъ брусковъ. „Щы́пы“ посредствомъ клиньевъ крѣпко стягиваютъ стволы деревьевъ или развилины и препятствуютъ имъ шататься врозь даже во время сильной бури. Затѣмъ, на высотѣ около 4^{m}—6^{m} надъ поверхностью земли, насквозь продалбливаютъ стволы деревьевъ и въ дыры забиваютъ крѣпкіе дубовые или ясеневые бруски такъ, чтобы ихъ концы оставались свободными. На эти бруски кладутъ двѣ или четыре балки, на которыя настилаютъ тарчы́цы—толстыя доски, прибивая

ихъ къ балкамъ длинными и острыми деревянными, а иногда желѣзными гвоздями, концы которыхъ торчатъ снизу на 0^{m},30—0^{m},40. Гвозди вбиваютъ не только въ балки, но и по всей площади полатей, чтобы защитить ихъ отъ медвѣдей. На первый слой полатей крестообразно настилаютъ второй и третій, прибивая доски крѣпкими гвоздями. Сдѣланныя, такимъ образомъ, полати отличаются значительной прочностью и выдерживаютъ на себѣ большую тяжесть.

Пчелиныя борти-колоды устанавливаютъ какъ на самыхъ полатяхъ (въ вертикальномъ или наклонномъ положеніи), такъ равно и надъ ними на крѣпкихъ сучьяхъ, привязывая къ стволамъ деревьевъ веревками или скрученными деревянными прутьями. Для защиты отъ дождя борти покрываютъ берестой или еловымъ лубомъ, которые сверху придавливаютъ толстыми тяжелыми досками. Сквозь полати возлѣ стволовъ деревьевъ пропускаютъ крѣпкія веревки, къ которымъ привязываютъ толстые суковатые чурбаны. Чурбаны висятъ возлѣ стволовъ деревьевъ и препятствуютъ медвѣдю подниматься къ полатямъ. Упрямый звѣрь лапой отталкиваетъ чурбанъ, который, откачиваясь въ сторону, при возвращеніи обратно, острыми сучьями наноситъ медвѣдю чувствительные удары. Нерѣдко случается, что упрямецъ, не добравшись до полатей, въ изнеможеніи падаетъ съ дерева на землю, гдѣ его ожидаетъ горшая бѣда. Для этой цѣли подъ полатями въ землю вбиваютъ множество остроконечныхъ кольевъ, которые вонзаются въ тѣло звѣря. Кромѣ того, въ стволы деревьевъ вбиваютъ острые желѣзные ножи, которые тоже препятствуютъ медвѣдю влѣзать на полати. Во всякомъ случаѣ, медвѣдь довольно часто преодолѣваетъ всѣ препятствія и добирается до сладкаго душистаго меда; его не останавливаютъ ни трудности, ни страхъ предъ „апу́далами“ — пугалами, которыя устанавливаются возлѣ пчелиныхъ бортей.

Рис. 12.

Въ Бѣлоруссіи уже давно существуетъ обычай помѣщать пчелиные ульи-колоды въ лѣсу на деревьяхъ. Хранитель Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III А. А. Миллеръ любезно предоставилъ мнѣ фотографію (рис. 14), снятую имъ въ 1908 году въ Могилевѣ губернскомъ съ настѣнной живописи „холодной“ еврейской синагоги, построенной въ концѣ XVII ст. и расписанной въ XVIII ст. Здѣсь среди цвѣточныхъ мотивовъ изображена холмистая мѣстность, покрытая деревьями. На одномъ изъ нихъ помѣщены три пчелиные ульи-колоды; на дерево лѣзетъ медвѣдь, добираясь до меда. Два другихъ медвѣдя высматриваютъ добычу.

А п у́ д а л а или п у́ д а л а — пугала бываютъ самыхъ разнообразныхъ видовъ, но всѣ они сводятся къ грубому изображенію человѣка. На рисункѣ 15 изображено пугало, которое устанавливаютъ въ огородахъ и поляхъ для отпугиванія птицъ, а на пасѣкахъ и вообще возлѣ пчелиныхъ бортей — для отпугиванія медвѣдей. Кромѣ того, возлѣ бортей устраиваютъ вѣтрушки съ такимъ приспособленіемъ, которое, подобно трещеткѣ, издаетъ дребезжащіе звуки.

Въ с. Чучевичи, Мозырскаго у., Минской губ., опоясываютъ стволы деревьевъ, на которыхъ помѣщаются борти, деревяннымъ обручемъ, привязывая къ нему колокольчики или бубенчики. Медвѣдь, задѣвая обручъ и слыша звяканіе колокольчиковъ, въ испугѣ опускается внизъ и убѣгаетъ прочь отъ бортей. Иногда упрямый лакомка нѣсколько разъ дѣлаетъ попытки, чтобы добраться до пчелъ, но всякій разъ трусливо пятится назадъ и, наконецъ, уходитъ подальше отъ опаснаго мѣста.

Кромѣ медвѣдей, на лѣсныя пчелиныя борти часто нападаютъ желны, дятлы и другія птицы. Желны, постукивая въ борть своимъ крѣпкимъ клювомъ, пугаютъ пчелъ и вызываютъ наружу, гдѣ и истребляютъ ихъ. Иногда желны даже пробиваютъ толстую стѣнку борти и добираются до пчелъ. Для защиты пчелъ отъ хищныхъ насѣкомоядныхъ птицъ, возлѣ бортей подвѣшиваютъ чучело ястреба, филина или другого хищника. Нерѣдко случается, что въ ульи повадятся муравьи и уносятъ медъ. Чтобы преградить муравьямъ путь къ борти, обмазываютъ у комля стволы деревьевъ дегтемъ и другими зловонными веществами.

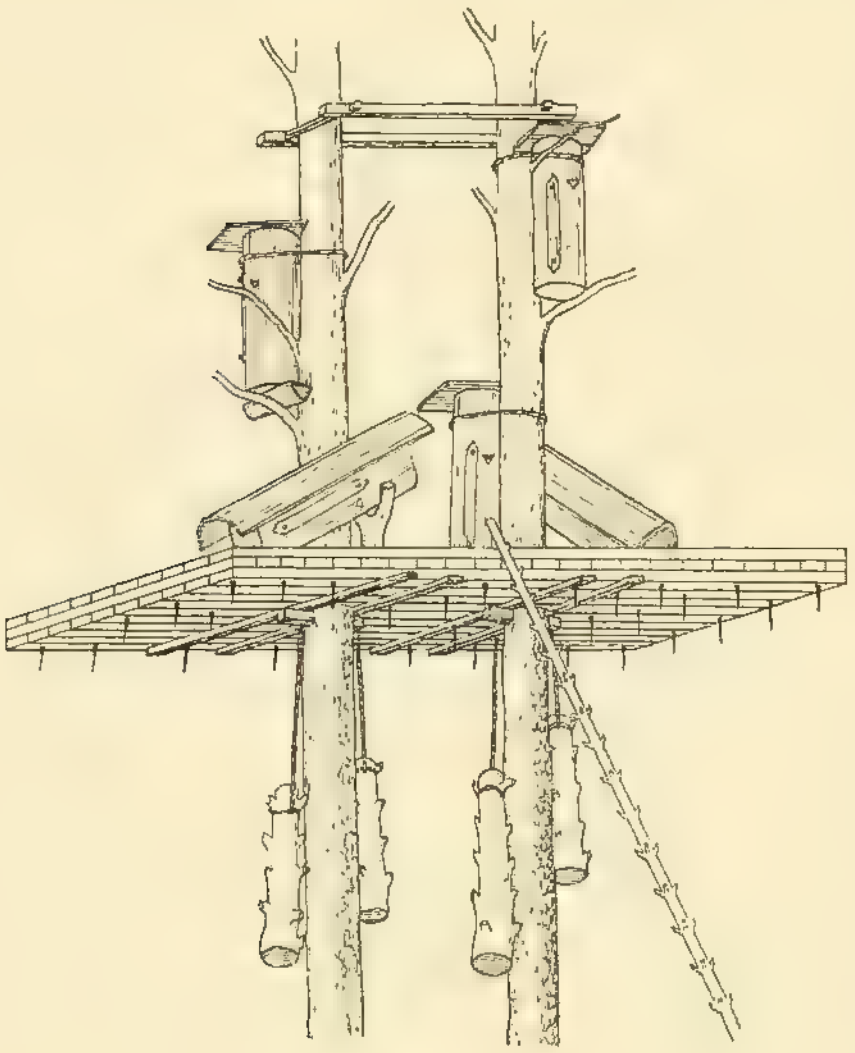


Рис. 13.

Во всякомъ случаѣ, по лѣсамъ пчелы очень часто подвергаются опасности отъ многочисленныхъ враговъ. Въ большинствѣ случаевъ ульи въ полунаклонномъ или стоячемъ положеніи помѣщаются у стѣнъ холодныхъ построекъ подъ скатами крышъ (рис. 16), въ небольшихъ садикахъ (рис. 17), огородахъ, на пасѣкахъ (рис. 18) или на полатяхъ возлѣ усадьбы (рис. 19). Ульи покрываютъ берестой, липовымъ или еловымъ лубомъ, жолобами изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ, старыми лодками или досками. Почти повсемѣстно надъ ульями, установленными въ полунаклонномъ положеніи, устраиваютъ прикрытіе въ видѣ односкатной крыши изъ досокъ, бересты, луба и т. п. Крыша поддерживается вбитыми въ землю четырьмя столбиками. Такое прикрытіе обыкновенно предназначается для одного улья, хотя иногда подъ одной крышей помѣщаютъ и двѣ борти, обращенныя летками въ противоположныя стороны. Въ Луцкомъ уѣздѣ, Волынской губ., украинцы устанавливаютъ въ наклонномъ положеніи по 3—4 борти вмѣстѣ на особо устроенномъ изъ бревенъ мостикѣ, который помѣщается въ садикѣ или возлѣ гумна. Мостикъ приподнятъ надъ поверхностью земли на 1^m—$1^m,5$. Надъ бортями дѣлаютъ навѣсъ, состоящій изъ дощатой или соломенной двускатной крыши.

Устройство на значительной высотѣ большихъ, прочныхъ полатей не подъ силу одной семьѣ. Поэтому, какъ для сооруженія самихъ полатей, такъ равно для подниманія на нихъ или на деревья тяжелыхъ колодъ-ульевъ, обыкновенно прибѣгаютъ къ помощи односельчанъ, которые всѣ работы въ данномъ случаѣ исполняютъ безвозмездно. Это

такъ называемая т а л а к а́ — помочь, примѣняющаяся въ Бѣлоруссіи въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ крестьянской хозяйственной жизни [1]).

Для подниманія ульевъ и иныхъ тяжелыхъ предметовъ дѣлаютъ особыя приспособленія. Самымъ распространеннымъ изъ нихъ является к а з а̀, к а з а̀ к ъ — воротъ или лебедка (рис. 20). Воротъ представляетъ изъ себя цилиндрическій деревянный валъ около 2^m длиною, $0^m,15$—$0^m,20$ въ діаметрѣ, съ крестовинами или поперечными рукоятями. Концы вала пропускаютъ сквозь дыры въ двухъ столбикахъ, которые привязываются къ стволамъ двухъ растущихъ рядомъ деревьевъ или крѣпко вбиваются въ землю. Къ крѣпкимъ сучьямъ того дерева, на которое хотятъ поднять тяжесть, привязываютъ к а п а р э́ ц ъ, к а л е с ц э́ — деревянный блокъ, вращающійся на оси, которая укрѣплена въ рамкѣ. Желобокъ блока огибаетъ л ѝ н я или л ѝ н а — толстый крѣпкій канатъ, къ одному концу котораго привязываютъ улей или иную тяжесть, а другой конецъ наматываютъ на горизонтально

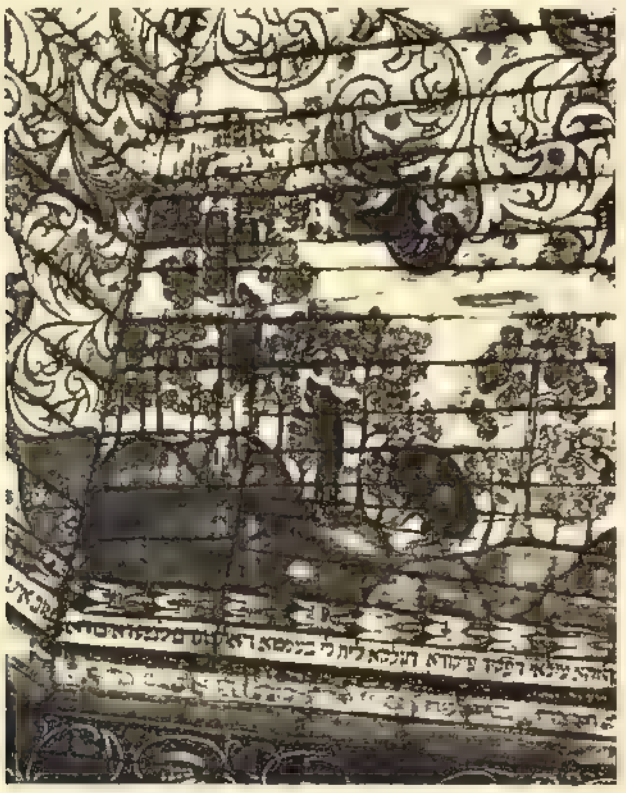


Рис. 14.

Рис. 15.

расположенный валъ ворота. Нѣсколько работниковъ посредствомъ рукоятей вращаютъ валъ и, наматывая на него канатъ, поднимаютъ тяжесть вверхъ. Когда поднимаютъ на дерево или спускаютъ съ него улей съ пчелинымъ роемъ, то, обыкновенно, вмѣстѣ съ ульемъ поднимается или опускается одинъ изъ рабочихъ, который, гдѣ нужно, отталкиваетъ тяжесть и осторожно лавируетъ между сучьями.

Другой видъ ворота (рис. 21) представляетъ изъ себя большое (около $1^m,5$ въ діаметрѣ) деревянное колесо, насаженное наглухо на цилиндрическій валъ. Этотъ воротъ укрѣпляется на сучьяхъ дерева. Бортникъ, ступая шагъ за шагомъ на спицы колеса, приводитъ его въ движеніе своею тяжестью и, такимъ путемъ, наматываетъ на валъ канатъ, къ которому привязана борть или иная тяжесть.

[1]) Сержпутовскій, А. Очерки Бѣлоруссіи. IV. Талаки. „Живая Старина" 1907, в. IV, стр. 210—214.

Такъ какъ изготовленіе ворота, а особенно крѣпкаго каната требуетъ усилій и большой затраты пеньки, то, обыкновенно, указанный снарядъ является общественной собственностью и употребляется всѣми односельчанами, по мѣрѣ надобности, въ различныхъ случаяхъ, когда требуется поднимать на высоту значительныя тяжести.

Домашнее бортничество.

Уходъ за перевезенными изъ лѣсу въ селенія пчелиными бортями составляетъ уже домашнее бортничество. Бѣлоруссы охотно занимаются бортничествомъ, и многіе изъ нихъ еще въ недавнее время имѣли пчелъ до 100 и болѣе колодъ. За послѣднія 15—20 лѣтъ пчеловодство сильно пало повсемѣстно, и уже недалеко то время, когда пчелы останутся въ Бѣлоруссіи развѣ у профессіональныхъ бортниковъ.

Рис. 16.

Бѣлорусскіе бортники по-своему хорошо знакомы съ жизнью и инстинктами пчелъ. Любовно присматриваясь къ привычкамъ и порядку, царящимъ въ обществѣ неутомимыхъ труженицъ, пчеловоды безошибочно знаютъ, что происходитъ въ ульѣ. Сильная пчелиная семья издаетъ бодрое, могучее жужжаніе. Работницы-пчелы не летаютъ безъ толку возлѣ улья, но охотно отправляются за взяткой и возвращаются съ богатой добычей. Когда въ теплые лѣтніе вечера снаружи улья возлѣ летка появляется а б л о̆ г ъ, т.-е. большое количество мятежныхъ пчелъ, готовыхъ отдѣлиться отъ общей семьи и ожидающихъ только появленія матки, бортники знаютъ, что изъ этого улья собирается выйти рой, и принимаютъ зависящія мѣры, чтобы поймать его. Для этого утромъ на пасѣкѣ втыкаютъ въ землю нѣсколько небольшихъ березокъ или сосенокъ, приготовляютъ ведро воды и вѣникъ и бдительно караулятъ. Когда стоитъ хорошая погода и нѣтъ никакого шума или другихъ подозрительныхъ препятствій, мятежныя пчелы быстро выползаютъ изъ улья и, въ ожиданіи выхода матки, рѣзво носятся въ воздухѣ. Матку пчелы увлекаютъ уже въ то время, когда значительная сила роя вышла изъ улья. Искусные бортники тутъ же на леткѣ ловятъ матку и заключаютъ ее въ маточникъ (рис. 22). Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ матка свободно присоединяется къ рою, который дѣлаетъ привалъ на вѣткахъ и сучьяхъ поставленныхъ въ пасѣкѣ березокъ или сосенокъ. Тѣмъ временемъ бортникъ обильно окропляетъ рой водой и пугаетъ звуками—к л е к о̆ т к и—колотушки или т р а щ о̆ т к и трещетки (рис. 23, *a* и *b*). Капли падающей воды, шумъ и грохотъ напоминаютъ

Рис. 17.

пчеламъ грозу. Пчелы защищаютъ матку отъ дурной погоды, окружаютъ со всѣхъ сторонъ и свиваются на деревѣ въ видѣ шара. Бортникъ осторожно вырываетъ деревцо и переноситъ рой въ подготовленную роевню (рис. 23, *c*), которую закрываетъ и завязываетъ рѣдкой холстинкой, чтобы свободно проходилъ воздухъ. Вечеромъ, при закатѣ солнца, высыпаютъ рой на простыню или скатерть, простланную на широкой доскѣ, отыскиваютъ матку, заключаютъ ее въ маточникъ и переносятъ въ улей, куда за маткой слѣдуютъ и пчелы. Нерѣдко случается, что въ ульѣ появляется нѣсколько матокъ, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу. Опытные бортники, прислушиваясь по вечерамъ къ жужжанію въ ульѣ пчелъ и замѣчая своеобразные звуки этой борьбы, принимаютъ, со своей стороны, зависящія мѣры къ устраненію нежелательныхъ соперницъ. Иногда выгоняютъ изъ улья всѣхъ пчелъ, ловятъ матокъ, заключаютъ ихъ въ маточники и разсаживаютъ по разнымъ ульямъ, отдѣливши туда извѣстное количество пчелъ посредствомъ чарпака — деревяннаго уполовника (рис. 23, *d*). Само собою разумѣется, что слабые рои приходится подкармливать медомъ и снабжать вощиной, на изготовленіе которой пчелы бываютъ вынуждены затрачивать много труда.

Рис. 18.

Нѣкоторыя матки имѣютъ склонность всѣ пустыя ячейки вощины заполнять яйцами. Тогда работницы-пчелы мало собираютъ меда, затрачивая всѣ усилія на питаніе молодыхъ пчелъ. Чтобы устранить нежелательное увеличеніе количества пчелъ, бортники вынимаютъ изъ ульевъ вощину съ червой и замѣняютъ пустой, которую пчелы наполняютъ медомъ. Такая замѣна вощины особенно часто практикуется въ концѣ лѣта, когда цвѣтѣніе гречихи и вереска даетъ богатую взятку и когда на зиму нежелательно оставлять въ ульѣ слишкомъ много пчелъ. Помимо такого способа, излишнее количество пчелъ, а особенно самцовъ (трутней), осенью истребляютъ еще посредствомъ иныхъ пріемовъ. Не говоря уже о томъ, что во время вырѣзыванія сотовъ истребляется множество пчелъ, остающихся въ ячейкахъ вощины и попадающихъ въ клейкій медъ, еще истребляютъ нарочно, для чего зублёмъ или жарбўняю — дымилкою (рис. 23, *e* и *f*) сильно подкуриваютъ пчелиное гнѣздо: работницы-пчелы отчаянно защищаютъ соты и жмутся къ нимъ, тогда какъ трутни вылетаютъ прочь изъ улья. Тогда улей тщательно затыкаютъ, а возвращающихся въ него трутней убиваютъ хлопушками или пучкомъ розогъ. Впрочемъ, работницы-

Рис. 19.

пчелы сами выпроваживаютъ на зиму изъ ульевъ трутней, которые только напрасно истребляютъ запасы меда. На зиму борти плотно закрываются, а иногда и обвязываются соломой. Этимъ и ограничивается уходъ за пчелами.

Домашнее или пасѣчное бортничество въ Бѣлоруссіи не получило такого развитія, до какого оно достигло въ Малороссіи и особенно на Волыни. Огромные лѣса являлись въ Бѣлоруссіи благопріятными условіями для развитія здѣсь дикаго или бортевого пчеловодства, которое въ такомъ видѣ сохранилось до нашего времени. Наивысшаго расцвѣта достигало бортничество въ періодъ своего дикаго состоянія. Когда же вырубались лѣса и на „пòцерабахъ"—пасѣкахъ оставлялись только тѣ деревья, въ которыхъ были пчелиныя борти, или когда эти борти изъ лѣса перевозились въ селенія и устанавливались

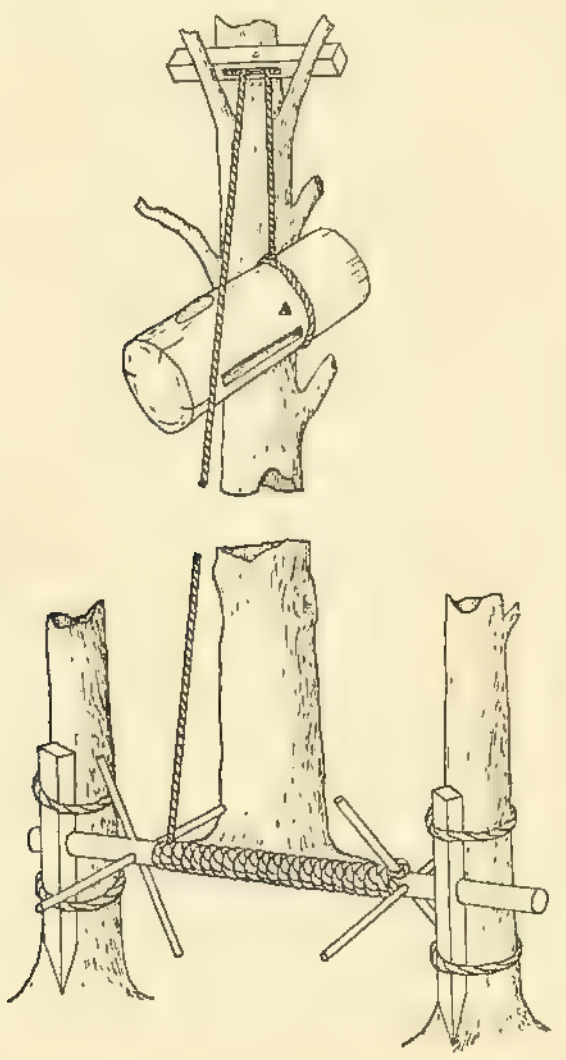


Рис. 20.

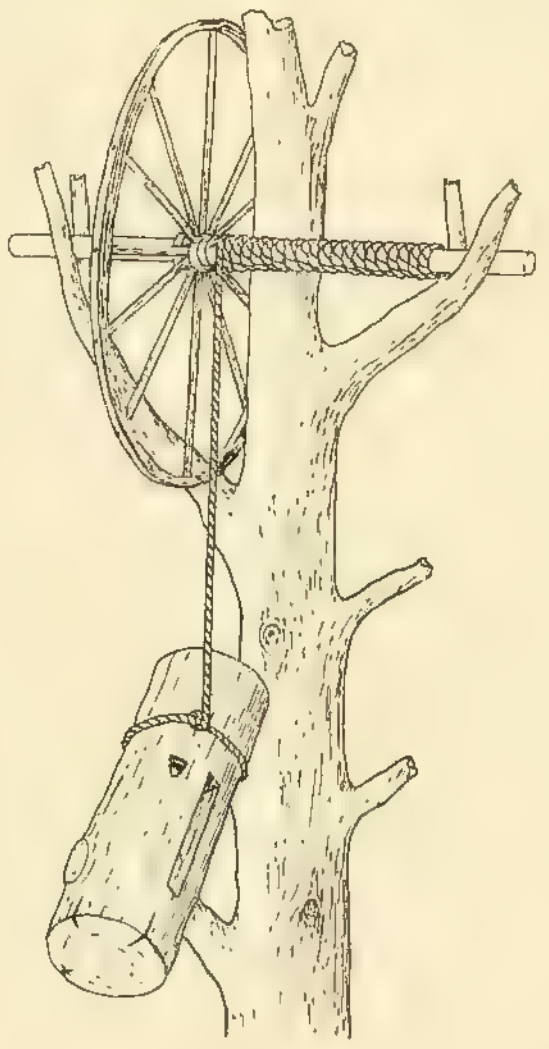


Рис. 21.

подъ крышами построекъ или въ особыхъ пчельникахъ-пасѣкахъ, напоминающихъ слегка вырубленный лѣсъ, тогда бортничество начало падать и впослѣдствіи не могло уже подняться на прежнюю свою высоту. Пасѣки или пчельники, которые въ Бѣлоруссіи устраиваются только возлѣ усадебъ или вблизи селенія, чтобы защитить пчелъ отъ медвѣдей, готовыхъ полакомиться медомъ, являются лишь переживаніемъ богатаго лѣсного бортничества, когда люди вырубали лѣса, оставляя лишь деревья съ пчелиными бортями да мелкія деревца, которыя служили для тѣни и для отдыха пчелиному рою. До настоящаго времени неотъемлемой принадлежностью каждой пасѣки являются деревья, а когда ихъ почему-либо нѣтъ, то возлѣ ульевъ вбиваютъ въ землю небольшія деревца. По словамъ Ѳ. К. Волкова, въ Черниговской губерніи, когда въ поляхъ зацвѣтетъ гречиха, туда вывозятъ изъ селеній пчелиные ульи, устанавливаютъ ихъ на временной пасѣкѣ и тутъ же вбиваютъ въ землю небольшія деревца.

Насколько зеленѣющія деревья являются существенной принадлежностью каждой пасѣки, свидѣтельствуютъ хотя бы такіе факты. Когда почему-либо засыхаетъ то дерево, на которомъ помѣщается пчелиный улей, то послѣдній два-три раза въ недѣлю обвѣшивается свѣжими зелеными вѣтками. Иногда ульи-колоды поднимаютъ и устанавливаютъ на особыхъ столбахъ или полатяхъ. Какъ самые ульи, такъ и полати окутываютъ тогда зелеными вѣтками, если здѣсь вблизи нѣтъ деревьевъ. Такія полати съ ульями, какъ было сказано выше, сплошь и рядомъ можно видѣть на Волыни.

Можетъ-быть, пасѣчное бортничество на Украинѣ, получившее, сравнительно съ Бѣлоруссіей, большее развитіе, объясняется тѣмъ, что на Украинѣ уже давно истреблены лѣса, а вмѣстѣ съ ними и лѣсное бортничество. Уцѣлѣвшее на Украинѣ пчеловодство поневолѣ развивалось только на пасѣкахъ, смутно напоминающихъ былыя дикія пчелиныя борти, какими такъ богаты были лѣса древлянъ, полянъ и сѣверянъ.

Почему вымирающее лѣсное бортничество перешло въ пасѣчное, а не приняло какой-либо иной формы, объясняется совокупностью всѣхъ окружающихъ условій. Пчелы привыкли жить въ бортяхъ деревьевъ. Люди, чтобы не нарушить такой привычки пчелъ, начали помѣщать ихъ въ колодахъ-ульяхъ или дуплянкахъ, устанавливая ихъ на деревьяхъ или возлѣ нихъ на пасѣкахъ, которыя такъ или иначе напоминаютъ пчеламъ лѣсъ и лѣсныя борти. Съ другой стороны, пасѣки немного удалены отъ жилыхъ и служебныхъ построекъ, возлѣ которыхъ скопляются непріятныя пчеламъ нечистоты. Затѣмъ, на пасѣкахъ легче всего уберечь пчелъ отъ медвѣдей и воровъ, легче наблюдать за выходомъ роя и, вообще, удобнѣе ухаживать за пчелами на пасѣкѣ, чѣмъ въ такомъ случаѣ, когда бы пчелиные ульи были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

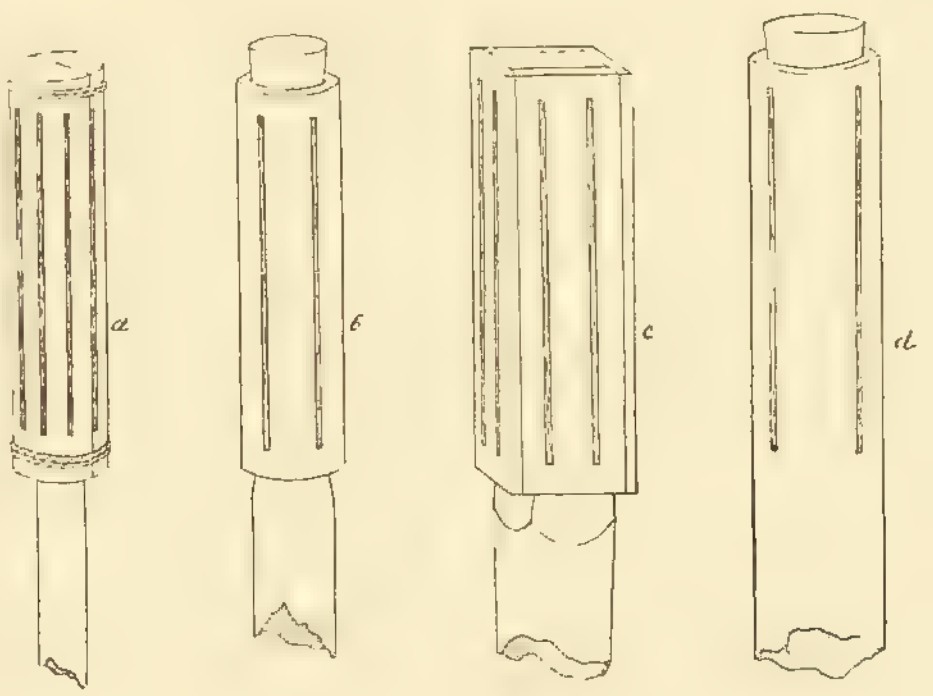


Рис. 22.

Что пчелиная пасѣка является пережиткомъ „пòцераба“—расчистки или, вообще, лѣсной пасѣки, на то отчасти указываютъ нижеслѣдующіе обычаи бѣлоруссовъ. Обыкновенно при лѣсныхъ расчисткахъ не трогаютъ тѣхъ деревьевъ, въ которыхъ имѣются пчелиныя борти или на которыхъ помѣщаются ульи. Такъ называемыя „прысàды“—растущія рядомъ два или вообще подходящія деревья приспосабливаются для установки ульевъ или сооруженія „адрà“—полатей для бортей. Существуетъ повѣрье, что въ помѣщенный на пасѣкѣ улей непремѣнно войдетъ рой пчелъ и что на свѣже вырубленныхъ лѣсныхъ пасѣкахъ хорошо водятся пчелы и много даютъ меда и воска. Съ другой стороны, пчелы способствуютъ произрастанію на пасѣкахъ травъ и хлѣбовъ.

Медъ и воскъ въ домашнемъ быту.

Вынутые изъ улья соты сортируются и хранятся для собственнаго употребленія или для продажи и обмѣна на соль, желѣзо и т. п. предметы. Медъ сохраняется въ разныхъ видахъ: предназначенный для продажи вмѣстѣ съ воскомъ, червой и мертвыми пчелами

бросаютъ въ бочку или лѝпаўку—выдолбленную изъ толстаго ствола липоваго дерева посудину, гдѣ деревяннымъ пестомъ или лопаткой разламываютъ вощину, тщательно размѣшиваютъ густую массу, плотно закрываютъ крышкой и сохраняютъ въ сухомъ, прохладномъ мѣстѣ. Для своего употребленія и особенно для угощенія вырѣзываютъ лучшіе куски сотовъ и осторожно складываютъ ихъ въ посудину такъ, чтобы сохранить въ цѣломъ видѣ. Остальные соты бросаютъ въ сито или рѣшето, которое помѣщаютъ надъ широкимъ корытомъ. Медъ вытекаетъ въ корыто, а оставшаяся въ рѣшетѣ вощина сбрасывается въ бочку и смѣшивается съ общей массой или поступаетъ на выдѣлку воска. Изъ корыта медъ сливается въ „лѝпаўки“ или въ глиняные сосуды, покрывается капустными листьями, тряпицами и крышкой или деревянными кругами, которые придавливаются камнями, и хранится въ кладовыхъ.

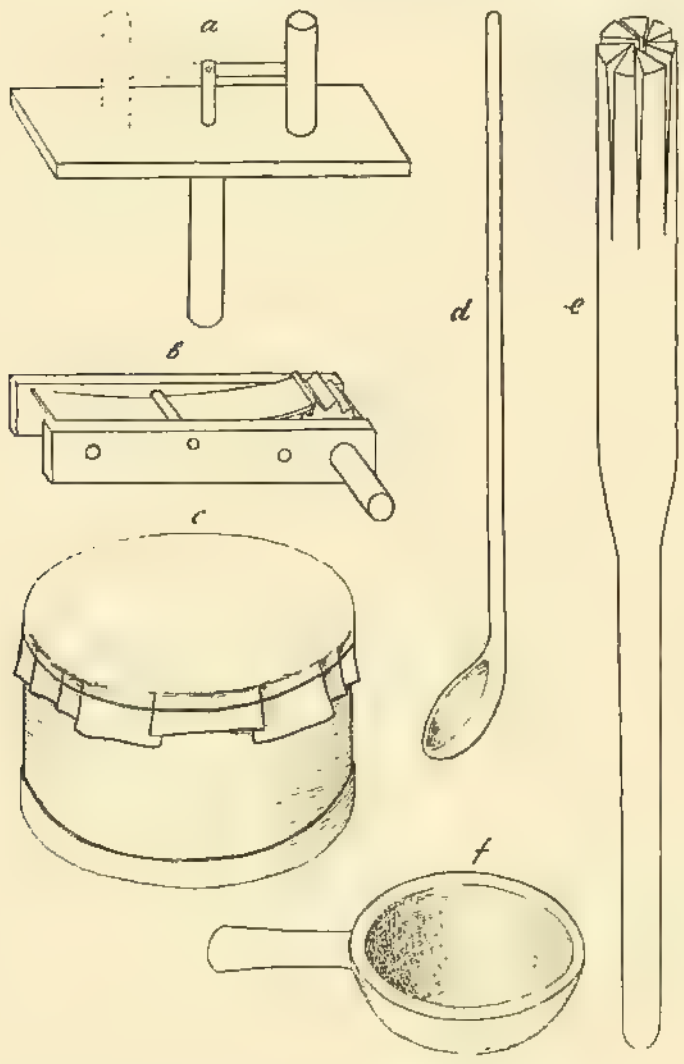


Рис. 23.

a—клекотка—колотушка, *b*—тращотка—трещетка, *c* -раёуня—роевня, *d*—чарпàкъ—уполовникъ, *e*—зубѐль или зýбленка—дымилка и *f*—жароуня—дымилка.

Воскъ находитъ много примѣненій въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ и поступаетъ въ продажу въ сыромъ или же въ обработанномъ видѣ. Скупщики охотнѣе покупаютъ воскъ въ видѣ вощинъ, нежели перетопленный, такъ какъ въ первомъ случаѣ продавецъ не можетъ точно опредѣлить количества воска, заключающагося въ вощинѣ. Перетапливаютъ воскъ слѣдующимъ образомъ. Кладутъ вощину въ большой чугунный горшокъ или котелъ, придавливая деревяннымъ кругомъ, заливаютъ водой и подогрѣваютъ на легкомъ огнѣ. Когда воскъ распустится, содержимое горшка выливаютъ въ холщевый клинообразный мѣшокъ. Отверстіе мѣшка собираютъ и скручиваютъ, пропуская между лещѝтками (тисками)—двумя крѣпкими деревянными брусками, связанными въ видѣ щипцовъ (рис. 24, *a*). Воскъ въ жидкомъ видѣ вмѣстѣ съ водой вытекаетъ изъ мѣшка и, падая въ сосудъ съ холодной водой, застываетъ на ея поверхности. Въ мѣшкѣ остается вашкажàцина—вощина, т.-е. нерастворившіяся части воска и иные продукты. Въ такой вощинѣ остается еще много воска, почему скупщики охотно покупаютъ ее, конечно, за гроши.

Чтобы лучше выжать изъ вощины воскъ, употребляютъ особый снарядъ. Это—васкабѝйня или калòда—прессъ. „Васкабѝйня“ (рис. 24, *b*) представляетъ изъ себя толстую колоду дерева, около 2^{m} длиною, въ которой посрединѣ продолблена сквозная продолговатая дыра. Въ эту дыру помѣщаютъ завязанный мѣшокъ съ растопленной горячей вощиной, обставляютъ его двумя дощечками, которыя сжимаютъ посредствомъ клиньевъ. Воскъ вмѣстѣ съ водой вытекаетъ въ помѣщенный подъ колодой сосудъ. Воскъ перетапливаютъ и пропускаютъ сквозь холщевый мѣшокъ три-четыре раза и такимъ путемъ очищаютъ отъ постороннихъ примѣсей. Затѣмъ уже воскъ хранится и употребляется на различныя надобности.

Самая значительная часть воска идетъ на изготовленіе свѣчей какъ для домашняго употребленія, такъ равно для пожертвованія въ церковь. Каждый бортникъ считаетъ сво-

имъ долгомъ, прежде всего, поставить въ церкви большую толстую свѣчу. Иногда можно видѣть такія свѣчи въ пудъ и болѣе вѣсомъ. Кромѣ того, бѣлоруссы предпочитаютъ приносить въ церковь свѣчи домашняго издѣлія, считая, что такое приношеніе угоднѣе Богу, чѣмъ свѣчи изъ бѣлаго очищеннаго воска, къ которому, какъ думаютъ, примѣшанъ жиръ или иное поганое вещество. Свѣчи выдѣлываютъ разными способами. Самый простой способъ изготовленія свѣчей состоитъ въ томъ, что воскъ слегка разогрѣваютъ и расплющиваютъ въ видѣ длинной пластинки, на которую кладутъ свѣтильню изъ нитокъ или пакли, затѣмъ свертываютъ воскъ и катаютъ между двумя дощечками. Изготовленныя такимъ способомъ свѣчи при горѣніи потрескиваютъ и даютъ тусклый слабый свѣтъ. Иногда для выдѣлки свѣчей изготовляютъ цилиндрическія формы изъ древесной коры, дерева или жести. Нижнее отверстіе формы, слегка расширенной кверху, закрываютъ затычкой, сквозь которую пропускаютъ свѣтильню, и наливаютъ жидкимъ воскомъ. Чтобы воскъ не приставалъ къ стѣнкамъ формы, ее смачиваютъ водой. Затѣмъ свѣчи выравниваютъ посредствомъ катанія между двумя дощечками. Когда требуется изготовить много свѣчей, то поступаютъ такъ. Растапливаютъ воскъ и наливаютъ его въ какой-либо сосудъ съ широкимъ отверстіемъ. Затѣмъ свѣтильню обмакиваютъ въ жидкій воскъ и быстро вынимаютъ. Воскъ застываетъ на свѣтильнѣ тонкимъ слоемъ. Повторяя такой пріемъ нѣсколько разъ, получаютъ довольно толстую свѣчу, которую, затѣмъ, выравниваютъ между двумя дощечками. Для увеличенія толщины, такія свѣчи подвѣшиваютъ къ особому колесу (рис. 25) и постепенно обливаютъ ихъ жидкимъ воскомъ, который стекаетъ въ подставленный широкій сосудъ. Окончательная отдѣлка свѣчей идетъ, затѣмъ, обычнымъ порядкомъ чрезъ катаніе на гладкой доскѣ.

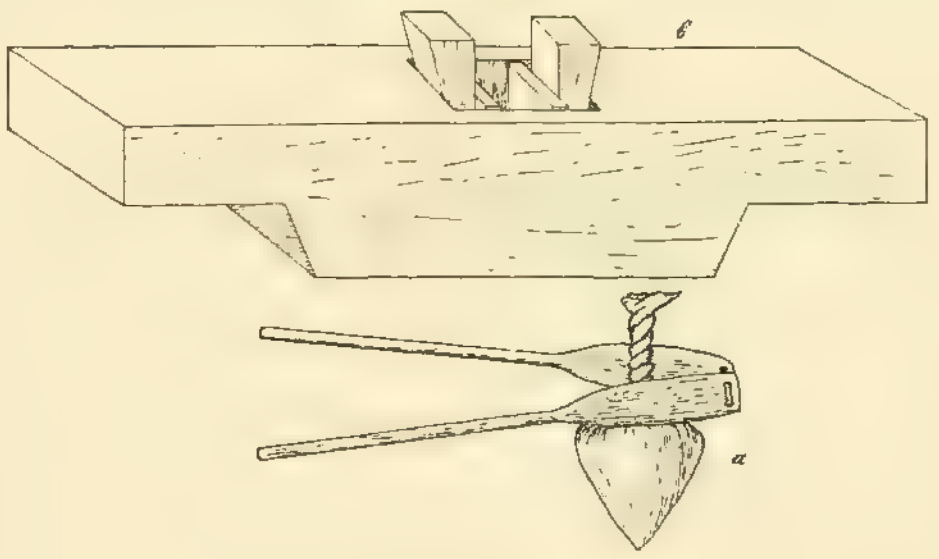


Рис. 24.
a — лещотки — тиски и *b* — васкабойня — прессъ.

Кромѣ изготовленія свѣчей, изъ воска дѣлаютъ грубыя изображенія разныхъ частей человѣческаго тѣла и животныхъ и такія изображенія приносятъ въ храмъ, чтобы наглядно показать, объ исцѣленіи какого органа молятся. Въ домашнемъ обиходѣ воскъ употребляется для вощенія нитокъ. Звѣроловы изъ воска дѣлаютъ капсюли, въ которыя помѣщаютъ стрихнинъ *(Strychnos nux vomica)* и иныя ядовитыя вещества, употребляемыя для отравленія лисицъ и волковъ. Воскъ составною частью входитъ въ наружныя лѣкарственныя средства въ народной медицинѣ и употребляется въ видѣ пластыря или мази. Изъ воска вмѣстѣ со смолой дѣлаютъ замазку для посуды и лодокъ.

Воскомъ, смѣшаннымъ съ сажей, натираютъ деревянныя дощечки, употребляющіяся для письма на нихъ распущеннымъ въ водѣ мѣломъ. Бумага, пропитанная воскомъ, замѣняетъ стекла въ фонаряхъ; изъ нея свертываютъ рожокъ, который вставляютъ больному въ ухо и зажигаютъ, чтобы вытянуть изъ головы болѣзнь. Воскъ, смѣшанный съ барсучьимъ жиромъ, употребляется какъ цѣлебное наружное средство при нарывахъ, лишаяхъ и др. накожныхъ болѣзняхъ у людей и животныхъ. Выливая въ воду расплавленный воскъ, мѣстные знахари и знахарки опредѣляютъ причины и симптомы болѣзней и исцѣляютъ ихъ разными манипуляціями надъ полученными фигурами изъ воска. При помощи этихъ фигуръ занимаются различными гаданіями. Такъ называемые л е г ч а й—коновалы горячимъ

воскомъ замазываютъ рану при кастраціи быковъ посредствомъ раскаленнаго „сашника"— лемеха. Воскъ, какъ составная часть, входитъ въ замазку садовниковъ. Словомъ, воскъ въ жизни бѣлорусса примѣняется въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ.

Обычаи и повѣрья, связанные съ бортничествомъ.

Какъ было сказано выше, въ Бѣлоруссіи дѣлаютъ сложныя приспособленія для охраны пчелъ отъ воровъ, медвѣдей, птицъ и насѣкомыхъ. Но всѣ эти приспособленія не всегда достигаютъ цѣли: сплошь и рядомъ борти подвергаются разоренію. „Пчаладзёры"— воры, посягающіе на чужіе соты, по народнымъ обычаямъ, подвергаются строгому наказанію. Прежде крестьянскіе суды приговаривали такихъ воровъ, кромѣ возмѣщенія убытковъ, еще къ позорному тѣлесному наказанію. Въ рѣшеніяхъ этихъ судовъ можно найти много любопытныхъ указаній. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное описаніе обычнаго права бѣлоруссовъ; поэтому, я ограничусь лишь тѣмъ, что приведу одно положеніе изъ такихъ обычаевъ. Иногда судъ стариковъ приговаривалъ къ наказанію кого-либо изъ односельчанъ только за то, что тотъ тѣми или другими пріемами колдовства будто бы насылалъ на пчелиныя борти медвѣдей или причинялъ пчеламъ вредъ посредствомъ заклинаній и т. п. Заподозрѣнный въ причиненіи пчеламъ вреда посредствомъ заклинаній въ большинствѣ случаевъ являлся профессіональнымъ колдуномъ. Противъ него обыкновенно собирались свидѣтельскія показанія, ссылки на угрозы въ смыслѣ причиненія вреда пчеламъ и другія доказательства виновности. Любопытно, что въ подобныхъ случаяхъ колдуны, обыкновенно, не отрицая своей вины, возводятъ на себя даже всевозможныя небылицы, чтобы застращать односельчанъ своими познаніями и силой въ колдовствѣ.

Рис. 25.

Для предохраненія пчелъ отъ заклинаній и другихъ бѣдъ прибѣгаютъ къ разнаго рода суевѣрнымъ пріемамъ.

До 6 августа, по народному обычаю, нельзя вынимать изъ бортей пчелиныхъ сотовъ, въ противномъ случаѣ пчелы погибнутъ. Впрочемъ, весною, приблизительно въ концѣ мая мѣсяца, когда пчелы собираютъ много очень жидкаго меда, который выливается изъ вощины, вынимаютъ изъ бортей соты, опоражниваютъ вощину и обратно вставляютъ ее въ улей. Весенняя выемка меда вызывается необходимостью и въ счетъ не идетъ. Собственно падглйдване—обычное осеннее выниманіе сотовъ обставляется особой торжественностью и является какъ бы семейнымъ праздникомъ, въ которомъ принимаютъ участіе близкіе родственники, пріятели и такъ называемые сябры́, т.-е. совладѣльцы пчелиныхъ бортей. Обыкновенно выбираютъ теплый ясный день. Вся семья одѣвается по-праздничному въ чистое бѣлье и лучшія одежды. Собираются родственники и пріятели. Иногда они пріѣзжаютъ изъ дальнихъ деревень еще наканунѣ. Обычный для гостей обѣдъ, сопровождающійся у бѣлоруссовъ изрядной попойкой, въ такихъ случаяхъ замѣняется

легкимъ сні͡эданемъ — завтракомъ безъ водки и сильно пахнущей зелени, какъ, напр., лукъ, чеснокъ и т. п. Дѣло въ томъ, что пчелы не любятъ запаха указанныхъ веществъ. Около 10—11 ч. утра подносятъ къ пчелинымъ бортямъ посуду для меда и воска и иныя принадлежности бортничества. Гости толпой переходятъ въ пчельникъ. Тамъ заранѣе собираются ребятишки, чтобы поглазѣть и получить порцію сотовъ, которые, по мѣстному обычаю, раздаются всѣмъ присутствующимъ. Вырѣзываетъ соты самъ хозяинъ или предоставляетъ такое почетное дѣло кому-либо старшему изъ присутствующихъ гостей. Почетный бортникъ, подойдя къ улью, снимаетъ шапку и крестится. Присутствующіе слѣдуютъ его примѣру и тоже осѣняютъ себя крестомъ, выражая соотвѣтствующія пожеланія по адресу пчелъ, ихъ владѣльцевъ и, вообще, всѣхъ присутствующихъ. Бортникъ обвязываетъ свою голову платкомъ, въ которомъ 23 апрѣля и 15 августа приносятъ въ церковь для освященія разные полевые злаки, и приступаетъ къ дѣлу, причемъ то крестится самъ, то креститъ улей. Прежде всего, бортникъ снимаетъ сні͡эдъ, затѣмъ топоромъ осторожно выковыриваетъ доўжень, къ которому пчелы иногда приклеиваютъ соты. При этомъ пчелы обильно подкуриваются зублёмъ — дымилкою. Зубель зажигаютъ огнемъ, добытымъ непремѣнно при посредствѣ огнива или тренія, такъ какъ только такой огонь почитается доброжелательнымъ, священнымъ[1]). Когда отъ дѣйствія дыма пчелы очистятъ переднюю часть улья, бортникъ обмакиваетъ ножъ въ чистую, освященную воду и вырѣзываетъ соты. Лучшіе изъ нихъ тутъ же разрѣзываются на куски, которые кладутся на бересту или на капустные листья и раздаются всѣмъ присутствующимъ, какъ гостямъ, такъ равно постороннимъ людямъ, хотя бы случайно проходившимъ въ то время поблизости. По окончаніи вырѣзыванія сотовъ, бортникъ бросаетъ на зубель немного вощины и, напитавъ душистымъ дымомъ пчелиное гнѣздо, закрываетъ должею, осѣняя ее крестнымъ знаменіемъ. Оставшуюся, затѣмъ, освященную воду приноситъ въ избу, окропляетъ ею иконы, столъ съ хлѣбомъ и солью, присутствующихъ, а иногда колодецъ, клѣть, гумно и другія постройки и остатокъ выливаетъ въ печь.

Затѣмъ, вся добыча переносится въ клѣть или въ избу и тутъ дѣлится между совладѣльцами бортей. Когда дѣлежъ оконченъ, начинается обыкновенная гостьба, сопровождающаяся попойкой. Тутъ же родственниковъ и пріятелей сябры́ приглашаютъ къ себѣ на „падгли́дване“ пчелъ. При хорошей погодѣ пирушки не переводятся въ теченіе всего августа мѣсяца, переходя изъ одного дома въ другой.

Если въ день Рождества Христова или Новаго года, какъ думаютъ бѣлоруссы, на молодыхъ быкахъ отвезти въ лѣсъ улей и поднять его на дерево, то въ наступающее лѣто пчелиный рой непремѣнно поселится въ такомъ ульѣ и насобираетъ много меда и воска. Кромѣ того, означенные молодые быки будутъ хороши и послушны въ работахъ.

Чтобы предохранить пчелъ отъ такъ называемаго гнильца̀[2]), отъ котораго нерѣдко уничтожаются цѣлыя пасѣки, необходимо строго соблюдать чистоту наканунѣ Крещенія, въ четвергъ на Страстной недѣлѣ и наканунѣ Троицына дня и, кромѣ того, не допускать поблизости къ ульямъ женщинъ въ то время, когда онѣ находятся въ періодѣ менструацій. Уже одна встрѣча бортникомъ такой женщины, когда онъ идетъ на пасѣку, по мнѣнію бѣлоруссовъ, можетъ повредить пчеламъ.

У кого хорошо водятся пчелы, тотъ считается доброжелательнымъ, праведнымъ человѣкомъ. Поэтому, каждый пчеловодъ, во время работъ возлѣ бортей, примиряется съ врагами и старается отогнать отъ себя даже дурныя мысли. Въ силу такого повѣрья, иногда, при посредствѣ пчелъ, примиряются самые заклятые враги. Обыкновенно примиреніе насту-

[1]) Сержпутовскій, А. Очерки Бѣлоруссіи. VII. Добываніе огня. „Живая Старина“ 1909, в. I, стр. 40—45.
[2]) Гнилецъ—особая болѣзнь, отъ которой черва загниваетъ и погибаетъ, не превращаясь въ куколокъ.

паетъ въ такихъ случаяхъ, когда рой одного человѣка входитъ въ улей врага. Враги становятся совладѣльцами тѣхъ пчелъ и съ того момента вступаютъ между собою въ духовное родство, называемое сябрынòю [1]). Думаютъ, что такъ угодно Провидѣнію. Дружба между такими сябрà ми почитается священной и бываетъ самой тѣсной и искренней.

На Пасху, послѣ заутрени, бортники приходятъ на пасѣки съ освященной свѣчей, отъ которой частицы воска кладутъ въ пчелиные ульи.

Мѣстные колдуны, чтобы причинить пчеламъ вредъ, берутъ ту воду, которой обмывали покойника, и обливаютъ ею улей.

Иногда враги посыпаютъ возлѣ ульевъ крошки хлѣба, который былъ попорченъ мышами, и думаютъ, что отъ того мыши нападутъ и уничтожатъ пчелиные соты.

Строго запрещается вблизи ульевъ мочиться или выбрасывать какія-либо нечистоты.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ мнѣ иллюстрировать бóльшимъ количествомъ примѣровъ связанные съ пчеловодствомъ мѣстные обычаи, повѣрья и предразсудки, которыми такъ богаты бѣлорусскіе бортники.

Такимъ образомъ, процвѣтавшее прежде лѣсное бортничество, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, начало падать и переходить въ пасѣчное или домашнее. Въ послѣднемъ видѣ оно сохранилось до настоящаго времени, но съ каждымъ годомъ уменьшается все болѣе и болѣе. Уже недалеко то время, когда какъ лѣсное, такъ и пасѣчное бортничество совершенно исчезнутъ въ Бѣлоруссіи. Веденіе раціональнаго пчеловодства посредствомъ усовершенствованныхъ ульевъ не прививается среди бѣлоруссовъ, которые очень неохотно принимаютъ всякія новшества, предпочитая жить, какъ жили ихъ отцы и дѣды. Кромѣ того, веденіе раціональнаго пчеловодства требуетъ извѣстнаго навыка, болѣе основательнаго знанія жизни пчелъ и, самое главное, вынуждаетъ покупать дорогіе рамочные или иныхъ системъ ульи, что не по карману бѣдняку-бѣлоруссу, который всѣ заработанныя деньги расходуетъ на уплату различныхъ повинностей, а самъ и семья перебиваются кое-какъ безъ наличнаго гроша.

Нельзя не пожалѣть, что въ Бѣлоруссіи исчезаетъ такой важный промыселъ, который въ старину приносилъ большіе доходы и въ настоящее время явился бы существеннымъ подспорьемъ въ хозяйственной жизни бѣлорусса.

А. Сержпутовскій.

31 октября 1910 г.

[1]) Сержпутовскій, А. Очерки Бѣлоруссіи. I. Сябрына. „Живая Старина" 1907, в. III, стр. 149.

Предметы изъ остяцкаго могильника возлѣ Обдорска.

Лѣтомъ минувшаго 1909 года мнѣ представился случай раскопать часть остяцкаго могильника, точнѣе—стараго кладбища, у с. Обдорска, Березовскаго уѣзда, Тобольской губ., лежащаго при впаденіи р. Полу́я въ р. Обь. Кладбище это расположено на крутомъ берегу р. Полуя, у самаго села, въ его сѣв.-зап. углу. При высокихъ уровняхъ воды въ рѣкѣ, берегъ, на которомъ расположено кладбище, подмывается и обрушивается; вмѣстѣ съ нимъ разрушаются и расположенныя на немъ могилы. Кромѣ того, вслѣдствіе песчанаго съ примѣсью суглинка грунта, берегъ разрушается и на своей поверхности, какъ подъ вліяніемъ эрозіи, такъ и вслѣдствіе выдуванія. У подножья обрыва, на осыпяхъ, а также на самомъ кладбищѣ, на поверхности въ безпорядкѣ разбросаны человѣческія кости и различные предметы, а на мѣстахъ свѣжихъ обваловъ нерѣдко выставляются даже цѣлые гроба-лодки. Кости эти время отъ времени собираются мѣстной администраціей и закапываются, а мелкіе предметы растаскиваются дѣтьми изъ села. Такъ какъ въ мои задачи не входило спеціальное изученіе и раскопка ни остяцкихъ, ни самоѣдскихъ, ни вогульскихъ кладбищъ, то я рѣшилъ ограничиться раскопкой только тѣхъ могилъ, которымъ угрожало разрушеніе въ самомъ непродолжительномъ времени, и сборомъ предметовъ, находящихся на поверхности.

Могилъ еще довольно свѣжихъ, находящихся вдали отъ обрыва, а также старыхъ, но прикрытыхъ растительнымъ покровомъ, я не тронулъ. Мною было раскопано всего только девятнадцать могилъ; однако, и онѣ дали уже настолько интересный сравнительно-этнографическій матеріалъ, что я считаю не лишнимъ предложить его вниманію лицъ, интересующихся народностями, населяющими сѣверозападъ Сибири, тѣмъ болѣе, что мнѣ неоднократно придется ссылаться на этотъ матеріалъ впослѣдствіи при изложеніи погребальныхъ обрядовъ и культа мертвыхъ у этихъ народностей.

Какому времени принадлежатъ данныя могилы -точно сказать трудно. Сиреліусъ полагаетъ, что погребенія на этомъ кладбищѣ относятся къ 17-му вѣку [1]); однако, судя по найденнымъ предметамъ, а также по свидѣтельству остяковъ, раскопанныя мной могилы относятся къ 40—50-мъ годамъ прошлаго столѣтія и имѣютъ, поэтому, скорѣе этнографическій, чѣмъ археологическій интересъ. Монетъ совсѣмъ не найдено, если не считать одного серебрянаго гривенника 1769 года, который былъ найденъ съ предметами культа (идолами).

[1]) Sirelius, U. T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Journal de la Société Finno-ougrienne XXII, 55.

Всѣ могилы расположены въ одномъ и томъ же направленіи; погребенные лежатъ на спинѣ головой на югъ, ногами на сѣверъ, гдѣ, по представленію остяковъ, за холоднымъ океаномъ находится загробный міръ. Только въ двухъ случаяхъ направленіе было иное (головою на западъ), но относительно ихъ я сомнѣваюсь, не явилось ли это направленіе слѣдствіемъ дислокаціи тѣхъ слоевъ почвы, въ которыхъ заключалось погребеніе. Умершіе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можно было установить, были погребены въ лодкахъ очень неглубоко въ землѣ (около 40 см. глуб.). Средніе размѣры мужскихъ гробовъ-лодокъ отличаются отъ женскихъ только своей длиною; ширина ихъ одинакова — около 61 см.; длина мужскихъ = 210 см., въ то время какъ женскихъ — около 198 см.; впрочемъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, разница незначительна. Лодки — обыкновенныя остяцкія однодеревки (хāп) съ пришитыми кедровымъ корнемъ къ бортамъ досками, по одной съ каждаго борта. Для погребенія корма и носъ обрубались и раскалывались топоромъ на отдѣльныя доски. Доски эти пришивались ремнями къ обрубленнымъ концамъ лодки, и, такимъ образомъ, послѣдняя превращалась въ ящикъ-гробъ. На дно лодки клали тага́ръ (но́ри) — плетеную изъ ситника *(Juncus conglomeratus)* цыновку. Въ двухъ случаяхъ вмѣсто тагара были подложены ки́ски (т ӯ н д ы) — маты, сшитые изъ вываренной березовой коры, которые, между прочимъ, служатъ для устройства лѣтнихъ чумовъ. На тага́ръ обязательно постилалась постель (та́хты) — шкура сѣвернаго оленя, а на нее уже клался покойникъ. Въ одномъ случаѣ между тагаромъ и постелью лежалъ войлокъ. Сверхъ лодки, погребенный обязательно покрывался „кисками“ (изъ березовой коры) иногда въ два-три слоя. Надъ нѣкоторыми могилами раньше были, по-

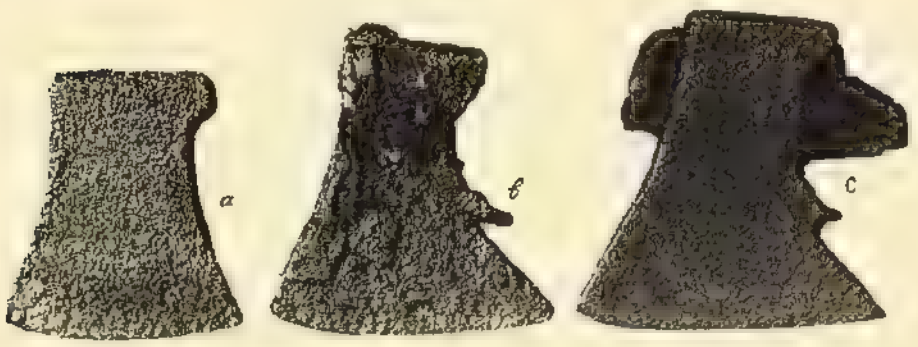


Рис. 1.

видимому, небольшіе срубчики, подобные тѣмъ, которые мы встрѣчаемъ надъ современными остяцкими могилами, но отъ времени они разрушились, и остались только сгнившія ихъ основанія надъ тремя мужскими (средній размѣръ 82 × 286 см.) и двумя женскими (средній размѣръ 102 × 315 см.) могилами. Въ одномъ случаѣ, вмѣсто сруба, надъ слоемъ песка въ 25 см. поверхъ ки́сокъ лежали вдоль могилы два бревна лиственницы.

Всѣ безъ исключенія костяки лежатъ на спинѣ съ вытянутыми конечностями; только черепъ иногда лежитъ бокомъ. Сохранность костей, замѣтимъ кстати, въ высшей степени плохая; лучше другихъ сохранился черепъ, да и то, вѣроятно, потому, что обыкновенно бываетъ накрытъ сверху котломъ; уцѣлѣли еще большія кости конечностей, остальныя же совершенно разрушились. Благодаря дурной сохранности, я имѣлъ возможность взять изъ этихъ могилъ только восемь череповъ и нѣсколько большихъ костей. Плохо сохранились и предметы, положенные съ умершими, несмотря на небольшую давность погребеній. Дерево почти совсѣмъ разрушилось, мѣха и шкуры истлѣли, изъ ремней хорошо сохранились только сдѣланные изъ кожи русской выдѣлки, кость и рогъ плохой сохранности, желѣзо (особенно ножи) сильно проржавѣло, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ разрушилось; хорошо сохранились только мѣдь и стекло.

Что касается предметовъ, найденныхъ въ могилахъ, то, въ большинствѣ случаевъ, это — предметы домашняго обихода и принадлежности костюмовъ, хотя иногда встрѣчаются предметы промысла. Такъ, въ одной могилѣ (мужское погребеніе № 8), кромѣ металлической ложки, рожковъ для табака, ножей, пояса, желѣзнаго котелка и деревянной четы-

рехугольной тарелки (блюда), справа у бока погребеннаго лежали два ручныхъ лука и стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Въ женскихъ могилахъ обыкновенно находится бо́льшее количество предметовъ, чѣмъ въ мужскихъ. Такъ, въ одной могилѣ (№ 6) находились: три ножа, рожокъ для табака, повязка (поясъ) на половые органы, желѣзный топоръ, масса мѣдныхъ колецъ и перстней, мѣдные бубенчики, наперстки, мѣдныя подвѣски (бляхи) отъ зимней мѣховой шапки, подсвѣчникъ, часть замка и ключъ отъ сгнившаго деревяннаго сундучка, остатки швейнаго мѣшка, нѣсколько сотъ бусъ, остатки шелковой ткани и украшенія косы изъ мѣдныхъ цѣпочекъ и металлическихъ пуговокъ, огниво, битая чайная посуда и другія мелкія вещи. Встрѣчаются, однако, и такія могилы, въ которыхъ всего три-четыре предмета; но какое бы бѣдное погребеніе ни было, ножъ и топоръ мы находимъ обязательно.

Рис. 2.

Помимо вещей, положенныхъ въ гробъ, нѣкоторые предметы клались, повидимому, еще сверху на могилѣ (вѣроятно, въ вышеупомянутые срубчики), такъ какъ въ нѣсколькихъ случаяхъ они были найдены надъ ки́сками, прикрывающими лодку-гробъ.

Большинство вещей—совершенно цѣлыя, нѣкоторыя повреждены, быть можетъ, случайно, но встрѣчается рядъ предметовъ (большинство котловъ и друг.), преднамѣренно испорченныхъ; нѣкоторые проткнуты ножами, что видно очень ясно, а дно одного большого мѣднаго котла даже прорублено топоромъ.

Среди предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ этихъ девятнадцати остяцкихъ могилъ, встрѣчается значительное количество дублетовъ и предметовъ, отличающихся одинъ отъ другого только частностями, въ виду чего я ограничусь описаніемъ только наиболѣе характерныхъ [1]).

I. Орудія и оружіе.

а) Желѣзные топоры (ла́ем ко́рды).

Топоры—необходимая принадлежность каждаго погребенія; въ нѣкоторыхъ могилахъ ихъ встрѣчается по два; лежатъ они обычно лезвеемъ внизъ у бока или въ ногахъ погребеннаго.

Среди топоровъ рѣзко различаются двѣ формы. Первая—это простой топоръ, употребляющійся для рубки дровъ и другихъ надобностей, характеризуется болѣе короткимъ лезвеемъ и отсутствіемъ язычка-зубца, отходящаго отъ задней части (рис. 1, *a*). Другая форма — топоръ, употребляющійся преимущественно при строительныхъ работахъ, съ болѣе длиннымъ лезвеемъ и отогнутымъ книзу язычкомъ (рис. 1, *b* и *c*). Верхняя часть топоровъ при обухѣ нѣсколько удлинена по направленію къ заду; отверстія для топорища—треугольной формы.

Топоръ, № 1708—222 (рис. 1, *a*), съ короткимъ лезвеемъ и безъ язычка; длина лезвея 10,8 см., высота 12,3 см.

То же, № 1708—57 (рис. 1, *b*), съ длиннымъ лезвеемъ и отогнутымъ назадъ язычкомъ; съ наружной стороны, вмѣстѣ съ ржавчиной, прикипѣли остатки тканей одежды погребеннаго; длина лезвея 13 см., высота топора 13,5 см.

То же, № 1708—167 (рис. 1, *c*), съ длиннымъ лезвеемъ, отогнутымъ назадъ язычкомъ и остатками топорища во втулкѣ; длина лезвея 14,3 см., высота топора 14,7 см.

[1]) Вся коллекція состоитъ изъ 273 номеровъ и зарегистрирована мною подъ № 1708, причемъ предметы описаны по погребеніямъ съ указаніемъ мѣста нахожденія каждаго предмета въ могилѣ.

b) *Пешни.*

Въ настоящее время остяки употребляютъ пешни для продалбливанія льда при постановкѣ рыболовныхъ снастей, а также для испытыванія крѣпости льда при переправахъ черезъ рѣки осенью и весной.

Желѣзная пешня, № 1708—169 (рис. 2), со втулкой для укрѣпленія древка; сѣченіе—прямоугольное, остріе—долотовидное; длина 18,3 см.

c) *Ножи (кéжи).*

Ножи являются безусловно необходимыми въ быту остяковъ, почему послѣдніе каждаго погребеннаго обязательно снабжаютъ ножомъ, иногда даже тремя-четырьмя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они находятся въ ножнахъ, прикрѣпленныхъ къ поясу. Среди найденныхъ ножей слѣдуетъ различать два основныхъ типа клинковъ: одинъ типъ—туземнаго производства, другой—болѣе многочисленный, полученный отъ русскихъ въ качествѣ продукта торговыхъ сношеній. Клинки перваго типа—болѣе узкіе, длинные и толстые, съ лезвеемъ, заточеннымъ съ одной только стороны (рис. 3, *a*—*f*; особенно типичны *b*, *c* и *f*). Подобные клинки въ настоящее время не выковываются, а дѣлаются изъ старыхъ стальныхъ подпилковъ путемъ стачиванія на брускѣ. Манера производить клинки такой формы объясняется тѣмъ, что ножомъ остяки нерѣдко рубятъ кости,—поэтому, важно, чтобы клинокъ былъ крѣпокъ и тяжелъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ножомъ не только рѣжутъ, но и стругаютъ, почему толстое, одностороннезаточенное лезвее крайне практично. Русскій ножъ легко узнать по его сравнительно большей ширинѣ и острому кончику (рис. 3, *g*—*l*; особенно типичны хорошо сохранившіеся *k* и *l*); обѣ стороны клинка заточены и отшлифованы равномѣрно съ обѣихъ сторонъ. Ручки ножей очень разнообразны; встрѣчаются деревянныя (рис. 3, *a*, *i*, *j*), изъ оленьяго рога (рис. 3, *d*), изъ берестовой коры (рис. 3, *h*), мѣдныя (рис. 3, *g*) или, наконецъ, деревянныя съ тонкой оловянной инкрустаціей (рис. 3, *b* и *c*). Ручки послѣдняго типа, т.-е. съ обкладкой изъ олова, изготовляются остяками и самоѣдами и въ настоящее время, но являются уже большой рѣдкостью и очень цѣнятся послѣдними.

Рис. 3.

Ножъ, № 1708—22 (рис. 3, *a*), съ деревянной ручкой овальнаго сѣченія (9,6 см. длины), короткимъ и толстымъ клинкомъ (8,2 см. длины).

То же, № 1708—172 (рис. 3, *b*), съ деревянной, инкрустированной оловомъ ручкой овальнаго сѣченія (10,1 см. длины); клинокъ—узкій и толстый, съ лезвеемъ, заточеннымъ съ одной стороны (11,1 см. длины).

То же, № 1708—9 (рис. 3, *c*), какъ и предыдущій, съ деревянной, инкрустированной оловомъ ручкой (10,7 см. длины) овальнаго сѣченія; клинокъ—узкій и толстый, съ односторонне-заточеннымъ лезвеемъ (10,8 см. длины).

То же, № 1708—220 (рис. 3, *d*), съ ручкой изъ рога сѣвернаго оленя (10 см. длины); клинокъ—короткій и толстый (7,2 см. длины).

То же, № 1708—120 (рис. 3, *g*), съ мѣдной гравированной ручкой (10,9 см. длины) овальнаго сѣченія, съ утолщеніемъ на концѣ; широкій клинокъ къ концу суживается (19 см. длины).

То же, № 1708—209 (рис. 3, *h*), съ ручкой (10 см. длины) изъ овальныхъ кружковъ березовой коры, насаженныхъ на черенокъ; широкій клинокъ—съ пяткой у рукоятки и острымъ концомъ (14 см. длины).

То же, № 1708—164 (рис. 3, *i*), съ деревянной ручкой, къ концу утолщенной; широкій и тонкій клинокъ—у ручки толстый, овальнаго сѣченія; длина ножа 26,2 см.

То же, № 1708—21 (рис. 3, *j*), съ деревянной изъ березоваго корня ручкой; тонкій клинокъ, у ручки—съ массивной мѣдной оправой овальнаго сѣченія; длина ножа 22,1 см.

Клинокъ ножа, № 1708—213 (рис. 3, *e*), узкій, съ короткимъ череномъ прямоугольнаго сѣченія; длина 16 см.

То же, № 1708—173 (рис. 3, *f*), узкій и тонкій, съ лезвеемъ, заточеннымъ съ одной стороны; черенъ—короткій и плоскій; длина 18,2 см.

То же, № 1708—106 (рис. 3, *k*), широкій, къ концу заостренный, съ плоскимъ череномъ; длина 28 см.

То же, № 1708—150 (рис. 3, *l*), широкій, къ концу заостренный, съ плоскимъ и длиннымъ череномъ; длина 31,4 см.

Рис. 4.

d) Ножны (кéжи сóдып).

Среди найденныхъ нами ноженъ для ножей встрѣчаются исключительно деревянныя; часть изъ нихъ—цѣльныя, изъ одного куска дерева, почти совсѣмъ разрушившіяся, большинство же состоитъ изъ двухъ деревянныхъ половинокъ, обтянутыхъ снаружи черной кожей русской выдѣлки. Нѣкоторыя, кромѣ того, на поверхности кожи имѣютъ обкладку изъ разнообразной формы пластинокъ листовой мѣди (№ 1708—210). Остяки—не только мужчины, но и многія женщины—въ настоящее время у пояса съ лѣвой стороны носятъ ножи въ ножнахъ; этимъ объясняется то обстоятельство, что ножи въ ножнахъ мы находимъ даже въ женскихъ могилахъ.

Ножны съ ножомъ, № 1708—54 (рис. 21, *b*), обтянутыя дублёной русской кожей; длина 31 см.

e) Стругъ (вóлтып).

Мною найденъ только одинъ костяной предметъ, называемый остяками „вóлтып". Инструментъ, извѣстный подъ этимъ названіемъ, представляетъ собой небольшой (деревянный или костяной) желобокъ съ однимъ или двумя, рѣдко болѣе, прорѣзанными отверстіями, расположенными наискось или поперекъ желобка. Употребляется „вóлтып" для обстругиванія круглыхъ поверхностей: древокъ стрѣлъ, шестовъ для понуканія оленей (хореевъ), луковъ и т. под. Величина, кривизна и ширина желобка этого струга зависитъ отъ діаметра палки, которую нужно строгать; понятно, что стругъ для приготовленія древка стрѣлы у́же и болѣе изогнутъ, чѣмъ предназначенный для строганія хорея. При обстругиваніи работающій вставляетъ ножъ [1]) лезвеемъ въ отверстіе, нажимая его указа-

[1]) Какъ нами было упомянуто выше, толстые съ односторонне-заточеннымъ лезвеемъ остяцкіе ножи употребляются для обглаживанія дерева.

тельнымъ пальцемъ (или такъ, какъ показано у Сирелiуса), большимъ упирастъ въ передній край „во́лтып"-а и въ такомъ положеніи водитъ имъ по дереву по направленію къ себѣ; дерево держитъ при этомъ въ лѣвой рукѣ [1]). Если отверстій два, то одно обычно—болѣе глубокое, для болѣе грубой (первоначальной) обдѣлки, другое — болѣе тонкой. Вообще говоря, отверстіе, сравнительно съ выгнутостью, такъ незначительно, что лезвее только немного выдается, а потому при работѣ сострогиваетъ только неровныя мѣста, и древко сглаживается. Странно, что такой распространенный инструментъ найденъ нами только въ одномъ экземплярѣ; это произошло, можетъ-быть, отъ того, что деревянные истлѣли, а „во́лтып" гораздо чаще дѣлается изъ дерева.

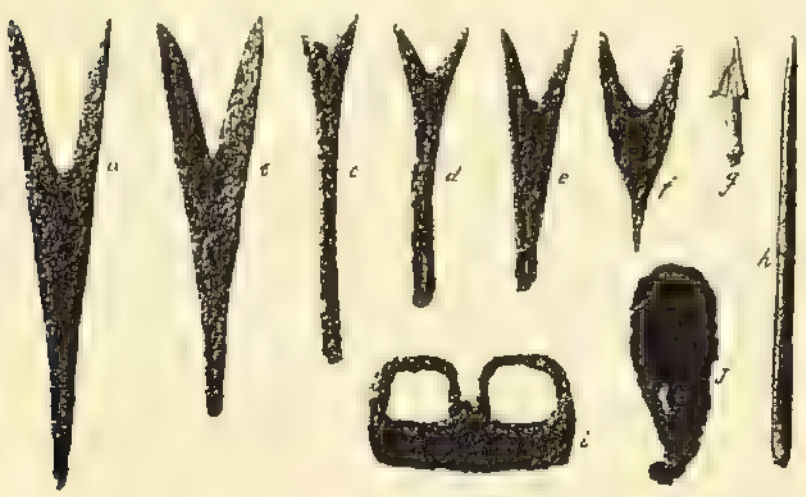


Рис. 5.

Стругъ, № 1708—252 (рис. 4), изъ оленьяго рога, съ двумя поперечными, немного скошенными, отверстіями; длина 5,6 см.

f) Сверло (па́зылып).

Этимъ именемъ я называю коловратъ и дѣлаю это потому, что мѣстное русское населеніе называетъ его „остятскимъ сверломъ". Мною найдена только желѣзная часть этого инструмента, остальное не сохранилось. Сверло это - въ большомъ употребленіи еще и теперь; оно имѣетъ двойную деревянную, рѣже костяную, рукоятку-стержень и приводится во вращательное движеніе лучкомъ съ продѣтымъ въ рукоятку ремнемъ. Ручка и того сверла, отъ котораго уцѣлѣла только желѣзная часть, была, вѣроятно, деревянная. Пользуются сверломъ при изготовленіи самыхъ разнообразныхъ вещей, особенно при устройствѣ нартъ и лодокъ.

Сверло, № 1708—125 (рис. 5, *h*),—желѣзная часть съ круглымъ сѣченіемъ; болѣе тонкій конецъ укрѣпляется въ рукояткѣ (стержнѣ); другой—широкій, жолобообразный, сверлящій конецъ остро заточенъ; длина 16,7 см.

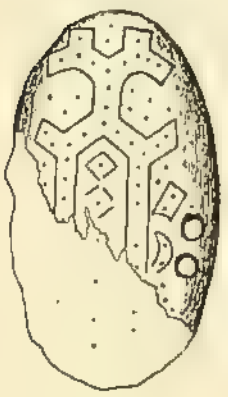


Рис. 6.

g) Острія стрѣлъ (ко́рды нял или нёл).

Среди другихъ предметовъ, съ погребенными мужчинами клались иногда луки и стрѣлы. Луки, равно какъ и древки стрѣлъ, истлѣли, почему мы находимъ только одни острія. Стрѣлы чаще клались по двѣ, по три, но въ одной могилѣ ихъ было найдено семь штукъ. Типъ острія очень однообразенъ; это –исключительно плоское, желѣзное съ развилкой на концѣ остріе, рѣжущія лезвея котораго обращены внутрь. По остаткамъ древка и по аналогіи съ нынѣ существующими у остяковъ стрѣлами можно заключить, что острія эти плоскимъ череномъ вставлялись въ соотвѣтствующій вырѣзъ древка и укрѣплялись осетровымъ клеемъ съ обмоткой изъ оленьихъ сухожилій. Стрѣлы съ вильчатыми желѣзными остріями въ настоящее время употребляются остяками или для сторожевыхъ (это—стрѣлы съ большими остріями, рис. 5, *a*, *b*) луковъ на лисицъ, зайцевъ и росомахъ или, гораздо рѣже, для охоты на утокъ (маленькія острія, рис. 5, *c*, *d*) съ ручными луками. Среди другихъ найдено одно мѣдное трегранное остріе (наконечникъ) со втулкой и про-

[1]) Способъ вставленія ножа въ стругъ изображенъ у F. Martin. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Volksgeschichte und Kultur der sibirischen Völker. Stockholm. 1897. Taf. 12, fig. 71. То же и пріемъ работы см. U. T. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. (Journal de la Société Finno-ougrienne XXII, 55).

долговатымъ отверстіемъ на черенкѣ—типа, извѣстнаго въ археологіи подъ названіемъ сарматской стрѣлы. Непонятно, какимъ образомъ могла попасть къ остякамъ подобная стрѣла, и врядъ ли она употреблялась для охоты; нужно еще отмѣтить, что это—одно изъ семи [1]) острій, найденныхъ въ одномъ погребеніи [2]).

Остріе стрѣлы, № 1708—2 (рис. 5, *a*), желѣзное, съ развилкой на концѣ; длина 18 см.

То же, № 1708—123 (рис. 5, *b*), желѣзное, съ развилкой; длина 15,4 см.

То же, № 1708—212 (рис. 5, *c*), желѣзное, съ длиннымъ черепомъ и развилкой; длина 13,6 см.

То же, № 1708—6 (рис. 5, *d*), желѣзное, съ остатками древка и вильчатымъ лезвеемъ; длина 11 см.

То же, № 1708—5 (рис. 5, *e*), желѣзное, съ вильчатымъ лезвеемъ; длина 10,3 см.

То же, № 1708—156 (рис. 5, *f*), широкое, желѣзное, съ острымъ и короткимъ черепомъ и вильчатымъ лезвеемъ; длина 8,8 см.

То же, № 1708—8 (рис. 5, *g*), мѣдное (по́дарох нял), трегранное со втулкой и остаткомъ древка; длина 4,7 см.

h) Предохранительныя для руки дощечки (jо́шкар).

При стрѣльбѣ изъ лука остяки, какъ вогулы и самоѣды, чтобы не поранить тетивой кожу надъ мыщелкомъ (*capitulum radii*) лѣвой руки, повязываютъ предохранительную, нѣсколько изогнутую, дощечку „jо́шкар". Дощечки эти дѣлаются изъ оленьяго рога или мамонтоваго бивня овальной формы и имѣютъ по бокамъ двѣ пары отверстій для ремешковъ, при помощи которыхъ онѣ повязываются на руку. Наружная сторона обычно орнаментируется. Нами было найдено только двѣ такихъ дощечки: одна—изъ мамонтоваго бивня (№ 1708—251), другая—изъ оленьяго рога, рисунокъ которой мы здѣсь даемъ.

Предохранительная дощечка, № 1708—12 (рис. 6), для лѣвой руки, изъ оленьяго рога; на наружной сторонѣ—стилизованное изображеніе медвѣдя (мо́йпыр), окруженное точками; часть поверхности съ орнаментомъ разрушилась; длина 7,4 см., ширина 4,1 см.

II. Домашняя утварь и другіе предметы.

a) Огнива (тут ко́рды).

Въ описаніи погребенія остяковъ Палласъ говоритъ, что они не кладутъ съ погребенными ни настоящаго огнива, ни кремня, а вмѣсто нихъ кладутъ огниво и кремень, вырѣзанные изъ дерева [3]). Между тѣмъ, въ двухъ могилахъ (одной—мужской, другой—женской) нами были найдены два огнива, причемъ при одномъ изъ нихъ былъ найденъ и обитый кремень, служившій для высѣканія огня. Оба огнива очень типичны, хотя значительно отличаются другъ отъ друга по формѣ. Одно изъ нихъ (рис. 5, *j*) лежало, повидимому, въ суконномъ кошелькѣ, остатки котораго мы видимъ на его поверхности.

Огниво, № 1708—154 (рис. 5, *i*), изъ довольно широкой желѣзной пластины прямоугольнаго сѣченія (8,1 см. длины), отъ краевъ которой отходятъ два стержня, образующіе, соединяясь посрединѣ, двѣ дуги. При высѣканіи огня, огниво держатъ за эти дуги, продѣвъ въ отверстія указательный и средній пальцы.

[1]) Число семь считается остяками священнымъ.

[2]) Есть основаніе полагать, что была связка стрѣлъ, являвшаяся предметомъ культа.

[3]) Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства, часть 3-я, стр. 71 и 72.

То же, № 1708—89 (рис. 5, *j*), изъ желѣзной пластины прямоугольнаго сѣченія, которая, загибаясь на одномъ концѣ и переходя въ круглый стержень, соединяется съ другимъ концомъ пластины, оканчиваясь завиткомъ. При высѣканіи огня, огниво держатъ за этотъ стержень-дугу.

b) Котлы (пут).

Почти во всѣхъ могилахъ были нами найдены котлы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ желѣзныя ведра и ковши. Котлы обыкновенно прикрываютъ голову погребеннаго, лежа дномъ кверху, или находятся у головы сбоку, или, наконецъ, въ ногахъ. Въ нашей коллекціи имѣются только мѣдные котлы (по́дарох пут), желѣзные же и чугунные (ко́рды пут) при первомъ прикосновеніи разрушались, почему мы и не могли ихъ взять. Всѣ они, повидимому, русской или зырянской работы. Величина и форма котловъ очень разнообразна;

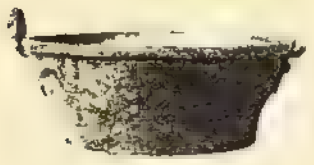


Рис. 7.

Рис. 9.

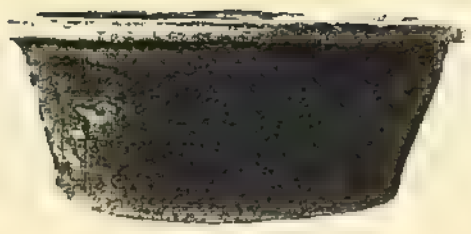


Рис. 8.

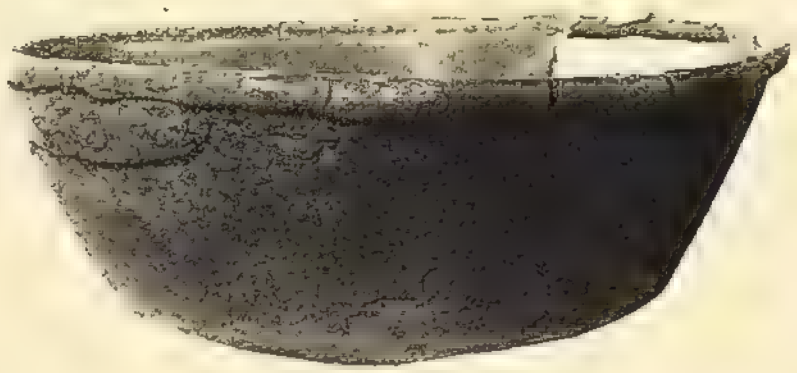


Рис. 10.

форма мѣдныхъ видна на приложенныхъ рисункахъ (рис. 7—10), желѣзные же были въ большинствѣ случаевъ глубокіе, безъ уменьшенія діаметра до самаго дна, гдѣ стѣнки переходятъ въ дно крутымъ изгибомъ. Были ли попорчены желѣзные котлы, мы не знаемъ, но мѣдные повреждены не всѣ; такъ, котелокъ № 1708 -1 (рис. 7) совершенно цѣлъ, въ то время какъ дно котла № 1708—144 (рис. 8) проткнуто въ двухъ мѣстахъ ножомъ, а дно котла № 1708—33 (рис. 10) прорублено топоромъ.

Мѣдный котелъ, № 1708—1 (рис. 7), съ двумя ушками у верхняго края; діаметръ вверху 15,3 см., — дна 10,8 см.; высота 6 см.

То же, № 1708—144 (рис. 8), съ отломанными ушками; діаметръ вверху 26,6 см., діаметръ дна 20 см.; высота 14 см.

То же, № 1708—211 (рис. 9), съ двумя ушками у верхняго края; діаметръ вверху 34 см.,—дна 21 см.; высота 13 см.

То же, № 1708—33 (рис. 10), въ нѣсколькихъ мѣстахъ поврежденный; діаметръ вверху 49 см., высота 18 см.

c) Деревянные ковши (юх ӈмби).

Изъ всѣхъ найденныхъ нами деревянныхъ сосудовъ хорошо сохранились только два ковшичка. Еще и теперь у остяковъ нерѣдко встрѣчаются подобные ковши для питья воды и даже чая. Ихъ, пожалуй, можно назвать спеціальной посудой промышленниковъ, такъ какъ среди послѣднихъ они чаще всего встрѣчаются. Какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 11, *a*, *b*), это—маленькіе круглые сосуды различной глубины, съ одной или двумя ручками.

Ковшикъ, № 1708—253 (рис. 11, *a*), изъ березоваго дерева, съ двумя короткими ручками у верхняго края; діаметръ 6,2 см., высота 5,4 см.

То же, № 1708—254 (рис. 11, *b*), съ выпуклымъ донышкомъ и коротенькой ручкой у верхняго края; діаметръ 8 см., высота 5,5 см.

Рис. 11.

d) Ложки (ня́ли).

У остяковъ можно встрѣтить ложки двухъ типовъ: это—или съ прямымъ дномъ и отвѣсными боками, прямоугольной формы, въ родѣ ковшей (уполовники), употребляющіяся для черпанія, или ложки значительно меньшихъ размѣровъ, яйцевидной формы, употребляющіяся для ѣды. Въ раскопанныхъ нами могилахъ были найдены остатки нѣсколькихъ ложекъ послѣдняго типа, причемъ всѣ онѣ разрушились, кромѣ одной металлической. Характерная особенность этихъ ложекъ, помимо формы—очень короткая ручка.

Рис. 12.

Металлическая ложка, № 1708—127 (рис. 12), мѣдная посеребренная (или изъ низкопробнаго серебра), обратно-яйцевидной формы, съ короткой, круглаго сѣченія, ручкой. Ложка эта, вѣроятно, пріобрѣтена отъ русскихъ и имѣла болѣе длинную ручку, которую впослѣдствіи обрѣзали и, такимъ образомъ, подвели подъ типъ ложекъ собственной индустріи.

Ручка деревянной ложки, № 1708—24 (рис. 13), украшенная рѣзьбой.

e) Табакерки (са́р-лоу).

Почти всѣ авторы, описывающіе остяковъ и самоѣдовъ, единогласно отмѣчаютъ ихъ пристрастіе къ табаку. Нужно замѣтить, при этомъ, что только очень немногіе курятъ, большинство же остяковъ кладетъ табакъ за губу и нюхаетъ. Поэтому, табакерка съ табакомъ была, разумѣется, однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, которыми снабжали умершаго. Если и клали кисеты съ табакомъ, то они истлѣли, и мы находимъ только табакерки. Изъ послѣднихъ мы встрѣтили только одну берестяную коробочку (мог. № 8)—типа, очень распространеннаго на сѣверѣ Россіи и въ Финляндіи, да и она была настолько разрушившаяся, что мы не могли ее сохранить, остальныя же были табакерки-рожки; ихъ мы имѣемъ значительное количество. Изъ нихъ особенно интересны сдѣланныя изъ коровьяго рога, очень искусно инкрустированныя оловомъ, къ сожалѣнію, осыпавшимся; однако, по оставшимся углубленіямъ и уцѣлѣвшимъ кусочкамъ олова можно составить себѣ вполнѣ ясное представленіе объ узорѣ. Эти табакерки я отмѣчаю еще и потому, что онѣ, повидимому, уже совсѣмъ вывелись изъ употребленія;

мнѣ, по крайней мѣрѣ, не пришлось встрѣтить у остяковъ ни одного подобнаго рожка. Очень интересенъ также и мѣдный, литой рожокъ-табакерка (№ 1708—101; въ немъ, кстати, сохранился и нюхательный табакъ) какъ по своей формѣ и украшеніямъ [1]), такъ и по нахожденію его съ предметами культа.

Табакерка-рожокъ, № 1708—128 (рис. 14, *b*), изъ коровьяго рога, инкрустированная оловомъ (сильно разрушившаяся); длина 15,1 см.

То же, № 1708—129 (рис. 14, *a*), изъ коровьяго рога, инкрустированнаго оловомъ, мѣстами осыпавшимся; длина 16 см.

То же, № 1708—101 (рис. 15, *a*, *c*), мѣдная, литая, съ крышкой и пробочкой; орнаментирована рядомъ кружковъ съ точками въ центрѣ; къ мѣднымъ кольцамъ средины верхней части крышки, равно какъ и къ мѣдной пробочкѣ, закрывающей узкое отвер-

Рис. 13.

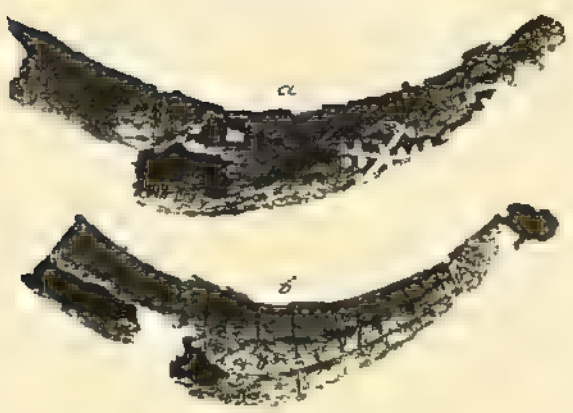


Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

стіе табакерки, были прикрѣплены нити разноцвѣтныхъ бусъ и мѣдныхъ пуговокъ (№ 1708—102; рис. 15, *b*), на тонкихъ ремешкахъ. Нѣкоторыя бусы, черныя съ бѣлыми полосками, вѣроятно, довольно древнія. Возможно, что эти нити бусъ соединяли крышку съ пробочкой.

f) Принадлежности оленьей упряжи.

Найденныя въ значительномъ количествѣ принадлежности оленьей упряжи были встрѣчены только въ женскихъ погребеніяхъ. Это, во-первыхъ, большія, широкія лямки изъ черной кожи русской выдѣлки, одѣвающіяся на спину оленя; во-вторыхъ, желѣзныя цѣпи (ко́рды кол), которыми упряжные олени за узду привязываются къ спинной лямкѣ впереди идущаго оленя, или служившія въ обозѣ для привязыванія оленей одной нарты къ другой, впереди идущей. Наконецъ, мы встрѣчаемъ еще костяныя части узды (ся́ны) и

[1]) Обращаемъ вниманіе на орнаментъ рожка (рис. 15)—концентрическіе кружки съ точкой въ центрѣ—какъ на одинъ изъ самыхъ употребительныхъ мотивовъ орнаментаціи не только мѣдныхъ, но и костяныхъ предметовъ у народностей сѣв.-зап. Сибири, особенно у зырянъ; см. также рис. 28, *f*, *k*, рис. 30, *a*.

большіе мѣдные колокольчики (по́дарох сы́нган), характерную принадлежность женской упряжи. Колокольчики эти привязываются обыкновенно къ вышепоименованнымъ цѣпямъ, соединяющимъ оленей. На одной кожаной лямкѣ (и отдѣльно) нами найдена прикрѣпленная мѣдная скоба, на которой лежитъ вожжа передового оленя.

Желѣзная цѣпь, № 1708—184 (рис. 16), изъ шести звеньевъ съ желѣзными кольцами на концахъ; дл. 88 см.

Мѣдный колокольчикъ, № 1708—188 (рис. 17, *b*), съ ремешкомъ въ отверстіи прямоугольнаго ушка; высота 6,3 см.

Пластинка, № 1708—250 (рис. 18), изъ оленьяго рога, верхняя часть оленьей узды; длина 12,9 см.

Мѣдная скоба, № 1708—248 (рис. 19), средней частью прикрѣпляется къ спинной лямкѣ передового оленя съ лѣваго бока; на выдающейся части лежитъ вожжа; длина 17,7 см. (вѣроятно, зырянской работы).

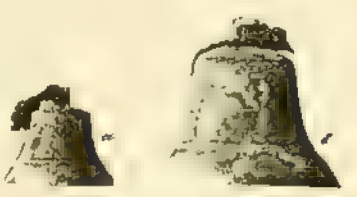


Рис. 17.

III. Остатки костюмовъ и украшенія.

Какъ теперь, такъ и въ то время, къ которому относится интересующій насъ могильникъ, остяки-мужчины носили малицы, парки и совики изъ оленьяго мѣха (послѣдніе, лѣтомъ—изъ сукна), не имѣющіе никогда никакихъ металлическихъ украшеній. Поэтому, понятно, что мы не находимъ и слѣдовъ мужской одежды, такъ какъ мѣхъ и сукно истлѣли, за исключеніемъ поясовъ, сохранившихся довольно хорошо. Послѣднее объясняется тѣмъ, что они были сдѣланы изъ черной, русской выдѣлки, кожи съ мѣдными пряжками и часто украшены металлическими пуговками. Почти ничего не осталось и отъ женскихъ мѣховыхъ костюмовъ; зато отъ длинной суконной женской одежды (ной сах) мы имѣемъ большое количество украшеній. Обуви, за исключеніемъ одной пары головокъ отъ русскихъ бродней, мы не находимъ совсѣмъ, такъ какъ и она дѣлалась изъ оленьяго мѣха и замши. Головы женщинъ были повязаны платками, закрывавшими и все лицо, изъ которыхъ нѣкоторые были шелковые. У головы или въ ногахъ женщинъ были положены женскія мѣховыя шапки (миль), что можно заключить по остаткамъ подвѣсокъ отъ этихъ шапокъ. Изъ украшеній, кромѣ нашиваемыхъ на костюмы, въ большомъ количествѣ были найдены перстни и кольца или одѣтыми на руки, или положенными отдѣльно, иногда въ какихъ-нибудь сосудахъ. Немало имѣется также и украшеній косъ, въ видѣ разноцвѣтныхъ бусъ, цѣпочекъ и т. под.

Рис. 18.

Рис. 19.

а) Платки (охса́м).

Отличительная особенность остяцкаго головного платка заключается въ присутствіи бахромы. Такъ какъ въ покупныхъ платкахъ бахромы зачастую не бываетъ, то остячки дѣлаютъ послѣднюю сами изъ конопляныхъ нитокъ и пришиваютъ ее даже къ шелковымъ платкамъ. Какъ мы уже отмѣтили выше, головы и лица всѣхъ погребенныхъ, вѣроятно, были покрыты платками (какъ этого требуетъ обычай), но мы имѣемъ только два хорошо сохранившихся платка и остатки третьяго, да и то только потому, что послѣдніе были изъ шелковой ткани. Изъ нихъ особенно интересенъ одинъ, рисунокъ котораго мы здѣсь приводимъ.

Шелковый платокъ, № 1708—207 (рис. 20), кофейнаго цвѣта, съ узоромъ, вытканнымъ голубыми шелковыми нитками съ мишурой; по краю—холщевая обшивка съ бахромой.

b) *Пояса* (*э́ндоп или а́ндып*) *и пряжки* (*нёл*).

Большинство имѣющихся у насъ поясовъ было сдѣлано изъ черной дубленой кожи; они дѣлались изъ двухъ ремней, сшитыхъ по краямъ оленьими сухожильями, причемъ съ наружной стороны нѣкоторые покрывались рядами мѣдныхъ пуговокъ (см. рис. 21, *c*); для укрѣпленія пуговки, въ поясѣ прокалывалось маленькое отверстіе, куда вставлялось ушко пуговки, а съ внутренней стороны въ ушки этихъ пуговокъ продѣвали ремешокъ или сухожильную нить. Помимо пряжекъ, къ лѣвому боку пояса прикрѣплялись ножны съ ножомъ, а иногда пришивался еще кожаный кошелёкъ (№ 1708—134), подобный тѣмъ, въ которыхъ остяки носятъ у пояса стружки (во́тлип [1]), и продолговатый мѣшочекъ (ле́стан хот) для оселка. Замѣчательно то, что ни въ этихъ мѣшочкахъ, ни отдѣльно ни въ одномъ изъ погребеній не было найдено ни одного оселка, равно какъ и медвѣжьяго клыка, носимаго почти всѣми современными остяками у пояса. Сравнительно хорошо сохранившимся былъ найденъ только одинъ (№ 1708—153) шерстяной поясъ; послѣдній, вѣроятно, остяцкой работы и похожъ на тѣ, которые сейчасъ плетутъ остяки на своеобразныхъ бёрдахъ—дощечкѣ съ рядомъ продолговатыхъ вырѣзовъ. Нерѣдко пояса были одѣты на погребенныхъ (напр., шерстяной былъ даже завязанъ узломъ); въ томъ случаѣ, когда поясъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не сходился, пряжки отрывались, а на ихъ мѣсто продѣвался шерстяной шнурокъ (поясокъ), который уже свободно завязывался узломъ (см. рис. 21, *c*). Пряжки, за исключеніемъ одной (рис. 23) — мѣдныя, литыя, довольно своеобразной формы и, по всей вѣроятности, зырянской работы. На внутренней поверхности каждая половина пряжки имѣетъ нѣсколько зубчиковъ (у́шекъ) съ отверстіемъ посрединѣ, при помощи которыхъ она прикрѣплялась къ ремню. Зубчики проходили въ соотвѣтствующіе вырѣзы въ ремнѣ, а въ ихъ отверстія вставлялись коротенькія палочки. Наружная поверхность пряжки орнаментировалась, иногда вся (рис. 24), причемъ орнаментъ получался, вѣроятно, въ моментъ отливки, а не вырѣзывался уже на готовой пряжкѣ. Совершенно особое мѣсто,

Рис. 20.

[1]) Во́тлип — мелкія стружки, широко потребляемыя остяками для самыхъ разнообразныхъ надобностей; между прочимъ, носимыя у пояса служатъ для закладыванія за губу вмѣстѣ съ табакомъ, чтобы послѣдній дольше держался, и для затыканія ноздрей при нюханіи табака—для той же цѣли.

по своей формѣ и величинѣ, занимаетъ пряжка (рис. 21, *a*) для женскаго шерстяного пояса (остяц.—„а́ндып лёк“, сам.—„іи́ня изе“), найденная нами въ одномъ самоѣдскомъ погребеніи (въ устьѣ р. Ны́ды). Мы помѣщаемъ ее здѣсь, несмотря на то, что она—изъ самоѣдскаго погребенія, потому, что подобныя пряжки очень распространены еще и сейчасъ среди низовскихъ остяковъ, да были, повидимому, распространены и раньше, и отсутствіе подобной пряжки въ нашемъ могильникѣ мы объясняемъ простой случайностью. Пряжка эта носилась, разумѣется, на животѣ, съ плетенымъ шерстянымъ поясомъ, который продѣвался въ кольца, висящія по бокамъ. Подобныя пряжки носятъ не только беременныя женщины, какъ это утверждаютъ нѣкоторые авторы, но даже дѣвушки.

Кожаный поясъ, № 1708—130 (рис. 21, *c*), украшенный снаружи тремя рядами мѣдныхъ бляшекъ (пуговокъ); шир. 5,6 см.

То же, № 1708—36 (рис. 21, *d*), съ мѣдной двойной пряжкой, покрытой снаружи растительнымъ орнаментомъ; орнаментъ пряжки изображенъ отдѣльно (рис. 24).

То же, № 1708—159 (рис. 23), съ простой желѣзной пряжкой; ширина пояса 3,6 см.

Мѣдная пряжка, № 1708—131 *a*, *b* (рис. 22, *b*), двойная, немного выгнутой формы; съ обратной стороны вокругъ звѣзды—по пяти зубчиковъ для прикрѣпленія къ поясу, а на одной изъ половинъ, кромѣ того—крючокъ, зацѣпляющійся за прямоугольные вырѣзы другой пряжки; размѣръ 5,8 × 12 см.

То же, № 1708—165 *a*, *b* (рис. 22, *c*), двойная, слегка выгнутая; размѣръ 5,8×12,1 см.

То же, № 1708—163 *a*, *b* (рис. 22, *a*), изъ двухъ половинъ, размѣромъ 6 × 8,1 см. и 6,3 × 8,7 см.

То же, № 1708—265 (рис. 21, *a*), для женскаго шерстяного пояса, 18,4 см. діам.

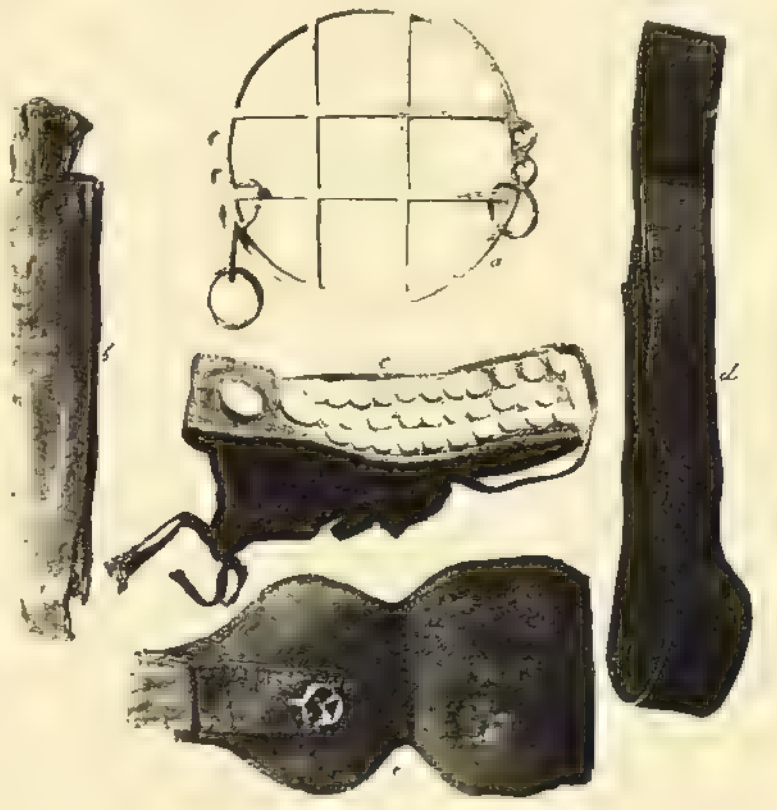


Рис. 21.

c) Женскій поясъ („во́роп“) и пряжки (нёл) къ нему.

Одною изъ своеобразныхъ принадлежностей остяцкаго женскаго костюма является кожаный поясъ, или повязка, на половые органы, называемый ими „во́роп“, который и въ настоящее время носятъ всѣ безъ исключенія остячки съ момента наступленія половой зрѣлости. Необходимость ношенія этой повязки объясняется обычаемъ остячекъ постоянно носить въ области labia majora и даже vagina скатанный комокъ тонкихъ стружекъ „во́тлип“ [1]), что, естественно, безъ этой повязки было бы немыслимо. Широкій конецъ „во́роп“-а пришивается къ пояску-ремешку или шерстяному шнурку и прикрываетъ крестцовую область; средняя часть проходитъ между бедеръ такъ, что вырѣзъ совпадаетъ съ послѣдними, а выдавшійся впередъ язычокъ зацѣпляется пряжкой за тотъ же поясокъ спереди. „Во́роп“-овъ нами было найдено нѣсколько, причемъ интересно то обстоятельство, что они, хотя и лежали на pubis, но не были одѣты на погребенныхъ [2]); такъ, на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 21, *e*) видно даже, какъ былъ сложенъ „во́роп“, такъ какъ получился отпеча-

[1]) Во́тлип носятъ даже въ періодъ менструацій, причемъ въ это время его часто смѣняютъ.
[2]) Сравни: Martin, F. R. Sibirische Sammlung. S. 24.

токъ отъ пряжки. Очень своеобразны и пряжки, пришиваемыя къ „вóроп"-у, рисунки которыхъ мы здѣсь приводимъ (рис. 25, *e*, *f*, *g*, *j*). Всѣ онѣ отлиты изъ олова самими остяками, и ни на какихъ больше костюмахъ, насколько намъ извѣстно, пряжекъ подобной формы нельзя встрѣтить. Всѣ онѣ—болѣе или менѣе квадратной формы, иногда вытянутыя и съ закругленными краями, съ короткимъ язычкомъ, отходящимъ отъ одного изъ реберъ. Посединѣ обязательно — крестъ, по діагоналямъ или параллельно ребрамъ. Благодаря отверстіямъ между крестомъ и ребрами пряжки, послѣднюю можно прочно пришить, что очень важно. Пришивается же пряжка такъ, что ея язычокъ обращенъ внизъ и шнурокъ или ремешокъ-поясокъ, на которомъ держится „вóроп", проходитъ подъ пряжкой, задерживаясь язычкомъ.

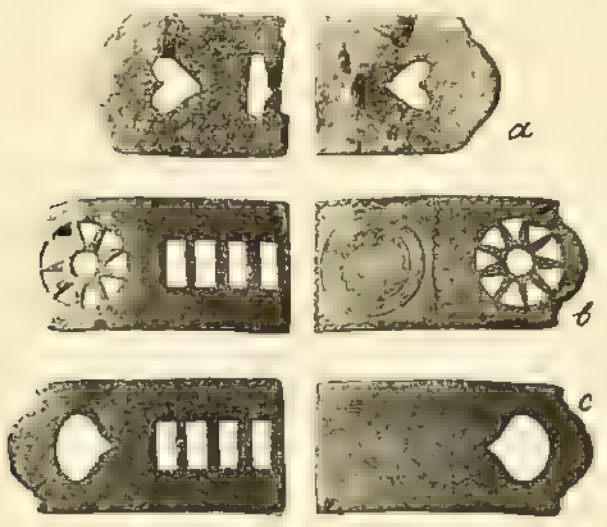


Рис. 22.

Вóроп, № 1708– 18 (рис. 21, *e*), кожаная повязка остяцкихъ женщинъ на половые органы, съ оловянной, литой пряжкой; max. ширина 13,5 см., длина 42 см.

Пряжка къ вóроп-у, № 1708—56 (рис. 25, *j*), овальной формы, отлитая изъ олова; длина 3,8 см.

То же, № 1708 19 (рис. 25, *g*), квадратной, закругленной формы, отлитая изъ олова; длина 3,6 см.

То же, № 1708—149 (рис. 25, *f*), квадратной формы, отлитая изъ олова; длина 3,9 см.

То же, № 1708 249 (рис. 25, *e*), квадратной, закругленной формы, отлитая изъ олова; длина 3,2 см.

d) *Оловянныя украшенія* (*кéби*).

Несмотря на большое количество найденныхъ нами оловянныхъ украшеній „кéби", нашиваемыхъ на женскіе суконные костюмы, форма ихъ достаточно однообразна; это обычно—группа квадратиковъ или кружковъ съ шишечкой въ центрѣ. Подобныя украшенія остяки отливаютъ, въ спеціальныхъ каменныхъ формахъ, еще и теперь. Нашиваются (судя по находкамъ, и нашивались) онѣ вдоль по нижнему краю одежды и по краямъ разрѣза спереди отъ ворота до низа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти украшенія не были нашиты, а положили ихъ связками, нанизанными на ремешки; въ послѣднемъ случаѣ они, окислившись, слились пачками въ одну компактную массу по десять и болѣе штукъ въ пачкѣ (см. рис. 25, *c*).

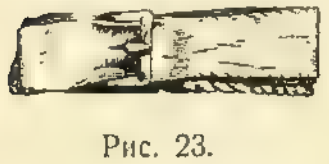


Рис. 23.

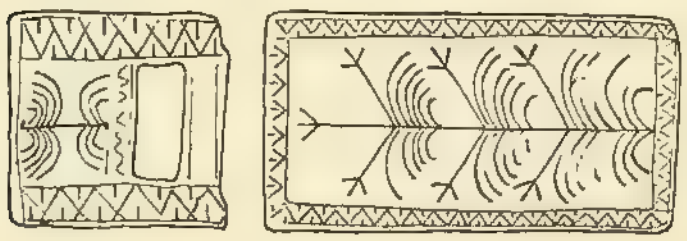


Рис. 24.

Кеби, № 1708—49 (рис. 25, *o*), квадратная оловянная пластинка изъ девяти зубчатыхъ кружковъ съ шишечками въ центрѣ; размѣръ 3,3 см.

То же, № 1708—277 (рис. 25, *n*, *m*), квадратная оловянная пластинка изъ девяти маленькихъ квадратиковъ съ шишечками въ центрѣ; размѣръ 2,9 см.

То же, № 1708—230 (рис. 25, *l*), продолговатая оловянная пластинка съ тремя квадратными вырѣзами внутри; размѣръ 1 × 2,3 см.

То же, № 1708—231 (рис. 25, *k*), продолговатая оловянная пластинка изъ трехъ квадратиковъ съ шишечками въ центрѣ; длина 3,4 см.

То же, № 1708—228 (рис. 25, *i*), оловянная пластинка изъ четырехъ кружковъ съ отверстіями въ центрѣ; размѣръ 2,6 см.

То же, № 1708—229 (рис. 25, *h*), оловянная пластинка изъ четырехъ квадратиковъ съ шишечками въ центрѣ; размѣръ 2,6 см.

То же, № 1708—45 (рис. 25, *c*), пачка оловянныхъ пластинокъ, слившихся вмѣстѣ; были нанизаны на ремешокъ.

e) Колокольчики (сӣнган) и бубенчики (лӑгот).

Къ украшеніямъ мы должны причислить также маленькіе колокольчики и бубенчики. По остаткамъ сукна вмѣстѣ съ ремешками въ ихъ ушкахъ, равно какъ и по мѣсту ихъ нахожденія мы предполагаемъ, что они были пришиты къ рукавамъ (у локтя) женскихъ костюмовъ. Еще и теперь—не только у низовскихъ остяковъ, но и у самоѣдовъ—мы часто встрѣчаемъ подобные колокольчики и бубенчики нашитыми на рукавахъ костюмовъ дѣтей, особенно же дѣвочекъ и даже взрослыхъ дѣвушекъ.

Колокольчикъ, № 1708—113 (рис. 17, *a*), мѣдный, съ ремешкомъ въ ушкѣ и остатками ткани; высота 3,9 см.

Бубенчикъ, № 170—863 (рис. 26, *g*), мѣдный, съ остатками ремешка въ кругломъ ушкѣ и прорѣзомъ внизу; діаметръ 2,1 см.

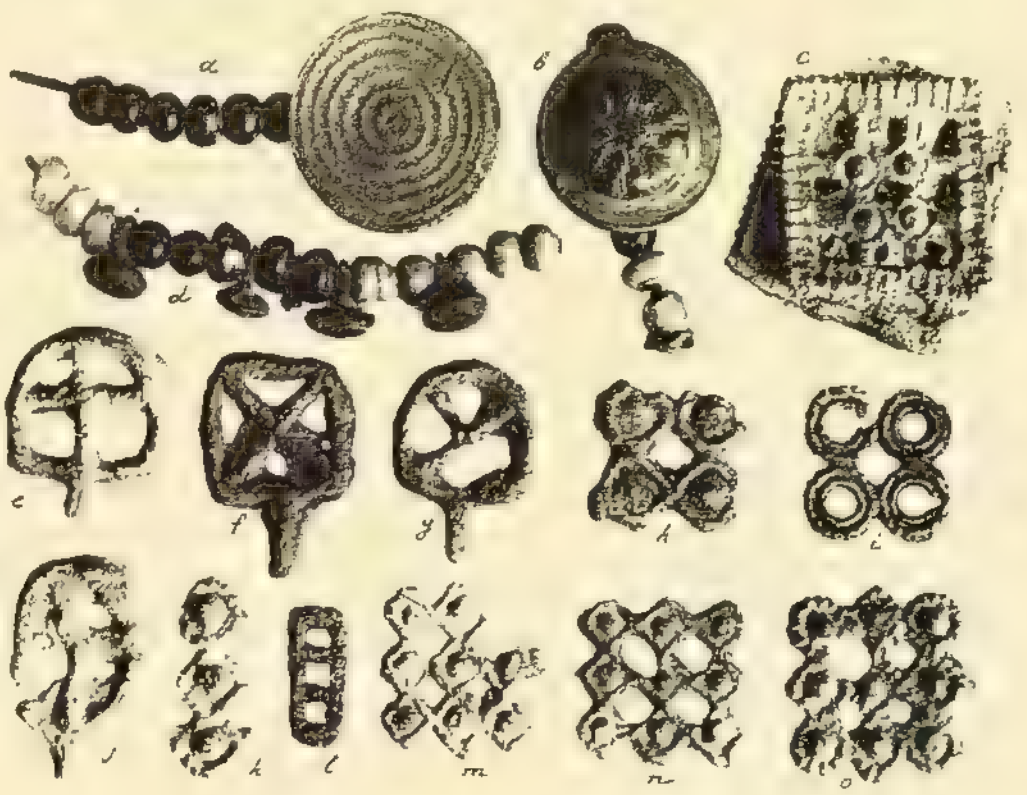


Рис. 25.

f) Перстни (вӗнцын лӧет) и кольца (лӧет).

Неоднократно приходится встрѣчаться съ замѣчаніемъ, будто бы остячки надѣваютъ на свои пальцы столько колецъ, сколько только можетъ на нихъ помѣститься. И, дѣйствительно, намъ самимъ приходилось встрѣчать остячекъ, имѣющихъ свыше тридцати колецъ и перстней на обѣихъ рукахъ. Нисколько не удивительно, поэтому, что въ нашихъ погребеніяхъ мы имѣемъ ихъ очень много и въ нѣкоторыхъ могилахъ свыше десяти штукъ (напр., мог. № 6). Иногда они были одѣты на пальцы, чаще же лежали отдѣльно, нерѣдко связками по четыре, по пять штукъ вмѣстѣ. Здѣсь мы даемъ рисунки только перстней, такъ какъ они особенно разнообразны, тогда какъ кольца всѣ совершенно одинаковы. Кольца и большинство перстней—мѣдные и врядъ ли мѣстной работы. Рѣдкимъ исключеніемъ является перстень № 1708—62 (рис. 26, *e*), такъ какъ онъ, вѣроятно, остяцкой работы, отлитъ изъ олова и имѣетъ овальную перламутровую вставку изъ кусочка раковины (*Anodonta*).

Два перстня, № 1708—112 (рис. 26, *a*), связанные ремешкомъ; одинъ изъ нихъ—серебряный, довольно массивный, съ какимъ-то гербомъ-печаткой.

Перстень и кольцо, № 1708—60 (рис. 26, *b*), оба—мѣдные, связанные ремешкомъ.

Перстень, № 1708—205 (рис. 26, *c*), мѣдный, съ шестиугольной вставкой изъ какой-то стекловидной пасты.

То же, № 1708—61 (рис. 26, *d*), мѣдный, съ крупной стеклянной вставкой посрединѣ, кругомъ которой десять мелкихъ.

То же, № 1708—62 (рис. 26, *e*), оловянный (поломанный), съ овальной перламутровой вставкой (изъ раковины пластинчато-жабернаго моллюска *Anodonta*).

То же, № 1708—257 (рис. 26, *f*), мѣдный, съ фалангой, на печаткѣ котораго изображенъ цвѣтокъ (гвоздичка?).

g) Наперстки (ёнс луп).

Сами по себѣ наперстки не представляютъ ничего интереснаго; какъ видно изъ рисунковъ, такіе наперстки можно встрѣтить въ Россіи въ любой мелочной лавочкѣ. Среди послѣднихъ встрѣчаются какъ съ донышкомъ, такъ и безъ него. Для насъ гораздо интереснѣе тотъ кожаный футляръ (хот), въ которомъ находятся наперстки (рис. 26, *j*). Въ настоящее время каждая остячка имѣетъ швейный мѣшокъ (тучáн), сшитый изъ лоскутковъ оленьихъ мѣховъ и замши; сбоку, въ верхней части этого мѣшка, пришитъ, обыкновенно, ромбоидальный лоскутокъ (нэ́мта) для храненія иголокъ, а на концѣ этого лоскутка и пришивается маленькій футлярчикъ изъ черной (русской выдѣлки) кожи для наперстка. Это заставляетъ насъ предположить, что съ женщинами (а наперстки съ футлярчиками мы находимъ только въ женскихъ могилахъ) были положены такіе швейные мѣшки, отъ которыхъ уцѣлѣли только вышепоименованные футлярчики. Послѣднее предположеніе подтверждается еще присутствіемъ бусъ и металлическихъ подвѣсокъ, которыми еще и теперь украшаютъ „тучáн"-ы.

Рис. 26.

Мѣдный наперстокъ, № 1708—76 (рис. 26, *h*), съ донышкомъ; высота 2 см.

То же, № 1708—65 (рис. 26, *i*), съ донышкомъ; высота 1,5 см.

Кожаный футлярчикъ, № 1708—75 (рис. 26, *j*), отъ „тучáн"-а съ наперстком.

h) Бусы (тун) и лисьи зубы (óхсыр пёнк).

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ украшеній были бусы. Онѣ нашивались и на суконные костюмы вмѣстѣ съ литыми оловянными пластинками, онѣ же, вмѣстѣ съ мѣдными подвѣсками и цѣпочками, служили украшеніемъ косы, вышеупомянутыхъ „тучáн"-овъ и табакерокъ, а также служили украшеніемъ женскихъ мѣховыхъ шапокъ (миль). Безъ сомнѣнія, онѣ появлялись у остяковъ путемъ торговыхъ сношеній, и только относительно одного типа можно полагать, что онъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ остяками, именно къ бусамъ № 1708—260 (рис. 27, *b*) былъ придѣланъ оловянный стерженекъ съ шишечкой на одномъ и ушкомъ на другомъ концѣ бусы. Что этотъ оловянный придатокъ былъ придѣланъ самими остяками, очень вѣроятно, такъ какъ мы знаемъ, что послѣдніе умѣли отливать изъ олова гораздо болѣе сложныя вещи. Всѣ бусы—стеклянныя, самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ (отъ 3 до 12 мм. діам.) и по своему характеру ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ; на бóльшую древность могутъ претендовать развѣ только полосатыя (по черному красныя полоски съ бѣлыми каемками) бусы (см. рис. 15, *b*). Насколько понятно для насъ назначеніе бусъ, настолько неясно употребленіе лисьихъ зубовъ. Отверстія, просверленныя въ корняхъ послѣднихъ, указываютъ намъ, что они нанизывались и къ чему-то подвѣшивались, но служили ли они ожерельемъ вмѣстѣ съ бусами (послѣднихъ

Рис. 27.

современные остяки безусловно не носятъ) или для другой какой-нибудь цѣли, мы не знаемъ. Къ сожалѣнію, они были найдены въ размытой водой могилѣ, какъ вещи случайныя. Слѣдовательно, притти къ какому-нибудь выводу мы можемъ только на основаніи аналогіи съ современными этнографическими предметами. Поэтому, мы отмѣчаемъ, что въ нашихъ коллекціяхъ имѣются связки подобныхъ лисьихъ зубовъ, носимыя низовскими остяками вмѣстѣ съ бусами у пояса, какъ украшеніе.

Бусы (рис. 27, *c*), неодинаковаго цвѣта и величины, изъ различныхъ могилъ.

То же, № 1708—83 (рис. 25, *d*), нанизанныя на ремешокъ вмѣстѣ съ мѣдными пуговками; служили, вѣроятно, украшеніемъ косы.

То же, № 1708—82 (рис. 25, *b*), нанизанныя на ремешокъ съ крупной металлической пуговкой-подвѣской.

То же, № 1708—177 (рис. 25, *a*), нанизанныя на ремешокъ съ крупной мѣдной пуговкой; вѣроятно, украшеніе косы.

То же, № 1708—260 (рис. 27, *b*), бѣлыя, съ оловяннымъ стерженькомъ внутри, съ шишечкой на одномъ и ушкомъ на другомъ концѣ.

Лисьи зубы, № 1708—240 (рис. 27, *a*), съ просверленными на концахъ корней отверстіями.

i) Украшенія косы.

Свои волоса остячки заплетаютъ въ двѣ косы, и параллельно каждой изъ нихъ, отъ темени и до самаго низа, идетъ узкая полоса сукна; косы, вмѣстѣ съ полосками сукна, обматываются шерстяными шнурками и цѣпочками, украшаются подвѣсками, кольцами и металлическими пуговками. Такимъ образомъ, волоса являются какъ бы заключенными въ футляръ. Погребались женщины — по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя — съ заплетенными и обмотанными такимъ образомъ косами. Здѣсь мы даемъ рисунки мѣдныхъ цѣпочекъ, служившихъ обмоткой косы, изъ могилы № 6.

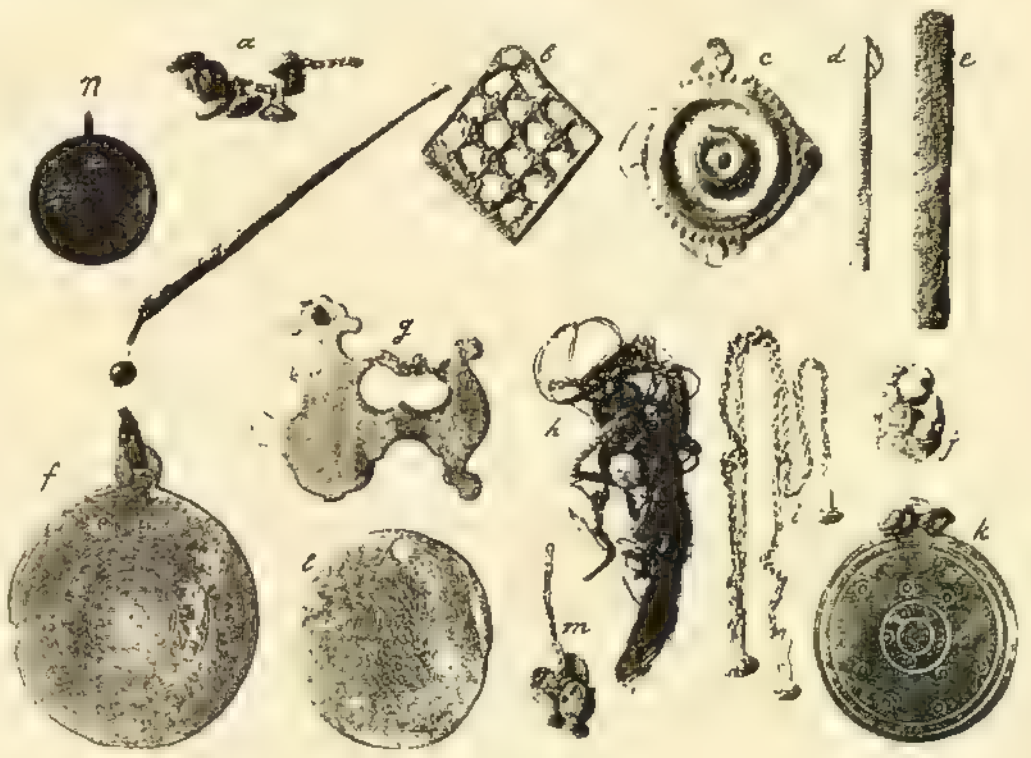


Рис. 28.

Пучокъ волосъ, № 1708—80 (рис. 28, *h*), обмотанный мѣдной цѣпочкой съ мѣдными пуговками.

Мѣдная цѣпочка, № 1708—81 (рис. 28, *a*, *m*), съ нанизанными мѣдными пуговками; служила украшеніемъ косы.

То же, № 1708—245 (рис. 28, *i*).

Мѣдный перстень, № 1708—95 (рис. 28, *j*), вмѣстѣ съ заключенными въ немъ мѣдными пуговками; служилъ украшеніемъ косы.

Мѣдная подвѣска, № 1708—110 (рис. 29, *b*), изображающая льва; украшеніе косы; размѣръ 3,3 × 4,3 см.

То же, № 1708—111 (рис. 30, *c*), полая внутри, съ круглымъ отверстіемъ вверху; украшеніе косы; размѣръ 2,5 × 4,1 см.

j) Подвѣски къ женскимъ мѣховымъ шапкамъ (миль).

Одними изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ, безъ сомнѣнія, являются мѣдныя литыя бляхи, подвѣшивавшіяся сзади къ зимнимъ мѣховымъ женскимъ шапкамъ, рисунки большинства которыхъ мы здѣсь приводимъ. Къ шапкамъ онѣ прикрѣплялись при помощи длинныхъ ремешковъ, на которыхъ были одѣты мѣдныя или желѣзныя трубочки (см. рис. 28, *f*; рис. 29, *d*, *e*). Иногда эти бляхи — ,а ихъ къ одной шапкѣ прикрѣплялось по 2—5 штукъ, — соединялись между собой ремешками съ нанизанными на нихъ бусами. По матеріалу, изъ котораго были приготовлены эти бляхи, слѣдуетъ отличать отлитыя изъ красной мѣди (№ 1708—66, 197, 262 и друг.) и изъ желтой (большинство). По формѣ слѣдуетъ различать слѣдующіе типы: во-первыхъ, круглыя бляхи съ ушкомъ или отверстіемъ у края, совершенно гладкія или орнаментированныя—концентрическіе круги и кружки съ точками въ центрѣ (рис. 28, *f*, *k*, *l*, *n*), во-вторыхъ, бляхи, состоящія изъ ободка, заключающаго внутри себя геометрическій узоръ или изображеніе какого-либо животнаго (рис. 30 и 29, *a*), и, въ-третьихъ, сплошныя бляхи съ рельефнымъ изображеніемъ на лицевой сторонѣ (рис. 29, *c*, *d*, *e*, *f*); наконецъ, встрѣчаются бляхи-подвѣски случайныя, самыхъ неопредѣленныхъ формъ (рис. 28, *c*, *g*). Еще и теперь подобныя бляхи нерѣдко можно встрѣтить у головныхъ уборовъ не только остячекъ, но и у самоѣдокъ и вогулокъ. Ихъ очень много встрѣчается и въ вогульскихъ и самоѣдскихъ могилахъ прошлаго и позапрошлаго вѣковъ [1]), но опредѣлить ихъ происхожденіе — по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ—равно какъ и возрастъ, хотя бы съ приблизительной точностью, мы затрудняемся. Ни остяки, ни вогулы подобныхъ бляхъ теперь не отливаютъ, и отливали ли когда-нибудь—мы не знаемъ; очень вѣроятно, что онѣ появлялись на сѣв.-западѣ Сибири, какъ продуктъ торговыхъ сношеній. Но кто же, въ такомъ случаѣ, былъ ихъ творцомъ? Не рѣшая здѣсь, за недостаткомъ матеріала, этотъ вопросъ въ томъ или иномъ смыслѣ, позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что онѣ, скорѣе всего, зырянской работы [2]). По крайней мѣрѣ, подобныя вещи и теперь въ огромномъ количествѣ отливаются зырянами спеціально для низовскихъ остяковъ и самоѣдовъ,—они же, какъ ближайшіе сосѣди, еще съ давнихъ временъ вели съ послѣдними торговыя сношенія. Только сравнительно недавно всевозможные мѣдные предметы начали отливаться для остяковъ и самоѣдовъ въ гг. Тобольскѣ и Бере-

Рис. 29.

[1]) Въ Антропологическомъ музеѣ при Московскомъ университетѣ въ коллекціяхъ предметовъ изъ могилъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ имѣется много бляхъ, подобныхъ описаннымъ нами, и, кромѣ того, варіанты, не найденные въ раскопанныхъ нами могилахъ.

[2]) Д. Н. Анучинъ, со словъ Н. Л. Гондатти, считаетъ подобныя же бляхи изъ вогульскихъ могилъ русской работы. См. Д. Анучинъ: Къ исторіи искусства и вѣрованій у пріуральской чуди. (Матеріалы по археологіи восточныхъ губ. Изд. И. М. Арх. Об., т. III).

зовѣ, да и то исключительно по образцамъ, привезеннымъ отъ нихъ же самихъ. Вышеприведенное предположеніе правильно, если не по отношенію ко всѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, для большинства интересующихъ насъ бляхъ. Особенно интересными намъ кажутся изображенія двухъ какихъ-то миѳическихъ животныхъ въ кружкѣ (рис. 29, *a*), а затѣмъ сплошныя бляхи съ рельефнымъ изображеніемъ, на лицевой сторонѣ, летящей птицы (рис. 29, *c*), изображеніемъ кентавровъ съ лукомъ и стрѣлой въ рукахъ и съ короной на головѣ (за плечами налучникъ или крылья? [1]) и, наконецъ, изображеніемъ всадника верхомъ на лошади, съ мечомъ въ рукѣ и въ шлемѣ, похожемъ на фригійскій.

Мѣдная бляха, № 1708—233 (рис. 28, *n*), гладкая, съ круглымъ ушкомъ, отлитымъ перпендикулярно плоскости бляхи; діаметръ 4,1 см.

То же, № 1708—23 (рис. 28, *l*), гладкая, съ круглымъ отверстіемъ у края; діаметръ около 6,5 см.

То же, № 1708 -190 (рис. 28, *k*), гладкая, съ круглымъ ушкомъ; на обѣихъ сторонахъ вырѣзаны концентрическіе круги и кружки съ точками въ центрѣ; діаметръ 6,7 см.

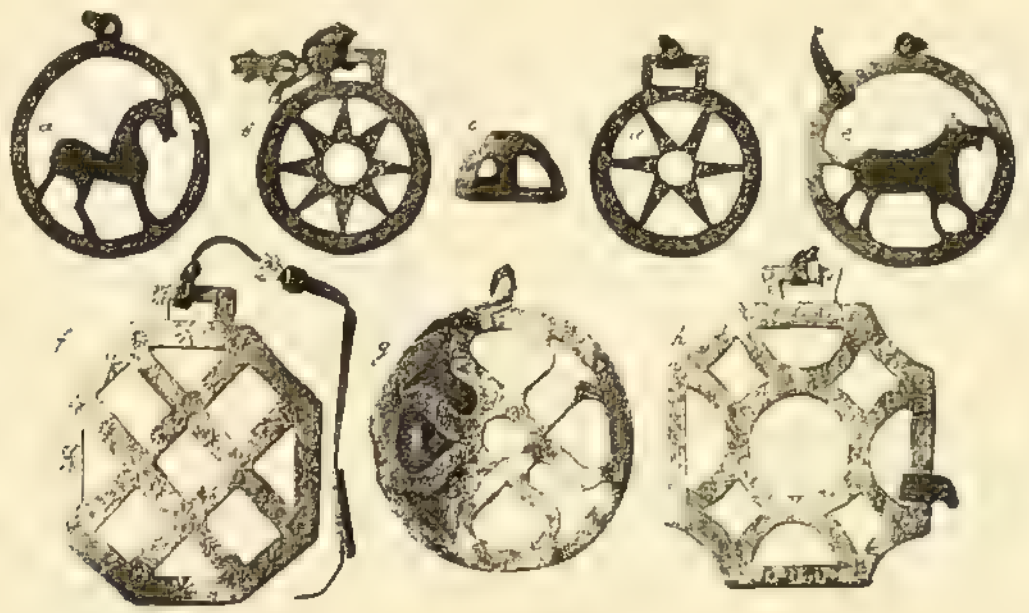


Рис. 30.

То же, № 1708—263 (рис. 28, *f*), гладкая, съ круглымъ ушкомъ, къ которому пришитъ ремешокъ съ тремя бусами и мѣдной трубочкой; обѣ стороны бляхи покрыты концентрическими кругами и кружками съ точками въ центрѣ; діаметръ 8,1 см.

То же, № 1708—67 (рис. 30, *b*), въ кругломъ ободкѣ—восьмилучевая звѣзда, съ большимъ прямоугольнымъ ушкомъ, къ которому ремешкомъ привязанъ мѣдный бантъ; на наружной поверхности—кружки съ зубчатымъ краемъ; діаметръ 6,5 см.

То же, № 1708—68 (рис. 30, *d*), въ кругломъ ободкѣ—шестилучевая звѣзда, съ большимъ прямоугольнымъ ушкомъ; на наружной поверхности—зубчатые кружки; діам. 6,4 см.

То же, № 1708—264 (рис. 30, *f*), въ восьмиугольномъ ободкѣ—двѣ пары перекрещивающихся полосъ, съ большимъ прямоугольнымъ ушкомъ, къ которому привязанъ ремешокъ съ бусами и остаткомъ мѣдной трубочки; на наружной поверхности—зубчатые кружки разныхъ діаметровъ; около 10 см. въ поперечникѣ.

---

[1]) Въ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи за 1906 г., стр. 133, издана мѣдная бляха (рис. 193), найденная въ с. Дубчевскомъ Енисейскаго округа, съ изображеніемъ кентавра, подобнаго встрѣчающемуся на нашихъ бляхахъ, причемъ у него ясно видны крылья.

То же, № 1708—30 (рис. 30, *g*), въ кругломъ ободкѣ — сердцевидныя фигуры, обращенныя вершинами къ центру, съ круглымъ ушкомъ, перпендикулярнымъ плоскости бляхи; лѣвая половина — съ остатками шелковой ткани, прикрѣпленной патиной; діаметръ 9,7 см.

То же, № 1708—191 (рис. 30, *h*), въ квадратномъ ободкѣ со срѣзанными углами—геометрическая фигура изъ комбинаціи полукруговъ и круга, съ большимъ ушкомъ; на лицевой сторонѣ—кружки съ зубчатыми краями; размѣръ 10 см.

То же, № 1708—266 (рис. 28, *b*), въ ромбоидальномъ ободкѣ—перекрещивающіяся полоски съ узловыми утолщеніями; длина 6,3 см.

То же, № 1708—195 (рис. 30, *e*), въ кругломъ ободкѣ — изображеніе собаки, съ маленькимъ круглымъ ушкомъ; діаметръ 7,8 см.

То же, № 1708—196 (рис. 30, *a*), въ кругломъ ободкѣ — изображеніе лошади, съ маленькимъ круглымъ ушкомъ; лицевая поверхность покрыта кружками съ точками въ центрѣ; діаметръ 7,5 см. [1])

То же, № 1708—193 (рис. 29, *a*), въ кругломъ ободкѣ съ зубцами—фантастическое изображеніе двухъ какихъ-то животныхъ, съ большимъ ушкомъ; діаметръ 8,6 см.

Рис. 31.

Рис. 32.

То же, № 1708—232 (рис. 29, *c*), круглая, съ рельефнымъ изображеніемъ, на лицевой сторонѣ, летящей птицы, съ круглымъ ушкомъ; діам. 4,2 см. [2])

То же, № 1708—66 (рис. 29, *f*), круглая, съ рельефнымъ изображеніемъ кентавра, стрѣляющаго изъ лука, съ короной на головѣ; діаметръ 8,9 см.

То же, № 1708—262 (рис. 29, *e*), круглая, съ рельефнымъ изображеніемъ кентавра, стрѣляющаго изъ лука, съ короной на головѣ; къ ушку пришитъ ремешокъ съ мѣдной трубочкой; діаметръ 7 см.

То же, № 1708—197 (рис. 29, *d*), круглая, съ рельефнымъ изображеніемъ, на лицевой сторонѣ, всадника съ мечомъ въ рукѣ и шлемомъ на головѣ; къ прямоугольному ушку прикрѣпленъ ремешокъ съ мѣдной трубочкой; діаметръ 8,9 см. [3])

То же, № 1708—69 (рис. 28, *c*), случайная, штампованная изъ тонкой мѣди; длина 7,1 см.

То же, № 1708—194 (рис. 28, *g*), случайная; 7,6 см. длины.

Мѣдная трубочка, № 1708—93 (рис. 28, *d*), одѣвающаяся на ремешокъ, которымъ бляхи прикрѣпляются къ шапкѣ; украшена поперечными полосками и кружками съ точками въ центрѣ; длина 7,3 см.

Желѣзная трубочка, № 1708—198 (рис. 28, *e*), служащая для той же цѣли, что и № 1708—93; длина 10,1 см.

[1]) Подобные предметы изъ вогульскаго могильника изображены въ работѣ Д. Анучина: Къ исторіи искусства и вѣрованій у пріуральской чуди. (Матеріалы по археологіи вост. губ., т. III).

[2]) Ibid., рис. 99 – изображеніе такой же бляхи.

[3]) Фотографія съ подобной же бляхи изъ Тобольскго Музея, о которой упоминаетъ Д. Анучинъ, хранится въ Императорской Археологической Комиссіи (см. Альбомъ фотографій Heikel'я).

IV. Идолы.

Возлѣ одной изъ могилъ (№ 6, женское погребеніе), внѣ гроба, у головы слѣва, нами были найдены вмѣстѣ три идола, изъ которыхъ одинъ (№ 1708—96) былъ завернутъ въ шелковую матерію и опутанъ ремешкомъ съ мѣдными накладками. Вмѣстѣ съ этими идолами лежали три большихъ ножа, уже описанная мѣдная табакерка (№ 1708—101), сломанныя (половина) удила лошади и серебряная монетка (гривенникъ 1769 года). Всѣ эти предметы были въ кучѣ, занимали всего пространство около 25 × 50 см. Два изъ этихъ идоловъ отлиты изъ олова и представляютъ собой то, что остяки называютъ „лйлинг лонх“ [1]). Третій, скульптурная фигурка изъ дерева—„ілян“ [2]), какъ мнѣ ее называли остяки, да на „ілян“-ей она больше всего и похожа по своему наружному виду. Одна изъ оловянныхъ фигурокъ (рис. 31, *a*)—со слабо намѣченными глазами и оттопыренными руками и ногами, тогда какъ другая (рис. 32) отлита въ видѣ довольно массивной пластинки съ грубо обозначенными глазами и носомъ, но зато она обернута шелковой матеріей и одѣта въ костюмъ изъ собольяго мѣха, богато украшенный металлическими пуговками, бусами и проч. Третья скульптурная деревянная фигурка (рис. 31, *b*) сдѣлана хотя и грубо, но съ ясно обозначенными глазницами, бровями, носомъ, ртомъ и подбородкомъ, бюстомъ, туловищемъ и ногами; рукъ, какъ и у всѣхъ видѣнныхъ нами „ілян“-ей, нѣтъ. Быть можетъ, это были божества одного лица или семьи и находились вмѣстѣ съ другими посвященными имъ предметами въ ящичкѣ, подобно тому какъ теперь остяки хранятъ своихъ покровителей; но почему они были погребены на кладбищѣ, да еще рядомъ съ могилой женщины [3]), для насъ совершенно непонятно. На наши разспросы остяки единогласно утверждали, что ни „ілян“-ей, ни „лонх“-овъ они съ умершими не погребаютъ, а послѣдніе или передаются по наслѣдству, если они родовые, или относятся на мольбища, если они были индивидуальными.

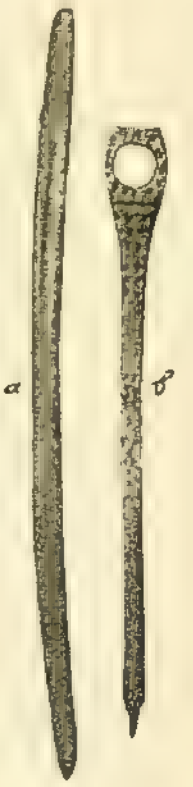


Рис. 33.

Идолъ, № 1708—99 (рис. 31, *b*), скульптурная деревянная фигурка; длина 16 см.

То же, № 1708—98 (рис. 31, *a*), оловянная фигурка съ оттопыренными руками и разставленными ногами; длина 10 см.

То же, № 1708—96 (рис. 32), оловянная фигурка въ костюмѣ изъ собольяго мѣха, украшенная металлическими пуговками, мелкими бусами и проч.; длина 8,4 см.

V. Предметы неизвѣстнаго намъ назначенія.

Несмотря на разспросы остяковъ, намъ не удалось выяснить назначенія нѣсколькихъ предметовъ, нынѣ уже не встрѣчающихся. Прежде всего—костяная палочка (рис. 33, *a*), на одномъ концѣ закругленная, на другомъ—долотовидно заостренная. Скорѣе всего, это могъ быть наконечникъ (остріе) стрѣлы, но для послѣдняго она немного велика. Другой предметъ—это костяная пластинка, на одномъ концѣ заостренная, а на другомъ—широкая, съ круглымъ отверстіемъ; снаружи она украшена рядами точекъ. Только по аналогіи съ

[1]) С. К. Паткановъ называетъ это божество — tonx (Die Irtysch-Ostjaken, S. 101); А. Кастренъ—лонг (Путешествія, стр. 185).

[2]) По Кастрену—Jiljan.

[3]) Женщина у остяковъ, какъ существо нечистое, не смѣетъ дотрогиваться до божествъ, и шаманокъ у остяковъ, насколько намъ извѣстно, не бываетъ.

подобными же предметами народностей побережья Берингова моря мы можемъ полагать, что это былъ наконечникъ уды для ловли рыбы [1]). Наконецъ, въ одной могилѣ (№ 9) нами было найдено, въ круглой деревянной коробочкѣ, большое количество (364 шт.) совершенно одинаковыхъ пяточныхъ *(Astragalus)* косточекъ песца *(Vulpes lagopus)*. Была ли это какая-нибудь игра, служили ли онѣ для счисленія (число—близкое къ числу дней въ году), или, наконецъ, онѣ просто собирались промышленникомъ въ качествѣ амулетовъ, какъ кости дорогого промысловаго звѣря, должны выяснить только послѣдующія изслѣдованія. Мы же полагаемъ, что послѣднее предположеніе наиболѣе правдоподобно, такъ какъ у остяковъ существуетъ обычай „для счастія" въ промыслѣ хранить нòрки (кожу съ кончика носа и края рта), лапки, хвосты и проч. промысловыхъ животныхъ.

Костяная палочка, № 1708—160 (рис. 33, *a*), 22,6 см. длины.

То же, № 1708—151 (рис. 33, *b*), на одномъ концѣ заостренная, на другомъ—плоская съ круглымъ отверстіемъ (вѣроятно, наконечникъ уды); длина 17,9 см.

С. Руденко.

[1]) Сравни: Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I, стр. 186 (рис. 6, a). Nelson, E. W. The Eskimo about Bering Strait (Rep. of Bureau of Ethnology, Washingt. 1899), p. 177; табл. LXVIII, fig. 19, 12 и 26.

Рис. 1.

Черкесскія постройки.

Немногочисленные черкесскіе аулы, сохранившіеся на Кубани и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черноморскаго побсрежья, въ настоящее время находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ казачьими станицами и русскими поселеніями. Это сосѣдство, постоянныя сношенія, а также и общія культурно-экономическія причины повлекли за собой значительныя измѣненія въ національномъ укладѣ жизни, а, слѣдовательно, и въ матеріальной культурѣ этого народа. Постепенно старыя традиціонныя формы замѣняются новыми, болѣе соотвѣтствующими и инымъ условіямъ. Вліяніе это коснулось уже не только костюма, построекъ и системы хозяйства, но даже такихъ стойкихъ чертъ быта черкесовъ, какъ ихъ семейныя и общественныя отношенія. Уже при первомъ взглядѣ на современный аулъ видно, какія значительныя измѣненія происходятъ, особенно въ послѣднее время, въ смыслѣ замѣны старыхъ формъ новыми и спеціально въ области построекъ, которыя очень быстро теряютъ большинство старыхъ особенностей и признаковъ и дѣлаются по образцу современныхъ построекъ казачьихъ и даже городскихъ, и въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ можно наблюдать, какъ пережитокъ, болѣе или менѣе сохранившійся типъ стараго жилища. Домъ, выстроенный и обставленный по-городскому, служитъ теперь предметомъ гордости князя или дворянина, въ то время какъ раньше всѣ жилища строились по одному плану и изъ того же матеріала, отличаясь лишь размѣрами и внутреннимъ убранствомъ. Постройки стараго типа сохранились до сихъ поръ лишь въ самыхъ бѣдныхъ усадьбахъ.

Цѣлью моей, при собираніи матеріала на мѣстѣ, было возможно болѣе полное описаніе именно старыхъ, исчезающихъ теперь, построекъ, ихъ распространенія и варіантовъ,

совершенно оставляя въ сторонѣ новыя, иногда не имѣющія никакой связи съ прошлымъ. Описаніе это будетъ касаться также только построекъ западныхъ черкесскихъ племенъ, общаго типа, выражающагося въ рядѣ совершенно опредѣленныхъ и стойкихъ признаковъ. Постройки бесленеевцевъ и кабардинцевъ, хотя и заключаютъ въ себѣ многія существенныя черты построекъ западныхъ черкесовъ, но имѣютъ и многія отличія, особенно въ развитіи самаго жилища, почему мнѣ придется ограничиться на этотъ разъ лишь попутными указаніями на наиболѣе важные общіе признаки и различія.

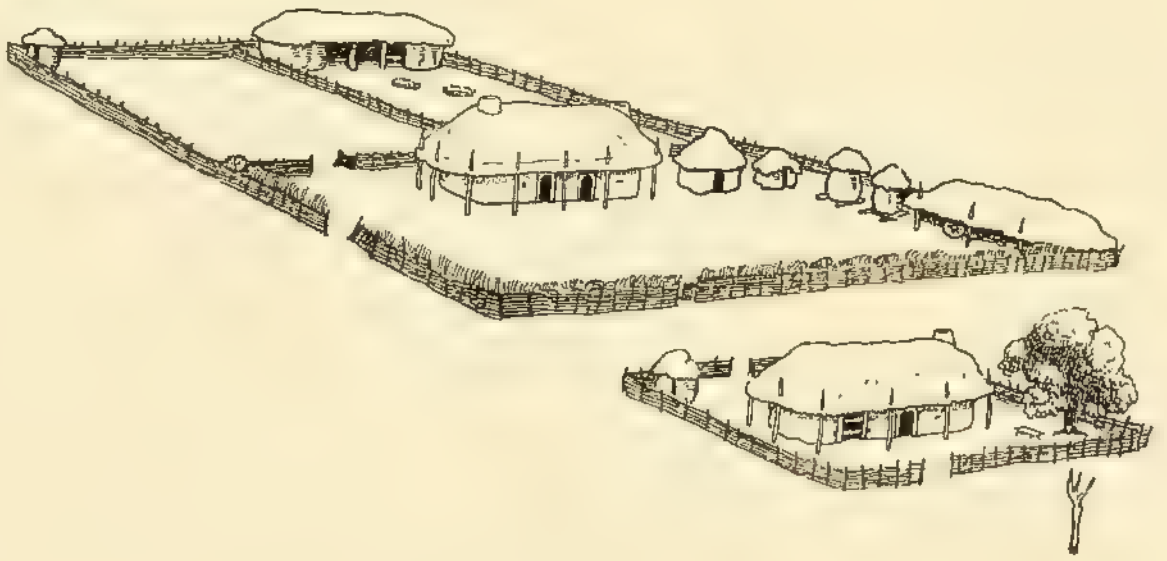


Рис. 2.

До выселенія въ Турцію, западныя черкесскія племена, въ смыслѣ матеріальной культуры, представляли собой одно цѣлое—съ тѣми лишь незначительными уклоненіями, которыя обусловливались разницей климатическихъ и иныхъ мѣстныхъ условій между крайними предѣлами занимаемой ими территоріи. Въ литературныхъ источникахъ не встрѣ-

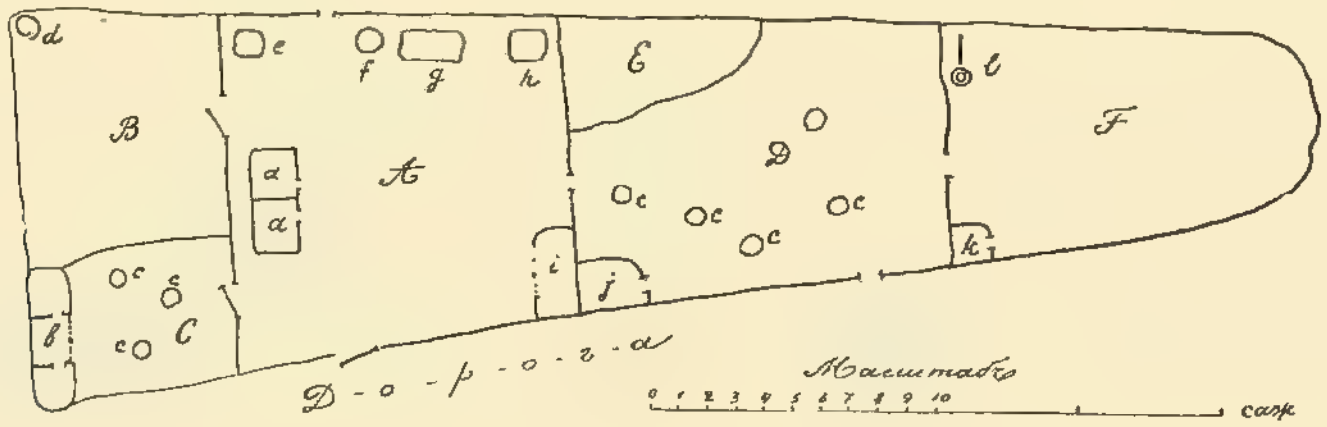


Рис. 3.

чается указаній на какія бы то ни было отличія этихъ племенъ въ костюмѣ, утвари или постройкахъ. Напротивъ, вполнѣ достаточно у насъ прямыхъ и косвенныхъ данныхъ для того, чтобы извѣстныя формы матеріальной культуры, въ томъ числѣ и постройки, одинаково относить къ бжедухамъ, шапсугамъ, жани, ноткуаджъ (натухайцы), хегакамъ, кемгуй и даже абадзехамъ и убыхамъ. Такимъ образомъ, и районъ построекъ интересующаго насъ типа опредѣляется границами разселенія этихъ племенъ: сѣверныя предгорья Кавказа до р. Кубани и Лабы и все побережье Чернаго моря до р. Шахе и нѣсколько южнѣе.

Всѣ черкесскія постройки дѣлались изъ плетня, обмазывались глиной и крылись камышомъ или соломой, и богатыя отличались отъ бѣдныхъ лишь бо́льшими размѣрами и сравнительной чистотой, сохраняя въ существенныхъ чертахъ тотъ же характеръ. Никогда—по крайней мѣрѣ, въ позднее историческое время—черкесы не дѣлали построекъ изъ камня. Интеріано, въ своемъ описаніи черкесовъ, относящемся къ XVI столѣтію, говоритъ: „Зихи населяютъ всю эту страну (отъ Дона), не имѣя ни одного стѣнами укрѣпленнаго поселенія“ [1]). Далѣе слѣдуютъ еще болѣе любопытныя и опредѣленныя свѣдѣнія: „Ихъ дома сдѣланы изъ соломы, камыша и дерева (Le loro stantie tutte sono di paglia, di cāne, di legnami), и большимъ стыдомъ было бы для князя (signore) или дворянина (gentilhuomo) построить себѣ крѣпость (fortezza) или домъ съ каменными стѣнами (stantia de muro forte), потому что это показало бы боязнь и неспособность уберечься и защититься“ [2]).

Можно догадываться, что въ XVI ст. черкесскія постройки, какъ и позже, всѣ дѣлались изъ дерева и крылись камышомъ или соломой. Едва ли, поэтому, вѣренъ переводъ рукописи этого же источника (иного, впрочемъ, времени), сдѣланный А. Веселовскимъ. Въ этомъ переводѣ и именно въ описаніи построекъ мы находимъ существенное несходство съ приведенной выше цитатой. У генуэзца Георгія говорится: „ихъ дома построены изъ соломы либо дерева“... „всѣ они живутъ въ хатахъ изъ тростника либо соломы, лишь немногіе въ деревянныхъ, и въ цѣлой странѣ нѣтъ ни одной крѣпости“ [3]). Эти указанія на разнообразіе матеріала въ черкесскихъ постройкахъ расходятся не только съ приведенной цитатой изъ Интеріано, но и съ другими послѣдующими историческими

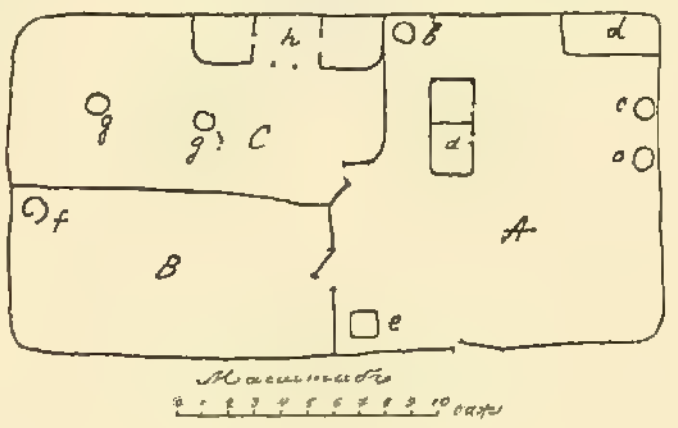


Рис. 4.

свѣдѣніями и этнографическими данными. Такъ, у Іоанна де-Люка, писавшаго въ XVII ст., мы находимъ слѣдующее описаніе черкесскихъ построекъ: „Ихъ дома сдѣланы изъ кольевъ, вбитыхъ въ землю въ два ряда, заплетенныхъ вѣтвями и покрытыхъ обмазкой (mortier). Жилища князей построены изъ того же матеріала, но бо́льшихъ размѣровъ и выше“ [4]). Такія же опредѣленныя и еще болѣе подробныя свѣдѣнія о матеріалѣ построекъ имѣются у Палласа, Тэтбу-де-Мариньи, Дюбуа де-Монперё, Дж. Белля и другихъ позднѣйшихъ путешественниковъ и изслѣдователей, къ которымъ придется намъ неразъ обращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Характеръ самыхъ поселеній, однако, не вездѣ былъ одинаковъ, несмотря на общую для западныхъ черкесскихъ племенъ тенденцію селиться отдѣльными усадьбами. На сѣверномъ Кавказѣ, въ мѣстности, прилегающей къ степной полосѣ, мало защищенной, постоянная опасность внезапныхъ нападеній заставила черкесовъ жить въ настоящихъ селахъ съ одной общей оградой. Уже Іоаннъ Лукскій описываетъ намъ такое поселеніе: „Ихъ деревни находятся въ самыхъ густыхъ лѣсахъ, они окружаютъ ихъ переплетенными деревьями

---

[1]) Gio. Battista Ramusio. Secondo volume delle navigationi et viaggi. G. Interiano Genovesa. Della vita de zychi chiamati circassi. In Venetia. MDLXXXIII, p. 197—198.

[2]) Ibid., стр. 197—198.

[3]) Веселовскій, А. Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ итальянцевъ. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи. Т. II. Спб. 1868, стр. 735.

[4]) Jean de Luca. Relation des Tartares, Precopites et Nogais, des Circassiens, Mingreliens et Georgiens, par Jean de Luca, religieux de l'ordre de Saint-Dominique (Dans Thévenot, Relations de divers voyages curieux, qui n'ont point été publiés etc. Paris. 1664. 2 vol. in fol. 1-re partie).

(avec les arbres entrelacés), чтобы затруднить доступъ татарской кавалеріи“ [1]). О такихъ же укрѣпленныхъ общей оградой селеніяхъ говоритъ Палласъ: „Всѣ ихъ деревни (темиргоевцевъ) укрѣплены“ [2]). Описывается и самый способъ устройства этой ограды „противъ ихъ враговъ Туби и Убыховъ“ [3]) въ отличіе отъ кабардинцевъ, селенія которыхъ имѣли совершенно особенный характеръ. Кабардинцы строили свои дома въ кругъ или квадратомъ, и внутри оставалась площадь, которою пользовались, какъ общимъ скотнымъ дворомъ, и только постройки узденей и князей стояли внѣ села [4]). Такія скученныя поселенія съ общей оградой или кольцомъ, какъ у кабардинцевъ, несомнѣнно, обусловливались стремленіемъ сдѣлать аулъ возможно менѣе доступнымъ въ случаѣ войны и оградить скотъ отъ ночныхъ внезапныхъ нападеній и увода. Въ другихъ условіяхъ черкесскія поселенія представляются намъ совершенно иными. Новицкій въ системѣ рѣки Пчеха не нашелъ совсѣмъ селъ: „р. Пчеха принимаетъ въ себя съ правой стороны и съ лѣвой множество ручьевъ, по которымъ вездѣ разбросаны жилища Абедзеховъ“ [5]). Что касается побережья, то здѣсь существовало два вида поселеній: отдѣльными усадьбами и аулами, но эти аулы не имѣли ничего общаго съ селеніемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Это была лишь группировка отдѣльныхъ усадебъ, чаще всего вдоль какой-нибудь рѣки, и дворъ отъ двора отдѣлялся значительнымъ пространствомъ. Аулы эти, какъ и теперешнія абхазскія села, занимали громадную площадь. Въ перечисленіи населенныхъ мѣстъ южной части побережья, относящемся къ первой половинѣ XIX ст., мы находимъ указаніе на то, какъ слѣдуетъ понимать „аулъ“, говоря о прибрежныхъ черкесахъ: „Упомянутый аулъ (Фагуа) начинается въ разстояніи около 3 верстъ отъ моря и разбросанъ вдоль по долинѣ рѣки Фагуа (Вардане?) на протяженіи 3-хъ часовъ ѣзды (при-

Рис. 5.

Рис. 6.

[1]) Ibid.

[2]) Pallas, P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Erster Band. Leipzig. 1799. S. 396—397.

[3]) Ibid., стр. 396 и 397.

[4]) Ibid., стр. 378.

[5]) Фелицынъ, Е. Д. Черкесы-адыге и западно-кавказскіе горцы. Матеріалы для изученія горцевъ и принадлежавшей имъ страны. Г. Екатеринодаръ. 1884. Топографическое описаніе сѣверной покатости Кавказскаго

мѣрно 18 верстъ)“ [1]), наконецъ: „Далѣе же (отъ рѣки Вея-Дзи Ашше?) край до того гористъ и пересѣченъ, что сообщенія почти непроходимы, ауловъ нѣтъ, а населеніе разсѣяно по отдѣльнымъ саклямъ“ [2]). При этихъ условіяхъ, въ мѣстности трудно доступной, черкесы не жили въ аулахъ и не нуждались въ оборонительныхъ оградахъ, такъ какъ густой лѣсъ, окружавшій дворъ, служилъ убѣжищемъ въ случаѣ опасности. „Лѣсъ, очень густой, къ которому примкнуты дома, служитъ убѣжищемъ для женщинъ, дѣтей и скота, когда враги дѣлаютъ нападеніе“ [3]).

Рис. 7.

Теперешнія поселенія кубанскихъ бжедуховъ и шапсуговъ—настоящія села, въ которыхъ одна усадьба примыкаетъ къ другой, и всегда черезъ аулъ проходятъ одна или двѣ дороги-улицы. Общей ограды для всего селенія теперь не дѣлаютъ. Расположеніе дворовъ очень разнообразно. Всегда дворъ обносится оградой, жилище стоитъ непремѣнно въ срединѣ, никогда не примыкаетъ къ наружной оградѣ и не выходитъ на улицу. Въ прежнее время шапсуги и бжедухи селились болѣе широко и, когда спеціальныя причины, на которыя было указано, не заставляли ихъ тѣсниться за одной общей оградой, предпочитали жить отдѣльными усадьбами, извѣстную группировку которыхъ можно было называть селеніемъ лишь условно. Въ Абхазіи и теперь каждая усадьба стоитъ отдѣльно, и жилище находится въ самой срединѣ одной или двухъ наружныхъ оградъ. Совершенно такой же характеръ самостоятельныхъ и отдѣльныхъ усадебъ сохраняютъ до сихъ поръ дворы въ черкесскихъ аулахъ, и улица, какъ новый элементъ, не вызвала пока никакихъ измѣненій и приспособленій въ устройствѣ дворовъ и расположеніи построекъ.

Рис. 8.

Мѣста поселеній не были постоянными. Въ случаѣ войны или кровавой вражды, семья могла въ короткое время разобрать жилище и, взявъ съ собой на арбѣ главныя части

хребта отъ крѣпости Анапы до истока рѣки Кубани. Записка штабсъ-капитана Новицкаго, составлена 15 сентября 1830 года, стр. 10.

[1]) Фелицынъ, Е. Д. Черкесы-адыге и западно-кавказскіе горцы. Матеріалы для изученія горцевъ и принадлежавшей имъ страны. Г. Екатеринодаръ. 1884. Краткое описаніе страны, лежащей къ сѣверу отъ рѣки Сочи Псты до вновь возведеннаго на Туапсе укрѣпленія. Стр. 22.

[2]) Ibid.

[3]) Taitbout de Marigny, M. Voyage en Circassie, fait en 1818. Bruxelles, 1821, p. 78.

постройки, переѣхать на новое мѣсто. Для этой цѣли плетеныя стѣны хижинъ не соединялись наглухо въ углахъ, и мѣсто стыка лишь смазывалось снаружи и внутри глиной. Подобныя переселенія дѣлались и цѣлыми аулами, обществами. „Черкесы вообще и кабардинцы въ частности,—говоритъ Палласъ,—живутъ въ деревняхъ, которыя они отъ времени до времени—вслѣдствіе нечистоты, или опасности, или другихъ неудобствъ — оставляютъ, берутъ съ собой лишь деревянный остовъ жилища (das beste Sparren und Schirrholz) и домашнюю утварь, а остальное сжигаютъ“ [1]).

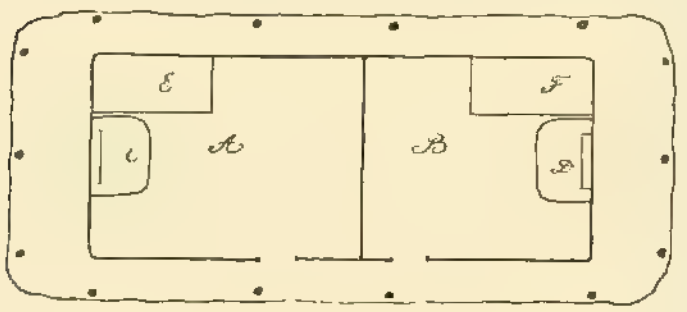


Рис. 9.

Аг-унна́-зэхэ́т—усадьба устраивается, вообще говоря, различно въ зависимости отъ степени достатка, количества головъ скота и проч. Однако, при всемъ этомъ разнообразіи, всегда существуютъ извѣстныя характерныя черты въ общей схемѣ, которыя слѣдуетъ считать старыми и традиціонными. Особенно ярко выражаются онѣ въ усадьбахъ черкесовъ кубанскихъ, на мѣстности сравнительно ровной, и гораздо труднѣе различимы у черкесовъ черноморскихъ, гдѣ гористая и пересѣченная мѣстность заставляетъ при постройкѣ усадьбы приспосабливаться къ случайнымъ условіямъ. У черкесовъ кубанскихъ типичныя усадьбы можно до сихъ поръ наблюдать во всей чистотѣ у бѣдныхъ,

Рис. 10.

которые не могли построить дома по русскому образцу, тесанаго забора, амбара подъ желѣзной крышей и проч. Осмотрѣвъ многія усадьбы и суммируя различные признаки, мы установили, такимъ образомъ, схему устройства двора кубанскихъ шапсуговъ и бжедуховъ, которую здѣсь и приводимъ (рис. 2). Вся усадьба состоитъ изъ трехъ дворовъ, обнесенныхъ общей оградой, съ одними воротами со стороны дороги и нѣсколькими перелазами или калитками, въ зависимости отъ надобности. На нашемъ чертежѣ показана одна калитка въ сторону спеціальной постройки для пріема гостей. На главномъ дворѣ центральное мѣсто занимаетъ всегда у н н а́ — жилище, которое ставится бокомъ къ наружному входу во дворъ съ улицы. Въ этомъ же дворѣ находятся и всѣ хозяйственныя постройки, пока-

[1]) Op. cit., s. 378.

занныя на нашемъ чертежѣ въ типичномъ ихъ расположеніи: слѣва у жилища мы видимъ пекарню, рядомъ съ ней — курятникъ, затѣмъ — два плетеныхъ амбара для храненія зерна и въ углу двора — навѣсъ для сельскохозяйственной утвари. Къ главному двору примыкаютъ: скотный дворъ съ сараемъ и плетеными яслями для корма и дворъ—хамышь для молотьбы и просушки сѣна. Оба эти двора сообщаются воротами съ главнымъ дворомъ, проходовъ же въ наружной оградѣ не имѣютъ. Отхожее мѣсто устраивается всегда гдѣ-нибудь въ отдаленномъ углу усадьбы; иногда ихъ дѣлается два — для мужчинъ и отдѣльно для женщинъ; на нашемъ чертежѣ оно показано въ концѣ сѣнного двора. Это расположеніе дворовъ и построекъ въ черкесской усадьбѣ имѣетъ свои причины, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить самое устройство жилища.

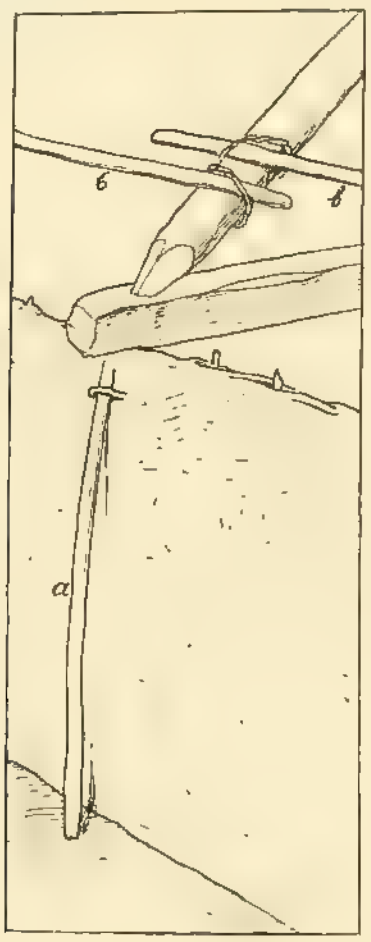


Рис. 11.

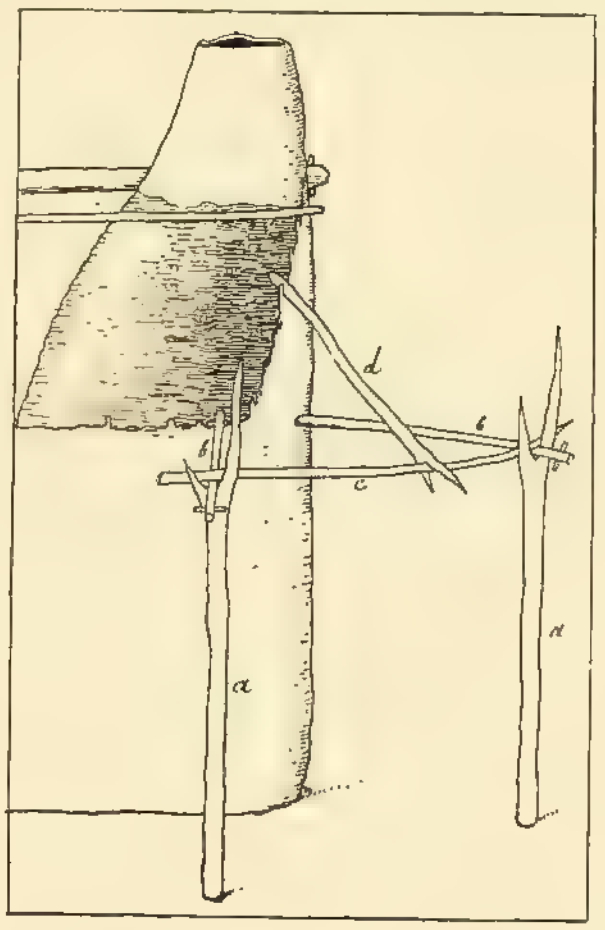


Рис. 12.

Сакля состоитъ изъ двухъ половинъ съ двумя отдѣльными входами: правой—для мужчинъ и лѣвой—для женщинъ. Сообразно съ этимъ расположены и хозяйственныя постройки. Ближе къ мужской половинѣ мы видимъ наружныя ворота и входъ на сѣнной дворъ, со стороны же женской половины находятся: пекарня, курятникъ, амбары и входъ на скотный дворъ. У кабардинцевъ, — при ихъ особенномъ способѣ селиться, имѣя одинъ внутренній дворъ для всего аула, — отхожія мѣста, а также и амбары для зерна ставились вокругъ поселенія въ разныхъ мѣстахъ [1]).

Въ дополненіе къ описанной здѣсь схемѣ и чтобы показать варіанты, мы приводимъ планы двухъ нынѣ существующихъ усадебъ, зарисованные въ бжедухскихъ аулахъ—Старомъ и Новомъ Бжегакаѣ. Рис. 3 даетъ намъ понятіе о сравнительно богатой усадьбѣ съ хорошимъ скотнымъ хозяйствомъ.

Въ главномъ дворѣ (*A*) центральное мѣсто занимаетъ жилище (*a*), состоящее изъ двухъ половинъ: мужской и женской. У наружнаго забора рядомъ построены: курятникъ (*e*),

[1]) Ibid., s. 378.

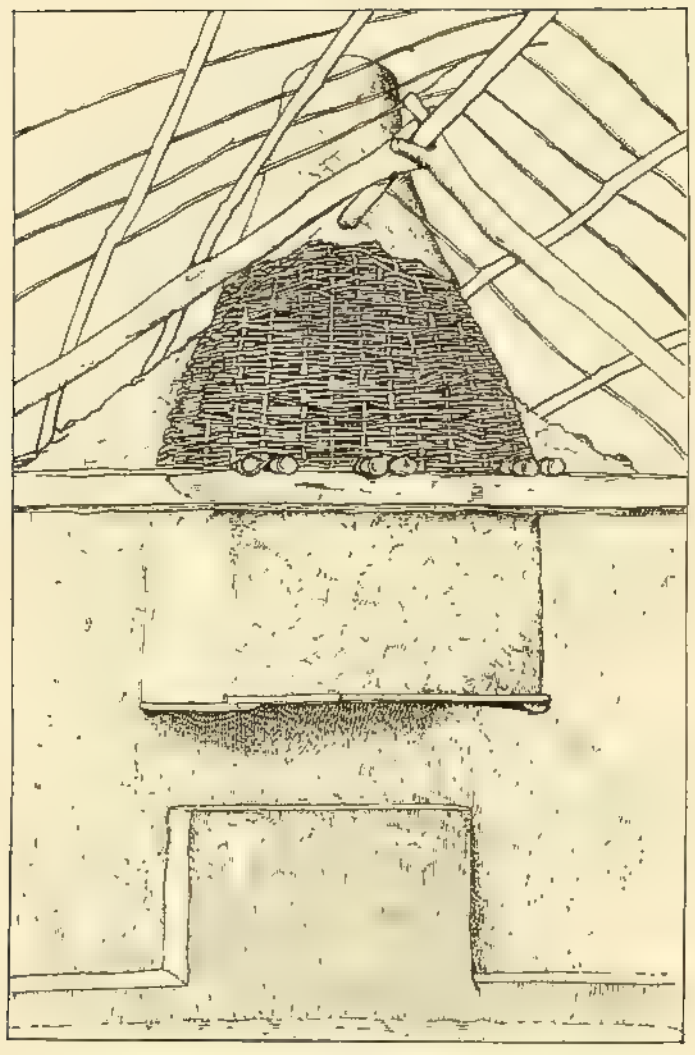


Рис. 14.

плетеный амбаръ (*f*) для храненія зерна, навѣсъ (*g*) для склада домашней и хозяйственной утвари и навѣсъ (*h*), прикрывающій глинобитную печь для хлѣба. Съ другой стороны двора — еще одинъ сарай (*i*) для повозокъ, плуга и проч. Съ задней стороны сакли находятся два двора, отдѣленные заборомъ съ воротами: дворъ (*B*) для молотьбы и складыванія сѣна, съ отхожимъ мѣстомъ (*d*) въ углу, и скотный дворъ (*C*) съ закрытымъ сараемъ (*b*) и плетеными яслями (*c*) для корма. Второй скотный дворъ (*D*) пристроенъ съ противоположной стороны; онъ сообщается калиткой съ главнымъ дворомъ (*A*) и имѣетъ въ наружной оградѣ, со стороны дороги, узкія ворота для прогона скота. Въ углу стоитъ сарай (*j*) для дойныхъ коровъ; часть двора отгорожена подъ огородъ (*E*). Изъ этого двора калитка ведетъ въ слѣдующій дворъ (*F*) съ колодцемъ (*l*) и сараемъ (*k*) для телятъ. Буквой *c* обозначены плетеныя ясли для корма.

Болѣе бѣдная усадьба приводится на рис. 4. Она состоитъ изъ главнаго двора (*A*) съ воротами со стороны дороги и постройками: сакли (*a*), курятника (*b*), кукурузника (*e*), плетеныхъ амбаровъ (*c*) для зерна и навѣса (*d*) для сельско-хозяйственной утвари. Двое воротъ ведутъ на скотный дворъ (*C*) съ закрытымъ сараемъ (*h*) и плетеными яслями (*g*) и во дворъ (*B*) для молотьбы и сѣна, въ углу котораго находится отхожее мѣсто *(f)*.

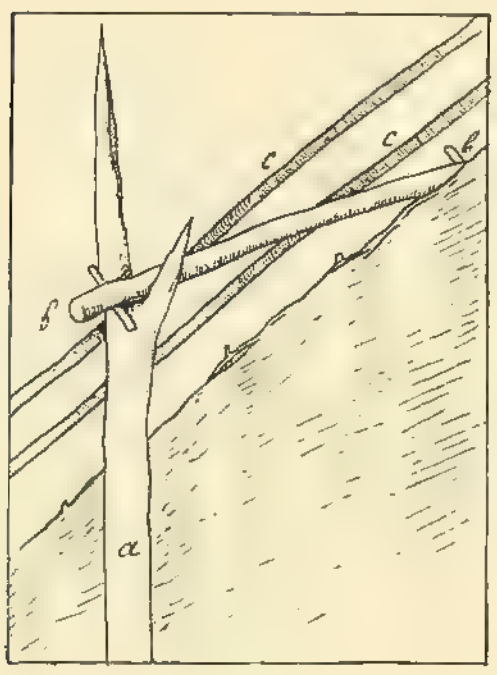


Рис. 13.

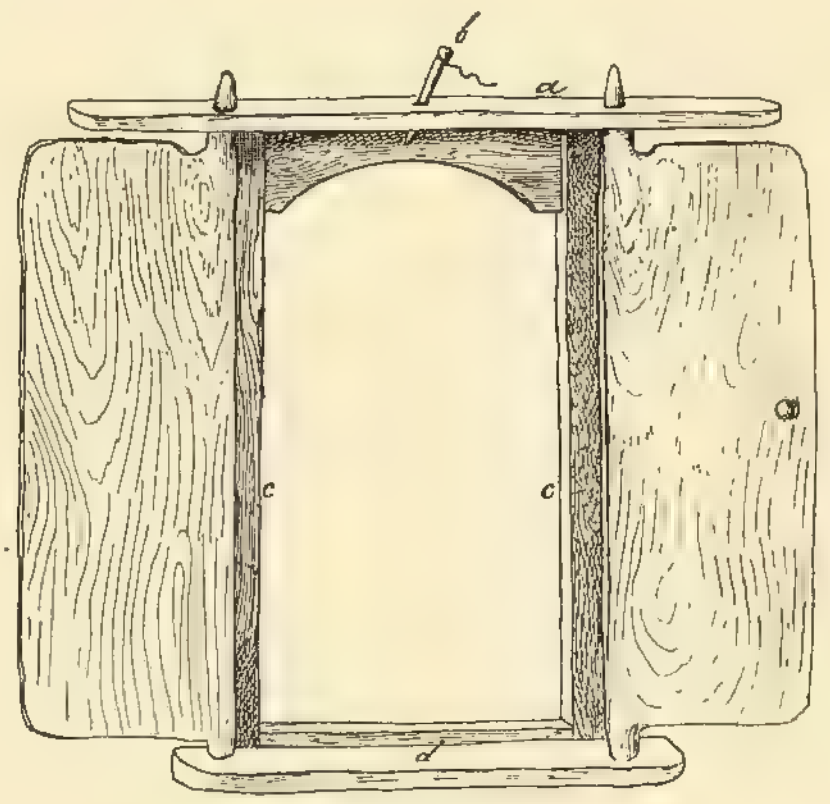


Рис. 15.

Кромѣ описанныхъ построекъ, почти каждая семья имѣетъ отдѣльно стоящую постройку спеціально для пріема гостей. Она ставится обыкновенно на лучшемъ мѣстѣ передъ дворомъ, часто обносится особымъ плетнемъ и имѣетъ небольшой дворикъ (рис. 2). „Внѣ ограды или забора у богатыхъ и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ строится хаджичижъ—пріемный домъ для гостей, или кунахская". „Домъ для гостей строился, по возможности, на удобномъ мѣстѣ, огораживался частоколомъ или плетнемъ, оставляя чистый дворъ, обсаженный нерѣдко вѣтвистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ гость могъ бы укрыться отъ лѣтняго зноя. Люди со средствами устраиваютъ другой такой же домъ, меньшихъ размѣровъ, внутри семейной ограды, и этотъ послѣдній назначался для пріема исключительно однихъ только родственниковъ или самыхъ близкихъ знакомыхъ" [1]).

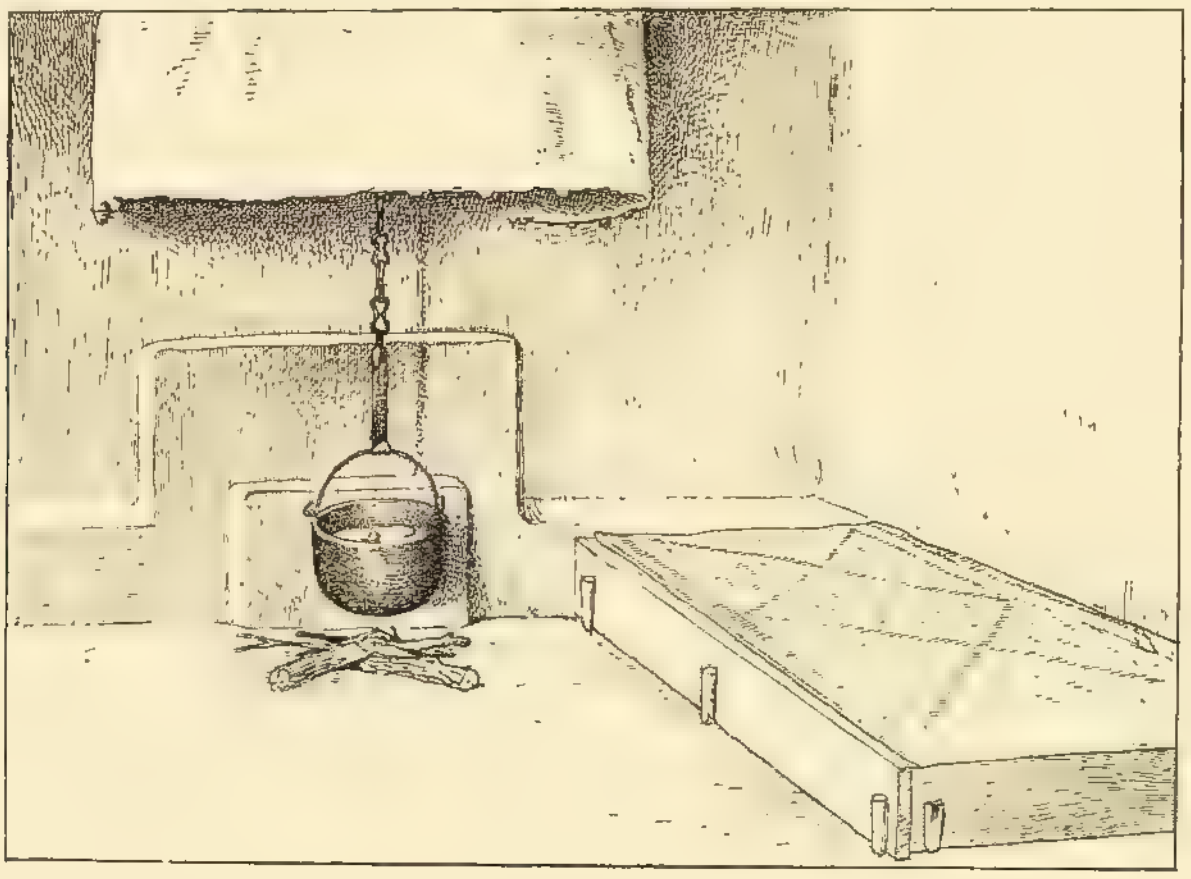


Рис. 16.

Хижина, подобная пріемной для гостей, т.-е. въ одну комнату, строится также для женатаго сына. Если жилой домъ, въ которомъ помѣщается семья, построенъ по русскому образцу и состоитъ даже изъ нѣсколькихъ комнатъ, все же, по черкесскому обычаю, женатый сынъ не можетъ оставаться подъ одной крышей со своей семьей, и для него строятъ хижину въ одну комнату, нѣсколько сзади сакли, въ которой онъ и живетъ до полнаго выдѣленія и постройки собственной усадьбы.

Таковы, въ общихъ чертахъ, характеръ устройства черкесскихъ усадебъ и взаимное расположеніе всѣхъ построекъ. Изъ сравненія приведенныхъ выше плановъ легко видѣть, насколько стойки нѣкоторые признаки, одинаково повторяющіеся въ усадьбахъ богатыхъ и бѣдныхъ. Такъ, если не считать лишнихъ скотныхъ дворовъ (D и F) въ богатомъ хозяйствѣ (рис. 3), то во всемъ остальномъ усадьба эта совершенно схожа со схематическимъ планомъ (рис. 2) и съ усадьбой бѣдной, изображенной на рис. 4. Къ этимъ основ-

[1]) Дубровинъ, Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Спб. 1871. Т. I, кн. 1, стр. 69.

нымъ признакамъ мы относимъ, прежде всего, расположеніе всѣхъ построекъ внутри одной общей ограды съ 1 воротами со стороны дороги. Сакля строится въ срединѣ двора, тыльной частью ближе къ внутренней оградѣ и всегда бокомъ къ воротамъ. Всѣ остальныя постройки располагаются вокругъ двора у забора, такъ что внутреннее пространство остается чистымъ. Скотный дворъ и дворъ для молотьбы и сѣна, заключенные въ общую ограду, имѣютъ ворота лишь со стороны главнаго двора. Пріемная для гостей строится, въ большинствѣ случаевъ, совершенно отдѣльно. Разсмотримъ теперь всѣ виды построекъ въ отдѣльности, начиная съ ограды.

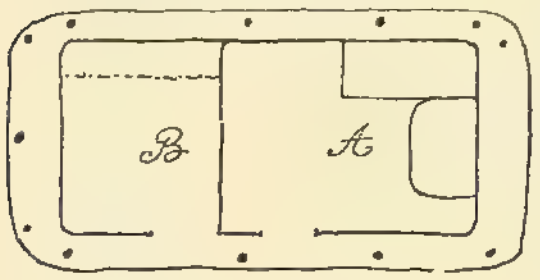


Рис. 17.

Чòу-карагýл — заборъ, по своему устройству, бываетъ разнообразныхъ видовъ, но основнымъ и кореннымъ типомъ слѣдуетъ считать именно чòу — плетень съ вертикально стоящими стойками и горизонтальнымъ направленіемъ самого плетенія. Образецъ такого плетня виденъ на рис. 5. Спеціальное назначеніе имѣютъ высокія плетеныя ограды, достигающія почти 2-хъ метровъ въ высоту и усаженныя по верхнему краю терновыми вѣтками. Въ старину общая для всего аула оборонительная ограда изъ переплетенныхъ вѣтвей по верху также укрѣплялась колючимъ терновникомъ, какъ это мы знаемъ изъ описанія Палласа [1]). Теперь высокіе плетни съ терновникомъ употребляются для огражденія овечьихъ загоновъ или ими обносится главный дворъ усадьбы для того, чтобы со стороны нельзя было видѣть женщинъ и интимную сторону жизни семьи. Два варіанта такихъ оградъ показаны на рис. 6 и 7.

Рис. 18.

Кабляч — ворота въ послѣднее время стали дѣлать изъ тесаныхъ жердей, иногда даже дощатыя по русскому образцу, но въ каждомъ аулѣ можно еще видѣть настоящія черкесскія ворота нѣсколькихъ видовъ. Гдѣ устраиваются ворота — это мы уже видѣли изъ описанія усадьбы. Преобладаютъ у черкесовъ кубанскихъ ворота вращающіяся, а не разборныя изъ ряда снимающихся жердей, какъ у абхазцевъ и черкесовъ черноморскихъ. На рис. 5 изображены ворота вращающіяся, плетеныя; подобнаго же устройства и ворота, приведенныя на рис. 7, но не изъ плетня, а въ видѣ рамы съ поперечными перекладинами. На рис. 8 мы видимъ ворота нѣсколько иного устройства. Они состоятъ изъ продольныхъ перекладинъ, оригинальнымъ образомъ связанныхъ въ одну раму, и верхней жерди, свободно лежащей на концахъ боковыхъ стоекъ. Калитки дощатыя—заимствованіе самаго поздняго времени, раньше же ихъ замѣняли или малыя ворота такого же устройства, какъ описанныя выше, или разнообразные перелазы, схожіе съ аналогичными приспособленіями у абхазцевъ [2]).

Унна́ — жилище черкесовъ имѣетъ рядъ стойкихъ и опредѣленныхъ признаковъ, къ которымъ относятся: матеріалъ, способъ постройки, внутреннее расположеніе, размѣры и, наконецъ, наиболѣе существенная особенность — устройство очага. Жилище это

[1]) Op. cit., s. 396—397.

[2]) Миллеръ, А. Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г., стр. 63. Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I. Спб. 1910

состоитъ изъ двухъ половинъ: мужской—у н н а́ - ш к у а̀ и женской—п ы т, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой очагъ и отдѣльную дверь въ наружной стѣнѣ. Однимъ словомъ, это—два отдѣльныхъ жилища, соединенныхъ лишь общими плетеными стѣнами и крышей. Очень часто, особенно въ постройкахъ старыхъ, стѣна—у н н а́ - г у у́ т, отдѣляющая обѣ эти половины, дѣлалась глухой. Теперь если и встрѣчается дверь изъ мужской половины въ женскую, то всегда она бываетъ необыкновенно малаго размѣра, и нужно сильно нагибаться, чтобы пройти. Такія же маленькія двери мы наблюдали у бесленеевцевъ въ ихъ жилищѣ, состоящемъ изъ трехъ комнатъ: центральная большая комната съ очагомъ сообщается необыкновенно малыми дверьми съ двумя боковыми.

Каждая изъ половинъ черкесскаго жилища можетъ существовать и совершенно отдѣльно, какъ самостоятельная постройка для кухни, для пріема гостей, для женатаго сына; наконецъ, въ ней можетъ помѣщаться и жить вся семья, если средства не позво-

Рис. 19.

ляютъ выстроить мужскую половину. Это важное обстоятельство даетъ намъ основаніе смотрѣть на эту постройку, какъ на совершенно самостоятельный элементъ, а на самое жилище—какъ на соединеніе вмѣстѣ двухъ построекъ. На рис. 9 изображенъ планъ двойного жилища: *A*—мужская половина, *B*—женская половина, *C* и *D*—очаги, *E* и *F*—постели. Мужская комната обыкновенно бываетъ болѣе женской, длиной около 6 аршинъ и женская—около 5 аршинъ. Входныя двери никогда не помѣщаются противъ очага, но всегда въ другомъ углу, какъ это видно на рисункѣ. Никакого дальнѣйшаго развитія изъ этихъ элементовъ въ черкесскомъ жилищѣ мы не наблюдаемъ, въ отличіе отъ жилищъ бесленеевцевъ и кабардинцевъ,—болѣе сложныхъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ мнѣ приходилось видѣть отгороженную въ хижинѣ часть для кладовой, но гораздо чаще встрѣчаются жилища съ пристроенной подъ одну крышу конюшней, о чемъ подробнѣе сказано будетъ далѣе. Кухня (если это—отдѣльная постройка), пріемная для гостей и обѣ половины жилища строятся совершенно одинаково, лишь съ небольшими варіантами въ общихъ размѣрахъ.

Матеріаломъ для постройки служитъ исключительно дерево. Не употребляется ни гвоздей, ни металлическихъ скобъ. До послѣдняго времени черкесы совершенно не упо-

требляли досокъ, и теперь еще въ старыхъ сакляхъ можно видѣть дубовыя тесаныя двери. Вся постройка дѣлается изъ бревенъ, жердей и плетня. Связи отдѣльныхъ частей, какъ, напримѣръ, стропилъ съ потолочными балками и дверной рамы, достигаются простѣйшими врубками. Жерди, служащія основой настила крыши, привязываются къ стропиламъ крученными вѣтвями. Матеріалъ употребляется разнообразный, въ зависимости отъ назначенія. Колья плетеныхъ стѣнъ дѣлаются дубовые; для самаго плетня берутъ лозу или черноклень, верхнее же строеніе: стропила, потолочныя балки и коньковый брусъ предпочитаютъ дѣлать изъ вербы, какъ болѣе легкаго матеріала.

Рис. 20.

Стѣны сакли плетеныя, обмазанныя внутри и снаружи глиной съ навозомъ. Высота ихъ—около 3¼ аршинъ. Стойки для плетня — п ч е г ъ́ отесываются топоромъ у конца съ четырехъ сторонъ и забиваются въ землю на разстояніи около 2 четвертей. Забиваютъ ихъ руками, слегка раскачивая и поливая землю водою. Плетень дѣлается изъ ровныхъ вѣтвей возможно болѣе плотно и гладко; всѣ сучки обрубливаютъ. Съ этого начинается постройка сакли, но предварительно всегда ставятъ на своемъ мѣстѣ дверь. Съ фасада и сзади стѣны имѣютъ одинаковую высоту, боковыя же стороны высоко выдаются вверхъ треугольникомъ—ч а ў б и поддерживаютъ коньковый брусъ (рис. 10). На стѣны поперекъ зданія кладутся слегка отесанныя потолочныя балки—б г у к, въ которыя упираются стропила—п х а ч ь̀. Для большей прочности, плетеныя стѣны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежатъ потолочныя балки, укрѣпляются наружными стойками — „е с а̀ т л“ (рис. 11, *a*). Стропила—п х а ч ь̀ концами своими, отесанными съ четырехъ сторонъ, вставляются въ пазы, вырубленные въ потолочныхъ балкахъ (рис. 11). Верхніе концы стропилъ представляютъ собой естественную развилину двухъ вѣтокъ,

Рис. 21.

на которую и ложится коньковый брусъ — т х ы ц а̀ к (рис. 14). На стропила, поперекъ, накладываются тонкія жерди и привязываются крученными вѣтками (рис. 11, *b*); на эти жерди, въ свою очередь, вертикально накладываютъ хворостъ—ч х а п х ы ч а̀ б л, который непосредственно и служитъ подстиломъ камышевой или соломенной крыши. Въ старину крыши дѣлались изъ мелкаго камыша „въ натруску“; теперь часто можно встрѣтить расчесанныя крыши соломенныя, заимствованныя у кубанскихъ казаковъ (рис. 38). При

соломенной или камышевой крышѣ всегда обыкновенно на жерди и хворостъ ровнымъ слоемъ вертикально накладывается крупный камышъ, чтобы изнутри жилища крыша имѣла аккуратный видъ и солома не просыпалась въ комнату. Иногда даже внутренняя часть крыши отъ мѣста стыка со стѣной до первой поперечной жерди, лежащей на стропилахъ, смазывается глиной. Для укрѣпленія соломы или камыша, на крышѣ вдоль конька кладется тонкій брусъ — хакукуà, привязанный жгутами соломы и крученными вѣтками; тонкія жердочки — тхапхечутытл кладутся и по бокамъ крыши, какъ это видно на рисункахъ 1 и 19; нѣсколько болѣе толстыя жерди—чесантэтл лежатъ у самаго края крыши вокругъ всего зданія.

Рис. 22.

Крыша не кончается у стѣны, но выступаетъ значительно дальше, образуя вокругъ сакли родъ навѣса, который предохраняетъ стѣны отъ дождя и даетъ тѣнь. Любопытно, что бѣдныя жилища навѣса этого не имѣютъ совсѣмъ (рис. 20), въ сакляхъ же болѣе богато устроенныхъ онъ очень развитъ и дѣлается въ видѣ самостоятельной пристройки вокругъ стѣнъ. Крыша у боковыхъ короткихъ стѣнъ выступаетъ гораздо дальше, образуя значительный навѣсъ, которымъ пользуются, какъ покрытіемъ: ставятъ тамъ плетеные амбары для зерна и проч. (рис. 1). Въ большинствѣ случаевъ, стойки — чесаны́, поддерживающія этотъ навѣсъ, забиваются руками прямо въ землю (рис. 12, *a*), но иногда онѣ врубливаются въ деревянные лежни, образующіе родъ заваленки вокругъ сакли (рис. 1). Устройство навѣса таково: вокругъ сакли вбиваются, на разстояніи 1 шага отъ длинныхъ стѣнъ и 2 шаговъ отъ короткихъ, стойки — „чесаны́“, показанныя на чертежѣ жилища (рис. 9) и на рис. 12; на стойки эти кладутся перекладины—четучеàу (рис. 12, *b*), на которыя, въ свою очередь, накладываются жерди (рис. 12, *c* и 13, *c*), а на нихъ—камышевое или соломенное покрытіе. Стойки въ верхней своей части кончаются развилиной двухъ вѣтвей, изъ которыхъ одна всегда оставляется болѣе длинной и выступаетъ надъ крышей (рис. 13), придерживая лежащую на соломѣ поперечную жердь. Сбоку сакли, гдѣ навѣсъ выступаетъ довольно далеко и перекрытіе нужно подвести къ самому коньку, брусья — сшапхà, поддерживающіе соломенное покрытіе, кладутся однимъ концомъ на стѣну—

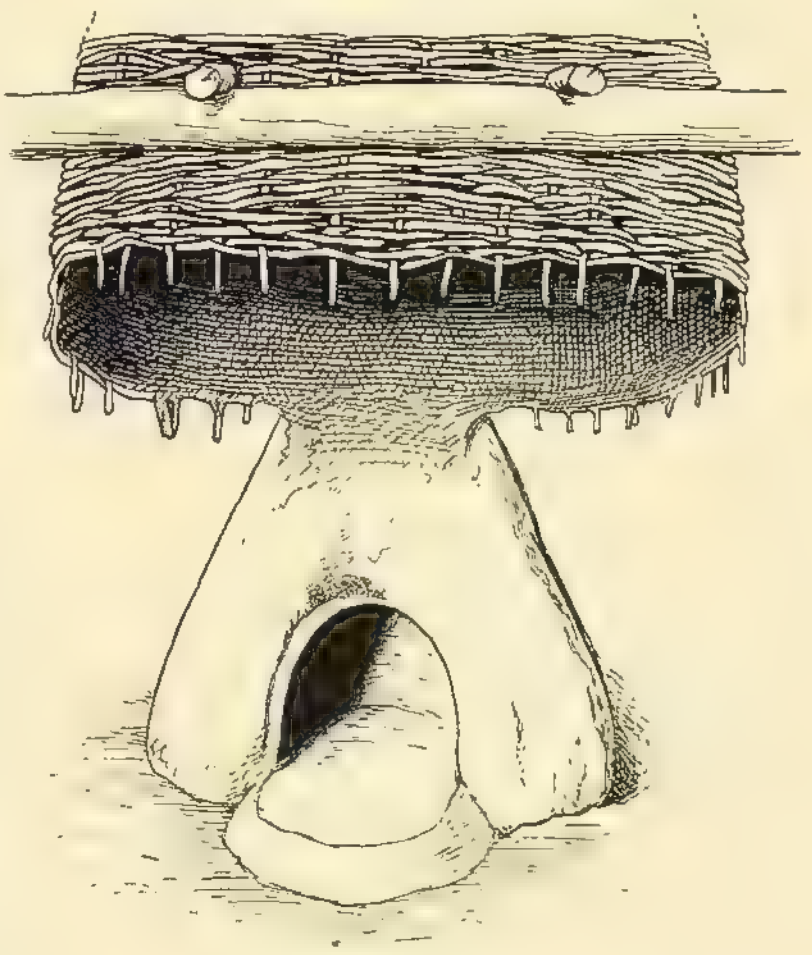


Рис. 23.

ча́б, а другимъ, съ развилиной, упираются въ поперечную жердь (рис. 12, *d*). Пространство подъ навѣсомъ называется хашьпёк.

Въ прежнее время оконъ не дѣлали совсѣмъ, и свѣтъ проникалъ внутрь черезъ открытыя двери. И теперь въ старыхъ сакляхъ мы не видимъ ихъ или находимъ въ видѣ маленькихъ отверстій, съ деревянными заслонками или затыкаемыхъ просто тряпками. Описывая богатый домъ для пріема гостей, въ южной части побережья, Белль говоритъ, что онъ отличался отъ другихъ лишь размѣрами и тѣмъ, что имѣлъ маленькое окно безъ стеколъ, которое закрывалось ставнемъ [1]). Подобное же указаніе мы находимъ у Дубровина [2]). Онъ говоритъ, что окна были маленькія, безъ стеколъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ затягивались пузыремъ. „Окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ; главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настежь лѣтомъ и зимой“ [3]). Окна—шхану́пч въ современныхъ, новой постройки, сакляхъ устраиваютъ, конечно, цѣликомъ по образцу, который видятъ на русскихъ постройкахъ.

Рис. 24.

Пшчѐ—дверь дѣлается всегда ближе къ углу. Размѣры ея не велики, менѣе средняго роста человѣка, такъ что, входя, нужно нагибаться. Дверь изъ женской половины въ мужскую, если ее дѣлаютъ—еще меньшихъ размѣровъ. Входная дверь всегда имѣетъ двѣ створки изъ струганаго топоромъ толстаго дуба. Дверь состоитъ изъ двухъ перекладинъ: верхней –пшчешхà (рис. 15, *a*) и нижней съ порогомъ (рис. 15, *d*). Въ отверстіяхъ этихъ перекладинъ вращаются обѣ половинки двери—пшчешà у, запираемыя сверху колышкомъ — пшчешха-яочых (рис. 15, *b*). Косяки (рис. 15, *c*) называются пшчабдлѐ. „Въ дверяхъ,—пишетъ Дубровинъ [4]),—не было ни запоровъ, ни замковъ; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собой дневную дѣятельность его жителей“.

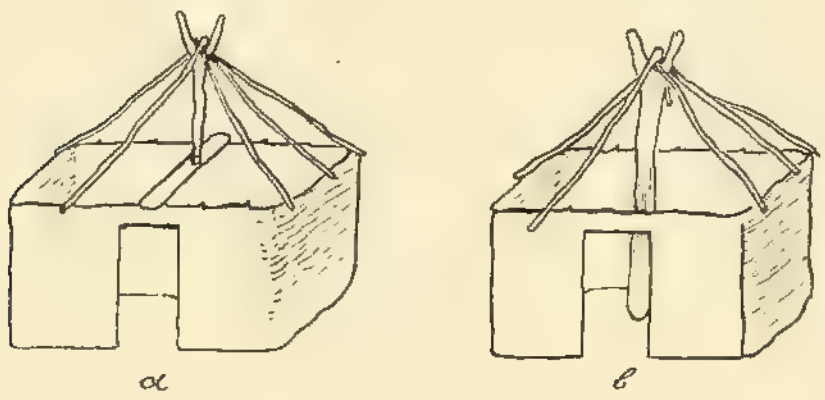


Рис. 25.

Наиболѣе интересной частью черкесскаго жилища, несомнѣнно, является очагъ съ плетенымъ дымаремъ. Намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній о томъ, устраивались ли въ саклѣ очаги въ срединѣ, какъ это можно видѣть теперь въ абхазскихъ жилищахъ. Въ настоящее время очагъ съ плетенымъ дымаремъ примыкаетъ къ наружной боковой стѣнѣ (рис. 12) или къ внутренней перегородкѣ, дѣлящей жилище на двѣ половины.

[1]) Bell, James Stanislas. Journal d'une Résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839. Paris. 1841, t. I, p. 34.

[2]) Дубровинъ, Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. СПБ. 1871. Т. I, кн. 1, стр. 69.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid, стр. 69.

У кубанскихъ черкесовъ преобладаетъ первый способъ, въ то время какъ въ аулахъ черноморскихъ намъ приходилось неразъ видѣть очаги, примкнутые къ перегородкѣ, какъ это видно на фотографіи (рис. 1), сдѣланной въ Агойскомъ аулѣ близъ Туапсе. У бесленеевцевъ и абазиновъ, живущихъ по р.р. Большому и Малому Зеленчуку, положеніе очага нѣсколько иное. Здѣсь сакля представляетъ собой одну главную комнату и двѣ малыхъ и имѣетъ лишь одинъ очагъ, примыкающій къ лицевой наружной стѣнѣ, причемъ, для экономіи мѣста, весь дымарь выступаетъ наружу и очагъ помѣщается въ полукругломъ уступѣ стѣны.

Рис. 26.

Джагу́—очагъ, открытый, подъ плетенымъ дымаремъ. Огонь раскладывается на глинобитномъ полу, и, чтобы не могла загорѣться стѣна сакли, въ этомъ мѣстѣ дѣлается правильное утолщеніе глиняной обмазки—этабай, показанное на чертежѣ (рис. 14). Надъ очагомъ виситъ мѣдный или чугунный котелокъ на желѣзной или деревянной цѣпи, укрѣпленной въ дымарѣ (рис. 16).

Уаджа́к—дымарь, плетеный, дѣлается одновременно со стѣнами жилища. Внизу раструбъ не доходитъ до пола вершковъ на 25 и имѣетъ въ сѣченіи очертанія четырехугольника съ закругленными углами; кверху дымарь постепенно сужается и выходитъ надъ крышей невысокой трубой (рис. 14), которая у черноморскихъ черкесовъ часто прикрывается двускатнымъ деревяннымъ навѣсомъ (рис. 1). Внутри весь дымарь смазывается глиной, а снаружи только снизу и часть трубы, выходящая наружу (рис. 14). Упоромъ дымарю служатъ жерди, проходящія насквозь и лежащія концами на потолочной балкѣ (рис. 14). Къ перекладинамъ этимъ подвѣшивается на цѣпи котелъ; на нихъ же коптятъ и сыръ. Непосредственно у очага устраивается низкая глинобитная кровать-диванъ, укрѣпленная по сторонамъ досками (рис. 16). Въ пріемной для гостей это—почетное мѣсто, на которое сажаютъ гостя, ближе къ огню.

Рис. 27.

Потолка и чердачнаго помѣщенія въ сакляхъ никогда не дѣлаютъ. Для склада копченаго сыра и хлѣба, на потолочныя балки кладутъ иногда плетеные изъ лозы щиты, которые, впрочемъ, бываютъ не въ каждой саклѣ.

Въ стѣны забиваютъ колышки пкаожи́ для развѣшиванія оружія и упряжи.

Полъ дѣлается всегда глинобитнымъ и сверху смазывается глиной, перемѣшанной съ навозомъ; вдоль стѣнъ у пола устраивается небольшая ступенька изъ глины—для того,

чтобы внутрь жилища не проникала вода. Обмазка стѣнъ жилища внутри и снаружи, а также дымаря и трубы дѣлается также глиной съ навозомъ.

Подобнымъ образомъ устраиваются обѣ половины жилища и пріемная хачишь, которая русскими называется „кунацкая“. Относительно этого названія можно усомниться въ его туземномъ происхожденіи. Въ переводѣ А. Веселовскаго описанія быта и нравовъ черкесовъ генуэзца Георгія, о которомъ уже приходилось говорить, есть указаніе на „кунацкую“: „Такой гостепріимный домъ зовется у нихъ кунакомъ (tal hospitio è chiamato copaco); хозяинъ провожаетъ странника вплоть до слѣдующаго кунака“ [1]). Слово кунакъ существуетъ и теперь и имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе — „пріятель“, которое и можетъ быть приложимо къ хозяину, принимающему гостя, и наоборотъ. Въ такомъ смыслѣ и приведено слово это у Интеріано: „Они называютъ кунакомъ и гостя и хозяина (l'albergato & l'albergāte)“ [2]). Если хачишь и существуетъ для пріема кунаковъ-гостей, все же слово кунак никогда не отождествляется черкесами съ самой постройкой.

Рис. 28.

Рис. 30.

Нами уже было указано, что хачишь — пріемная для гостей — въ большинствѣ случаевъ строится совершенно отдѣльно отъ усадьбы. На рис. 2 изображена подобная постройка, обнесенная невысокимъ плетнемъ, образующимъ небольшой дворикъ, часто съ тѣнистыми деревьями. Ограда имѣетъ небольшія ворота или калитку спереди и калитку или перелазъ съ обратной стороны, черезъ которую хозяинъ приходитъ со двора встрѣтить гостя. Передъ оградой на видномъ мѣстѣ врывается въ землю бревно съ обрубленными сучками, служащее коновязью (рис. 2). На нашемъ рисункѣ изображена хижина для гостей съ пристроенной къ ней конюшней, какъ это иногда дѣлаютъ при постройкѣ хачишь. На рис. 17 виденъ планъ подобной постройки: А — жилая половина дома для гостей, В—конюшня. Совершенно то же мы нашли у Дюбуа-де-Монперё въ описаніи жилища нотухайцевъ [3]). Въ атласѣ помѣщенъ и рисунокъ, который мы здѣсь воспроизводимъ

[1]) Веселовскій, А. Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ итальянцевъ. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи. Т. II. Спб. 1868, стр. 735.

[2]) Interiano, op. cit.

[3]) Dubois de Montpereux, Frédéric. Voyage au Caucase chez les tcherkesses & les abkhases etc. Atlas. Série pittoresque, planche V.

(рис. 18). Иногда конюшня отдѣлена отъ жилища холоднымъ чуланомъ, безъ наружныхъ дверей. Усложненіе коренного типа постройки прибавленіемъ конюшни встрѣчается, но не приходилось намъ видѣть пристроенныхъ сѣней, если исключить, разумѣется, новѣйшія постройки по русскому образцу. На рис. 19 приведенъ рѣдкій случай жилища съ отгороженной частью съ правой стороны для склада домашней утвари; такимъ образомъ, домъ этотъ состоитъ изъ одной обыкновенной комнаты и небольшого чулана. Рис. 20 изображаетъ жилище безъ пристроекъ, старое, служащее въ настоящее время кухней. Однако, оно имѣетъ нѣкоторыя отступленія отъ описаннаго типа: здѣсь мы видимъ окно, а крыша почти не имѣетъ выступа и не образуетъ, за исключеніемъ одной стороны, обычнаго навѣса на столбахъ. Болѣе правильной намъ кажется незаконченная постройка для гостей, изображенная на рисункѣ 21. Къ хижинѣ этой впослѣдствіи была пристроена съ лѣвой стороны конюшня—такъ, какъ это показано на рис. 17.

Рис. 29.

Рис. 31.

Наконецъ, на рисункѣ 10 мы видимъ жилище, состоящее изъ двухъ половинъ: мужской и женской, уже законченное и только не покрытое. Оно соотвѣтствуетъ плану на рис. 9.

Хакуа́шь — пекарня — въ видѣ отдѣльной постройки, плетеной, обмазанной снаружи и внутри глиной и крытой соломой или камышомъ. Пекарни эти имѣютъ квадратное очертаніе около 5 аршинъ въ сторонѣ; углы бываютъ иногда настолько закруглены, что вся постройка кажется круглой (рис. 22). Въ пекарнѣ центральное мѣсто занимаетъ всегда глинобитная печь — хакӯ, изображенная на рис. 23 и 24. Самая печь дѣлается такъ: сначала устраиваютъ изъ глины съ половой площадку, на которую накладываютъ конусомъ короткіе куски дерева и обломки вѣтокъ, затѣмъ все это обкладываютъ толстымъ слоемъ глины и приколачиваютъ доской. Когда глина подсохнетъ, снаружи прорѣзываютъ отверстіе и черезъ него постепенно вынимаютъ изнутри дерево. Печь готова и служитъ спеціально для выпеканія хлѣба. Эти печи ставятся или открыто, подъ навѣсомъ, или въ спеціальной постройкѣ-пекарнѣ. Если въ пекарнѣ нѣтъ дымаря, то крыша не смыкается вплотную со стѣнами, а оставляется небольшой зазоръ для выхода дыма. Бываютъ, однако, и дымари, помѣщаемые не у боковой стѣны, какъ въ жилищѣ, а въ самомъ центрѣ постройки. Нижній край дымаря прилегаетъ и соединяется глиняной обмазкой съ печью (рис. 23). Коническія

крыши на пекарняхъ состоятъ изъ деревяннаго остова и верхняго перекрытія соломой или камышомъ. Деревянный остовъ состоитъ изъ матицы, лежащей концами на стѣнахъ, и врубленнаго въ нее столба съ развилиной, на которую кладутся кокорки (рис. 25, *a*). Иногда бываетъ два столба съ коньковымъ брусомъ, и крыша, слѣдовательно, получаетъ форму четырехскатной (рис. 22). Кромѣ печи для хлѣба, въ пекарнѣ ставятся еще: ручной жерновъ, ступа для проса и деревянный жерновъ для проса.

Четышь — курятникъ — плетеный, обмазанный, въ большинствѣ случаевъ, глиной, съ конической камышевой или соломенной крышей. Величина этой постройки сильно колеблется отъ самой малой, которую можно видѣть на рис. 24, рядомъ съ печью, до значительныхъ размѣровъ сооруженій. На рис. 25, *b* дана схема такого курятника. Крыша, коническая, поддерживается кокорками, прикрѣпленными къ верхушкѣ столба, врытаго въ землю. Поперекъ постройки на стѣны кладутъ жерди для куръ. Обмазка курятниковъ дѣлается неплотной: умышленно оставляютъ въ стѣнахъ небольшія скважины для вентиляціи внутренняго помѣщенія.

Куàн — постройки для храненія зерна бываютъ очень разнообразны. У бжедуховъ и кубанскихъ шапсуговъ преобладаетъ типъ, показанный на рис. 26. Это — плетеныя, высокія корзины, обмазанныя внутри и снаружи глиной съ навозомъ. Основой плетню служатъ жерди, укрѣпленныя въ отверстіяхъ деревяннаго помоста, лежащаго на двухъ бревнахъ. Крыша — деревянная, плетеная, покрытая сверху соломой, укрѣпленной лежащими сверху жердями и соломенными жгутами. Зерно насыпается и берется сверху, для чего каждый разъ крыша снимается совершенно. На рис. 27 мы видимъ въ богатой усадьбѣ цѣлый рядъ такихъ же построекъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ съемную крышу, другія—съ крышей постоянной, но съ боковой дверцей для выниманія и засыпки зерна. Мы укажемъ еще на одинъ варіантъ постройки четырехугольной, стоящей у самой сакли (рис. 28). Въ послѣднемъ случаѣ она ставится всегда у боковой стѣны кухни или женской половины.

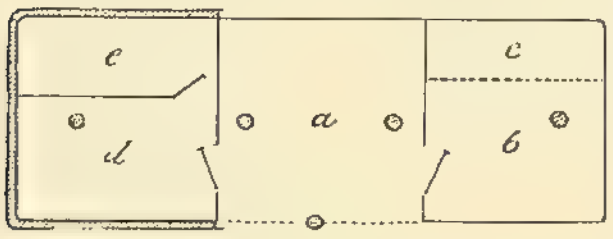


Рис. 32.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ постройки для храненія кукурузы. Нужно сказать, однако, что эти кукурузники гораздо менѣе распространены у черкесовъ кубанскихъ, чѣмъ у черкесовъ черноморскихъ, у которыхъ кукуруза служитъ базой пищи и у которыхъ культурой ея занимаются въ гораздо большихъ размѣрахъ. Подобный кукурузникъ ставится на четырехъ или шести невысокихъ столбахъ (рис. 29); на столбахъ помѣщаются лежни, поддерживающіе поперечныя перекладины, въ которыхъ укрѣплены, въ сквозныхъ отверстіяхъ, стойки плетеныхъ стѣнъ. Крыши дѣлаются двускатными; съ фронтона въ стѣнѣ всегда есть дверца. На рис. 30 изображена разновидность: это — кукурузникъ на высокихъ столбахъ, съ плетеной корзиной, но безъ крыши. Сложенная въ немъ кукуруза просто закрывается сверху соломой. У прибрежныхъ черкесовъ кукурузники дѣлаются преимущественно не плетеные, а бревенчатые, какъ это видно на фотографіи, снятой въ Агойскомъ аулѣ близъ Туапсе (рис. 31). Распространено также у нихъ особое приспособленіе, чтобы мыши и крысы не могли взбираться по столбамъ; для этого на верхушкѣ столбовъ кладутъ плоскіе большіе камни и на нихъ уже возводятъ постройку. Такой кукурузникъ изображенъ и описанъ у Тэтбу де-Мариньи [1]), который видѣлъ его въ окрестностяхъ Геленджика.

[1]) Taitbout de Marigny. Voyage en Circassie. Bruxelles. 1822. См. рисунокъ.

Шешь — конюшня ставится или отдѣльно у наружной ограды передняго двора, или пристраивается къ мужской половинѣ жилища. Размѣры ея невелики; внутри у стѣны, противъ входа, устраиваются плетеныя низкія ясли для корма. Дверь въ конюшнѣ бываетъ или плетеная, или дощатая и закрывается всегда деревянными засовами, какъ это показано на схематическомъ рис. 2 и на рис. 18, заимствованномъ у Дюбуа-де-Монперё. Плетень конюшни дѣлается изъ довольно крупныхъ вѣтокъ и обмазывается лишь снаружи, внутри же на стѣнахъ аккуратно обрѣзываются всѣ сучки, чтобы лошадь не могла себя поранить. Если хозяинъ желаетъ, чтобы лошадь его была рѣзвой, онъ слегка сбиваетъ со стѣнъ глиняную обмазку, и лошадь, стоящая на легкомъ сквознякѣ, отлично ѣстъ и не бываетъ вялой.

Эшь—скотный сарай устраивается у задней или боковой части ограды скотнаго двора. Устройство его бываетъ различно въ зависимости отъ количества скота. На чертежѣ (рис. 32) мы даемъ понятіе о внутреннемъ устройствѣ такой постройки: *a*—открытый съ одной стороны навѣсъ для скота, *b*—отдѣленіе для телятъ, *c*—ясли, *d*—отдѣленіе для буйволовъ, *e*—для телятъ буйволовъ. Снаружи постройка имѣетъ видъ, изображенный на

Рис. 33.

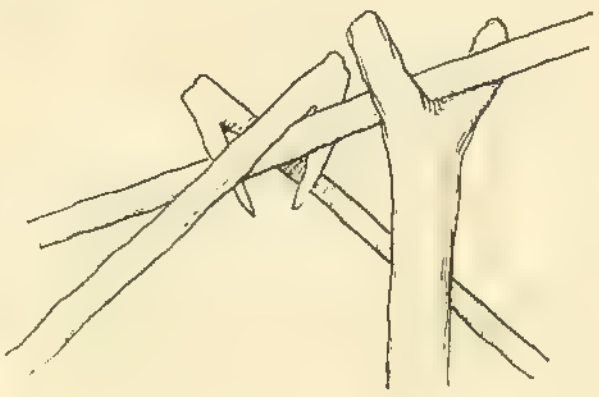


Рис. 34.

рис. 33. Стѣны плетутся изъ толстыхъ вѣтокъ и внутри обмазываются навозомъ. Крыша, камышевая, поддерживается столбами, на которыхъ лежитъ коньковый брусъ. Стропила, не имѣющія упора внизу, прикрѣпляются къ коньковому брусу, какъ показано на рис. 34, и свободными концами лежатъ на стѣнахъ. Снаружи стѣны обкладываются въ холодное время камышомъ, а для буйволовъ иногда дѣлаютъ двойныя плетеныя стѣны и промежутокъ набиваютъ соломой и навозомъ. На рис. 33 изображенъ скотный сарай, лѣвая половина котораго имѣетъ двойныя стѣны, но не до самой крыши. Въ большомъ хозяйствѣ, обыкновенно, для дойныхъ коровъ и телятъ дѣлаются особыя постройки, какъ, напр., въ усадьбѣ, приведенной на рис. 3. Во дворѣ для скота устраиваются плетеныя низкія ясли—шкытль, образчикъ которыхъ виденъ подъ кукурузникомъ на рис. 30.

Открытые сараи для арбы, сохи и другой хозяйственной утвари ставятся во дворѣ, у одной изъ наружныхъ оградъ усадьбы (рис. 2). Они имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь одну плетеную и необмазанную стѣну, примыкающую къ оградѣ, и крышу, устроенную такимъ же образомъ, какъ и крыши скотныхъ сараевъ (рис. 35). Иногда съ одной или двухъ сторонъ сарая дѣлаются закрытыя со всѣхъ сторонъ отдѣльныя помѣщенія такого же плана, какъ и отдѣленія описаннаго скотнаго сарая. Двери изъ этихъ кладовыхъ выходятъ внутрь, подъ навѣсъ рис. 36.

Псун — отхожее мѣсто ставится всегда въ отдаленномъ углу усадьбы, часто для женщинъ отдѣльное. Въ оградѣ дома для гостей также устраивается особое отхожее мѣсто (рис. 2). Постройки эти дѣлаются изъ плетня, обмазаннаго снаружи и внутри глиной; дверей нѣтъ, но одна изъ стѣнъ заворачивается внутрь, образуя улиткообразный проходъ. Крыши изъ соломы настилаются на основу изъ тонкихъ вѣтвей (рис. 37).

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, постройки черкесской усадьбы. Мы не касались здѣсь совершенно различныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ русскихъ, и вообще оставили въ сторонѣ также всѣ постройки дощатыя — вслѣдствіе того, что черкесы пользовались всегда лишь колотымъ, рубленымъ и тесанымъ деревомъ для своихъ сооруженій, и пила появляется въ ихъ обиходѣ очень поздно.

Рис. 35.

Черкесскія постройки представляютъ собой точный отпечатокъ всего уклада жизни, и многія черты ихъ даже переживаютъ причины, ихъ обусловливавшія, являясь, такимъ образомъ, болѣе прочнымъ документомъ. Такихъ существенныхъ и важныхъ признаковъ немало въ сюжетѣ, котораго мы здѣсь коснулись. Какъ бы ни были сдѣланы, напримѣръ, отдѣльныя постройки въ усадьбѣ, какъ бы сильно ни сказалось русское вліяніе на всемъ, никогда, однако, черкесское жилище не будетъ поставлено фасадомъ къ дорогѣ и у края ограды. Помѣщеніе жилища въ срединѣ двора слѣдуетъ считать стойкой особенностью, которая не утрачивается съ замѣной другихъ формъ. Что касается самаго жилища, то основнымъ его типомъ является постройка въ одну комнату съ очагомъ, и современный черкесскій домъ изъ двухъ половинъ не является, въ сущности, развитіемъ первой формы, но лишь соединеніемъ двухъ жилищъ подъ одну крышу и съ общими стѣнами. Отдѣльныя постройки въ одну комнату нерѣдки. Чаще всего онѣ служатъ кухней, что имѣетъ, конечно, свое значеніе, такъ какъ кухни часто сохраняютъ архаическій типъ жилища. Мы говоримъ здѣсь о кухнѣ, но не о „пекарнѣ", которая не представляется намъ коренной и старой черкесской постройкой, такъ какъ онѣ бываютъ очень разнообразны, и это обиліе отличительныхъ ихъ признаковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что типъ не выработанъ. Часто обходятся въ хозяйствѣ и безъ пекарни, помѣщая печь открыто или подъ навѣсомъ; наконецъ, самая печь *хакӯ* намъ кажется

Рис. 36.

не столь древней, какъ очагъ въ кухнѣ и жилищѣ. Черкесскій очагъ, повидимому, занимаетъ центральное мѣсто въ рядѣ другихъ признаковъ. Устройство его намъ уже извѣстно. У южныхъ сосѣдей черкесовъ — абхазцевъ, въ ихъ кругломъ плетеномъ жилищѣ, огонь разводится на полу, въ срединѣ; надъ очагомъ спускается цѣпь для котла, укрѣпленная на поперечныхъ перекладинахъ и потолочныхъ балкахъ [1]). Дымъ выходитъ черезъ крышу и двери, и никакихъ намековъ на устройство дымоходовъ въ жилищѣ нѣтъ. У черкесовъ, за исключеніемъ „пекаренъ", въ которыхъ иногда не дѣлаютъ дымоходовъ, въ саклѣ и кухнѣ надъ очагомъ всегда дѣлается плетеный дымарь. Устраивается онъ такъ же, какъ и у сосѣднихъ бесленеевцевъ, но мѣсто его—иное. У черкесовъ кубанскихъ очагъ съ дымаремъ всегда примыкаютъ къ одной изъ боковыхъ наружныхъ стѣнъ, въ то время какъ у бесленеевцевъ, въ ихъ сравнительно развитомъ жилищѣ, очагъ помѣщается у наружной стѣны фасада. При измѣненіи типа жилища подъ вліяніемъ заимствованія, очагъ и дымарь сохраняютъ свое старое устройство. Съ очагомъ у черкесовъ связано приготовленіе пищи, очагъ является центромъ дѣятельности женщины, и потому онъ переживаетъ многіе другіе признаки. На рис. 38 изображенъ современный домъ зажиточнаго черкеса, построенный по образцу русскому. Сейчасъ же мы видимъ, что извѣстныя черты стараго черкесскаго жилища исчезли, но двѣ двери и двѣ разныя половины сохранены, и, что́ намъ кажется еще болѣе важнымъ, въ то время какъ въ правой мужской половинѣ построена новѣйшая печь съ кирпичной трубой, въ лѣвой сторонѣ, женской, гдѣ готовятъ пищу, сохранились настоящіе черкесскіе очагъ и дымарь. Это же явленіе наблюдалось нами и у бесленеевцевъ: въ хорошихъ постройкахъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ балкономъ, подъ желѣзной крышей, сохраняется очагъ съ дымаремъ, наружныя части котораго облицовываются досками или покрываются кровельнымъ желѣзомъ. Можно утверждать, что въ черкесскомъ жилищѣ наиболѣе стойкой особенностью безспорно является очагъ съ дымаремъ въ женской половинѣ или кухнѣ.

Рис. 37.

Рис. 38.

Въ заключеніе, упомянемъ еще о самомъ процессѣ сооруженія построекъ. Когда сынъ женится, для него строятъ отдѣльное жилище, состоящее изъ одной комнаты; въ немъ онъ и живетъ до выдѣленія. При постройкѣ собственной усадьбы принято помогать, строить обществомъ. Послѣ окончанія работъ, для принимавшихъ участіе

[1]) Миллеръ, А. Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г., рис. 13. Матеріалы по этногр. Россіи, т. I. Спб. 1910.

въ постройкѣ хозяиномъ дѣлается угощеніе. Постройки сооружаются въ извѣстномъ порядкѣ. Прежде всего, усадьба обносится заборомъ, затѣмъ ставится п с у н — отхожее мѣсто, потомъ строятъ кухню. Если средства не позволяютъ тотчасъ же построить и саклю, то вся семья живетъ въ кухнѣ, т.-е. въ хижинѣ изъ одной комнаты съ очагомъ. Деревянныя части всѣхъ построекъ дѣлаются мужчинами; что же касается глиняной обмазки, устройства очага и печи х а к у́ для хлѣба, то все это устраивается женщинами, и никогда мужчины не берутся за эту работу, спеціально женскую.

А. М и л л е р ъ.

Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото.

(Предварительное описаніе буддійскихъ образовъ и другихъ предметовъ культа изъ Хара-хото, добытыхъ Монголо-Сычуанской экспедиціей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ П. К. Козлова).

I.

Образа тибетскаго письма.

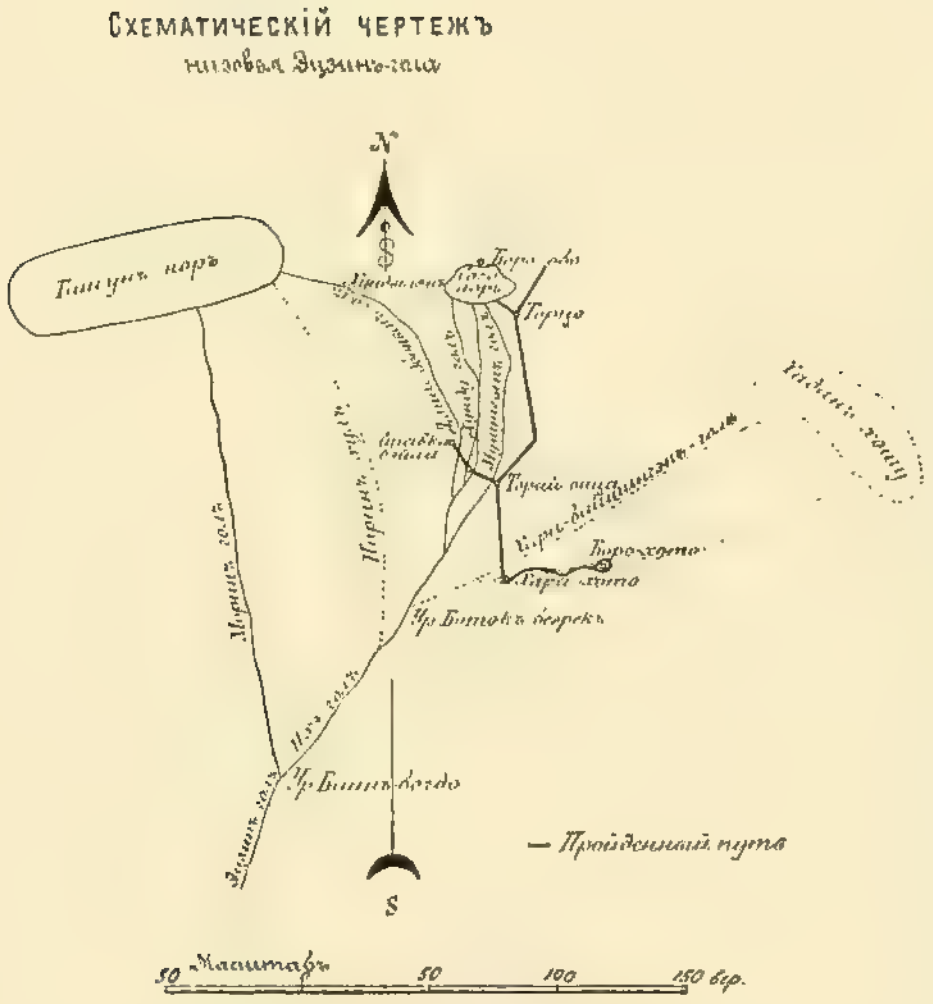
Выдающееся значеніе для буддійской иконографіи собранія буддійскихъ иконъ и статуетокъ, добытаго полковникомъ Петромъ Кузьмичемъ Козловымъ при раскопкахъ въ Хара-хото въ 1908 и 1909 годахъ, побудило меня, не откладывая дѣла до подробнаго и тщательнаго изученія этого замѣчательнаго собранія, теперь же принять предложеніе управленія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея и дать предварительное описаніе цѣннѣйшей находки нашего извѣстнаго изслѣдователя Средней Азіи и Тибета.

Такое предварительное описаніе, въ которомъ, насколько это пока было возможно, представлены классификація иконографическаго матеріала и описаніе отдѣльныхъ изображеній, дастъ, мы надѣемся, спеціалистамъ возможность, особенно при помощи прилагаемыхъ снимковъ, ввести новый, богатый матеріалъ въ научный обиходъ и откроетъ намъ новую страницу въ исторіи буддійскаго искусства.

Для того, чтобы, при чтеніи описанія образовъ и другихъ священныхъ изображеній, можно было составить себѣ нѣкоторое представленіе объ условіяхъ и способахъ находокъ и раскопокъ, мы помѣщаемъ любезно сообщенныя намъ П. К. Козловымъ выписки изъ его дневниковъ [1]), касающіяся условій, при которыхъ были сдѣланы находки [2]):

[1]) Кромѣ ряда писемъ П. К. Козлова и его спутниковъ, напечатанныхъ въ „Извѣстіяхъ" Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ общимъ заглавіемъ „Вѣсти изъ Монголо-Сычуань'ской экспедиціи подъ начальствомъ П. К. Козлова", объ экспедиціи и результатахъ ея работъ появились еще слѣдующія статьи: Captain P. K. Kozloff. The Mongolia-Sze-Chuan expedition of the Imperial Russian Geographical Society. Geogr. Journ. XXXIV. 384—408 (Oct. 1909) и XXXVI. 288—310 (Sept. 1910). А. Черновъ. Островъ Куйсу на Куку-норѣ („Землевѣдѣніе" 1910, I. стр. 28—44, II. 19 -34). А. Ивановъ; С. Ѳ. Ольденбургъ; В. Л. Котвичъ. Изъ находокъ П. К. Козлова въ г. Хара-хото. Извѣстія И. Р. Г. О. XLV. 463—477 (1909); A. Ivanov. Zur Kentniss der Hsi-hsia Sprache. Изв. И. А. Н. 1909, стр. 1221 1233 (съ таблицею); А. Ивановъ. Страница изъ исторіи Си-ся. Изв. И. А. Н. 1911. Стр. 831—836.

[2]) Уже послѣ того какъ было набрано начало нашего описанія, мы получили отъ П. К. Козлова изданіе: „Русскій путешественникъ въ Центральной Азіи и мертвый городъ Хара-хото. П. К. Козловъ. С.-Петербургъ 1911". (Оттиски изъ журнала „Русская Старина"). Здѣсь тоже сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о раскопкахъ и даны два снимка „знаменитаго" субургана.



„Рѣка Эцзинъ-голъ [1]), берущая начало въ снѣговыхъ поляхъ величественнаго Нань-Шаня, стремительно несется къ сѣверу, борясь съ горячимъ дыханіемъ пустыни почти на протяженіи пятисотъ верстъ, прежде нежели окончательно погибнетъ, разлившись въ два бассейна: Сого-норъ и Гашунъ-норъ. Въ нижнемъ теченіи долина этой рѣки обитаема монголами, торгоутами, пришедшими сюда изъ Чжунгаріи, съ Кобукъ-сайря, около 450 лѣтъ тому назадъ, когда еще дѣвственные эцзингол'скіе берега были покрыты непроходимыми чащами лѣса, который торгоуты жгли въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, чтобы образовать свободныя площади для стойбищъ. Эцзингол'скіе торгоуты управляются родовымъ княземъ, бэйлэ, имѣющимъ главную ставку въ системѣ западнаго рукава рѣки — Моринъ-гола, отстоявшую верстахъ въ десяти отъ нашего лагеря на правомъ берегу восточнаго рукава — Мунунгинъ-гола.

Современный бэйлэ (рис. 1) наслѣдовалъ не отцу, а старшему брату, говорятъ, скоропостижно умершему не безъ грѣха младшаго брата—честолюбиваго, скупого, жестокаго человѣка, ставшаго, такимъ образомъ, управителемъ хошуна. Вотъ этотъ-то торгоутъ-бэйлэ и явился теперь къ намъ, чтобы познакомиться съ нами и узнать нашу дальнѣйшую цѣль. Послѣ одного-двухъ свиданій, мы стали пріятелями. Мое желаніе побывать въ Хара-хото [2]) и произвести тамъ раскопки, а затѣмъ изслѣдовать

Рис. 1.
Правитель Эцзингольскихъ обитателей Торгоутъ-бэйлэ.

[1]) Отъ Кяхты до озера Сого-норъ или вообще до низовья Эцзинъ-гола около 1.200 верстъ юго-юго-западнаго пути; еще восемьдесятъ верстъ строго къ югу, какъ уже залегаютъ развалины Хара-хото — цѣль стремленія экспедиціи. Хара-хото словно спрятанъ въ центрѣ, въ глубинѣ, монгольской пустыни, тамъ, гдѣ по близости, въ 20-ти верстахъ, протекаетъ единственная водная артерія Эцзинъ-голъ, образовавшая два озера Сого-норъ и Гашунъ-норъ. Кругомъ, отъ низовья этихъ водъ—типичная пустыня; такимъ образомъ, Хара-хото съ земледѣльческой культурой, въ свое время, являлся здѣсь прекраснымъ уголкомъ, заманчивымъ оазисомъ—съ одной стороны и буддійскимъ молитвеннымъ центромъ—съ другой...

[2]) Первыя свѣдѣнія о развалинахъ Хара-хото, подъ названіемъ, впрочемъ, „развалинъ города Эрге-хара-бурюкъ", мнѣ были извѣстны изъ труда нашего почтеннаго путешественника Г. Н. Потанина („Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія". Томъ I), который на страницѣ 464 этой книги пишетъ: ... „Изъ памятниковъ древности (торгоуты) упоминаютъ развалины города Эрге-хара-бурюкъ, которыя находятся въ одномъ днѣ ѣзды къ востоку отъ Кунделенъ-гола, т.-е. отъ самаго восточнаго рукава Едзина; тутъ, говорятъ, ви-

историческій пустынный путь, ведущій въ Алашаямынь, со стороны торгоутъ-бэйлэ не встрѣтило затрудненій; наоборотъ, мѣстный управитель оказалъ посильное содѣйствіе. Со своей стороны, мы одарили князя и его семью подарками, равно сдѣлали подношеніе и мѣстному монастырю, въ рядахъ монаховъ котораго стоитъ и старшій сынъ бэйлэ.

Первый разъ мы отправились въ Хара-хото, сравнительно налегкѣ, девятнадцатаго марта 1908 года и пробыли тамъ около недѣли. Насъ сопровождалъ отличный проводникъ Бата, много разъ бывавшій въ мертвомъ городѣ и немало слышавшій разсказовъ о немъ изъ устъ отца и другихъ мѣстныхъ стариковъ. Онъ повелъ насъ кратчайшею дорогою, въ юго-восточномъ направленіи; Хара-хото отстоялъ отъ нашей стоянки въ двадцати верстахъ. Вскорѣ за растительной полосой Мунунгинъ-гола потянулась пустыня—частью равнинная, съ оголенными блестящими площадями, частью пересѣченная болѣе или менѣе высокими холмами, поросшими тамарискомъ и саксауломъ. Съ половины пути уже начали попадаться слѣды земледѣльческой или осѣдлой культуры—жернова, признаки оросительныхъ канавъ, черепки глиняной и фарфоровой посуды и пр. Но насъ больше всего занимали глинобитныя постройки, въ особенности субурганы (рис. 2), расположенные по одному, по два, по пяти вдоль дороги, изстари проходящей къ Хара-хото—этому памятнику прошлаго засыпаемому пескомъ пустыни. За три версты мы пересѣкли древнее сухое русло съ валявшимися по немъ сухими, обточенными временемъ, стволами деревьевъ, нерѣдко засыпанными тѣмъ же пескомъ, точь-въ-точь какъ я наблюдалъ въ окрестности Лобъ-нора, при пересѣченіи старинныхъ мертвыхъ руслъ Кончедарьи. Отсюда же или немного раньше показался и самый городъ Хара-хото, надъ сѣверо-западнымъ (рис. 3) крѣпостнымъ угломъ котораго возвышался главный субурганъ изъ ряда меньшихъ сосѣднихъ, устроенныхъ также на стѣнѣ и рядомъ со стѣною, внѣ крѣпости. По мѣрѣ приближенія къ городу, черепковъ посуды стало попадаться больше, видъ на городъ заслонился высокими песчаными буграми; но вотъ мы поднялись на террасу, и нашимъ глазамъ представился Хара-хото.

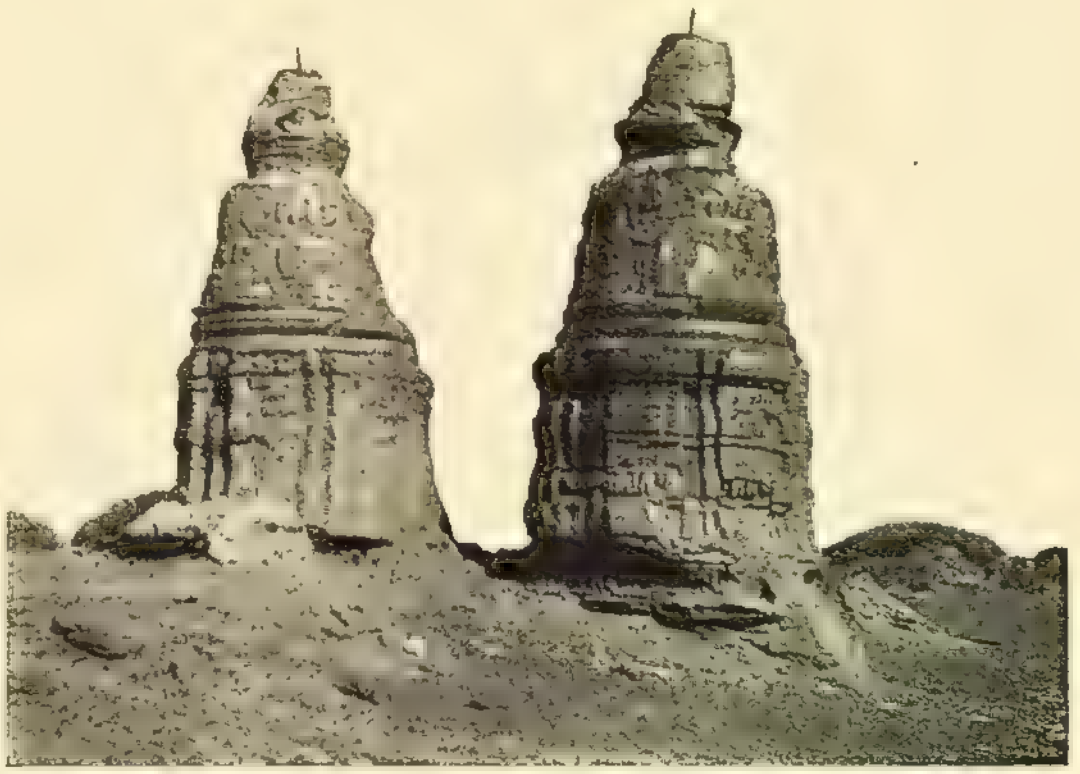


Рис. 2.

Два субургана, расположенные по дорогѣ отъ Эцзинъ-гола къ Хара-хото.

день небольшой керимъ, т.-е. стѣны небольшого города, но вокругъ много слѣдовъ домовъ, которые засыпаны пескомъ. Разрывая песокъ, находятъ серебряныя вещи. Въ окрестностяхъ керима—большіе сыпучіе пески и воды близко нѣтъ". (Ср. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Путешествіе въ Западный Китай. Спб. 1899. II, стр. 61 62. Здѣсь дается рядъ свѣдѣній, относящихся къ Хара-хото. С. О.).

Наблюдателя, ѣдущаго съ западной стороны Хара-хото, занимаетъ небольшая постройка, съ куполообразнымъ верхомъ, расположенная въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юго-западнаго угла крѣпости, напоминающая собою нѣчто въ родѣ мусульманскаго молитвеннаго зданія—мечети (рис. 4 и 5). Еще нѣсколько минутъ, и мы вошли вовнутрь мертваго города,

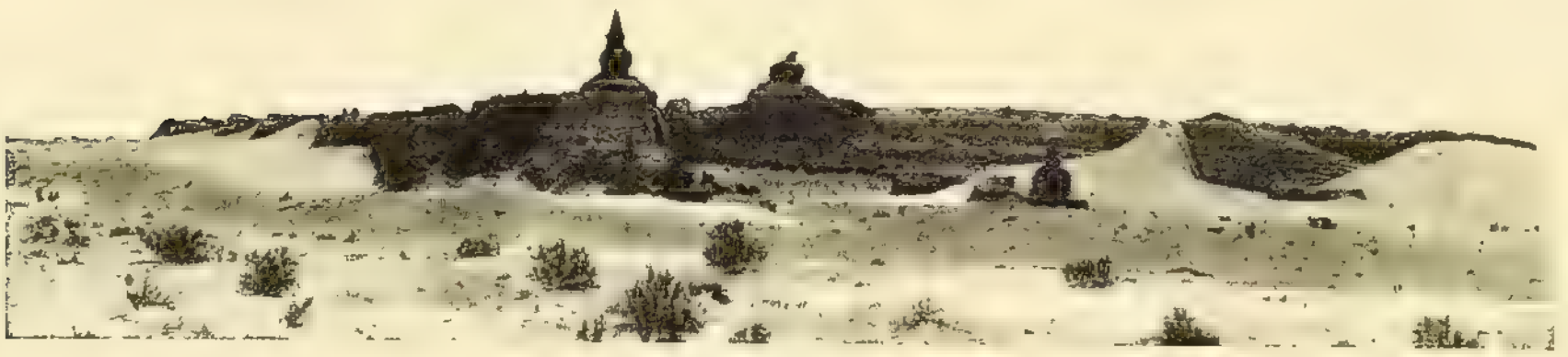


Рис. 3.
Хара-хото съ сѣверо-западной стороны.

въ западныя его ворота, устроенныя по діагонали съ другими послѣдними воротами, въ восточной стѣнѣ города. Здѣсь мы встрѣтили квадратный пустырь (сторона квадрата равняется одной трети версты), пересѣченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построекъ, поднимающихся надъ массою всевозможнаго мусора, включая

Рис. 4.
Хара-хото съ юго-западной стороны.

сюда и возвышеніе съ черепками глиняной и фарфоровой посуды. Тамъ и сямъ стояли субурганы; не менѣе рѣзко выдѣлялись и основанія храмовъ, сложенныя изъ тяжелаго прочнаго кирпича. Невольно мы прониклись чувствомъ предстоявшаго интереса, чѣмъ будемъ вознаграждены въ трудахъ своихъ по отношенію къ наблюденіямъ и раскопкамъ всего того, что теперь насъ окружало.

Нашъ лагерь пріютился въ серединѣ крѣпости, подлѣ развалинъ большого, двухъ-этажнаго глинобитнаго зданія (рис. 6), къ которому съ южной стороны примыкалъ храмъ,

разрушенный также до основанія. Не прошло и часа времени съ прихода экспедиціи, какъ внутренность мертвой крѣпости ожила: въ одной сторонѣ копали, въ другой—измѣряли и чертили, въ третьей и четвертой—сновали по поверхности развалинъ. Вслѣдствіе того же безводья мы должны были привезти съ собою всѣ наши сосуды, наполненные водою, причемъ этотъ питьевой продуктъ нужно было беречь въ цѣляхъ пребыванія на развалинахъ возможно долгій срокъ. Въ интересныхъ занятіяхъ время бѣжало быстро, неуловимо. Полуясный, сѣренькій и обыкновенно вѣтреный день скоро смѣнялся тихою, ясною ночью, налагавшею на развалины суровый, мрачный отпечатокъ.

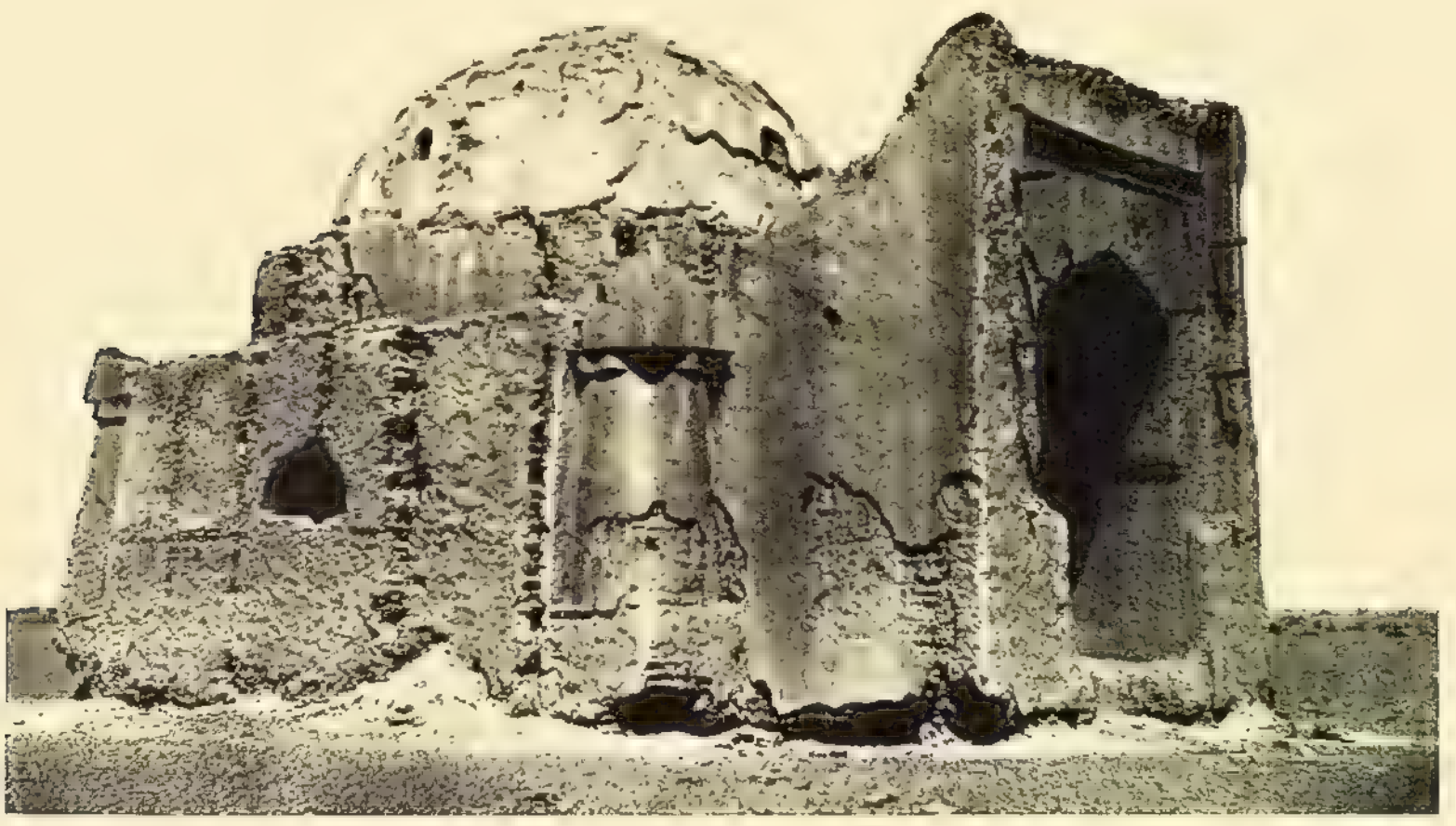


Рис. 5.

Отдѣльная постройка—мечеть, у юго-западнаго угла Хара-хото, въ нѣкоторомъ отдаленіи, внѣ крѣпости.

Абсолютная высота Хара-хото опредѣлилась въ 2.700 футовъ, географическія же координаты: широта 41° 45′ 40″, долгота отъ Гринвича 101° 5′ 14, 85″.

Высота глинобитныхъ стѣнъ крѣпости Хара-хото (см. планъ Хара-хото) 3—4 сажени, при толщинѣ у основанія 2—3 сажени и около 1—1½ саженъ у вершины. Слѣды бойницъ замѣтны въ немногихъ мѣстахъ. При веденіи раскопокъ, кой-гдѣ въ стѣнахъ обнаружены и слѣды заплатъ или вставокъ [1]).

Фундаментъ кумиренъ прочно, красиво выложенъ квадратнымъ или полуквадратнымъ кирпичемъ (обожженнымъ) см. образецъ въ коллекціи: полуквадратный—въ 18 фунтовъ вѣсомъ, квадратный—въ 36 фунтовъ (послѣдній не взятъ); стѣны кумирень—сырцевыя изъ

[1]) Въ сѣверной стѣнѣ продѣлана брешь, размѣромъ согласованная съ ростомъ и болѣе или менѣе свободнымъ движеніемъ кавалериста-воина.

болѣе легкаго по вѣсу и меньшаго по величинѣ кирпича, поставленнаго (вертикально) или положеннаго (горизонтально).

„Домъ Хара-цзянь-цзюна", судя, по крайней мѣрѣ, по развалинамъ, выдѣлялся величиною и техникой и въ этомъ отношеніи скорѣе походилъ на кумиренныя постройки; крыши послѣднихъ были черепичныя, такія же, какъ и современныя въ китайскихъ храмахъ, съ той же отдѣлкой-оторочкой (см. образцы въ коллекціи).

Такъ называемая Торговая или Главная улица и прилежащія къ ней второстепенныя составляли ряды мелкихъ глинобитныхъ домишекъ, прикрытыхъ въ основѣ соломою, а сверху глиной, въ видѣ сплошной твердой корки. Фанзы-лавки обогатили экспедицію черепками фарфора, разнообразными предметами обихода, торговли; тутъ же чаще попадались монеты-чохи, ассигнаціи, а изрѣдка и предметы культа.

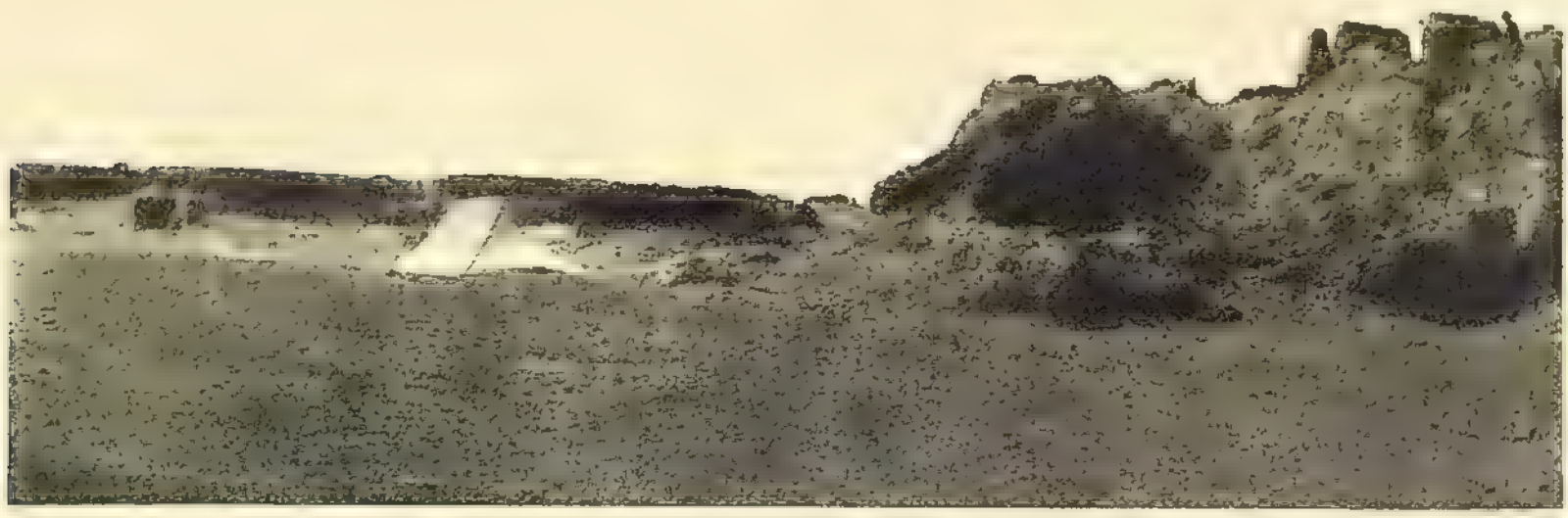


Рис. 6.

Лагерь экспедиціи П. К. Козлова подлѣ развалинъ № 1, внутри стѣнъ Хара-хото.

Субурганъ А далъ первую богатую находку: три книги и до тридцати тетрадей съ письмомъ Си-ся; кромѣ того, лучшій по сохранности и яркости красокъ типичный образъ „Явленіе Амитабхи", съ котораго воспроизведена цвѣтная таблица [1]), и образъ китайскаго типа, на тонкой шелковой ткани. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, на глубинѣ, найдены мелкія, черепообразныя фигурки, большая, слегка улыбающаяся красивая маска, деревянныя дощечки съ изображеніями буддъ и проч.... и маленькій каменный китайскій бурханчикъ.

Въ субурганѣ В найдено нѣсколько экземпляровъ стекловидныхъ глазъ, выпавшихъ изъ глиняныхъ, уничтоженныхъ, вѣроятно, временемъ статуй. Тутъ же поднятъ и глазъ изъ горнаго хрусталя или топаза, красиво отшлифованный, и найдены, нигдѣ больше не замѣченные, большіе, плоскіе „цаца".

Крѣпостные субурганы, вблизи дома Хара-цзянь-цзюна, въ основаніи были наполнены массою „цаца", какъ и большинство субургановъ, расположенныхъ группами, вблизи сѣверо-западнаго угла крѣпости.

[1]) (Объ этомъ образѣ см. въ слѣдующей статьѣ: „Образа китайскаго письма". С. О.).

Развалины № 1 дали образокъ, уже описанный академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества". Помимо образа, здѣсь найдены тяжелыя грубыя металлическія чашечки и обрывки письменъ Си-ся.

Развалины № 3 въ свое время, по предположенію торгоутовъ, были обитаемы мусульманами, мечеть которыхъ расположена внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, у юго-западнаго угла. Здѣсь найдены листки персидскихъ рукописей [1]).

Внутристѣнная поверхность площади Хара-хото, вообще, больше всего заполнена черепками посуды всевозможныхъ величинъ, качествъ и формъ. На поверхности были нахо-

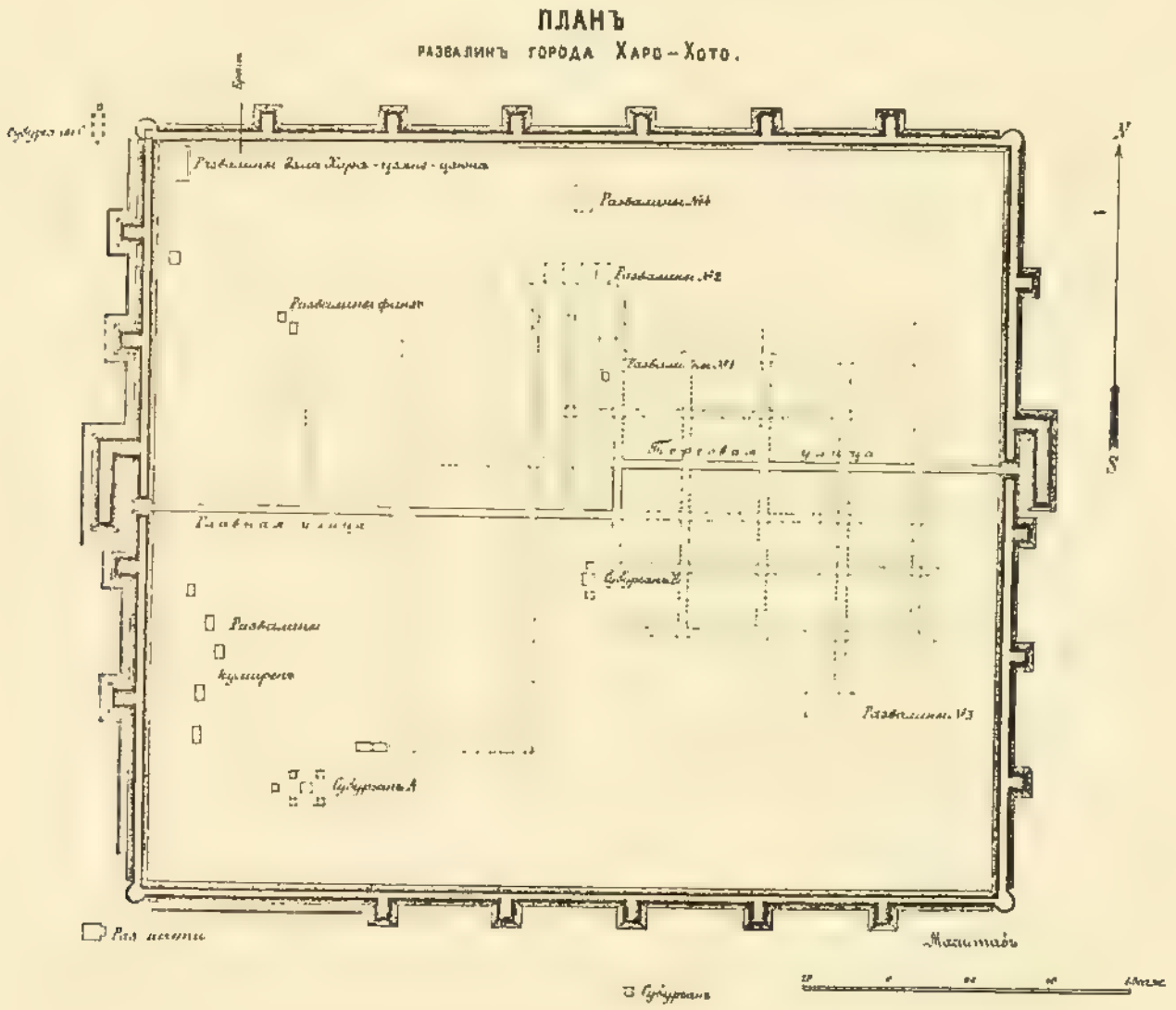


Рис. 7.

димы и монеты (чохи), и бусы, и кусочки нефрита, и всевозможная мелочь — все то, что нынѣ хранится въ витринахъ Русскаго Музея Императора Александра III.

По поверхности же земли, тамъ и сямъ, валялись жернова и призматическіе, со слегка закругленными ребрами, валы для молотьбы хлѣба, очень похожіе на современныя орудія у китайцевъ для той же цѣли.

Мелкій, сыпучій песокъ наиболѣе нагроможденъ у сѣверной и восточной стѣнъ, внутри и внѣ крѣпости, и наименѣе—у двухъ другихъ, преимущественно у южной.

Пригородъ примыкаетъ съ восточной стороны, къ самой стѣнѣ Хара-хото, и раздѣляется уходящей къ востоку въ Боро-хото дорогой на двѣ части: сѣверную и южную.

[1]) (Особенно любопытна одна изъ нихъ—отрывокъ изъ знаменитаго сборника разсказовъ „Семи мудрецовъ" такъ называемаго Китаб-и-Синдбадъ. С. О.).

„Знаменитый“ субурганъ расположенъ западнѣе сѣвернаго фаса крѣпости, въ разстояніи четверти версты, на правомъ берегу нынѣ сухого русла, огибающаго крѣпость „Хара-байшэнъ“ съ сѣвера; въ нѣсколько большемъ разстояніи къ сѣверо-востоку расположенъ субурганъ иного типа и открытый съ одной стороны, вѣроятно, любопытствомъ человѣка.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на развалинахъ Хара-хото, экспедиція обогатилась всевозможными предметами: книгами, письменами, бумагами, металлическими и бумажными денежными знаками, женскими украшеніями, кое-чѣмъ изъ домашней утвари и обихода, необходимыми принадлежностями торговцевъ, образцами буддійскаго культа и друг.; мы собрали археологическаго матеріала на десять посылочныхъ пудовыхъ ящиковъ, приготовленныхъ, затѣмъ, къ отправленію въ Географическое общество и Академію Наукъ. Кромѣ того, пользуясь хорошимъ дружелюбнымъ отношеніемъ къ экспедиціи торгоутъ-бэйлэ, я тотчасъ же отправилъ монгольской почтой въ Ургу и далѣе въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ параллельныхъ пакетахъ, извѣстіе о фактическомъ открытіи Хара-хото, найденныхъ коллекціяхъ и приложилъ образцы письма и иконописи для скорѣйшаго изученія и опредѣленія. Насъ сильно занималъ вопросъ, когда существовалъ „Мертвый городъ“ и кто были его обитатели.

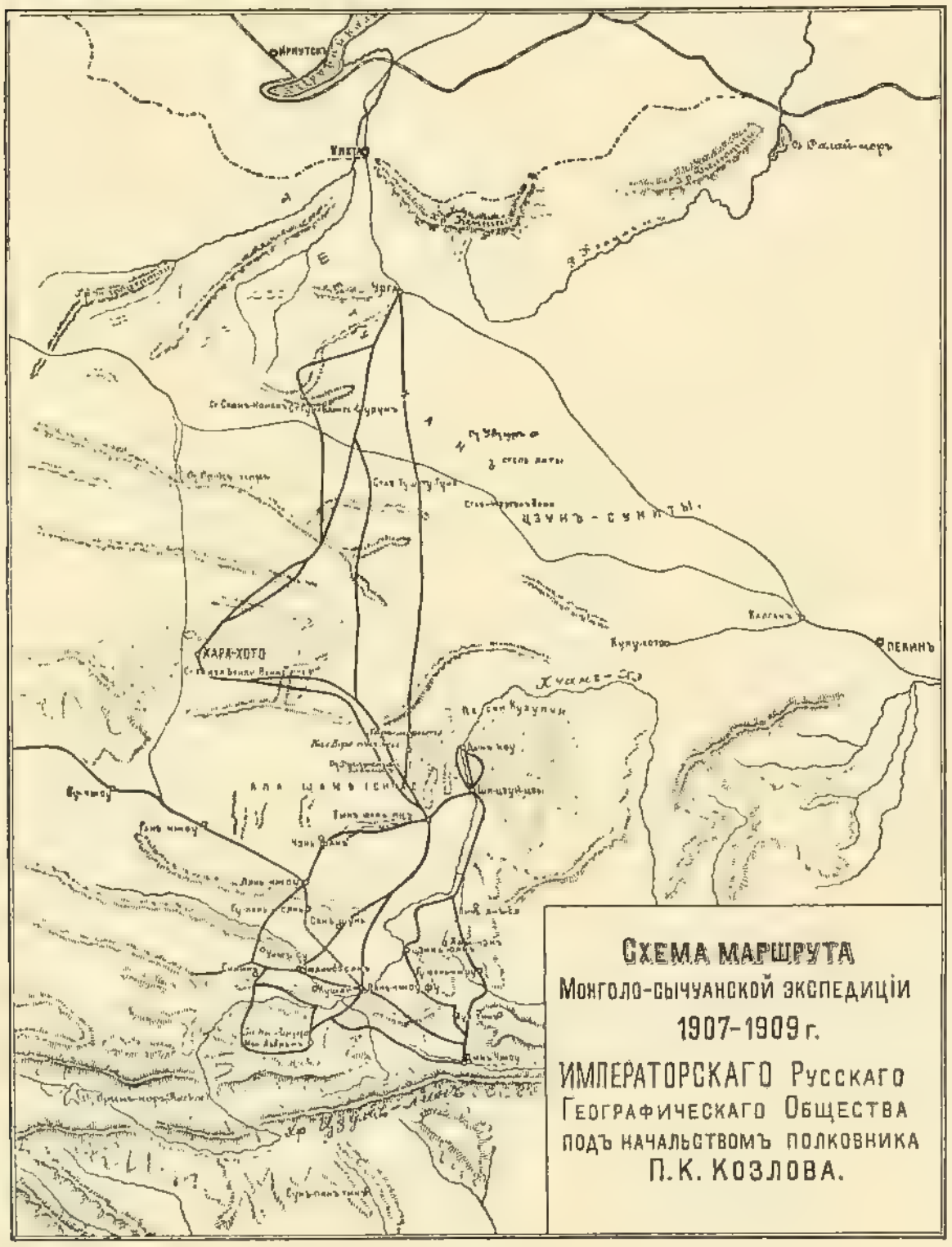


Рис. 8.

По словамъ современныхъ или нынѣ живущихъ торгоутовъ, ихъ предки нашли развалины Хара-хото въ томъ же видѣ, въ какомъ они представились и намъ, т.-е. городъ китайскаго типа, съ высокой глинобитной стѣной, оріентированной по странамъ свѣта, расположенный на острововидной террасѣ, нѣкогда омываемой съ сѣвера и юга водами Эцзинъ-гола. Остатокъ водъ уносился въ восточномъ направленіи въ пустыню, въ солончаково-песчаную котловину Хаданъ-хошу, лежащую на линіи общей съ нынѣшними бассейнами Сого-норъ

и Гашунъ-норъ впадины. Мѣсто головы сухого мертваго русла рѣки отмѣчено урочищемъ Ботокъ-беэрекъ. Непосредственно къ городу—къ его восточной стѣнѣ и воротамъ—прилегаютъ развалины значительнаго пригорода, разбитаго на правильныя улицы, подобно тому какъ это выражено и внутри хара-хотоскихъ стѣнъ. Послѣднія присыпаны пескомъ сосѣдней пустыни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько обильно, что безъ особеннаго труда можно подняться на ихъ вершину и спуститься—проникнуть внутрь крѣпости или выйти изъ нея. Даже наши неуклюжіе верблюды и тѣ, порою, взбирались на вершину стѣны и по ней свободно расхаживали въ разныя стороны.

Народное преданіе о „Хара-хото“ или „Хара-байшэнъ“, т.-е. „Черный городъ“ или „Крѣпостной городъ“, гласитъ слѣдующее:

„Послѣдній владѣтель города Хара-хото батырь [1]) Хара-цзянь-цзюнъ, опираясь на непобѣдимое свое войско, намѣревался отнять китайскій престолъ у императора, вслѣд-

Рис. 9.

Видъ на западный сѣверо-западный уголъ крѣпости и ближайшіе субурганы.

ствіе чего китайское правительство принуждено было выслать противъ него значительный военный отрядъ. Цѣлый рядъ битвъ между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюна произошелъ къ востоку отъ Хара-хото, около современныхъ сѣверныхъ алашаньскихъ границъ, въ горахъ Шарцза, и былъ неудачнымъ для послѣдняго. Имѣя перевѣсъ, императорскія войска заставили противника отступить и, наконецъ, укрыться въ послѣднемъ его убѣжищѣ Хара-байшэнъ, который и обложили кругомъ. Долго ли продолжалась осада крѣпости—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, крѣпость взята была не сразу. Императорскія войска, не имѣя возможности взять Хара-хото приступомъ, рѣшили лишить осажденный городъ воды, для чего рѣку Эцзинъ-голъ, которая, какъ то и замѣчено выше, въ то время протекала по сторонамъ города, отвели влѣво, на западъ, запрудивъ прежнее

[1]) Монгольское названіе—богатырь.

русло мѣшками, наполненными пескомъ. И понынѣ тамъ еще сохранилась запруда эта въ видѣ вала, въ которомъ торгоуты еще недавно находили остатки мѣшковъ.

„Лишенные рѣчной воды, осажденные начали рыть колодезь въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, но, хотя прошли углубленіемъ около восьмидесяти чжанъ (чжанъ равенъ нашимъ пяти аршинамъ), воды всетаки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнъ рѣшилъ дать противнику послѣднее генеральное сраженіе, но, на случай неудачи, онъ уже заранѣе использовалъ выкопанный колодезь, скрывъ въ немъ всѣ свои богатства, которыхъ, по преданію, было не менѣе восьмидесяти арбъ или телѣгъ, по 20—30 пудовъ въ каждой,— это одного серебра, не считая другихъ цѣнностей,—а потомъ умертвилъ двухъ своихъ женъ, а также сына и дочь, дабы непріятель не надругался... Сдѣлавъ означенныя приготовленія,

Рис. 10.

Видъ съ сѣвера на часть стѣны съ брешью Хара-цзянь-цзюня.

батырь приказалъ пробить брешь [1]) въ сѣверной стѣнѣ, вблизи того мѣста, гдѣ скрылъ свои богатства. Образованной брешью онъ во главѣ съ войсками устремился на непріятеля. Въ этой рѣшительной схваткѣ Хара-цзянь-цзюнъ погибъ и самъ, и его, до того времени считавшееся „непобѣдимымъ“, войско. Взятый городъ императорскія войска, по обыкновенію, разорили до тла, но скрытыхъ богатствъ не нашли. Говорятъ, что сокровища лежатъ тамъ до сихъ поръ, несмотря на то, что китайцы сосѣднихъ городовъ и мѣстные монголы неразъ пытались овладѣть ими. Неудачи свои въ этомъ предпріятіи они всецѣло приписываютъ заговору, устроенному самимъ Хара-цзянь-цзюномъ; въ дѣйствительность сильнаго заговора туземцы вѣрятъ въ особенности послѣ того, какъ въ послѣдній разъ искатели клада, вмѣсто богатствъ, открыли двухъ большихъ змѣй, ярко блестѣвшихъ красной и зеленой чешуями“.

[1]) Брешь существуетъ и понынѣ.

При участіи нашихъ востоковѣдовъ: А. И. Иванова, В. Л. Котвича и С. Ѳ. Ольденбурга, ознакомленныхъ съ первой археологической посылкой экспедиціи, Императорское Русское Географическое Общество предложило мнѣ, на возвратномъ пути, вновь посѣтить въ высшей степени интересныя развалины Хара-хото или столицы тангутскаго царства Си-ся, существовавшаго съ XI по XIII вѣкъ нашей эры. Такимъ образомъ, двадцать второго мая 1909 года мы вновь прибыли въ Хара-хото и расположились бивуакомъ не въ центрѣ его историческихъ стѣнъ, какъ прежде, а нѣсколько ближе къ его сѣверо-западному углу, подлѣ развалинъ большой фанзы. Въ наше (свыше года) отсутствіе изъ

Рис. 11.

Потайное молитвенное помѣщеніе въ сѣверной стѣнѣ крѣпости.

мертваго города, въ него никто не заглядывалъ: его развалины были въ томъ же положеніи, въ какомъ мы ихъ и оставили [1]). Нетронутыми оказались и тѣ предметы, извлеченные нами изъ-подъ обломковъ и мусора, которые мы оставили, какъ ненужные.

Разсчитывая провести за раскопками около мѣсяца, я возобновилъ пріятельскія отношенія съ торгоутъ-бэйлэ, попрежнему жившимъ на Эцзинъ-голѣ, въ двадцати слишкомъ верстахъ отъ Хара-хото, заручился его содѣйствіемъ по найму рабочихъ землекоповъ, а также подрядилъ торгоутовъ ежедневно доставлять намъ съ Эцзинъ-гола воду и барановъ.

[1]) Необходимо упомянуть, что на стѣнахъ Хара-хото до сихъ поръ лежитъ галька, которою, между прочимъ, въ свое время отбивались осажденные хара-хотосцы.

Повышенная физическая дѣятельность, увеличеніе количества ртовъ въ два-три раза требовали того и другого весьма много. Мертвый городъ ожилъ: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетѣла пыль. Какъ прежде, такъ и теперь Хара-хото установилъ связь съ долиною Эцзинъ-гола. Ежедневно, въ полдень, къ намъ приходилъ караванъ изъ ословъ, съ водой и продовольствіемъ, и привозилъ намъ новости. Порою провѣдывалъ насъ кто-либо изъ чиновниковъ торгоутъ-бэйлэ'скаго управленія, чтобы, въ свою очередь, знать, какъ поживаютъ на развалинахъ русскіе.

Не только мои спутники, но и туземные рабочіе вскорѣ прониклись интересомъ къ раскопкамъ. Мы только и говорили, что о Хара-хото: вечеромъ—о томъ, что найдено въ теченіе истекшаго дня, утромъ—что можемъ найти. Попрежнему мы просыпались съ зарей и въ сравнительной прохладѣ вели свои работы; днемъ отдыхали, а то и пуще томились отъ изнурительнаго жара, такъ какъ въ тѣни воздухъ нагрѣвался до 37° слишкомъ, а земная поверхность накалялась солнцемъ свыше 60° С. Пыль и песокъ, поднимаемые горячимъ вѣтромъ, положительно изнуряли. Сѣрая безжизненная окрестность усиливала непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Я всегда радовался при появленіи на нашъ бивуакъ двухъ черноухихъ коршуновъ (*Milvus melanotis*), подбиравшихъ отбросы. Эти птицы со всѣми нами скоро освоились и смѣло усаживались въ нашемъ близкомъ сосѣдствѣ, чуть не выпрашивая подачекъ. Къ этому пріучили ихъ мои спутники, бросавшіе птицамъ въ воздухъ куски мяса, которое коршуны искусно схватывали. Не любила птицъ и постоянно ссорилась съ ними наша экспедиціонная собака „Лянга", неизмѣнная спутница и другъ каравана почти всего нашего путешествія. Эти живыя существа—птицы и собака—только и оживляли, только и развлекали наше монотонное житье въ Хара-хото, въ особенности въ теченіе первой недѣли, когда результатъ раскопокъ былъ только посредственный при большой затратѣ физическаго труда.

Рис. 12.

„Знаменитый" субурганъ, внѣ крѣпости, въ началѣ раскопокъ.

Самыя раскопки производились по заранѣе составленному плану: монгольская партія рабочихъ, подъ присмотромъ моего спутника-бурята, систематически изслѣдовала развалины фанзъ на протяженіи немногихъ улицъ Хара-хото, русская же партія, помимо раскопокъ внутри города, производила изысканія и внѣ хара-хотоскихъ стѣнъ, въ близкомъ и далекомъ разстояніи.

Какъ прежде, такъ и теперь попадались предметы домашняго обихода, предметы скромной роскоши, культа, а также письмена, бумаги, металлическіе и бумажные денежные знаки и проч. [1]). Въ этотъ же періодъ, между прочимъ, мы натолкнулись на интересное потайное молитвенное помѣщеніе, устроенное на сѣверной стѣнѣ крѣпости, надъ третьей, съ запада, фланкирующей башней. По удаленіи обвалившагося потолка и другого обломочнаго матеріала, представилась слѣдующая картина (см. рис. 9): противъ входа въ храмикъ—полуразвалившійся престолъ, основанія бурхановъ; на уцѣлѣвшей нижней части стѣнки виднѣются фрески съ изображеніемъ святыхъ и двухголоваго зеленаго попугая [2]). Однообразныя, скромныя находки стали, наконецъ, наскучивать намъ; энергія ослабѣвала. Между тѣмъ, рекогносцировки для нахожденія и сосредоточиванія новыхъ раскопокъ производились, результатомъ чего и былъ поставленъ на очередь субурганъ,

Рис. 13.

„Знаменитый“ субурганъ, внѣ крѣпости, въ концѣ раскопокъ.

расположенный внѣ крѣпости и отстоящій отъ западной стѣны ея въ четверти версты, на берегу сухого русла.

Вотъ этотъ-то „знаменитый“ субурганъ и поглотилъ, затѣмъ, все наше вниманіе и время. Онъ подарилъ экспедиціи большое собраніе, цѣлую библіотеку книгъ, свитковъ, рукописей, множество образцовъ буддійской иконописи, исполненной на холстѣ, на тонкихъ шелковыхъ матеріяхъ и на бумагѣ. Среди массы книгъ и образцовъ живописи, лежавшихъ въ субурганѣ въ безпорядкѣ, попадались очень интересныя металлическія и деревянныя, высокой и низкой культуры, статуетки, клише, модели субургановъ и многое

[1]) Во время раскопокъ хара-хотоскихъ развалинъ мы нашли очень интересную, новую, ночную ящерицу, степного удава и летучую мышь.

[2]) (Помѣщеніе, называемое П. К. Козловымъ потайнымъ, по всей вѣроятности, представляетъ собою задѣланную часть храма-чайтьи. Судя по фотографіи, у стѣны стояли три статуи: или Будда, съ двумя бодисатвами или учениками, или же три фигуры бодисатвъ. С. О.).

другое. Цѣнность находокъ еще болѣе увеличивается, благодаря несравненной сохранности ихъ въ крайне сухомъ климатѣ. Дѣйствительно, большинство книгъ и рукописей, равно и иконопись, поражаютъ своею свѣжестью, послѣ того какъ онѣ пролежали въ землѣ нѣсколько вѣковъ. Хорошо сохранились не только листы книгъ, но и бумажныя или шелковыя, преимущественно синяго цвѣта, обложки.

Вмѣстѣ со всѣмъ отмѣченнымъ богатствомъ въ субурганѣ былъ похороненъ, вѣроятно, гэгэнъ-перерожденецъ, костякъ котораго покоился, въ сидячемъ положеніи, у сѣверной стѣны надгробія. Прекрасно сохранившійся черепъ былъ пріобщенъ къ нашимъ коллекціямъ.

Рис. 14.

Группа глиняныхъ и деревянныхъ статуй и статуэтокъ, найденыхъ въ „знаменитомъ“ субурганѣ.

Самый субурганъ поднимается надъ поверхностью земли до четырехъ-пяти саженей и состоитъ изъ пьедестала, уступной середины и коническаго, полуразрушеннаго временемъ или любопытствомъ человѣка, верха. Въ основаніи центра пьедестала вертикально укрѣпленъ деревянный шестъ безъ какого бы то ни было украшенія на вершинѣ. На пьедесталѣ субургана, вокругъ шеста, лицомъ къ центру, стояло до двухъ десятковъ большихъ, въ ростъ человѣка, глиняныхъ статуй, передъ которыми лежали огромныя книги, словно передъ ламами, отправлявшими богослуженіе. Эти книги состоятъ изъ толстой китайскаго типа, сѣровато-бѣлой бумаги съ письмомъ Си-ся, преобладающимъ вообще среди письменъ Хара-хото.

Собравъ матеріалъ субургана, который несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ не только на историческое прошлое тангутской столицы и ея обитателей, но и на многое другое, мы начали собираться въ дорогу. Нашъ караванъ выросъ до большихъ размѣровъ и внушалъ опасеніе за цѣлость доставки его на родину.

Осенью 1909 года всѣ научные труды Монголо-Сычуаньской экспедиціи, всѣ ея коллекціи, въ видѣ большого транспорта, были благополучно доставлены въ С.-Петербургъ, въ собственное, только-что отстроенное помѣщеніе Географическаго Общества".

Рисунки этого введенія сдѣланы по фотографіямъ П. К. Козлова; планъ и двѣ небольшія оріентировочныя карты носятъ характеръ схематическій и имѣютъ цѣлью указать на общія условія мѣстности замѣчательной находки Монголо-Сычуанской экспедиціи. Опредѣляющія подписи сдѣланы самимъ П. К. Козловымъ. Свѣдѣнія о раскопкахъ даны П. К. Козловымъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; по всей вѣроятности, онъ сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ изготовляемомъ имъ описаніи своего путешествія. Чрезвычайно цѣнны будутъ сообщенія о томъ, какъ именно лежали книги, образа и другіе предметы, и вообще точный перечень того, что именно находилось въ субурганѣ. Намъ извѣстны въ тибетской литературѣ списки предметовъ и книгъ, заключенныхъ въ субурганахъ и большихъ статуяхъ, и сравненіе литературныхъ данныхъ съ находкою П. К. Козлова будетъ особенно поучительно. Опись содержимаго большой статуи Майтреи въ одномъ изъ храмовъ Лаврана печатается въ настоящее время Б. Б. Барадинымъ въ Bibliotheca Buddhica.

При описаніи писаныхъ образовъ мы раздѣлили ихъ на двѣ основныхъ группы, которыя предлагаемъ назвать, по характеру письма и композиціи: тибетскою и китайскою. Дѣленіе это — предварительное и преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣль удобства группировки: и въ той и въ другой группѣ есть формы несомнѣнно переходныя и смѣшанныя. Основанія этого дѣленія мы указываемъ въ послѣсловіи; къ этому же послѣсловію мы отнесли и всѣ соображенія общаго характера относительно значенія собранія для исторіи буддійскаго искусства. Въ настоящей статьѣ мы даемъ описаніе образовъ тибетскаго письма.

Описаніе нѣкоторыхъ рисунковъ и ксилографовъ слѣдуетъ за описаніемъ писаныхъ образовъ. Эта часть описанія имѣетъ наиболѣе предварительный характеръ, такъ какъ значительное число ксилографовъ-образовъ находится, по указанію П. К. Козлова, въ книгахъ, которыя переданы въ настоящее время въ Азіатскій Музей Императорской Академіи Наукъ и которыя еще не совсѣмъ разобраны. Ксилографамъ мы надѣемся посвятить особую статью. Описаніе статуэтокъ изъ самаго разнообразнаго матеріала слѣдуетъ за описаніемъ рисунковъ; за этимъ описаніемъ слѣдуетъ краткое описаніе нѣкоторыхъ предметовъ культа. При отсутствіи точныхъ свѣдѣній о ходѣ раскопокъ и о мѣстѣ нахожденія отдѣльныхъ предметовъ, намъ не представляется желательнымъ давать пока болѣе подробное описаніе этихъ предметовъ. Этотъ отдѣлъ будетъ описанъ нами въ особой статьѣ.

Въ описаніяхъ изображеній мы стараемся держаться того способа, котораго держатся сами буддисты, когда, желая дать указанія относительно того, какъ, при заклинаніи или „вызовѣ" извѣстнаго божества или священнаго существа, его надлежитъ себѣ представить, они описываютъ „вызываемое" божество. Образецъ такого туземнаго описанія дается нами ниже въ санскритскомъ оригиналѣ и русскомъ переводѣ.

Внутри каждаго отдѣла мы принимаемъ основную группировку: будды, бодисатвы и другія священныя существа.

Образа тибетскаго письма.

Будды.

„Алмазнопрестольный" — Vajrasana.

Образъ „Алмазнопрестольнаго Будды Владыки" (Vajrāsanabuddhabhaṭṭāraka [1]) принадлежитъ къ числу главныхъ буддійскихъ святынь, и изображенія его мы находимъ во всѣхъ буддійскихъ странахъ [2]), хотя, повидимому, самое названіе не очень старинно [3]). Въ общихъ чертахъ изображеніе это всюду одинаковое, такое, какимъ мы находимъ его

[1]) Существовало, повидимому, и названіе Mahābodhibhaṭṭāraka: см. Cunningham, Mahābodhi, p. 82 и гимнъ Mahābodhibhaṭṭārakastotrāṣṭaka, Н. Д. Миронова. Каталогъ индійскихъ рукописей Азіатскаго Музея, стр. 325 (еще въ печати).

[2]) Главная литература собрана у A. Foucher, въ трехъ его работахъ: Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après des documents nouveaux. Paris 1900. Pp. 90—94. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après des textes inédits. Paris 1905. Pp. 15—21 и L'art bouddhique dans l'Inde. Rev. Hist. d. Rel. XXX. 344—348. Въ первыхъ двухъ работахъ есть снимки индійскихъ изображеній Алмазнопрестольнаго. Непальскія реплики см. напр. A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien. 2 Aufl. Berlin 1900. Рисунокъ № 85, стр. 154. J. Burgess. Notes on the Bauddha Rock-Temples of Ajanta. Bombay 1879. pl. XXII. (Buddha). (Vajrāsana Bhattārka). Аннамская реплика, напр. H. Parmentier, Inventaire descriptif des monuments Čams de l'Annam. I. Paris 1909. Fig. 126, p. 545. Сіамскія, напр. въ работѣ Н. И. Воробьева. Опись собранія буддійскихъ статуетокъ, пріобрѣтенныхъ въ Сіамѣ въ 1906 г. СПБ. 1911, №№ 8—18 (СМАЭ XII). Яванская, напр. Bull. de l'Ecole de l'Extr. Or. III, p. 79 (1903). Для тибетскихъ и монгольскихъ можетъ служить образцомъ изображеніе въ нашемъ изданіи „Сборникъ Трехсотъ Бурхановъ". Это же изображеніе составляетъ главную святыню Лхасы, т. н. „Большой Джо-во". Безконечное количество небольшихъ глиняныхъ штампованныхъ медальоновъ и пластинокъ съ изображеніемъ „Алмазнопрестольнаго" разсыпаны по монастырямъ, ступамъ и развалинамъ всего буддійскаго міра, принесенные въ эти мѣста паломниками и сложенные какъ ex-voto. Храму, въ которомъ помѣщалось изображеніе „Алмазнопрестольнаго", посвящены двѣ большія монографіи: Rājendralāla Mitra. Buddha Gayá, the Hermitage of Śâkya Muni. Calcutta 1878 и Sir A. Cunningham. Mahâbodhi oder the great Buddhist Temple under the Bodhi tree at Buddha-Gayá. London 1892.

[3]) Мы не встрѣчаемъ упоминаній о Vajrāsana, „Алмазномъ престолѣ", на которомъ, по буддійскому преданію, царевичъ Siddhārtha сталъ Буддою, ни въ Buddhacaritra, ни въ Lalitavistara и Mahāvastu. Первое, повидимому, упоминаніе встрѣчается въ надписи, которую Кённингэмъ относитъ ко II вѣку по Р. Хр., но которую мы считаемъ нѣсколько болѣе поздней (см. Mahābodhi, p. 58, pl. XXVII. 2). Китайскій паломникъ Фа-сянь, посѣтившій эти мѣста въ началѣ V вѣка по Р. Хр., хотя и говоритъ о храмѣ, не упоминаетъ, однако, о статуѣ; обстоятельство это, во всякомъ случаѣ, указываетъ на то, что почитаніе „Алмазнопрестольнаго" въ то время было не сильно распространено, если вообще уже существовало. Другой знаменитый китайскій паломникъ, Сюанъ-Цзанъ, въ первой половинѣ VII вѣка уже подробно говоритъ о нашемъ изображеніи; китайскій паломникъ И-Цзинъ въ концѣ того же VII столѣтія упоминаетъ объ Алмазномъ Престолѣ, но не останавливается на изображеніи Будды. Рядъ позднѣйшихъ надписей показываетъ, что почитаніе „Алмазнопрестольнаго" или „Алмазнаго престола" (не всегда возможно съ опредѣленностью сказать, которую именно изъ двухъ одноименныхъ святынь имѣетъ въ виду каждая надпись) еще было весьма распространено въ XI вѣкѣ. Какъ извѣстно, о позднѣйшихъ судьбахъ буддизма въ Индіи и объ исчезновеніи его подъ натискомъ ислама мы до сихъ поръ знаемъ очень мало. Доступныя пока свѣдѣнія о позднѣйшей судьбѣ „Алмазнаго престола" собраны въ указанной выше книгѣ Кённингэма.

въ заклинаніяхъ (sādhana), какимъ долженъ его представить себѣ заклинающій, желающій отожествить себя съ нимъ для достиженія, затѣмъ, своихъ желаній. Мы, поэтому, и приведемъ напечатанный у г. Фушэ текстъ Vajrāsanasadhana о томъ, какъ представить себѣ „Алмазнопрестольнаго". „Dvibhujaikamukham pitam caturmārasaṅghaṭitamahasiṃhāsanavaram tadupari viçvapadmavajre vajraparyaṅkasaṃsthitam vāmotsaṅgasthitavāmakaram bhusparçamudradakṣiṇakaram bandhukaragaruṇavastravaguṇthitatanum sarvaṅgam pratyaṅgam secanakavigraham . . . . . Bhagavato dakṣiṇe Maitreyam bodhisattvam suvarṇagauram dvibhujam jaṭāmukuṭadhāriṇam gṛhitacamaradakṣiṇakaram nāgakeçarapallavadharavamakaram tathā vāme Lokeçvaram bodhisattvam çuklam jaṭāmukuṭinam camaradharidakṣiṇabhujam kamaladharivāmakaram etad dvayam Bhagavanmukham abhivikṣyamāṇam paçyet..." [1])

„Двурукаго, одноликаго, желтаго, съ отборнымъ львинымъ престоломъ, который поддерживаютъ четыре Māra, сидящаго на этомъ престолѣ, на распустившемся лотосѣ съ перуномъ (vajra), въ положеніи ногъ перуномъ (vajraparyaṅka—ноги поджаты и скрещены, подошвы ногъ вверхъ), съ лѣвою рукою, лежащею на лѣвой сторонѣ лона, съ правой рукою въ положеніи, называемомъ касаніе земли (рука вытянута, съ ладонью внутрь, пальцы касаются земли—bhūsparçamudrā), съ тѣломъ, облеченнымъ въ платье коричнево-красное, отъ окраски bandhuka, прекраснымъ всѣми членами, членъ за членомъ... По правую сторону Господа справа бодисатву Maitreya, золотистожелтаго, двурукаго, съ вѣнцеобразно зачесанными волосами, съ махалкой отъ мухъ въ правой рукѣ, съ вѣткою nāgakeçara въ лѣвой рукѣ; а слѣва бодисатву Lokeçvara, бѣлаго, съ вѣнцеобразно зачесанными волосами, съ правой рукою, держащею махалку отъ мухъ, и съ лѣвою, держащею лотосъ, этихъ двоихъ на Господа взирающихъ пусть зритъ..."

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что надо отдѣлять образъ „Алмазнопрестольнаго" отъ изображеній той сцены въ жизни Будды, изъ которой взятъ этотъ образъ, получившій особенное значеніе въ буддійскомъ мірѣ, потому что онъ представлялся вѣрующимъ буддистамъ выраженіемъ того, что является основнымъ въ учительской жизни Будды, достиженіе имъ высшаго познанія, „bodhi". Такимъ образомъ, изображенія, подобныя тѣмъ, которыя мы описываемъ, являются не изображеніемъ сцены изъ жизни Будды, носящей сокращенное обозначеніе bodhi, а репликами знаменитаго образа Vajrāsana въ Bodh-gayā. На образахъ обстоятельство это, какъ намъ кажется, подчеркивается иногда тѣмъ, что Будда изображается какъ бы въ caitya, т.-е. такъ, какъ статуя Vajrāsana дѣйствительно помѣщалась въ храмѣ-caitya Mahābodhi.

Подтвержденіе тому, что иконописцы сознавали подобныя различія между изображеніемъ сцены изъ жизни Будды и извѣстнаго образа, мы хотѣли бы видѣть и въ примѣненіи къ другому образу (см. ниже), гдѣ, по нашему мнѣнію, изображена не бенаресская проповѣдь, знаменитое „Вращаніе колеса закона"—Dharmacakrapravartana, а одинъ, пока еще по имени не поддающійся опредѣленію, знаменитый образъ Будды, Вращающаго колеса закона.

Наши образа, какъ и всѣ вообще многочисленныя, мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстныя, реплики, отличаются въ одной подробности отъ описанія „Алмазнопрестольнаго", какъ его даетъ Сюан-цзанъ, а именно: китайскій паломникъ говоритъ, что лѣвая рука сжата; въ то время какъ у всѣхъ извѣстныхъ репликъ лѣвая рука, ладонью вверхъ, положена прямо передъ Буддою, на его лѣвой ногѣ.

Въ собраніи изъ Хара-хото находится писаныхъ 9 цѣльныхъ образовъ „Алмазнопрестольнаго" и 2 обрывка. Изъ нихъ три составляютъ особую группу, нѣсколько болѣе сложной композиціи, одинъ образъ стоитъ особо, два изображаютъ Будду одного, и три образа

[1]) Foucher. Etude. 1905, p. 16. Принята коньектура Фушэ: asecanakavigrahaṃ.

и два отрывка представляютъ изображеніе „Алмазнопрестольнаго“, окруженное 8 великими caitya (aṣṭa mahācaitya). Въ томъ же собраніи мы находимъ разбираемое изображеніе на пластинкахъ отъ ритуальныхъ вѣнцовъ и въ обломкѣ штампованной глины. Четыре большіе образа, оставаясь вѣрными основному типу изображенія, представляютъ, однако, и довольно значительныя отступленія, и потому мы ихъ опишемъ отдѣльно, придерживаясь, при описаніи, порядка описанія въ заклинаніи.

1.

Образъ на холстѣ. 80 × 53 [1]). Хорошей сохранности. (См. рис. 15).

Двурукій, одноликій, желтый, ладони рукъ и подошвы ногъ, а также ногти—красные. Престолъ украшенъ драгоцѣнными камнями, золотой. На поперечной перекладинѣ надъ плечами Будды по зеленой kinnari, въ красной одеждѣ. На престолѣ, какъ сидѣніе для Будды—распустившійся лотосъ, съ лепестками, загнутыми внизъ, синими, красными, зелеными, желтыми. На лотосѣ передъ Буддою—vajra. За спиною Будды—подушка съ зеленымъ и краснымъ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ. Кайма—красная съ золотыми полосами. Будда сидитъ въ padmāsana. Лѣвая рука его покоится на лонѣ его, ладонью вверхъ, слѣва, правая въ bhūsparçamudrā (вытянутые пальцы касаются земли, ладонь внутрь). Волосы—черные. Всюду далѣе, гдѣ мы не будемъ этого оговаривать, волосы—черные. Платье—темнокрасное, съ узорными полосами по краю, узоръ—золотой, въ верхней полосѣ—цвѣты, внизу и у рукавовъ—завитки; одежда спущена съ праваго плеча, и оно обнажено.

Справа отъ Будды на распустившемся лотосѣ съ желтыми, красными, синими и зелеными лепестками стоитъ Avalokiteçvara, бѣлый, съ высоко зачесанными черными волосами, съ вѣнцомъ на головѣ, съ украшеніями, въ красномъ платьѣ вокругъ бедръ и спускающимися синими и зелеными шарфами, въ складкахъ на концахъ. Лѣвая рука держитъ лотосъ (цвѣтъ его трудно опредѣлить), на которомъ стоитъ золотой сосудъ. Правая рука опущена, но пальцы слегка загнуты внутрь. Слѣва совсѣмъ подобный стоитъ Maitreya, желтый, безъ атрибута на лотосѣ. Оба обращены лицомъ къ Буддѣ, но глаза ихъ опущены.

Къ этому описанію слѣдуетъ прибавить: престолъ—на красномъ фонѣ, близко къ краю котораго раскиданы полукругомъ драгоцѣнные камни (ratna); за этимъ краснымъ фономъ съ обѣихъ сторонъ надъ плечами Будды возвышается по дереву açvattha (?). Нимбъ у головы—бѣлый, съ узорной полосой. Фонъ образа—синій съ раскиданными по немъ стилизованными цвѣтами (?)—желтые съ краснымъ и бѣлымъ посрединѣ.

Наверху—полоса, раздѣленная на пять отдѣленій, въ каждомъ—по желтокоричневому буддѣ (dhyānibuddha), въ красной одеждѣ съ открытымъ правымъ плечомъ, на розовомъ лотосѣ, въ padmasana, въ разныхъ mudrā (считая справа налѣво abhaya, bhusparça, dharmacakra (?), (одинъ палецъ правой руки поднятъ прямо вверхъ), dhyāna, подобно abhaya, но ладонь—внутрь). Фонъ отдѣленій, раздѣленныхъ другъ отъ друга желтой чертой, переходящей наверху въ орнаментъ: 1—синій, 2—зеленый, 3—синій, 4—зеленый, 5—синій. Видна часть спинки золотого престола, въ видѣ обернутаго основаніемъ внизъ треугольника. Внизу—полоса, раздѣленная на три части: въ серединѣ на красномъ фонѣ изображены пять пляшущихъ женщинъ: зеленая, коричневая (?), желтая, сѣрая (?), синяя [2]). Справа и

[1]) Всѣ мѣры въ сантиметрахъ. Указанія „направо“ и „налѣво“ тамъ, гдѣ это не оговорено особо, не отъ зрителя, а отъ центральной фигуры.

[2]) Въ виду несомнѣннаго измѣненія красокъ, трудно установить ихъ съ полною точностью. Совершенно такія же фигуры внизу образа на фрескѣ изъ Турфанскаго оазиса. См. оригиналъ такой фрески въ Музеѣ Антро-

слѣва отъ средняго отдѣленія — квадраты съ зеленымъ полемъ, въ которыхъ изображено съ каждой стороны по сидящему ламѣ, padmāsana, dhyānamudrā; плечи закрыты; у праваго нижняя одежда — бѣлая, верхняя — желтая, цвѣтъ кожи — свѣтлый; у лѣваго нижняя одежда — желтая, верхняя — бѣлая, цвѣтъ лица — темный (индійскій учитель). Вокругъ всего образа — полоска красная съ драгоцѣнными камнями; полоска у края — синяя. Хорошаго письма.

По отношенію къ слѣдующимъ образамъ „Алмазнопрестольнаго“ мы будемъ уже отмѣчать только то, что представляетъ отличія или дополненія.

Рис. 15.
№ 1. Алмазнопрестольный Будда.

2.

Образъ на холстѣ. 76×56. Довольно сильно поврежденный въ верхней части и въ правой сторонѣ.

У центральной фигуры Будды uṣṇīṣa въ видѣ возвышенія волосъ, съ красною точкою наверху; на платьѣ, кромѣ каймы съ золотымъ цвѣтнымъ узоромъ, раскинуты золотыя узорныя полосы, дѣлящія его на рядъ квадратовъ — какъ извѣстно, условное изображеніе лоскутьевъ, изъ которыхъ должно быть сшито платье монаха. Престолъ разнится въ

пологіи и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ изъ матеріаловъ Туркестанской экспедиціи С. Ѳ. Ольденбурга, снаряженной Русскимъ Комитетомъ по изученію Средней и Восточной Азіи въ 1909—1910 гг.

деталяхъ; у kinnarī—по барабану и рѣзко очерченныя крылья, такъ, какъ это часто встрѣчается и въ современныхъ ламайскихъ изображеніяхъ, съ нѣкоторыми отличіями. Лотосъ, на которомъ сидитъ Будда, съ лепестками (розоватыми, синими, желтыми, зелеными), загнутыми вверхъ, покоится на красивомъ стилизованномъ лиственномъ орнаментѣ, зеленомъ съ краснымъ, въ центрѣ котораго—стилизованная голова: или львиная или гаруды. Изъ краевъ этого орнамента поднимаются стебли съ лотосными цвѣтами, почками и листьями.

У стоящихъ по бокамъ на лотосахъ бодисатвъ въ рукахъ—по розовому лотосу: у Avalokiteçvara (справа) въ лѣвой рукѣ на лотосѣ стоитъ vajra, у Maitreya (налѣво) въ правой рукѣ на лотосѣ лежитъ тоже vajra.

Вѣтви дерева приходятся надъ головою Будды и надъ срѣзаннымъ внизу краснымъ оваломъ, на фонѣ котораго находится престолъ. По обѣ стороны надъ бодисатвами на воздухѣ, на лотосѣ—по три сидящихъ или колѣнопреклоненныхъ, съ руками въ añjali, фигуры devatā (или бодисатвъ?)—желтая, бѣлая, желтая. У бодисатвъ и у devatā отъ плеча къ плечу идетъ какая-то перевязь, обыкновенно не встрѣчающаяся.

Верхняя полоса представляетъ отличія орнаментаціи, образуя какъ бы архитектурное цѣлое: пять нишъ съ буддами (dhyānibuddha) внутри и съ деревьями, которыя видны надъ нишами; ниши соединены между собою чайтьями. Положеніе рукъ у сохранившихся фигуръ (считая справа налѣво), повидимому: dhyāna, dharmacakra, abhaya, bhūsparça.

Нижняя часть образа особенно отличается: въ ней двѣ полосы. Верхняя,—въ желтый рамкѣ, изъ колонокъ, капители которыхъ изображены украшенными драгоцѣнными камнями,—раздѣлена на 7 отдѣленій, въ которыхъ на синемъ фонѣ красные, срѣзанные снизу овалы; на нихъ справа налѣво слѣдующія изображенія: 1. Бѣлый nāga или nāgī, склонившійся на одно колѣно и держащій въ поднятыхъ рукахъ по золотому сосуду съ цвѣткомъ или плодомъ съ листьями; 2. Желтая, колѣнопреклоненная фигура; правая рука—у плеча (?), лѣвая поднята и держитъ золотой сосудъ; 3. Vajrasattva—первоначальный цвѣтъ разобрать нельзя: онъ—можетъ-быть, бѣлый, можетъ-быть, синій; въ правой рукѣ—vajra, въ лѣвой (у колѣна)—ghaṇṭā. 4. Siṃhanādalokeçvara, обычнаго типа; цвѣтъ его нельзя опредѣлить, левъ—бѣлый, съ зеленою гривою; 5. Зеленый Samantabhadra; въ правой рукѣ—vajra, въ лѣвой—синій (?) лотосъ; 6. Идущая желтая фигура; въ поднятой правой рукѣ vajra, что въ лѣвой—нельзя разобрать; на землѣ, между ногъ—повидимому, какая-то человѣческая фигура; 7. Nāga или nāgī, какъ 1. По обѣ стороны этой полосы, въ синихъ квадратахъ, съ обычными, красный съ бѣлымъ, цвѣточками, на красномъ срѣзанномъ внизу овальномъ фонѣ—по индійскому учителю (ācārya): цвѣтъ кожи—темный, нижнее платье—красное, верхнее—желтое, плечи закрыты.

Нижняя полоса состоитъ изъ семи отдѣленій, нѣсколько большаго размѣра, раздѣленныхъ желтыми полосками; фонъ, перемежаясь—зеленый и синій, съ тѣми же цвѣточками, тѣ же красные, срѣзанные внизу овалы; фигуры на пестрыхъ лотосахъ, съ отогнутыми внизъ лепестками. По порядку, справа налѣво: 1. Стоящій синій Vajrapāṇi; 2. Сидящій, красный, одноголовый, трехглазый, четырехрукій Hayagrīva, руки: 1—держитъ цвѣтокъ (?), 2 и 3—gaḍa, 4—tarjanīmudrā (?); 3. Розовый (?), четырехрукій, руки: 1—vajra, 2 и 3—(?) mudrā, 4—akṣasūtra; 4. Желтый сидящій Mañjuçrī (?), два лотоса съ боковъ его, правая рука—varamudrā, лѣвая держитъ лотосъ; 5. Бѣлый, четырехрукій Avalokiteçvara: 1 padma, 2 и 3—añjali, 4—akṣasutra; 6. Синяя Ekajaṭā, трехглазая, восьмирукая, руки: 1—khaḍga, 2—çara, 3 и 4—adarça, 5 и 6—(?) mudrā, 7—triçūla, 8—cāpa; 7. Синій Acala, идущій, одноголовый, двурукій, руки: 1—khaḍga 2— tarjanīmudrā (?).

Вокругъ образа—узорная полоса: среди желтыхъ волнообразныхъ линій—полукруги синіе, красные, зеленые, края—синіе.

Работа—тонкая, тщательная выписка; мѣстами видны остатки золота.

3.

Образъ на шелку. 101 × 56. Плохой сохранности. Главнымъ образомъ стерты краски. Нижній правый (отъ смотрящаго) уголъ оторванъ.

Значительно отличный отъ двухъ предыдущихъ.

Кайма образа—съ драгоцѣнными камнями (или разноцвѣтными листами лотоса) въ перегородкахъ; по краямъ идетъ еще темная, можетъ-быть, темносиняя полоса; фонъ въ верхней части, гдѣ Будда—красный, съ цвѣточками, въ нижней части—синій съ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ; фонъ, на которомъ престолъ Будды — синій. Внизу по обѣ стороны пестраго лотоса, на которомъ сидитъ Будда—облака, назначеніе которыхъ не совсѣмъ понятно, такъ какъ ясно, что Будда представленъ не на облакахъ. Цвѣтъ тѣла Будды —коричневокрасный. Платье—красное, повидимому, съ узорной и золоченой каймою. Престолъ—своеобразный: поддержанъ слонами и на нихъ козлами, надъ перекладиной makara и наверху львиная (быть можетъ, это и голова garuḍa: образъ въ этомъ мѣстѣ сильно стертъ и не позволяетъ ясно различить детали) стилизованная голова. Выступы—винтообразные (китайскіе, японскіе), съ пылающими cintāmaṇi. Наверху съ краевъ летятъ на облакахъ нѣсколько своеобразнаго рисунка двѣ—повидимому красныхъ,—devatā съ блюдами фруктовъ; между ними перекинутъ красиво извивающійся шарфъ. Внизу, на лотосахъ, сидятъ: справа—бѣлый Avalokiteçvara, съ лотосомъ въ правой рукѣ; другая рука въ какой-то mudrā; слѣва—желтокоричневый Maitreya, съ лотосомъ въ лѣвой рукѣ; другой руки не видно. Изображеніе Maitreya особенно сильно пострадало.

Прекрасное тонкое письмо, оригинальна трактовка лицъ, особенно носовъ. Манера—тибетская, но очень своеобразная: въ ней какъ будто особенно сильно индійское вліяніе и почти отсутствуетъ китайское. О подробностяхъ говорить трудно, такъ какъ верхній слой краски почти сошелъ. О краскахъ, въ виду плохой сохранности образа, безъ подробнаго изслѣдованія, судить трудно.

4.

Образъ на холстѣ. 88 × 56. Мѣстами выпали и вырваны куски полотна. Сохранился шелкъ подшивки и деревянный валекъ для накатыванія образа.

Фонъ—синій, съ раскиданными по немъ украшеніями, въ которыхъ отъ краснаго шарика въ серединѣ идутъ въ разныя стороны желтыя черты; украшеніе это, которое въ другихъ случаяхъ—съ бѣлыми, а не съ желтыми чертами, частью похоже на цвѣтки, частью, какъ будто, должно изображать волшебные драгоцѣнные камни cintāmaṇi. Фигуры Будды и бодисатвъ—на красномъ, срѣзанномъ внизу, овалѣ. Отъ верхней его части въ бокъ идутъ двѣ огненныя струи, оканчивающіяся огненными облаками, на которыхъ—по летящей фигурѣ, трубящей въ громадную желтую (мѣдную или золотую) трубу, весьма схожую съ современными трубами ламайскаго служенія. Деревья—по обоимъ бокамъ нимба, внутри краснаго фона. Нимбы всѣ—удлиненные; по краямъ ихъ—пламя. У фигуры Будды, хотя грудь, шея и правая рука обнажены, но правое плечо прикрыто такимъ же коричневымъ съ узорнымъ краемъ кускомъ матеріи, какъ и лѣвое плечо. На ладони лѣвой руки лежитъ vajra, на подошвахъ ногъ cakra. Uṣṇīṣa—въ видѣ возвышенія волосъ съ украшеніемъ въ родѣ cintāmaṇi наверху; кромѣ того, на волосахъ, подъ возвышеніемъ—красный кружокъ. Подъ престоломъ слоны, а не львы. Престолъ—своеобразный, съ ножками китайскаго образца. Изъ боковыхъ фигуръ у правой—Avalokiteçvara—въ рукѣ темный, продолговатый, неопредѣленный предметъ, вѣроятно—vajra. Внизу на зеленомъ фонѣ—пять пляшущихъ женскихъ фигуръ (ḍākiṇī) со слѣдующими предметами: 1) желтая; предметъ, который она держитъ, не виденъ: въ этомъ мѣстѣ образъ разорванъ; 2) бѣлая съ раковиною; 3) желтокоричневая

съ зажженнымъ свѣтильникомъ на головѣ; 4) синяя съ сосудомъ съ куреньемъ; 5) красная съ цвѣткомъ. Съ боковъ—„по учителю", сидящему на четырехугольномъ коврѣ; верхнее платье—коричневокрасное, нижнее—желтое; у праваго—длинные волосы, зачесанные вверхъ, у лѣваго—голова бритая. Верхній рядъ изъ 5 буддъ—на розовыхъ съ синими каймами лотосахъ. Квадраты отдѣлены другъ отъ друга тонкой желтой чертой, которая наверху и внизу переходитъ въ орнаментъ; квадраты — синій, зеленый, синій, зеленый, синій. У фигуръ mudrā разбирается только у 2 vara и 3 dhyāna. Какъ и у главной фигуры, шея, грудь и правая рука обнажены, а плечи оба прикрыты. Мѣстами на образѣ замѣтны слѣды золота.

Составляя по композиціи соединеніе №№ 1 и 3, настоящій образъ, главнымъ образомъ, отличается характеромъ письма: частью особенность письма объясняется неумѣлостью иконописца, такъ какъ работа—очень грубая, но частью она должна объясняться и стилемъ, который, особенно въ трактовкѣ фигуръ бодисатвъ, напоминаетъ Индо-китай—высокія, тонкія фигуры.

5.

Образъ на холстѣ. 49 × 40. Хорошей сохранности, только съ потемнѣвшими красками и мѣстами потертъ, такъ что нельзя различить детали работы. (См. рис. 16).

Алмазнопрестольный и 8 великихъ caitya (№№ 5 — 9). Три образа почти тожественныхъ (№№ 5 — 7) и два обрывка такихъ же образовъ (№№ 8 и 9). Восемь великихъ caitya, памятныхъ сооруженій, были воздвигнуты на мѣстахъ, освященныхъ какими-нибудь событіями изъ жизни Будды. Такъ какъ число такихъ событій было значительно, и въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ особенно чтились то одни, то другія изъ этихъ мѣстъ, то становится совершенно понятнымъ, что списки caitya разнятся. Четыре названія caitya, относящіяся къ наиболѣе важнымъ событіямъ въ жизни Будды, въ разныхъ спискахъ одинаковы, это: 1) Рожденіе (Jāti), 2) Достиженіе высшаго познанія (Bodhi), 3) Вращеніе колеса закона—первая проповѣдь (Dharmacakrapravartana), 4) Кончина (Mahāparinirvāṇa). Четыре другихъ, относящихся къ событіямъ знаменательнымъ въ жизни Учителя, но все же меньшей важности не всегда совпадаютъ. 8 caitya воспѣвались въ молитвенныхъ гимнахъ [1]) и изображались или вмѣстѣ [2]) или отдѣльно [3]).

Образъ раздѣленъ на 8 полей, изъ которыхъ среднее, самое большое, занято изображеніемъ Алмазнопрестольнаго. Иконописецъ имѣлъ, очевидно, въ виду изобразить Будду внутри caitya, которая и есть знаменитый храмъ Mahabodhi. За caitya видно „древо познанія" bodhi (açvattha). Фонъ темнокрасный, съ цвѣтами. Наверху образа, по обоимъ бокамъ верхушки caitya, на зеленожелтыхъ облакахъ китайскаго типа летитъ по желтозолотому божеству; каждое изъ нихъ держитъ золотое блюдо съ плодами или драгоцѣнными камнями. Будда—двурукій, одноликій, желтый; ладони и подошвы, а также ногти—красные; сидитъ на разноцвѣтномъ лотосѣ (лепестки отогнуты внизъ и вверхъ), подушка-спинка съ зеленымъ стилизованнымъ лиственнымъ орнаментомъ; сзади головы, сверху спинки—желтое съ краснымъ стилизованное лиственное украшеніе, повидимому, относящееся къ престолу. На платьѣ впереди лежитъ vajra; Будда сидитъ въ padmāsana; лѣвая рука покоится на лонѣ,

[1]) Одинъ изъ такихъ гимновъ былъ изданъ S. Lévi—Une poésie inconnue du roi Harṣa Cîlâditya. AXCOG. Sect. I. pp. 189—203. Leide 1895. Санскритское заглавіе Aṣṭamahāçricaityasaṃskṛtastotra; другое такое же сочиненіе цитируетъ Lévi подъ заглавіемъ Buddhabhāṣita-Āṣṭamahāçricaityanāmastotra.

[2]) Подобное изображеніе тибетской, повидимому, работы, съ тибетскими надписями, находится въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ.

[3]) Ср. A. Foucher. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après des textes inédits. Paris 1905. (BEHE. Sc. Rel. XIII. 2), pp. 113—114.

ладонью вверхъ, правая —въ bhūsparçamudra. Платье—темнокрасное; одежда спущена съ праваго плеча. Нимбъ - продолговатый, бѣлый, съ красною и желтою каймами. По обѣ стороны на лотосахъ стоятъ бодисатвы: направо—бѣлый Avalokiteçvara; въ лѣвой рукѣ у него—бѣлый лотосъ, правая свѣсилась вдоль туловища; нимбъ—продолговатый, розовый, съ каймой; налѣво—желтый Maitreya; въ правой рукѣ—лотосъ съ золотымъ kalaça; правая свѣсилась вдоль туловища; нимбъ—продолговатый, бѣлый, съ каймой. Въ самомъ верху поля, за летящими фигурами,—по темнокрасной продолговатой четырехугольной картушѣ, справа—названіе изображенія на языкѣ Си-ся, налѣво—по-китайски, желтыми іероглифами.

Подъ главнымъ изображеніемъ на темнокрасномъ полѣ—изображеніе пяти caitya на общей платформѣ; мы означаемъ его черезъ II (I—главное изображеніе будды). Изъ пяти caitya средняя выше остальныхъ. По изображенію, повидимому, всѣ 5 caitya—въ рядъ; но, можетъ-быть, иконописецъ только не справился съ задачею изобразить постройку въ родѣ Mahābodhi въ Bodh-gayā, гдѣ средняя большая caitya окружена 4 другими по четыремъ угламъ. Считаемъ нужнымъ указать, что аналогичныя Mahābodhi сооруженія храмовъ caitya Д. А. Клеменцъ и проф. А. Грюнведель хотѣли видѣть въ двухъ постройкахъ изъ развалинъ Турфанскаго оазиса: одна въ старомъ городѣ на Ярѣ близъ новаго Турфана, другая въ старомъ уйгурскомъ городѣ Идикутшари. Мы считаемъ по сохранившимся остаткамъ, что эти постройки приходится представлять себѣ иначе, о чемъ мы подробнѣе скажемъ въ подготовляемомъ нами отчетѣ о нашей Туркестанской Экспедиціи. Примѣры двухъ caitya на одной платформѣ мы имѣемъ и въ индійскихъ старинныхъ миніатюрахъ [1]). Любопытно отмѣтить, что на планѣ Хара-хото у П. К. Козлова (см выше рис. 7) субурганъ А представляетъ, повидимому, постройку въ родѣ Mahābodhi. Картуши съ надписями—зеленыя. Судя по надписи [2]), эта caitya относится къ знаменитому, чудесному пораженію еретическихъ учителей Буддою, т. н. Mahāprātihārya.

По обѣ стороны главнаго поля тянутся двѣ полосы, изъ которыхъ въ каждой по три отдѣленія съ caitya на синемъ фонѣ посрединѣ, уменьшенной копіи средней; наверху—такія же летящія на облакахъ божества и картуши съ надписями. Насколько эти изображенія были распространены въ буддійскомъ мірѣ, можно убѣдиться, сравнивъ отдѣленія разбираемаго образа съ изображеніемъ на индійской миніатюрѣ [3]), которое можно почти принять за копію съ нашего.

Считая сверху внизъ и справа (отъ центральнаго изображенія), эти изображенія будутъ слѣдующія: 1) Mahāyānacaitya на горѣ Gṛddhrakuṭa. 2) Caitya на мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Vimalakīrti. 3) Схожденіе съ неба. 4) Бенаресская проповѣдь (Dharmacakrapravartana). 5) Рожденіе (Jāti). 6) Великая кончина (Mahāparinirvāṇa).

6.

Образъ на холстѣ. 50 × 40. Сильно потертый, мѣстами вырваны куски.

Образъ тожественъ съ предыдущимъ, только свѣтлѣе краски; мѣстами онъ лучше сохранился и потому видно, что письмо было тонкое, съ типичнымъ для старыхъ тибетскихъ образовъ подчеркиваніемъ контуровъ, можетъ-быть, заимствованнымъ изъ среднеиндійскаго искусства (магадское). По всей вѣроятности, такъ же былъ написанъ и образъ № 5, но тамъ именно стертъ верхній слой, отчего письмо кажется гораздо грубѣе. Въ № 1 облака частью синія, а въ № 2 картуши розовыя. Мѣстами золото сохранилось.

[1]) A. Foucher. p. 58, n. 1.

[2]) Китайскія надписи были любезно прочитаны для насъ барономъ А. А. Стааль-фонъ-Гольстейномъ и А. И. Ивановымъ, которымъ мы и позволяемъ себѣ выразить нашу признательность.

[3]) A. Foucher. Fig. 4, p. 54.

Рис. 16.

№ 5. Алмазнопрестольный Будда съ 8 великими caitya.

7.

Образъ на холстѣ. 47 × 39. Почти совершенно вытертъ, только по обрывкамъ краски и контура можно опредѣлить содержаніе.

Повидимому, тожественъ съ №№ 5 и 6. Краски—свѣтлыя. Облака въ № 1, какъ у № 7, частью синія, но картуши № 2 какъ у № 6, зеленыя. Мѣстами золото сохранилось.

8—9.

Обрывки образовъ, повидимому, тожественныхъ съ №№ 5—7. Въ каждомъ по одной caitya.

10.

Образъ на холстѣ. 23 × 17. Сильно потертъ, сверху и снизу обычныя шелковыя полосы, темнаго цвѣта, повидимому, темносиняго; внизу деревянный валекъ для скатыванія образа.

На престолѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, на лотосѣ, синіе и красные лепестки котораго отогнуты внизъ и вверхъ, сидитъ желтый Будда, въ красной одеждѣ, съ коричневой каймой внизу. Правое плечо открыто, типъ обычный, какъ въ № 1; есть ли красная точка для обозначенія верхушки uṣṇīṣa, сказать нельзя, такъ какъ краска стерта. Нимбъ—продолговатый; цвѣта его въ настоящее время опредѣлить нельзя. Ладони, подошвы и ногти—красные. Престолъ—на красномъ овальномъ фонѣ, срѣзанномъ къ низу; изъ-за него справа и слѣва—по дереву açvattha. Фонъ образа былъ, повидимому, синій, съ обычными цвѣточками. Вокругъ—узорная полоса съ желтыми контурами: зубцы, заполненные красной и синей краской; край образа синій. Хорошее письмо, повидимому, тибетское безъ слѣдовъ китайскаго вліянія.

11.

(Находится въ Музеѣ географическаго кабинета московскаго университета).

Образъ на полотнѣ. Средней сохранности.

Желтый; ладони, подошвы, ногти—красные. Uṣṇīṣa—красная наверху. Положеніе рукъ обычное. Padmāsana. Одежда—красная. Нимбъ бѣлый внутри, съ пестрой каймой, поперечными полосками. Престолъ—съ двумя haṃsa на спинкѣ; у нихъ изъ клювовъ свѣшиваются pāça; стилизованные хвосты ихъ загнуты вверхъ. Спинка—съ зеленымъ, съ краснымъ, лиственнымъ орнаментомъ. Престолъ—на красномъ, срѣзанномъ къ низу, овальномъ фонѣ; за нимъ—дерево; фонъ—синій съ цвѣточками. Будда сидитъ на пестромъ лотосѣ (желтый, синій, лиловый). Наверху полоса 5 dhyānibuddha, желтыхъ, въ красной одеждѣ; они отличаются только mudrā, которыя не всѣ можно съ увѣренностью различить. Справа налѣво bhūsparça, abhaya, dharmacakra (?), dhyāna, vara. Полосы вокругъ образа—желтая и красная. Внизу сохранилась пришитая полоса чернаго шелка съ деревяннымъ валькомъ для скатыванія образа.

Послѣдніе два образа, №№ 10 и 11, съ большою степенью вѣроятія опредѣляются какъ образа Алмазнопрестольнаго, хотя надо имѣть въ виду, что въ той же позѣ и съ тѣмъ же положеніемъ рукъ изображается и dhyānibuddha Vairocana. Правда, обычный цвѣтъ для изображеній Vairocana—бѣлый, но такъ какъ всѣ будды могутъ изображаться и золотистаго цвѣта, то иногда невозможно отличить изображенія Алмазнопрестольнаго, когда онъ изображается одинъ, отъ Vairocana. Мы имѣемъ здѣсь яркій примѣръ того, съ какими трудностями приходится сталкиваться при опредѣленіяхъ фигуръ громаднаго буддійскаго пантеона.

„Владыка Врачеванія“.

Происхожденіе этого члена буддійскаго пантеона пока не выяснено: мы имѣемъ здѣсь, можетъ-быть, дѣло съ переживаніемъ мѣстнаго культа, воспринятымъ буддистами, или же, какъ на то указываетъ одна непальская миніатюра [1]), съ однимъ изъ видовъ „Алмазно-престольнаго“, проявившимъ особенныя цѣлебныя свойства и, благодаря этому, получившимъ особенное значеніе въ буддійской средѣ. Въ Индіи онъ, повидимому, былъ извѣстенъ подъ названіями Bhaiṣajyarāja, Bhaiṣajyabhaṭṭāraka, Bhaiṣajyaguru; послѣднее перешло въ Тибетъ, гдѣ онъ называемъ sMan-bla, переводъ послѣдняго санскритскаго термина. При недостаточной изслѣдованности тибетскихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о такъ называемыхъ буддахъ Врачеванія, трудно безусловно установить ихъ точное число: мы имѣемъ указанія на цифры 9, 8 и 7 [2]).

Въ Тибетѣ „Владыка Врачеванія“ уже, очевидно, обособился отъ будды. Трудно также сказать, правъ ли Waddell, когда считаетъ, что образъ, названный у Schlagintweit, l. c., pl. IX., Maitreya, изображаетъ собою буддъ Врачеванія. Мы склонны считать опредѣленіе Шлагинтвейта правильнымъ: восемь буддъ Врачеванія помѣщены вверху образа; образъ коллекціи Bacot насчитываетъ „8 assistants du Bhaiṣajyaguru“ (J. Hackin. L'art Tibétain, collection de M. J. Bacot. P. 1911, p. 48).

Кромѣ „спутниковъ“ Владыки Врачеванія, на его образахъ часто изображаютъ и теперь небольшой пантеонъ; подобнаго рода образъ въ собраніи Бако (Hackin, l. c., pp. 47—49).

Общимъ въ композиціи пяти образовъ является слѣдующее: въ серединѣ - синяя фигура будды, въ padmāsana, правая рука въ varamudrā держитъ плодъ мироболана, лѣвая держитъ на колѣняхъ сосудъ съ мироболанами. Спутники, по бокамъ средней фигуры—божества Солнца и Луны. Вверху—7 спутниковъ: будды Врачеванія. Внизу—небольшой пантеонъ божествъ. Чрезвычайное сходство въ композиціи всѣхъ типовъ образовъ, отличающихся въ сущности лишь въ сравнительно незначительныхъ подробностяхъ, заставляетъ предполагать, что всѣ они восходятъ къ одному общему оригиналу, какому-нибудь извѣстному въ старомъ буддійскомъ мірѣ образу.

12.

Образъ на холстѣ. 82 × 110. Сохранился въ общемъ хорошо, вырвано только нѣсколько небольшихъ кусковъ. См. таблицу.

Средина—синій фонъ съ цвѣточками. На богато украшенномъ престолѣ, съ двумя haṃsa на спинкѣ, сидитъ въ padmāsana на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ, синій будда съ красными ладонями и подошвами; на подошвахъ—cakra, на ладони—какой-то кружокъ съ меньшимъ кружкомъ внутри; правая рука въ varamudrā держитъ плодъ мироболона, лѣвая покоится на лонѣ, съ чашею, темносинею съ бѣлымъ узоромъ, полною мироболонами. Uṣṇīṣa выдается. Платье красное, съ коричневою полосою по краю, покрытою золотымъ узоромъ; такія же коричневыя полосы дѣлятъ платье на квадраты, какъ это при-

---

[1]) A. Foucher. Étude и т. д., p. 94. Подтвержденіе этому слѣдуетъ, можетъ-быть, видѣть въ томъ, что на образахъ будды Врачеванія изображается дерево bodhi историческаго Будды, т.-е. açvattha (Ficus religiosa).

[2]) „Сборникъ 300 бурхановъ“, повидимому, знаетъ только 7 буддъ Врачеванія №№ 136—142; этому же соотвѣтствуютъ и 7 японскихъ буддъ (Siebold. Pantheon von Nippon, p. 52 въ „Nippon“ V. Tf. IX). Но A. Grünwedel, въ примѣчаніи у Pander: Das Pantheon des Tschangtscha Hutuktu, p. 74, причисляетъ къ 7 еще два—№ 143—144, не указывая, впрочемъ, источника; въ Mythologie des Buddhismus, p. 118, онъ говоритъ о 8 спутникахъ. Jäschke въ своемъ словарѣ указываетъ на 8, s. v. sMan-bla Schlagintweit. Le Bouddhisme au Tibet (французскій переводъ) говоритъ о 8 Манла, p. 172) Waddell, Lamaism, p. 353—354, считаетъ ихъ 7, восьмымъ называетъ будду Шакьямуни. По письменному сообщенію Б. Б. Барадина ламы считаютъ 7 буддъ врачеванія, къ нимъ часто прибавляютъ Будду Шакьямуни, который тогда является восьмымъ.

Bhaiṣajyabhaṭṭāraka. Владыка Врачеванія (№ 12).

нято въ буддійской иконографіи для обозначенія монашескаго платья, сшитаго изъ лоскутьевъ. Внутри каждаго квадрата въ золотомъ кругѣ—по золотой эмблемѣ (cakra, çrīvatsa и т. д.). Нимбъ у головы внутри—бѣлый съ краснымъ ободкомъ и съ краемъ радужнымъ; нимбъ вокругъ всей фигуры—красный съ cintāmaṇi; за нимъ по обѣ стороны головы—по дереву bodhi (açvattha—ficus religiosa).

Справа отъ будды на пестромъ лотосѣ стоитъ божество Солнца, въ одеждѣ и украшеніяхъ бодисатвы, съ краснымъ лотосомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ, на высотѣ лица, покоится красный дискъ солнца съ чернымъ пѣтухомъ. Нимбъ внутри—бѣлый, снаружи—съ радужными поперечными полосками, какъ у главной фигуры. Слѣва—такое же божество бѣлое, божество Луны, на бѣломъ лотосѣ; въ правой рукѣ его покоится бѣлый дискъ луны съ зайцемъ и деревомъ. Любопытны индійскаго характера прически. Нимбъ—какъ у центральной фигуры. Подъ лотосами, на которыхъ стоятъ божества—подставки съ львиными головами. Подъ божествомъ Солнца на лотосѣ, въ пламени—предметъ для меня непонятный: на немъ какъ будто пять синихъ книгъ и желтый свитокъ; кромѣ того, двѣ бѣлыя махалки отъ мухъ. Подъ божествомъ Луны на лотосѣ, въ пламени, caitya; внутри ея видны три драгоцѣнности—ratna (очевидно, символъ Будды, Закона, Общины).

Подъ среднимъ отдѣленіемъ—раздѣленное на двѣ части отдѣленіе. Въ верхней его части—синій съ цвѣточками фонъ, въ нижней—красный. Въ каждомъ отдѣленіи—по 8 фигуръ божествъ; въ верхнемъ ряду, считая справа: 1. зеленый со знаменемъ; 2. желтый со змѣею; 3. бѣлая Sarasvatī съ музыкальнымъ инструментомъ; 4. синій Acala съ мечомъ; 5. розовокрасный со змѣею; 6. зеленый со знаменемъ въ правой рукѣ и съ какимъ-то животнымъ въ лѣвой; онъ держитъ его подобно тому, какъ Kubera обыкновенно держитъ ихневмона, но у этого животнаго или очень длинныя уши, или рога; 7. желтый съ какимъ-то предметомъ въ рукѣ; 8. розовокрасный со знаменемъ; у 1, 2, 7 и 8 волосы, какъ обыкновенно изображаютъ у докшитовъ.

Нижній рядъ; сидятъ на зеленыхъ чешуйкахъ (трудно сказать, изображается ли здѣсь растительность): 1. розово-красный, руки точно въ dharmacakramudrā; 2. синій съ мечомъ; 3. розовокрасный съ копьемъ; 4. зеленый съ молоткомъ; 5. желтый съ мечомъ; 6. синій съ крюкомъ (aṅkuça); 7. лиловато-синій съ vajra; 8. зеленый со знаменемъ.

Съ боковъ этого ряда, справа—желтое божество, слѣва—бѣлый, четырехголовый Brahma съ колесомъ. Надъ ними—по монаху, съ открытымъ правымъ плечомъ, въ коричневой одеждѣ.

По обѣ стороны средняго поля съ буддою идетъ по полосѣ, раздѣленной съ каждой стороны на четыре квадрата, надъ фигурами монаховъ; въ каждомъ квадратѣ изображеніе божества въ padmāsana; руки—въ dharmacakramudra.

Въ виду отсутствія атрибутовъ, трудно дать опредѣленіе божества; цвѣта: справа—1. зеленый, 2. бѣлый, 3. розово-красный, 4. золотисто-желтый; слѣва—1. бѣлый, 2. розово-красный, 3. желтый, 4. синій.

На самомъ верху образа—полоса съ семью отдѣленіями, гдѣ семь буддъ Врачеванія; всѣ—золотисто-желтые, въ padmāsana на пестрыхъ лотосахъ, съ открытымъ правымъ плечомъ, въ красныхъ одеждахъ. Отличаются между собою mudrā.

Въ самомъ низу, съ краевъ, съ боковъ нижняго ряда божествъ изображены ламы. Справа: съ темнымъ лицомъ и рѣдкою бородою, бритый, руки въ dharmacakramudra. Одежда: красная безрукавка, сверхъ нея — коричневая одежда изъ лоскутьевъ, сверхъ всего—желтая мантія съ какими-то круглыми узорами. На головѣ—черная шапка съ желтыми каймами и viçvavajra спереди. Сидитъ, поджавъ ноги, на красноватомъ коврѣ. Слѣва: съ темнымъ лицомъ и сѣдою бородою, бритый, въ правой рукѣ—ghaṇṭa, лѣвая на колѣнѣ. Одежда—желтая, и сверху—желтая мантія съ круглыми узорами. Шапку разобрать нельзя—

потерто. За нимъ стоитъ съ руками, сложенными для молитвы, человѣкъ съ длинными волосами, въ темной одеждѣ, съ желтыми и коричневыми каймами и коричневымъ поясомъ. Картуши для именъ у обѣихъ фигуръ, красныя съ желтой каймою, остались незаполненными.

Кайма—изъ пестрыхъ лепестковъ лотоса, съ синимъ краемъ.

У всѣхъ фигуръ сзади—зеленая спинка сидѣнья со стилизованнымъ лиственнымъ орнаментомъ и за нею—треугольникъ вершиною внизъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

13.

Образъ на полосатой матеріи, съ синею основою. 98 × 76.

Середина отличается отъ № 12 тѣмъ, что будда—на лотосѣ, на престолѣ обыкновеннаго типа (поддерживаютъ слоны, козлы, наверху перекладины haṃsa), спереди коверъ, подъ престоломъ—2 бѣлыхъ слона и 2 синихъ льва. Платье будды — красное, и только каймы — съ золотымъ узоромъ. Caitya—справа наверху, книги (?)—слѣва наверху, и ясно видны бѣлыя махалки отъ мухъ.

Божества Солнца и Луны—сидящія, оказались въ боковыхъ полосахъ справа и слѣва; подъ ними—по буддѣ Врачеванія, такъ какъ въ верхней полосѣ ихъ умѣстилось всего 5. Подъ божествомъ Солнца—сидящій синій бодисатва, судя по vajra на лотосѣ—Vajrapāṇi, подъ нимъ—желтый бодисатва съ розовымъ лотосомъ (Maitreya?). Подъ божествомъ Луны—зеленый бодисатва съ раковиной (?) на лотосѣ; подъ нимъ—желтовато-красный бодисатва съ синимъ лотосомъ—Mañjuçrī.

Внизу—полоса изъ 12 божествъ; у всѣхъ волоса какъ у докшитовъ. Считая справа: 1. розовокрасный со знаменемъ; 2. зеленый съ топоромъ (?); 3. желтый съ молотомъ; 4. синій съ vajra (Vajrapāṇi); 5. красный со знаменемъ; 6. желтый со знаменемъ изъ тигровой шкуры; 7. обращенный лицомъ къ предшествующимъ шести (въ ту же сторону, какъ онъ, смотрятъ слѣдующіе шесть), синій съ квадратнымъ знаменемъ, наверху—желтый и синій квадратъ, внизу—синій и желтый квадратъ; 8. желтый со знаменемъ; 9. бѣлый съ копьемъ (?); 10. зеленый, сложенныя руки для молитвы; 11. желтый съ мечомъ; 12. стертъ. Манера письма—совершенно индійская, напоминающая непальскія миніатюры.

14.

Образъ на полотнѣ. 129 × 85. Во многихъ мѣстахъ, къ сожалѣнію, сильно потертый; почти всѣ контуры, даже въ самыхъ потертыхъ мѣстахъ, различаются.

Отличія отъ № 12. Надъ престоломъ вверху, подъ самою головою будды—красный garuḍa,—такъ, какъ мы это часто видимъ въ Тибетѣ въ орнаментировкѣ престоловъ. На „книгахъ“ справа—три маленькія бѣлыя caitya. 7 буддъ наверху образа расположены такъ: 5—въ верхнемъ ряду и по одному надъ божествами Солнца справа и Луны слѣва (такъ же, какъ въ № 13). У нихъ нѣтъ треугольниковъ за сидѣньями. Съ обѣихъ сторонъ фигуръ этихъ божествъ—тоже по дереву açvattha. Фигуры—большія, и потому за ними уже нѣтъ полосъ съ фигурами.

Низъ занятъ двумя полосами, въ каждой изъ которыхъ—по 12 божествъ; къ сожалѣнію, большинство такъ пострадало, что трудно опредѣлить атрибуты. Верхній рядъ сидитъ на бѣлой полосѣ, нижній –на темнозеленой, съ желтыми точками, отвѣчающей, очевидно, зеленымъ чешуйкамъ № 12. Въ каждомъ ряду—по шести фигуръ съ каждой стороны; въ верхнемъ ряду онѣ раздѣлены желтою съ золотомъ caitya. Съ обѣихъ сторонъ каждой фигуры—по дереву açvattha.

Верхній рядъ справа: 1. синій Acala съ мечомъ; 2. бѣлый, не различить атрибута; 3. желтый, руки сложены для молитвы; 4. бѣлый, то же; 5. синій съ лотосомъ, на кото-

ромъ, повидимому—vajra, Vajrapāṇi; 6. желтый, атрибута не различить; 7. красный, атрибута не различить; 8. желтый монахъ; 9. желтый, атрибута не различить; 10. бѣлый, то же; 11. красный, то же; 12. зеленый съ тигровымъ знаменемъ. У всѣхъ, кромѣ 8, одежда и головные уборы бодисатвъ.

Нижній рядъ: 1. зеленый, атрибутъ не ясенъ; 2. желтый, то же; 3. синій, въ правой рукѣ у колѣна—какой-то звѣрекъ, въ лѣвой—знамя; 4. желтый, атрибута не различить; 5. зеленый, то же; 6. желтый, то же, между 6 и 7 какъ будто дерево; 7. бѣлый, атрибута не различить; 8. синій, мечъ въ правой рукѣ, раковина (?) въ лѣвой; 9. желтый; 10. зеленый; 11. желтый; 12. синій; у всѣхъ у нихъ не различить атрибутовъ.

Прекрасное письмо, съ сильно выраженнымъ индійскимъ характеромъ.

15.

Образъ на полотнѣ. 122 × 83. Сохранность въ общемъ—хорошая.

Край одежды у будды—голубой, съ золотымъ узоромъ. Между буддою и божествами Луны (справа) и Солнца (слѣва)—богатый стилизованный лотосный орнаментъ и по нераспустившемуся лотосу; фигуры божествъ—большія, и потому за ними нѣтъ полосъ съ фигурами. У божества Луны нимбъ внутри—розовый, у Солнца—голубой. Пантеонъ весь—внизу, въ двухъ рядахъ: 10 фигуръ—въ верхнемъ ряду, 12—въ нижнемъ.

Верхній рядъ: по двѣ фигуры поперемѣнно на красномъ и на синемъ фонѣ. 1. зеленый, въ правой рукѣ тигровое знамя, въ лѣвой—звѣрекъ, кончающійся мѣшкомъ (какъ у Kubera); 2. розовокрасный, съ зеленой змѣей; 3. бѣлый, четырехголовый, съ колесомъ—Brahmā; 4. синій, съ vajra—Vajrapāṇi; 5. зеленый, безъ атрибутовъ; 6. желтокрасный, съ синимъ свиткомъ—Mañjuçrī; 7. розовый, монахъ; 8. желто красный, съ копьемъ или жезломъ; 9. бѣлый, съ музыкальнымъ инструментомъ—Sarasvatī; 10. синій, съ жезломъ или копьемъ. У всѣхъ, кромѣ 7, одежда и головной уборъ—какъ у бодисатвъ; за каждою фигурою—по два дерева açvattha.

Нижній рядъ, сидятъ на зеленомъ чешуйчатомъ фонѣ: 1. синій, съ мечомъ—Acala; 2. розовокрасный съ vajra; 3. пестрокрасный, со знаменемъ; 4. синій, съ копьемъ (?); 5. зеленый, съ копьемъ; 6. розовокрасный, съ крюкомъ (aṅkuça); 7. зеленый, съ мечомъ; 8. синій, съ молоткомъ; 9. желтый, съ зеленой змѣей; 10. зеленый, съ копьемъ (?); 11. розовокрасный, безъ атрибута; 12. синій, съ копьемъ. У всѣхъ одежда и головной уборъ—какъ у докшитовъ; за каждою фигурою—по два дерева açvattha.

У всѣхъ фигуръ, какъ буддъ въ верхнемъ ряду, такъ и божествъ въ двухъ нижнихъ рядахъ, треугольники за сидѣніемъ—простые, золотые.

16.

Образъ на холстѣ. 116 × 73. Сильно пострадалъ, вырваны большіе куски.

Образъ этотъ нѣсколько отличается отъ предыдущихъ не столько композиціей, которая, въ общемъ—та же, сколько выполненіемъ. Большой нимбъ, окружающій главную фигуру, заостренъ вверху, какъ листъ. Божества Солнца (справа) и Луны (слѣва) безъ атрибутовъ, отличаются только цвѣтомъ—красное и бѣлое. Они—большихъ размѣровъ, и за ними нѣтъ полосы съ фигурами. Надъ ними, группами, сидятъ на лотосахъ: справа—бѣлый, красный, зеленый, желтый, слѣва—желтый, красный, бѣлый, синій.

У верхняго ряда буддъ нѣтъ треугольниковъ за сидѣніями. Внизу—два ряда божествъ: въ верхнемъ—10, въ нижнемъ—12. Оба ряда сидятъ на бѣломъ.

Верхній: 1. желтокрасный, съ мечомъ; 2. зеленый, со змѣей; 3. розовокрасный, безъ атрибута; 4. бѣлый, то же; 5. розовокрасный, монахъ; 6. желтый, безъ атрибута, какъ и

всѣ остальные этого ряда; 7. красный; 8. желтокрасный; 9. розовокрасный; 10. бѣлый. У всѣхъ, кромѣ 5, одежда и прическа бодисатвъ.

Нижній рядъ: 1. розовокрасный, съ топоромъ; 2. желтый, съ тигровымъ знаменемъ; 3. синій, съ жезломъ (?); 4. желтокрасный, со знаменемъ; 5. зеленый, съ крюкомъ; 6. красный, оборвано; 7. бѣлый, съ молотомъ; 8. синій, съ vajra—Vajrapāṇi; 9. розовокрасный, съ ножомъ (?); 10. лиловый (явно выцвѣло, но трудно опредѣлить первоначальный цвѣтъ), со змѣею; 11. желтокрасный, со знаменемъ; 12. зеленый, съ крюкомъ. У всѣхъ одежда и прическа докшитовъ. Подъ нижнимъ рядомъ—отогнутые лепестки лотоса.

Въ обоихъ рядахъ каждая половина фигуры (5 и 6) обращены другъ къ другу лицомъ. Въ верхнемъ ряду вырванъ предметъ (caitya?), находившійся между 5 и 6 фигурами.

Значительное преобладаніе красныхъ и розовыхъ тоновъ, письмо нѣсколько своеобразное, хотя и довольно посредственное. Загрунтовка особенно тщательная.

Будда, вращающій колесо закона.

17.

Образъ на клѣтчатой, синее съ бѣлымъ, матеріи. 158 × 108. Очень сильно потертый, особенно лѣвая, отъ центральной фигуры, сторона и верхъ.

Середину образа занимаетъ открытая спереди чайтья, въ которой на пестромъ лотосѣ сидитъ въ padmāsana Будда, руки въ dharmacakramudrā. Тѣло—золотисто-желтое, волоса—черные. Правое плечо—открытое, платье—красное, съ золотой узорной каймой; на подолѣ крайняя нижняя полоса—лиловая. Нимбъ—съ узорной съ золотомъ каймою; на спинкѣ сидѣнія—зеленый съ краснымъ стилизованный растительный орнаментъ. Лотосъ покоится на тронѣ, который поддерживаютъ два синихъ льва. Передъ престоломъ—прудъ; изъ пруда выступаетъ лотосъ, на которомъ покоится пламенѣющее колесо закона. Лотосъ поддерживаютъ (съ обѣихъ сторонъ) два желтыхъ nāga. На прудѣ—красные и лиловые лотосы. Наверху, съ каждой стороны чайтья, на облакахъ стоитъ по devatā съ лотосомъ; немного ниже, тоже съ обѣихъ сторонъ—по облаку, на которомъ сидятъ по 5 буддъ, въ красныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми нимбами. Еще ниже, справа и слѣва—по многорукому божеству; справа: бѣлый съ четырьмя головами—бѣлая, синяя, красная и наверху зеленая, съ волосами въ пламени, у каждой головы по три глаза, padmāsana. Атрибуты въ правыхъ рукахъ: vajra (у груди), malla, triçula, (?) khaṭvaṅga; въ лѣвыхъ рукахъ: pāça, пурбу, aṅkuça, khaḍga, cāpa, karttṛka; слѣва: стертая фигура, можно еще различить, что было 14 рукъ; тоже въ padmāsana; ниже съ каждой стороны—по два въ рядъ четыре божества, всего 8; справа: бѣлый, съ подносомъ съ драгоцѣнностями (?); бѣлый, съ мечомъ (?); бѣлая Sarasvatī съ музыкальнымъ инструментомъ; синій Acala (?), съ мечомъ. Слѣва трудно различить подробности; фигуры были, повидимому: желтая, бѣлая, красная, синяя. На самомъ низу съ обѣихъ сторонъ—по два монаха; справа: желтый—въ красной одеждѣ, бѣлый—въ лиловой одеждѣ; слѣва: бѣлый (или темный, очень стерто)—въ лиловой одеждѣ, желтый—въ красной одеждѣ.

Кайма образа—узорная, какъ бы украшенная драгоцѣнными камнями.

Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, реплику какого-то знаменитаго образа Будды, произносящаго свою первую проповѣдь; но не сцену проповѣди—въ этомъ случаѣ были бы изображены газели и 5 учениковъ,—а именно изображеніе Будды. Это подчеркивается изображеніемъ чайтьи, въ которой сидитъ Будда.

Образъ былъ превосходно написанъ. Индійское вліяніе чувствуется во всемъ образѣ, даже въ мелочахъ.

„Тридцать пять буддъ покаянія“.

18.

Образъ на холстѣ. 107 × 80. Пострадалъ.

Образа „35 буддъ покаянія“ играютъ видную роль въ современномъ ламайскомъ культѣ и попадаются очень часто [1]). Въ серединѣ образа—золотистожелтый будда, въ padmāsana на желтомъ лотосѣ, руки въ dharmacakramudrā; это или будда въ позѣ проповѣди, или Maitreya. Правое плечо открыто, волосы—черные, uṣṇiṣa—заостренная кверху, съ краснымъ язычкомъ въ концѣ. Нимбъ—обычной продолговатой старотибетской формы: бѣлый посрединѣ, съ пестрыми краями. Спинка престола поддерживается съ каждой стороны бѣлымъ слономъ и на немъ синимъ козломъ; на перекладинѣ съ обѣихъ сторонъ—по haṃsa. Подушка за фигурою—зеленая, въ лиственномъ стилизованномъ орнаментѣ. Вся фигура съ престоломъ—на красномъ, съ цвѣточками, фонѣ. За этимъ краснымъ фономъ справа и слѣва вверху видно по дереву Ficus religiosa съ краснымъ цвѣткомъ. Справа на пестромъ лотосѣ стоитъ бѣлый Avalokiteçvara, слѣва — желтый Mañjuçrī [2]); одежда и украшенія—какъ обыкновенно у бодисатвъ.

Остальные 34 будды расположены такъ: надъ средней фигурой—два ряда по 7 буддъ, надъ каждымъ бодисатвою—по 1 буддѣ, за бодисатвами съ краю по обѣ стороны—по 3 будды и въ нижнихъ двухъ рядахъ, 7 и 5 буддъ. Всѣ они—желтые, padmāsana, съ открытымъ правымъ плечомъ, сидятъ на пестрыхъ лотосахъ; спинки—зеленыя съ лиственнымъ стилизованнымъ узоромъ; за этой спинкою—еще украшенный драгоцѣнными камнями треугольникъ, вершина котораго обращена внизъ и скрыта за зеленою спинкою; отличаются только своими mudrā и тѣмъ, что у нихъ поочередно—красная и коричневолиловая одежда.

Въ нижнемъ ряду, по обоимъ краямъ—изображенія ламъ. Справа темнолицый сидитъ на лотосѣ, шапка—желтая, съ viçvavajra, которая неясно нарисована, такъ что нельзя рѣшить, прикрѣплена ли она сверху, или просто нашита, или выткана. Волосы—черные, длинные; въ правой рукѣ онъ держитъ красный свитокъ, лѣвая покоится на колѣняхъ; одежда—коричневая, изъ лоскутьевъ, съ желтыми полосами по краямъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ, съ руками, сложенными для молитвы, человѣкъ съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи; платье стерто, и цвѣтъ его опредѣлить нельзя: оно—темное, съ желтыми полосами по краямъ.

Слѣва, въ padmāsana, темнолицый лама, повидимому, бритый, съ желтой шапкой другой формы; правая рука въ какой-то mudrā, передъ грудью, лѣвая покоится на колѣнѣ; платье желтое.

Лотосы и сѣдалища—какъ у буддъ. Опредѣлить, кто были эти ламы, пока совершенно невозможно. Нельзя, поэтому, не пожалѣть о томъ обстоятельствѣ, что красные картуши, очевидно, приготовленные для именъ и помѣщенные въ верхнихъ углахъ квадратовъ, внутри которыхъ изображены ламы и передъ ними, остались незаполненными.

Фонъ образа—обычный синій, съ бѣло-красными цвѣточками. Край образа украшенъ драгоцѣнными камнями или пестрыми лепестками лотосовъ; полоса съ самаго края—синяя.

Письмо нѣсколько грубоватое, но выразительное. Любопытно, что фигуры бодисатвъ носятъ нѣсколько индо-китайскій характеръ.

[1]) Schlagintweit E. Le Bouddhisme au Tibet. Paris. 1881 (AMG. III), p. 60—61, съ таблицею. Мы цитируемъ французскій переводъ, какъ болѣе доступный. В. Васильевъ. Буддизмъ, т. I, 170—186.

[2]) Если центральная фигура—Будда, то слѣва—Maitreya.

Будда и 84 будды.

19.

Образъ на шелку. 100 × 60. Сохранился довольно плохо, и, поэтому, о подробностяхъ судить иногда трудно, особенно о краскахъ.

Фонъ образа, какъ будто, былъ зеленый; по нему расписаны лотосы, повидимому, синіе. Въ серединѣ на красномъ (?) лотосѣ съ лепестками, загнутыми и вверхъ, и внизъ, сидитъ въ padmāsana, съ mudrā, очень напоминающей dharmacakra, будда (Maitreya ?). Онъ—желтый, и только ладони рукъ и подошвы ногъ—красныя; волосы, повидимому—черные. Большой нимбъ, круглый съ краснымъ ободомъ, внутри зеленый, имѣлъ еще какую-то внутреннюю полосу; малый нимбъ, у головы—красный. Одежда—красная. Подъ центральной фигурой—6 рядовъ; надъ нею—3 ряда буддъ, по 8 въ ряду; по обѣ стороны центральной фигуры—по 2 ряда буддъ, по 3 въ каждомъ; итого всѣхъ 84. Всѣ они, повидимому—синіе; ладони рукъ и подошвы ногъ—красныя; волосы, повидимому—черные. Uṣṇiṣa—въ видѣ чернаго возвышенія съ красною острою верхушкою; будда въ padmāsana, правая рука поднята и отведена въ сторону, въ какой-то mudrā (указательный палецъ пригнутъ къ большому), лѣвая покоится на лонѣ [1]). Большіе нимбы — круглые, красные, съ какимъ-то ободкомъ внутри; малые нимбы, у головы—зеленые (?) съ красной (?) краевой полосой; одежда—красная. Орнаментъ фона доходитъ до краевъ, на которыхъ не видно слѣдовъ цвѣтныхъ полосъ.

Письмо — тщательное, видна опытная рука. При поверхностномъ взглядѣ, образъ представляется какъ бы грубо написаннымъ, но это зависитъ отъ того, что верхній слой почти весь стертъ, а по нему-то обыкновенно и идетъ тонкая роспись. Внизу пришита полоса выцвѣтшаго шелка, остатокъ обрамленія.

Будда учащій.

Три образа одной композиціи объединены нами подъ этимъ названіемъ. Дерево bodhi (повидимому, açvattha—ficus religiosa), изображенное за фигурою будды на двухъ образахъ заставляетъ насъ предположить, что мы имѣемъ дѣло съ историческимъ Буддою. Правда, что фигура Будды могла бы толковаться какъ будда Dīpaṃkara, хотя болѣе обычное для него положеніе правой руки—или abhayamudrā или varamudrā. Спутники, повидимому, бѣлый Avalokiteçvara справа и желтый Maitreya слѣва. Нѣсколько красноватый оттѣнокъ второй фигуры на образахъ №№ 21 и 22 позволяетъ, впрочемъ, толковать ее и какъ Mañjuçrī, особенно въ виду отсутствія атрибутовъ.

20.

Образъ на полотнѣ. 32×30. Довольно сильно потертъ, краски мѣстами потрескались.

На пестромъ лотосѣ, въ padmāsana, сидитъ желтый Будда, правое плечо открыто, правая рука въ жестѣ ученія, лѣвая покоится на колѣняхъ; ладони и подошвы—красныя. Волосы—черные, uṣṇīṣa—заостренная. Нижняя одежда—коричневая, верхняя—красная. Нимбъ у головы—продолговатый, бѣлый, съ каймами красной и желтой. Престолъ—обычнаго типа: бѣлые слоны и на нихъ бѣлые козлы поддерживаютъ перекладину; на ней съ обѣихъ сторонъ—по haṃsa. За спиной Будды—зеленая спинка со стилизованнымъ лиственнымъ орна-

[1]) Въ Сборникѣ 300 бурхановъ въ серіи буддъ есть рядъ изображеній съ вытянутою въ сторону правою рукою, но въ нихъ большой палецъ прижатъ къ указательному.

ментомъ. За престоломъ съ обѣихъ сторонъ—по дереву, повидимому, açvattha (Ficus religiosa); цвѣты—бѣлые съ краснымъ.

Справа на пестромъ лотосѣ стоитъ бѣлый Avalokiteçvara, съ бѣлымъ лотосомъ, слѣва—желтый Maitreya, повидимому, тоже съ лотосомъ (стерто). Оба одѣты какъ бодисатвы; фонъ образа—красный.

Образъ обшитъ матерчатой полоскою; снизу и сверху пришиты шелковыя полосы.

Работа, въ общемъ, грубая.

21.

Образъ на холстѣ. 42 × 27. Нѣсколько стерся. Оригинально то, что сверху и снизу оставлено по полоскѣ загрунтованнаго полотна и что рамка такимъ образомъ вверху и внизу не совпадаетъ, какъ обыкновенно, съ краемъ полотна; самъ образъ, вслѣдствіе этого, выходитъ почти квадратнымъ: 28 × 26,5.

На пестромъ лотосѣ, на престолѣ, сидитъ Будда. Правое плечо открыто, правая рука—въ жестѣ ученія, лѣвая—на колѣняхъ, одежда—красная. Uṣṇīṣa—красная. Нимбъ у головы—бѣлый; большой нимбъ вокругъ всего изображенія Будды—красный.

На лотосахъ: справа—бѣлый Avalokiteçvara, слѣва—желтоватокрасный Mañjuçrī (?). У обоихъ руки сложены для молитвы. Спинки сидѣній, какъ и у Будды—зеленыя, только у бодисатвъ еще виденъ сзади треугольникъ.

Фонъ—синій съ цвѣточками, у бодисатвъ внизу—какъ будто зеленый. Образъ стертъ и выцвѣлъ, такъ что о подробностяхъ трудно говорить.

Подъ изображеніемъ наклеена бумажка, на которой тушью, письменами ланчжа написано oṃ maṇi padme huṃ.

22.

Образъ на полотнѣ. 89 × 70. Мѣстами разорвано и стерто.

Будда красно-желтый, правое плечо открыто, правая рука въ жестѣ ученія, лѣвая спущена какъ будто въ bhūsparçamudrā. Конецъ uṣṇīṣa—бѣлый. Одежда—красная съ коричневыми краями, на которыхъ—золотой узоръ; черезъ лѣвое плечо перекинутъ кончикъ одежды, коричневый, въ складкахъ. Нимбъ—продолговатый, внутри красный, съ радужнымъ ободкомъ четырьмя полосами. Справа, на коврикѣ (?), стоитъ бѣлый Avalokiteçvara, слѣва — красножелтый Mañjuçrī (или Maitreya). Сверху надъ нимбомъ Будды — дерево açvattha. Вверху съ обоихъ боковъ, на лотосахъ—по два монаха или будды (съ нимбами: у одного—красный, у другого—бѣлый), желтокрасные, склонившіе одно колѣно; за спинами—зеленыя спинки сидѣній съ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ; за каждымъ—по дереву açvattha.

Письмо—индійскаго характера, немного условное. Лицамъ, благодаря особой трактовкѣ глазъ и губъ, придано оживленное выраженіе.

23.

Образъ на полотнѣ. 58 × 40. Сильно стерто вверху.

Образъ этотъ довольно значительно различается отъ предыдущихъ трехъ, хотя и онъ, повидимому, изображаетъ учащаго Будду. Красножелтый будда сидитъ въ padmāsana на пестромъ лотосѣ, руки—въ dharmacakramudrā, правое плечо открыто, одежда—красная. Uṣṇīṣa наверху—красная, нимбъ—продолговатый, бѣлый, съ красной и желтой полосами. Наверху видно дерево açvattha. Справа на лотосѣ стоитъ бѣлый Avalokiteçvara, съ

розовымъ лотосомъ, слѣва—желтый Maitreya, съ вѣткою дерева, на которой—золотой сосудъ.

Надъ Avalokiteçvara—желтый монахъ, надъ Maitreya—розовый; у обоихъ—темнокоричневая одежда, съ узкою золотою полоскою; оба плеча закрыты; надъ монахами—по caitya.

Передъ Буддою внизу—лотосъ, на которомъ пирамидою лежитъ 5 синихъ книгъ и на нихъ—свертокъ со свитками.

Фонъ образа—синій, по краямъ—двѣ полосы: желтая и красная. Снизу и сверху пришиты полосы темной шелковой матеріи; внизу—валекъ для наворачиванія, на одномъ концѣ котораго узорная головка.

Будда созерцающій.

Подъ этимъ названіемъ мы соединили четыре образа, разные по подробностямъ стиля и отчасти и композиціи, такъ какъ ихъ все же объединялъ типъ изображенія. Первоначально по положенію рукъ—dhyānamudrā мы склонны были считать эти образа за изображеніе будды Amitābha, который хотя и канонически изображается краснымъ, часто однако изображается, какъ и всякій другой будда, золотымъ или желтымъ. Но изображеніе дерева bodhi за фигурою будды не оставляетъ почти сомнѣній въ томъ, что имѣлся въ виду историческій Будда.

24.

Образъ на шелку. 25 × 17. Сильно потерся, мѣстами контуръ подправленъ грубою рукою тушью; эта же рука изобразила тушью на коврѣ, покрывающемъ переднюю часть престола, три лотоса на одномъ стеблѣ.

На пестромъ лотосѣ, покоящемся на престолѣ, поддерживаемомъ синими львами (видны только головы), сидитъ желтый Будда. Правое плечо открыто, руки—въ dhyānamudrā, ладони и подошвы—красныя. Нимбъ—бѣлый (?), съ желтою полосою. Спинка сидѣнья—съ зеленымъ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ, съ желтымъ ободкомъ. Большой нимбъ, вокругъ всей фигуры—красный. Сзади видны два дерева açvattha. Фонъ образа—синій.

25.

Образъ на шелку. 57 × 41. Сильно вытертый.

На бѣломъ лотосѣ въ padmāsana сидитъ желтый Будда; оба плеча закрыты, руки—въ dhyanamudrā. Волосы—черные. Одежда красная. Нимбъ у головы—продолговатый, бѣлый; большой нимбъ вокругъ всей фигуры—красный. За спиной спинка сидѣнія зеленая, съ зеленымъ стилизованнымъ орнаментомъ. Сзади—дерево açvattha. Фонъ образа - синій, съ красными съ желтымъ цвѣточками; желтый ободокъ.

26.

Образъ на шелку. 60 × 45. Потерся, мѣстами разорванъ.

Изъ пруда съ желтою водою выступаютъ три пестрыхъ лотоса. На среднемъ изъ нихъ сидитъ желтый Будда, съ открытымъ правымъ плечомъ, руки—въ dhyānamudrā. Подошвы и ладони—красныя. Одежда — красная, нижняя — коричневая. Богато украшенная спинка, съ haṃsa, какъ у престола, непосредственно за спиною—зеленая, окруженная радужною полосою, съ поперечными разноцвѣтными полосками; все украшено драгоцѣнными камнями. Большой нимбъ—красный съ желтымъ ободкомъ. Сзади—дерево

açvattha. На двухъ другихъ лотосахъ сидитъ внизу по бодисатвѣ, въ dharmacakramudrā: справа—бѣлый Avalokiteçvara, слѣва—желтый (трудно различить первоначальную краску) Maitreya.

Фонъ образа—голубой съ красными съ желтымъ цвѣточками. Вокругъ всего—желтая полоса, съ коричневою линіею.

27.

Образъ на шелку. 46 × 33. Сильно вытертый.

На желтомъ съ краснымъ лотосѣ, на престолѣ, сидитъ желтый Будда. Правое плечо открыто. Руки въ dhyānamudrā. Ладони и подошвы—красныя. Волосы—черные. Платье—красное, слѣды какого-то узора. Спинка—зеленая, съ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ; ободокъ—съ геометрическимъ узоромъ; большой нимбъ—красный. Отъ него во всѣ стороны—радужные лучи. Наверху—слѣды дерева açvattha.

Внизу, какъ бы въ двухъ нишахъ, съ орнаментованнымъ бортомъ, на красныхъ лотосахъ—по желтому бодисатвѣ. Руки—въ dharmacakramudrā. Желтый ободокъ у образа обшитъ потомъ матеріею. Снизу и сверху пришито по темной шелковой полосѣ. Внизу—деревянный валекъ для навертыванія образа. Образъ такъ вытерся и пострадалъ, что рискованно говорить подробнѣе о характерѣ письма. Повидимому, оно было довольно грубоватое.

Будда Dipaṃkara (?).

28.

Образъ на шелку. 77×52. Сильно пострадалъ и вытерся.

Въ серединѣ на красномъ (?) лотосѣ, на престолѣ, сидитъ въ padmasana желтый будда. Правое плечо открыто, правая рука—въ varamudrā, лѣвая лежитъ на колѣняхъ, одежда—красная. Передъ престоломъ скалы—цвѣты (?).

Справа и слѣва и внизу, на уровнѣ лотоса, стоитъ по темнолицому монаху, съ бородою и усами, но бритою головою; одежда—коричневая внизу, съ бѣлою полосою у ворота. У монаха справа верхняя одежда—зеленая, у монаха слѣва—красная.

Внизу, передъ престоломъ, сидятъ 4 бодисатвы: справа—синій и желтый, слѣва—зеленый и красный; руки у всѣхъ сложены на молитву. У бодисатвъ, какъ и у будды, ладони красныя.

Фонъ образа—золотой лиственный стилизованный орнаментъ.

Чрезвычайно оригинально письмо образа, представляющее смѣшеніе разныхъ стилей: будда, его престолъ—почти совершенно тибетско-индійскіе; монахи, скала—китайскіе. Золотой фонъ—своеобразный, повидимому, тангутскій. Плохая сохранность образа заставляетъ быть осторожнымъ въ вопросѣ о стилѣ.

Стоящій будда (?) и адорантъ (bhaktajana).

29.

Обрывокъ образа на полотнѣ. 36×27 (въ самой широкой и самой длинной части). Сохранился лѣвый (отъ смотрящаго) край образа.

Въ серединѣ видны правая нога, стоящая на лотосѣ, и низъ монашескаго платья, позволяющій предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ фигурою какого-то стоящаго будды. Остатокъ черной полосы какъ будто принадлежитъ монашескому жезлу khikkhirī. Въ такомъ случаѣ это можетъ быть и фигура монаха, одна изъ боковыхъ фигуръ большой центральной фигуры. Видны остатки большого овальнаго нимба, который внутри былъ, повидимому

зеленый и окаймленъ красной полосой. Въ углу адорантъ—bhaktajana, съ запрокинутой назадъ головою, въ черной шапкѣ, въ красномъ кафтанѣ съ бѣлыми полосами у шеи и рукавовъ. Кафтанъ опоясанъ желтымъ (?) поясомъ; штаны—желтые (?).

Фонъ образа—синій (?), съ лиственнымъ орнаментомъ. По краю—полоса неопредѣленнаго въ настоящее время цвѣта; крайняя полоса, болѣе широкая—красная, съ цвѣточнымъ стилизованнымъ орнаментомъ.

Образъ настолько потертъ, что точное опредѣленіе красокъ въ большинствѣ случаевъ невозможно.

Образъ—смѣшаннаго стиля, не поддающагося болѣе точному опредѣленію. Мы склонны сблизить его съ № 24.

Пять dhyanibuddha.

30.

Образъ на шелку. 12×41.

Мы имѣемъ здѣсъ неоконченный, повидимому, образъ пяти dhyānibuddha: намѣчены контуры и заполнены красками, но выписка образа почти не начата. Лотосы, такъ же какъ и большіе нимбы—красные; подушки за спиною буддъ—зеленыя, съ желтой каймой; нимбы у головы—продолговатые, бѣлые съ желтой каймой; фонъ отдѣленій, раздѣленныхъ между собою желтыми полосками, переходящими въ желтый орнаментъ, наверху—синій, зеленый, синій, зеленый, синій.

Будды—желтые; uṣṇiṣa -пирамидкой. Mudrā: vara, dhyana, dharmacakra, abhaya, bhūsparça.

Къ образу снизу пришита широкая полоса выцвѣтшаго зеленаго шелка.

Возможно, что предполагалось изъ этой полосы сдѣлать верхнюю часть образа; на это какъ будто указываютъ черныя черты обрамленія, которыя идутъ ниже рамки, и обрѣзъ внизу, который сдѣланъ не особенно тщательно.

Будда Amitabha.

Образовъ будды Amitābha тибетскаго письма въ настоящемъ собраніи только три, между тѣмъ какъ такихъ же образовъ китайскаго письма очень много,—обстоятельство, которое, можетъ-быть, впрочемъ, и случайное, отвѣчаетъ вполнѣ тому, какъ сильно развитъ культъ этого будды въ Китаѣ, въ то время какъ въ Тибетѣ онъ не занималъ, повидимому, и не занимаетъ столь исключительнаго положенія. Такъ какъ мы нѣсколько подробнѣе остановимся на Amitābha и его легендѣ при описаніи его китайскихъ образовъ, то здѣсь мы ограничимся лишь описаніемъ образовъ, не касаясь самого будды Amitabha.

31.

Образъ на полотнѣ. 70×43 (размѣръ точно опредѣлить трудно, такъ какъ образъ порванъ). Сильно пострадалъ, оторваны часть верхняго и часть нижняго края. (См. рис. 17).

Настоящій образъ представляетъ будду Amitābha въ его раю Sukhāvatī. Изъ пруда съ золотою водою, по которому плаваютъ 9 лотосовъ—бѣлые, синіе, розовые—съ перерожденцами въ раю Sukhāvati, выходитъ стебель-лотосъ, который затѣмъ развѣтвляется на три. На среднемъ большомъ пестромъ лотосѣ сидитъ въ padmāsana будда Amitābha, золотисто-желтый, съ открытымъ правымъ плечомъ, съ руками въ dhyānamudrā. Конецъ заостренной uṣṇīṣa—красный.

Рис. 17.

№ 31. Будда Amitābha въ раю Sukhāvatī.

Платье—красное съ узкими золотыми полосками по краямъ. Нимбъ—бѣлый, продолговатый, заостренный кверху, съ красной и пестрой съ золотомъ краевыми полосками. Престолъ—съ haṃsa на перекладинѣ. Спинка за фигурою будды—съ зеленымъ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ, съ золотымъ краемъ, съ драгоцѣнными камнями. Большой нимбъ вокругъ всей фигуры—красный, съ широкою желто-красною волнистою полосою, на которой—9 изображеній сидящаго на золотомъ лотосѣ будды Amitabha. Непосредственно подъ лотосомъ, на которомъ сидитъ Amitabha, справа двухголовый зеленый попугай, съ краснымъ клювомъ, и слѣва такой же одноголовый попугай. Справа на пестромъ лотосѣ, стебель котораго отдѣляется отъ основного стебля, сидитъ съ розовымъ лотосомъ желтый Mahāsthamaprāpta, слѣва, тоже съ розовымъ лотосомъ—бѣлый Avalokiteçvara; и тотъ и другой—безъ атрибутовъ. Ниже лотосовъ каждаго изъ бодисатвъ—по двухголовой kinnarī, а ниже справа—стоящій журавль; слѣва видно только бѣлое крыло, тоже, вѣроятно, журавля. Фонъ въ нижней части образа—съ какими-то неясными бѣлыми разводами, вверху—синій, причемъ въ верхней части образа, очевидно, изображающей небо—

рядъ китайскихъ музыкальныхъ инструментовъ. Вокругъ всего образа—двѣ полоски: желтая и черная или темно зеленая.

Письмо—тонкое, подъ сильнымъ индійскимъ вліяніемъ; краски—яркія.

32.

Кусокъ, вырѣзанный, повидимому, изъ большого образа на полотнѣ. 12 × 11.

Среди стилизованныхъ горъ—какъ будто пещера, темносиняя, съ какими-то золотыми стебельками внизу. На пестромъ лотосѣ, опираясь объ узорную зеленую со стилизованнымъ орнаментомъ спинку, украшенную драгоцѣнными камнями и за которою видна верхняя часть престола, сидитъ красный будда Amitābha въ padmāsana. Правое плечо открыто, руки—въ dhyānamudrā. Верхушка заостренной uṣṇiṣa—черная. Одежда—красная съ двумя тонкими золотыми полосками у края.

Письмо—индійское, тонкое; краски—яркія.

33.

Образъ на шелку. 44 × 36. Сильно вытертый и мѣстами, повидимому, вновь подрисованный.

На какой-то подставкѣ, на лотосѣ съ желтыми и красными лепестками, съ двумя рогообразными выступами по бокамъ лотоса, сидитъ желтый будда Amitābha въ padmāsana. Руки какъ будто -въ dhyānamudrā (вслѣдствіе потертости образа и вѣроятной перерисовки приходится дѣлать оговорки). Оба плеча закрыты. Одежда—красная, изъ лоскутьевъ, съ вышитыми на ней Viçvavajra. Заостренная uṣṇiṣa—съ краснымъ концомъ. Нимбъ у головы—бѣлый, съ красными и желтыми полосами съ края; большой нимбъ—съ пестрой полосой, въ поперечныхъ полосахъ черныхъ, желтыхъ, коричневыхъ, бѣлыхъ.

О характерѣ письма, въ виду перерисовки, ничего почти нельзя сказать опредѣленнаго.

БОДИСАТВЫ.

Amitayuḥ.

Врядъ ли можетъ считаться случайностью, что изображеній этого бодисатвы, столь часто встрѣчающихся среди современныхъ тибетскихъ и монгольскихъ образовъ, мы находимъ только одно во всемъ собраніи образовъ изъ Хара-хото. Вѣроятно, сильно развитый культъ будды Amitabha помѣшалъ распространенію культа близкаго ему бодисатвы Amitāyuḥ.

34.

Образъ на холстѣ. 73 × 58. Сильно потертъ и разорванъ и какъ будто пострадалъ отъ копоти.

На престолѣ, на пестромъ лотосѣ, сидитъ красный Amitāyuḥ, въ вѣнцѣ бодисатвъ. Оба плеча покрыты; въ обѣихъ рукахъ держитъ передъ собою, повидимому, сосудъ. Въ виду плохой сохранности образа, неосторожно говорить о деталяхъ, недостаточно ясныхъ, но необходимо отмѣтить, что за спинкою сидѣнія, приблизительно противъ плечъ, съ обѣихъ сторонъ—по треугольному острому выступу, напоминающему формою языки пламени у плечъ фигуръ буддъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китайскаго Туркестана. Нимбъ у головы—продолговатый. Наверху образа ничего ясно не различить: какъ будто справа и слѣва подъ божествами—по монаху. Справа отъ средней фигуры, на пестромъ лотосѣ, стоитъ красно-

желтый бодисатва—Mañjuçrī, слѣва—бѣлый Avalokiteçvara. Въ нижней полосѣ, въ серединѣ, повидимому—пять даровъ въ чашахъ, справа и слѣва—ламы.

Avalokiteçvara.

Число изображеній въ настоящемъ собраніи этого знаменитѣйшаго изъ бодисатвъ сѣвернаго буддійскаго пантеона, воплощеніемъ котораго является Далай-лама, вполнѣ отвѣчаетъ значенію Avalokiteçvara. Изъ многочисленныхъ его формъ мы имѣемъ, однако, передъ собою только три и при этомъ всѣ три — бѣлаго [1]) Avalokiteçvara, наиболѣе распространеннаго. Формы эти слѣдующія: 1. одноликій, двурукій; 2. одноликій, четырехрукій; это, повидимому, изображеніе, которое въ заклинаніяхъ называется Ṣaḍakṣarīmahāvidyālokeçvaraḥ [2]); 3. одиннадцатиликій, восьмирукій.

Главная литература объ изображеніяхъ Avalokiteçvara собрана въ двухъ указанныхъ выше книгахъ А. Фушэ и въ извѣстномъ трудѣ A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und in der Mongolei. Leipzig. 1900.

Рис. 18.
№ 35. Avalokiteçvara.

35.

Образъ на полосатой матеріи. 26×28 (въ самой широкой части). Сильно пострадалъ. Бѣлый, четырехрукій, какъ будто, сидящій. Такъ какъ сохранилась только средняя часть образа, то можно дать лишь частичное его описаніе.

Среднія двѣ руки, съ красными ладонями и кончиками пальцевъ, сложены у груди въ añjali; вторая правая рука отведена въ сторону и держитъ akṣamālā; отъ лѣвой второй руки видна только верхняя часть. Волосы падаютъ за плечами крупными завитками: богатый вѣнецъ на волосахъ. Много золотыхъ украшеній на шеѣ, на рукахъ, золотыя сережки въ ушахъ. По бокамъ головы—развѣвающіяся красныя ленты и еще украшенія,

[1]) Одинъ образъ, № 37, представляетъ бодисатву розовымъ.

[2]) Аналогичное изображеніе въ современномъ Непалѣ носитъ названіе Kāraṇḍavyūhalokeçvara, по сочиненію, въ которомъ прославляются бодисатва и священная шестислоговая (ṣaḍakṣarī) формула oṃ maṇi huṃ, относящаяся именно къ Avalokiteçvara.

Рис. 19. № 36. Padmapāṇi-Lokeçvara.

которыя нельзя разобрать въ точности. Съ обоихъ плечъ свѣшивается на грудь красная съ драгоцѣнными камнями лента; черезъ лѣвое плечо перекинута сѣрая шкура антилопы. За головой—удлиненный нимбъ съ краснымъ фономъ и широкимъ золотымъ ободомъ. За фигурой—зеленый съ желтымъ лиственный орнаментъ, окаймленный широкимъ золотымъ ободомъ. Сзади виденъ богато разукрашенный престолъ. Въ правомъ верхнемъ углу—слѣды украшеній какой-то фигуры (?).

36.

Образъ на холстѣ. 77 × 24. Составленъ изъ нѣсколькихъ кусковъ.

Бѣлый, одноликій, двурукій: правая опущена, въ ? mudrā, лѣвая держитъ бѣлый лотосъ. Ладони, подошвы, концы пальцевъ—красные. Богатый вѣнецъ, украшенія, платье отъ пояса внизъ, прозрачная, узорная ткань на ногахъ. Стоитъ на лотосѣ. Образъ этотъ любопытенъ тѣмъ, что онъ, будучи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ до насъ дошелъ, образомъ Padmapāṇi, первоначально составлялъ лѣвую часть большого образа, гдѣ Padmapāṇi былъ однимъ изъ двухъ спутниковъ большой центральной фигуры, отъ которой нынѣ сохранилась только часть престола, одежды на правомъ колѣнѣ (?) и лотоса, въ правой сторонѣ образа.

Къ куску, на которомъ изображенъ Padmapāṇi, пришиты куски другого образа или другихъ образовъ: справа отъ смотрящаго—два куска въ серединѣ и наверху и слѣва—въ верхнемъ углу. Пришивая эти куски, даже не позаботились о томъ, чтобы они всюду пришлись по рисунку.

Манера письма—тибетская; хорошая, умѣлая рука. Богатый золотой узоръ на платьѣ (?) центральной фигуры какъ будто заставляетъ предполагать и уйгурское вліяніе.

Это изображеніе, повидимому, есть такъ называемый Padmapāṇi-Lokeçvara.

37.

Образъ на шелку. 59 × 46. Сильно вытертъ, такъ что рѣзко выступаютъ контуры.

Розовый, одноликій, четырехрукій, padmasana. Первая пара рукъ въ anjali, вторая: справа akṣamalā, слѣва padma. На головѣ, съ синими волосами—вѣнецъ, лотосъ, на лотосѣ—Amitabha съ желтымъ лицомъ, въ красной одеждѣ. Ожерелье, за-

Рис. 20.
№ 37. Четырехрукій Avalokiteçvara.

пястья; черезъ плечи перекинутъ темнозеленый шарфъ, концы котораго спускаются на руки. У пояса легкая красная одежда съ цвѣтками въ матеріи. Темнозеленый поясъ, съ висящими концами.

Сидитъ на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ, на богатомъ престолѣ. Спереди престола полукругомъ свѣшивается красный коверъ съ цвѣтами. У головы нимбъ - синій, сзади

фигуры — темнозеленый (?), у обоихъ нимбовъ — бѣлый ободокъ. Вокругъ всей фигуры — облако; фонъ образа—красный съ цвѣтками. Внизу справа и слѣва -двѣ маленькія фигуры монаховъ, сидящихъ въ желтыхъ одеждахъ на коричневыхъ коврахъ. Въ правомъ углу, внизу, стоитъ, въ синей одеждѣ, мірянинъ и держитъ передъ собою курильницу.

Вокругъ образа—три полосы: зеленая, желтая, черная.

Письмо—грубое, тибетское, но видно сильное китайское вліяніе (особенно въ изображеніи лотоса, облака и престола).

38.

Образъ на полотнѣ. 133 × 93. Отличная сохранность; только немного оборвано вверху см. таблицу.

Бѣлый, одиннадцатиликій, восьмирукій, padmāsana. Головы: бѣлая, желтая, зеленая; лиловато-розовая, зеленая, желтая; зеленая, красная, синяя; синяя; красная (Amitābha). Всѣ головы, кромѣ головы Amitābha, трехглазыя. Правыя руки: añjali, akṣamala, ? mudra, cakra. Лѣвыя: añjali, padma, kalaça, cāpa. Ладони и подошвы—красныя. Платье у пояса—красное, ниже — пестрое, перевязано синимъ шарфомъ. Богатый вѣнецъ, ожерелье, запястья, золотой поясъ. Сидитъ на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ, на богатомъ престолѣ, съ haṃsa. Спереди свѣшивается съ престола красный съ узорами коверъ, съ синей каймой (?).

Нимбъ у головы—изъ двухъ частей: у нижнихъ трехъ головъ—лиловато-розовый внутри, съ радужнымъ ободкомъ, и бѣлый—у верхнихъ головъ. Большой нимбъ — красный, и на немъ - рядъ ratna.

Фонъ—зеленый съ цвѣтами. Съ боковъ наверху, справа и слѣва, видны большія фигуры индійскихъ учителей, въ желтомъ платьѣ, съ бѣлыми нимбами, темнолицыхъ (справа темнѣе).

Справа и слѣва—по полосѣ; каждая раздѣлена на три отдѣленія; въ нихъ—сидящія фигуры, справа, сверху: Sarasvatī, бѣлая, съ viṇā. ? зеленый съ dhvaja. Красный Hayagriva, съ конской головою въ волосахъ и съ палицею. Слѣва: синій Acala съ мечомъ, красный Hayagrīva со змѣею. Зеленая Tārā съ синимъ лотосомъ. Внизу—два отдѣленія: бѣлая Sitātapatrā съ dhvaja и желтая, двурукая Mārīcī съ cāmara. Нимбы у фигуръ: бѣлые у головы, большіе нимбы—красные; фоны въ отдѣленіяхъ—темносиніе и темнозеленые, съ цвѣточками. Божества сидятъ на бѣломъ полѣ, на пестрыхъ лотосахъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи -пять dhyānibuddha; справа: Amoghasiddhi, зеленый, mudrā (?). Vairocana, бѣлый, varamudrā. Ratnasaṃbhava, желтый, dharmacakramudrā (?). Amitābha, красный, dhyānamudrā, Akṣobhya, синій, dharmadeçanaḥ. Фоны и нимбы—въ соотвѣтствіи съ другими фигурами. Верхній правый уголъ оборванъ.

Тибетское письмо, яркія краски.

39.

Образъ на шелку. 64 × 55. Верхъ оборванъ; весь образъ почти стертъ; сохранились, главнымъ образомъ, контуры.

Avalokiteçvara, бѣлый, одиннадцатиликій, восьмирукій. Padmāsana. Головы: бѣлая, зеленая, красная; красная, ?, ?; бѣлая, зеленая, красная; синяя; красная голова Amitābha. Всѣ головы, кромѣ головы Amitābha — повидимому, трехглазыя. Правыя руки: añjali, mudrā ?, cakra (золотое съ языками синяго пламени (?) вокругъ), varamudrā; лѣвыя: añjali, padma, ?, cāpa. Ладони и подошвы—красныя. Платье различить трудно, стерто. Богатый вѣнецъ, ожерелье, серьги, запястья. Богатый престолъ съ haṃsa; фонъ за спиною—зеленый, лиственный орнаментъ. Нимбъ у головы — спеціальной формы, внутри—синій, съ обо-

Avalokiteçvara одиннадцатиликій (№ 38).

домъ краснымъ и золотымъ. Большой нимбъ—красный съ цвѣтками (?). Край—оранжевый и бѣлый, съ узкими полосками: бѣлыми, желтыми и красными. Сидитъ на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ, лепестки котораго отогнуты и вверхъ и внизъ и который покоится на другомъ пестромъ лотосѣ (лепестки этого лотоса подобны лепесткамъ на краю всего образа), отдѣленномъ отъ перваго зеленой полоскою.

Въ среднемъ отдѣленіи образа, гдѣ главное изображеніе, фонъ синій. Вверху, у головы Avalokiteçvara справа и слѣва на облакахъ розово-лиловаго цвѣта по летящей devatā: справа—бѣлой съ подносомъ цвѣтовъ, слѣва—желтой съ cintāmaṇi. Справа, сбоку, на пестромъ лотосѣ стоитъ красный, одноликій, двуглазый Hayagrīva, съ волосами пламенемъ и съ конскою головою въ волосахъ. Онъ закинулъ ногу за ногу, опирается правою рукою на палицу, въ лѣвой, поднятой, держитъ голову змѣи, которая обвила его тѣло. Слѣва, сбоку, на пестромъ лотосѣ стоитъ Çyāmā Tārā; правая рука—въ varamudrā, лѣвая держитъ розово-лиловый (?) лотосъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи образа были 5 dhyānibuddha, но верхъ оборванъ, и отъ буддъ остались только небольшіе обрывки. Въ нижнемъ отдѣленіи—пять пляшущихъ женскихъ фигуръ съ алтарными принадлежностями: бѣлая, синяя, розово-лиловая, зеленая, красная (?). По краю образа—желтый ободъ, на которомъ—лепестки пестраго лотоса; за этой полосой—еще темная полоса.

Письмо—тибетское, тонкое, съ изобиліемъ золота и нѣжныхъ лилово-розовыхъ тоновъ.

40.

Образъ на полотнѣ. 43 × 30. Обрывокъ, сильно пострадалъ. Сохранилась только правая половина, верхняя часть.

Avalokiteçvara, бѣлый, одиннадцатиликій, восьмирукій (сохранилось восемь головъ и пять рукъ). Цвѣтъ головъ, къ сожалѣнію, только отчасти поддается опредѣленію; внизу: въ серединѣ—бѣлая, направо красная. Второй рядъ: въ серединѣ—зеленая (?), справа—синяя. Третій рядъ: въ серединѣ—желтая (?), справа—красная. Четвертый рядъ: синяя, трехглазая. На самомъ верху—красная голова Amitābha. Кромѣ десятой головы, всѣ—двуглазыя, но съ urṇā. Первая пара рукъ въ añjali; дальше три руки справа: съ akṣamālā, въ какой-то mudrā, близкой къ varamudrā, съ cakra. Усы и бородка; волосы—синіе. Видна перекинутая черезъ лѣвое (оторванное) плечо шкура антилопы. Въ волосахъ головы—лотосъ съ драгоцѣннымъ камнемъ. Ожерелье, запястья; на плечи накинута красная одежда; красныя ленты (?) въ волосахъ. Вокругъ головы—зеленый нимбъ съ краснымъ ободкомъ. Большой нимбъ—синій, съ краснымъ ободкомъ. Фонъ всего образа—синій. Въ правомъ углу—красное облако китайскаго образца; на немъ—двѣ фигуры, не ясно видныя. Вокругъ образа—красная полоса. Фигура, повидимому, сидящая. Письмо—тибетское, съ нѣкоторымъ китайскимъ вліяніемъ.

41.

Образъ на полотнѣ. 39 × 34. Сильно потертъ.

Avalokiteçvara, бѣлый, одиннадцатиликій, восьмирукій. Padmāsana. Головы [1]): бѣлая, зеленая, красная; ?, желтая, бѣлая; желтая, бѣлая, зеленая; синяя; красная (Amitābha). Всѣ головы (кромѣ головы Amitābha),—повидимому, трехглазыя. Правыя руки: añjali, akṣamala, mudrā ?, cakra; лѣвыя: añjali, padma, çāpa, kalaça. Ладони и подошвы—красныя. Богатый вѣнецъ, серьги, ожерелье, запястья. Часть одежды у бедръ—красная, съ золотыми цвѣтами; остальное стерто; остатки синяго пояса; любопытна форма складокъ. Богатый престолъ

[1]) При описаніяхъ сперва—средняя, потомъ—правая (отъ средней фигуры), потомъ—лѣвая.

съ haṃsa; за спиной фонъ зеленый—лиственный орнаментъ. Нимбъ у головы—спеціальной формы, внутри—синій; ободъ—съ золотыми лепестками. Большой нимбъ—красный съ цвѣтками и золотыми украшеніями; край—желтый и какого-то темнаго цвѣта. За нимъ—радужные лучи и наверху сзади—два дерева съ краснымъ цвѣткомъ. Сидитъ на бѣломъ полѣ, на разноцвѣтномъ лотосѣ, помѣщенномъ на престолѣ.

Справа, внизу, красный, стоящій на лотосѣ, опершись на палицу, одноликій, двуглазый, двурукій Hayagrīva. Волосы—съ пламенемъ, и въ нихъ—голова коня въ пламени; онъ широко разставилъ ноги. Слѣва стоитъ на лотосѣ Çyāmā Tārā, съ синимъ лотосомъ. Руки у груди въ какой-то mudrā. Вокругъ образа—полосы: желтая, красножелтая, темная.

Письмо—тибетское, съ сильнымъ индійскимъ вліяніемъ.

42.

Образъ на полотнѣ. 73 × 59. Сильно вытертъ и нѣсколько закоптѣлъ.

Avalokiteçvara, бѣлый, одиннадцатиликій, восьмирукій. Padināsana. Головы: бѣлая, зеленая, красная; зеленая, бѣлая (?), красная; красная, зеленая (?), бѣлая (?); синяя; красная (Amitābha). Всѣ головы, повидимому, кромѣ десятой, двуглазыя. Правыя руки: añjali, akṣamālā, ? mudrā, cakra. Лѣвыя: añjali, padma, kalaça, cāpa. Ладони и подошвы—красныя. Богатый вѣнецъ, серьги, ожерелье, запястья, золотой поясъ. У пояса одежда красная и черная (?); опоясанъ синимъ (?) шарфомъ. Богатый престолъ, на которомъ haṃsa и, ниже, по kiṃnari съ обоихъ боковъ; kiṃnarī красныя, съ пестрыми крыльями. Нимбъ у головы—красный внутри, съ ободомъ, на которомъ драгоцѣнные камни, овальный, смыкается у синей головы; голова Amitābha—внѣ нимба. Нимбъ (?) за спиной—синій, безъ ободка. Нимбъ большой вокругъ всей фигуры—красный, съ широкимъ ободомъ, на которомъ изображены драгоцѣнные камни. Фонъ образа—темнозеленый съ болѣе свѣтлымъ зеленымъ лиственнымъ орнаментомъ. Avalokiteçvara сидитъ на бѣломъ полѣ, на бѣломъ лотосѣ. Передъ престоломъ, на красномъ лотосѣ, на бѣломъ полѣ, въ серединѣ бѣлаго лотоса, начертанъ слогъ „HRĪḤ“, изъ котораго, по представленію буддиста, произошелъ Avalokiteçvara—hrīḥkārākṣarasaṃbhūtaḥ; по лѣвую сторону этого лотоса—небольшая стоячая фигура монаха (?—судя по желтому платью), съ курильницею.

Справа и слѣва, внизу, стоятъ на лотосахъ два бодисатвы: справа—бѣлый, слѣва—красный. Въ виду отсутствія какихъ бы то ни было атрибутовъ (у обоихъ какъ будто лотосы?), мы затрудняемся ихъ опредѣлить.

Ободъ вокругъ образа—синій (?), потомъ желтый, съ узкими черными полосками; снизу и сверху пришитъ шелкъ. Тибетское письмо, но своеобразное.

Mañjuçrī.

Трудно объяснить себѣ причину, почему въ собраніи всего два изображенія Mañjuçrī, изъ которыхъ одно—только обрывокъ и потому можетъ быть опредѣлено лишь съ большою степенью вѣроятія, а другое—чрезвычайно рѣдкая форма Mañjuçrī. Бодисатва этотъ, особенно въ Китаѣ, пользовался издавна большою извѣстностью, и образа его весьма многочисленны на всемъ буддійскомъ сѣверѣ.

43.

Обрывокъ большого образа на полотнѣ; полоска изъ середины. 63 × 13. Довольно сильно потерто.

На богато разукрашенномъ престолѣ сидитъ на пестромъ лотосѣ въ padmāsana желтокрасный Mañjuçrī. Все тѣло сверху до пояса обнажено, въ ушахъ—великолѣпныя серьги, на

шеѣ—ожерелье, на рукахъ—запястья. Правая рука спущена, повидимому, въ varamudrā, лѣвой не видно, такъ какъ вся лѣвая часть тѣла оторвана. Престолъ поддерживали бѣлые слоны съ красными лбами и хоботами; изъ нихъ сохранился только правый. Внизу были какія-то фигуры, двѣ изъ которыхъ, желтая и желто-красная, еще нѣсколько видны.

Письмо—великолѣпное, совершенно индійское, кромѣ нѣкоторыхъ деталей, какъ, напр., драгоцѣнные камни въ пламени, которые—китайскаго происхожденія. Образъ такъ оборванъ, что, къ сожалѣнію, ничего нельзя сказать о характерѣ композиціи.

44.

Образъ на шелку. 30 × 22. Потерся, выцвѣлъ и закоптѣлъ.

Повидимому, тотъ видъ Mañjuçrī, который называется Jñānasatva (Grünwedel 133, рис. 109) и который находится, повидимому, въ связи съ другимъ изображеніемъ, носящимъ названіе Vajrānaṅga. Оба изображенія стоятъ, несомнѣнно, въ какой-то связи съ культомъ бога любви Anaṅga, одинъ изъ атрибутовъ котораго—лукъ съ цвѣточною стрѣлою—они имѣютъ (Foucher, II, 45—46). Желтый, одноликій, трехглазый, четверорукій; въ рукахъ: справа –мечъ, поддерживаетъ конецъ стрѣлы, положенной на тетиву; слѣва—книга и держитъ натянутый влѣво лукъ. Padmāsana, на лотосѣ, положенномъ на богато украшенный драгоцѣнными камнями престолъ; на спинкѣ какъ будто зеленые makara. Вырѣзанный красный овалъ сзади, съ зеленымъ орнаментомъ внутри; вокругъ — полосы радужныхъ цвѣтовъ. Одежда—богатая, частью въ косую клѣтку.

Справа и слѣва, внизу—спутники: справа — бодисатва ?, красный, слѣва — желтый Maitreya, на лотосахъ. Любопытенъ узорный фонъ внизу, около спутниковъ. Кайма вокругъ образа украшена драгоцѣнными камнями.

Образъ очень поблекъ, и потому трудно пока разобраться въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Манера письма — тибетская, индійскаго характера.

Рис. 21.
№ 45. Cundā.

Cunda.

45.

Образъ на шелку. 53 × 37. Сильно испорченъ.

Бѣлая, одноликая, четырехрукая, въ padmāsana. Правая рука въ varamudrā, лѣвая держитъ розовый лотосъ, на которомъ покоится книга. Другая пара рукъ держитъ pātra, черную съ желтымъ (золотымъ?) обод-

комъ наверху. Волосы падаютъ на плечи; ладони и подошвы — красныя. Богатый — золотой, съ красными бантами и развѣвающимися лентами — вѣнецъ, ожерелье, запястья. Отъ пояса — красное (?) платье, съ зеленымъ поясомъ; штаны — изъ прозрачной узорной ткани; верхняя часть тѣла обнаженная. Около головы—нимбъ; цвѣта уже различить нельзя, такъ какъ вся краска осыпалась. За всей фигурою — зеленый фонъ, окруженный красной полосою, въ которой замѣтна желтая полоса; все это упирается въ розовый лотосъ, на которомъ, на бѣломъ полѣ, сидитъ Cundā. Лотосъ покоится на богато разукрашенномъ престолѣ. Цвѣтъ фона образа различить трудно, такъ какъ краска облупилась. Окаймленъ тонкой темной чертой. Рядъ деталей нельзя возстановить, такъ какъ образъ сильно стерся; въ виду этого, его пришлось воспроизвести рисункомъ по точной калькѣ; рисунокъ сдѣланъ Н. М. Березовскимъ.

Письмо—тибетское подъ сильнымъ индійскимъ вліяніемъ.

Tara.

46.

Образъ, тканый изъ шелка. 98 × 45 (въ верхней и нижней части ширина доходитъ до 51 cm., такъ какъ здѣсь находятся узорныя полосы). Превосходной сохранности, только краски сильно выцвѣли.

Настоящій образъ Зеленой (Çyāmā) Tārā представляетъ исключительный интересъ, какъ великолѣпный образецъ ткацкаго искусства. Къ сожалѣнію, до полной реставраціи—

Рис. 22.

Узорная полоса у тканаго шелковаго образа Зеленой Tara.

образъ отлично сохранился, но помятъ и требуетъ спеціальнаго глаженія—онъ не можетъ быть сфотографированъ удачно, и потому намъ пришлось ограничиться калькою нижней узорной полосы, съ большой точностью снятою Н. М. Березовскимъ; мы воспроизводимъ ее въ уменьшенномъ видѣ, причемъ, однако, малѣйшія детали ясно различаются.

Средняя часть образа занята, повидимому, горнымъ и лѣснымъ пейзажемъ, какъ то видно изъ изображеній скалъ и деревьевъ. Внизу выступаетъ стебель лотоса, поддерживаемаго двумя nāga. На этомъ лотосѣ, въ обычной позѣ—правая нога спущена и опирается на распустившійся лотосъ, лѣвая поджата—сидитъ Tārā. Правая нога какъ бы придерживается лентою, перекинутою черезъ нее и закрѣпленною у пояса. Лѣвая рука отведена въ сторону; въ правой—синій лотосъ; такой же лотосъ—справа фигуры. У головы—бѣлый продолговатый нимбъ; большой нимбъ—тоже бѣлый (?), съ краемъ изъ двухъ полосъ: синей и бѣлой (?). Наверху нимба, по обѣ стороны—по haṃsa, а наверху—бычачья голова,

подобная головѣ Yamāntaka. Tarā сидитъ какъ бы въ синей пещерѣ, въ которой сверху спускаются нити жемчуга или драгоцѣнныхъ камней. Вверху—пять буддъ, каждый—въ нишѣ; надъ ними—шесть деревьевъ. Ниже Tārā, справа—повидимому, стоящая подъ деревомъ ашока желтая (?) Mārīcī, слѣва—синяя Ekajaṭā съ karttrikā въ правой рукѣ и kapāla въ лѣвой.

Сверху и снизу—узорныя полосы, на каждой—по четыре ḍākinī, играющія на музыкальныхъ инструментахъ, на лотосахъ, выходящихъ изъ сосуда (см. рисунокъ 22). Съ праваго и лѣваго края—по узкой орнаментальной полосѣ. Вокругъ всего образа—узенькая полоска съ изображеніемъ жемчужинъ. Краски не опредѣляются уже съ точностью, но, видимо, были: синяя, зеленая, желтая.

Marīcī.

47.

Образъ на шелку. 79 × 52.

Бѣлая, четырехликая, десятирукая. Лица: бѣлое (въ серединѣ), зеленое и красное (справа), синее (слѣва); о 3 глазахъ въ каждой головѣ. Четырехногая. Полная. Четыре ноги опираются на 4 существа, распростертыя на синемъ лотосѣ (Brahmā, Çiva, Viṣnu, Indra?).

Въ правыхъ рукахъ: suryamaṇḍala, vajra, çara, aṅkuça, sūcī.

Въ лѣвыхъ рукахъ: candramaṇḍala, açokapallava, cāpa, tarjanikāpāça; пятая рука—въ какой-то mudrā, и какъ будто отъ нея идетъ какая-то бѣлая нить; неясно видно. Неясенъ и головной уборъ; волосы—с и н і е. Плечи закрыты красной одеждой. На одеждѣ—узорная кайма съ золотыми цвѣтами и каймы зеленыя и синія. Нимбъ у головы—розовый; большой нимбъ—желтый, съ украшеннымъ цвѣтами ободомъ, съ рядомъ цвѣтныхъ полосъ по краямъ.

Подъ синимъ лотосомъ—шесть свиней и посрединѣ виденъ по поясъ Rāhu, въ видѣ человѣка съ косматыми волосами и бородой, держащаго въ поднятыхъ рукахъ диски солнца и луны.

Подъ этимъ—какой-то большой цвѣтокъ (лотосъ?), цвѣтъ котораго теперь трудно опредѣлить. Горный пейзажъ. Справа внизу—монахъ съ курильницей, слѣва—женщина съ цвѣтами и ребенокъ.

Фонъ—повидимому, бѣлый; цвѣтъ полосъ вокругъ образа теперь трудно опредѣлить. Наше изображеніе не подходитъ вполнѣ ни къ одному изъ извѣстныхъ по заклинаніямъ; ближе всего оно къ десятирукой, бѣлой Marici (Foucher, II, 96).

Письмо—тибетско-китайское. Въ виду плохой сохранности образа трудно высказаться относительно достоинства письма.

Sitatapatrā.

48.

Образъ на полотнѣ. 45 × 40. Мѣстами вытертъ.

Изображенія Sitātapatrā „Бѣлозонтичной“ очень часто встрѣчаются въ настоящее время у сѣверныхъ буддистовъ.

Образъ дѣлится на два отдѣленія. Верхнее, главное, имѣетъ темносиній фонъ съ цвѣтами. Въ серединѣ на пестромъ лотосѣ—большой красный нимбъ въ формѣ срѣзаннаго внизу листа. На немъ—изображеніе узорной спинки для статуи, внутри которой—радужное сіяніе. За краснымъ нимбомъ по обѣ стороны наверху видны деревья. Въ четырехъ углахъ—по темносинему спутнику, типа „докшитовъ“; у двухъ верхнихъ—повидимому, vajra; у нижнихъ—повидимому, у обоихъ ghaṇṭā (ср. четыре фигуры у № 49). По бокамъ центральной фигуры—красивый растительный орнаментъ.

Sitātapatrā, бѣлая, трехликая, восьмирукая, стоитъ на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ. Лица (всѣ съ тремя глазами): въ серединѣ—бѣлое, справа—красное, слѣва—зеленое. Руки справа держатъ: chattra, cakra, aṅkuça, çara; слѣва: dhvaja, vajra, cāpa, tarjanīmudrā. Богатыя украшенія и вѣнецъ.

Нижняя полоса: въ серединѣ—пять женскихъ фигуръ, съ принадлежностями для алтаря. Справа—лама въ желтомъ верхнемъ и красномъ нижнемъ одѣяніи, слѣва—свѣтскій человѣкъ съ черной косой, въ сѣрой одеждѣ, съ курильницей. Вокругъ—полоса съ разноцвѣтными лепестками лотоса, затѣмъ—темная полоса и обшивка сбоку синимъ шелкомъ. Сверху и снизу пришиты большія темныя полосы шелку.

49.

Образъ на шелку. 88 . 57.

Бѣлая, трехликая (?), восьмирукая. Образъ настолько потертъ, что краска, по большей части, совсѣмъ осыпалась и контуръ даже не всюду сохранился, но, по аналогіи съ № 48 и по другимъ изображеніямъ, можно почти все возстановить.

Центральная фигура стоитъ на такъ называемой лунѣ, т.-е. бѣломъ кругѣ, покоящемся на пестромъ лотосѣ; за нею изображенъ храмъ (?), но почему-то внутри его -лиственный зеленый орнаментъ. Все это включено въ красный, срѣзанный внизу, овалъ, который, въ свою очередь, нарисованъ на сѣро-голубомъ фонѣ, съ раскиданными на немъ цвѣтами. За оваломъ, по обѣ стороны—деревья. Богиня, около головы которой очерченъ нимбъ, богато разукрашена, а поясъ ея—золотой, съ драгоцѣнными камнями; одежда, отъ пояса внизъ—красная; на верхней части тѣла—только драгоцѣнности.

Въ восьми рукахъ видны только слѣды: справа—chattra и cakra; слѣва ясно видны dhvaja и cāpa.

Въ верхней части—изображенія 11 буддъ. Какая эта серія—мы не знаемъ, такъ какъ число—необычное, а изображенія до того стерты, что не позволяютъ высказать какія-либо предположенія.

Внизу—двѣ полосы; въ первой—четыре изображенія, которыя мы затрудняемся обозначить, такъ какъ только одно имѣетъ опредѣленный атрибутъ—aṅkuça, у другого—повидимому, ghaṇṭa, два другихъ совсѣмъ стерты. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ № 49—четыре спутника, но тамъ они—одного цвѣта, здѣсь—повидимому, разнаго.

Въ самой нижней полосѣ—пять женщинъ съ принадлежностями алтаря, а по бокамъ—по сидящему ламѣ; изъ нихъ сидящій въ лѣвомъ углу—въ желтомъ платьѣ; сидящій въ правомъ—совсѣмъ стертъ.

Полосы кругомъ—желтая, красная, и обшивка—синяя, т.-е. сочетаніе цвѣтовъ, принятое въ ламайской иконографіи.

Божества-хранители.

Saṃvara.

Saṃvara, по-тибетски Дем-чок, принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ божествъ-хранителей (yi-dam), культъ которыхъ чрезвычайно распространенъ. Его воплощеніемъ является одинъ изъ великихъ ламъ, такъ называемый Чжан-чжа хутухта въ Пекинѣ. Saṃvara изображается или одинъ или со своею женскою энергіею (çakti). Онъ, видимо, былъ очень популяренъ среди тангутовъ, потому что въ настоящемъ собраніи мы находимъ 4 изображенія его одного и 5 съ çakti.

50.

Образъ на шелку, сильно вытертый, такъ что сохранились, главнымъ образомъ, контуры. 41 × 30.

Синій Saṃvara, стоитъ на красномъ кругу, на пестромъ лотосѣ; подъ правою его ногою лежитъ на спинѣ красная женщина, у которой въ правой рукѣ—karttrikā, лѣвой руки не видно, подъ лѣвою ногою ползетъ на животѣ синій мужчина съ vajra (?) въ правой рукѣ и kapāla въ лѣвой. Saṃvara обнаженъ до пояса; у пояса—ниспадающая передникомъ тигровая шкура, перевязанная поясомъ съ развѣвающимися концами. Одна голова, съ тремя глазами; третій, какъ обыкновенно—во лбу. Въ волосахъ—повидимому, вѣнецъ изъ 5 череповъ. Руки скрещены передъ грудью и держатъ: правая—vajra, лѣвая—ghaṇṭa; лѣвая рука прижимаетъ еще khaṭvāṅga. Съ шеи и ниже пояса свѣшивается гирлянда отрубленныхъ головъ. На шеѣ—ожерелье, въ ушахъ—серьги, на рукахъ и ногахъ—браслеты. Ладони и подошвы—красныя. У головы—бѣлый, продолговатый нимбъ. Большой нимбъ—красный; за спиною Saṃvara—обрѣзанный внизъ овалъ, внутри съ зеленымъ стилизованнымъ орнаментомъ и красною полоскою по краю, какъ спинки у сидячихъ фигуръ. Фонъ образа—синій съ лиственнымъ орнаментомъ: красные цвѣты на желтыхъ стебляхъ; такъ какъ все очень стерто, то легко ошибиться въ деталяхъ.

Узорная кайма зубцами, повидимому, желтая съ краснымъ (?).

51.

Образъ на шелку, частью истлѣвшій, очень вытертъ; многое уже не различается. 56 × 32.

Укажемъ только отличія отъ № 50. Образъ дѣлится красною полосою на двѣ части верхнюю—бо́льшую и нижнюю—ме́ньшую. Въ верхней, съ синимъ фономъ—Saṃvara, въ пламени, на пестромъ лотосѣ, не видно деталей головного убора и какъ будто нѣтъ нимба; атрибутовъ не различить, какъ будто нѣтъ khaṭvāṅga. У фигуръ подъ ногами тоже не различить атрибутовъ, кромѣ kapāla у мужчины.

Въ нижней части, тоже съ синимъ фономъ, въ серединѣ, съ красной полосы спускается полукругомъ коверъ — желтый, съ красными цвѣтами о шести лепесткахъ, съ каймою неподдающагося въ настоящее время опредѣленію цвѣта. На немъ (?) изображены три пляшущія ḍākinī: синяя, красная, зеленая. Справа и слѣва отъ свѣшивающагося ковра сидитъ по ламѣ съ красноватымъ лицомъ, въ желтомъ одѣяніи, закрывающемъ оба плеча.

Еще ниже — какъ будто полоса, и подъ нею на желтомъ (?) фонѣ — красные цвѣты съ пятью лепестками.

52.

Образъ на шелку, настолько вытертъ, что мѣстами почти ничего не видно. 76×51.

Центральная фигура—Saṃvara—очень похожа на № 52, только съ нимбомъ, тоже въ пламени; деталей не различить; стоитъ на пестромъ лотосѣ. Фонъ—золотой, весь раздѣленный на небольшіе квадраты, въ которыхъ опять—меньшіе квадраты: красные, синіе, золотые, съ кружками посрединѣ; у этихъ кружковъ въ серединѣ — опять кружокъ другого цвѣта и съ четырехъ сторонъ—по маленькому кружку. Вверху, съ обѣихъ сторонъ, повидимому, были devatā на облакахъ.

Внизу на двухъ красныхъ полосахъ, съ низкимъ голубымъ рѣшетчатымъ барьеромъ—по восьми пляшущихъ ḍākinī, чрезвычайно стройныхъ; можно различить цвѣта: бѣлый, желтый, зеленый, синій, красный.

Кайма—желтая съ краснымъ и синимъ зубчатымъ узоромъ, затѣмъ — темная полоса.

53.

Образъ на шелку, сохранились одни контуры. 47 × 31.

Среди обычнаго въ тибетской иконографіи типа сценъ на кладбищѣ—трупы, кости, волки, caitya, птицы, черепа, отшельники—стоитъ высокій престолъ съ лотосомъ. На немъ—Saṃvara съ vajra и ghaṇṭā; khaṭvāṅga придерживается правою рукою. Нимбы около головы и большой—продолговатые и угловатые; вокругъ большаго нимба—языки пламени. Передъ престоломъ въ сосудѣ—лотосъ; по обѣ его стороны сидитъ по ламѣ въ красной одеждѣ и желтой остроконечной шапкѣ.

Рисунокъ представляется чрезвычайно грубымъ, но, повидимому, лишь оттого, что сохранились одни контуры, которые часто наносятся очень грубо.

54.

Образъ на холстѣ. 86 × 68. Отличной сохранности; оборваны только верхъ и лѣвая (отъ смотрящаго) сторона.

Saṃvara, двѣнадцатирукій, съ çakti. Въ серединѣ образа—большой квадратъ съ синимъ фономъ, по которому раскиданы изображенія буддъ, бодисатвъ, съ çakti и безъ нихъ, животныя, части труповъ, caitya, изображена рѣка съ рыбами, деревья. Внизу—большой пестрый лотосъ, на которомъ стоитъ синій Saṃvara, съ обнявшею его красною çakti, въ овалѣ краснаго пламени. Правая нога его упирается въ розовую, навзничь лежащую женщину, у которой въ правой рукѣ—karttrikā, въ лѣвой—kapāla; лѣвая нога упирается въ синяго четырехрукаго мужчину, у котораго въ рукахъ: справа—ḍamaru и karttrikā, слѣва kapāla и khaṭvāṅga. Подошвы обѣихъ ногъ—красныя. Четыре головы: въ серединѣ—синяя, справа—красножелтая, слѣва—зеленая, сзади—красная, всѣ—трехглазыя. На волосахъ, зачесанныхъ кверху вѣнецъ, украшенный пятью черепами, на средней головѣ; такіе же намѣчены и у другихъ головъ. Около головъ—зеленый нимбъ, овальный, слегка кверху заостренный, съ широкою золотою узорною полосою. Съ шеи спускается ожерелье изъ отрубленныхъ головъ; у пояса—перевязь изъ тигровой шкуры, свисшая напередъ. Весь—въ драгоцѣнностяхъ. Çakti закинула правую ногу за бедро Saṃvara, лѣвую вытянула вдоль его ноги, лѣвой рукой обняла его шею, въ правой держитъ karttrikā; на шеѣ—ожерелье изъ череповъ; на черныхъ волосахъ, спускающихся на спину—вѣнецъ съ 5 черепами; много украшеній. Атрибуты Saṃvara: верхнія двѣ руки держатъ растянутою свѣже-снятую шкуру слона; справа—ḍamaru, paraçu, karttrikā, triçula, vajra; слѣва—khaṭvāṅga, kapāla, pāça, четырехликая голова Брахмы, ghaṇṭā; ладони рукъ—красныя.

Серединное изображеніе окружено со всѣхъ сторонъ меньшими изображеніями въ квадратахъ. Такихъ насчитывается въ верхнемъ ряду—7, съ каждой стороны—по 5, внизу—два ряда по 7, всего 31. Безъ изслѣдованія спеціальныхъ заклинаній Saṃvara, нельзя въ настоящее время опредѣлить, кто эти фигуры; лишь нѣкоторыя несомнѣнны; нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно—виды Saṃvara.

Въ верхнемъ ряду, въ серединѣ—синій Saṃvara, безъ çakti, того же типа, какъ описанные выше. Онъ, какъ и другія фигуры, стоитъ на лотосѣ въ красномъ пламени. Лотосы всѣхъ боковыхъ фигуръ—двухъ цвѣтовъ: розово-лиловый и желто-красный, поочередно. У всѣхъ фигуръ черезъ плечи перекинутъ шарфъ, длинные концы котораго съ условными складками развѣваются въ обѣ стороны. Фоны квадратовъ, поочередно—синіе и зеленые. Справа отъ средняго Saṃvara: 1) бѣлый Saṃvara (?) съ розовою çakti; его атрибуты, какъ и всѣхъ прочихъ фигуръ съ çakti: справа—vajra и ḍamaru, слѣва—ghaṇṭā и khaṭvāṅga; у çakti въ правой рукѣ—karttrikā; 2) красный, съ розовою çakti; 3) желтая фигура—оборванная, можетъ-быть—garuḍī. Слѣва: 1) бѣлый съ розовою, 2) красный съ розовою, 3) крас-

ная garuḍī (?). Верхъ этихъ трехъ фигуръ, начиная съ пояса, оторванъ. Съ правой стороны: 1) бѣлый съ розовою, 2) красный съ розовою, 3) желтая garuḍī (?), 4) синій съ голубою (Hevajra? вѣрнѣе, видъ Saṃvara), 5) красный съ розовою. Слѣва: 1) бѣлый съ розовою, 2) красный съ розовою, 3) зеленая garuḍi (у одиночныхъ фигуръ атрибуты: справа—ḍamaru и karttrikā, слѣва—kapāla и khaṭvāṅga, надъ вѣнцомъ изъ 5 череповъ ardhacandra съ cakra; указываемъ на это здѣсь, потому что въ этомъ изображеніи атрибуты несомнѣнны, выше они были стерты или оборваны), 4) синій съ голубою, 5) красный съ розовою. Въ серединѣ верхняго изъ двухъ нижнихъ рядовъ сидитъ на тигровой шкурѣ четырехрукій Acala; атрибуты: справа — khaḍga и кровавое сердце, слѣва — khaṭvāṅga и kapāla. Справа: 1) красный съ розовою, 2) синій съ голубою, 3) синяя ḍākinī (?); слѣва: 1) красный съ розовою, 2) синій съ голубою, 3) зеленая ḍakinī (?).

Въ нижнемъ ряду, въ серединѣ—синяя garuḍī; направо: 1) синій съ голубою, 2) бѣлый съ розовою, 3) ḍākinī (?) (правая половина ея—желтокрасная, лѣвая—синяя); слѣва: 1) синій съ голубою, 2) бѣлый съ розовою, 3) ḍākinī (правая половина ея—синяя, лѣвая—зеленая).

Вокругъ всего образа—узорная полоса съ драгоцѣнными камнями: синими, красными, зелеными, затѣмъ—темная полоса.

55.

Образъ на холстѣ. 90 × 56. Настолько вытертъ и закоптѣлъ, что многія детали уже не различаются.

По композиціи отличается сильно отъ № 54 и примыкаетъ ближе къ № 56. Плохая сохранность заставляетъ выражаться осторожно о деталяхъ. Основное отличіе главной фигуры, что у нея—только двѣ руки; атрибуты: vajra, ghaṇṭā и khaṭvāṅga, какъ у фигуръ безъ çakti; çakti, какъ обыкновенно—съ karttrikā. На фонѣ средней фигуры видно большое обиліе фигуръ въ сценахъ заклинаній и т. п.; въ нижней части квадрата съ боковъ сидитъ по siddha. Верхняя полоса—изъ 5 отдѣленій, среднее изъ которыхъ занято синимъ Saṃvara съ красной çakti, многорукимъ; остальныя фигуры не различаются: повидимому, ḍākinī или какія-либо божества „страшнаго типа“. Средина нижней полосы занята 5 ḍakinī съ дарами, синяя, красная, желтая, бѣлая, зеленая. Справа—коричнево-красный лама, бритый, но съ усами и бородою; красно-желтая мантія, покрывающая оба плеча; внизу—желтое платье. За зеленою узорною спинкою (съ лиственнымъ стилизованнымъ орнаментомъ)—треугольникъ вершиною внизъ, какъ было уже раньше указано у изображеній буддъ и другихъ фигуръ. Нимбъ—бѣлый. Слѣва сидитъ въ черной мантіи и розовой одеждѣ, съ тигровой опушкой, человѣкъ, повидимому, тождественный съ изображеннымъ на томъ же мѣстѣ въ № 56. Волосы его—очень густые и подняты высоко. Судя по тому, что мы его находимъ изображеннымъ на двухъ образахъ, это, вѣроятно—какое-то извѣстное лицо; къ сожалѣнію, сохранность и № 56—не особенная, такъ что нѣкоторыя детали не поддаются опредѣленію.

56.

Образъ на холстѣ, сохранилось меньше половины (правая отъ смотрящаго сторона). 89 × 25.

Приближается къ типу № 55. Тоже двурукій Saṃvara, но сцены вокругъ менѣе разработаны. Ḍākinī внизу—безъ даровъ; видны бѣлая и синяя. Сидящій въ углу человѣкъ—въ бѣлой одеждѣ (можетъ-быть, впрочемъ, она была и желтоватая). Вверху—dhyānibuddha; сохранились изъ нихъ только красный Amitābha (dhyānamudrā) и синій Akṣobhya (varamudrā).

Узорная полоса вокругъ образа—какъ въ № 54.

Письмо—посредственное.

57.

Образъ на шелку. 61 × 44. Сильно потертъ, мѣстами сохранились только контуры.

Типъ композиціи, близкій къ № 56; вверху—dhyānibuddha, внизу—пляшущія женскія фигуры съ дарами; по обѣ ихъ стороны — по ламѣ. Основное отличіе: вмѣсто сценъ заклинанія и кладбищъ — зеленый узорный фонъ изъ стилизованнаго лиственнаго орнамента.

У центральной фигуры Saṃvara нѣтъ khaṭvāṅga.

Слѣды обильной позолоты—напр., будды были всѣ золотые. Женщины внизу: желтая, красная, зеленая. Синій мужчина, лежащій подъ правою ногою, держитъ ghaṇṭā, vajra—въ правыхъ рукахъ, karttrikā, kapāla—въ лѣвыхъ.

58.

Образъ на холстѣ. 51 × 35. Въ общемъ, хорошей сохранности, мѣстами немного стертъ. Сохранились черныя шелковыя полосы, пришитыя снизу и сверху, и вальки для навертыванія.

Saṃvara съ çakti, 12-рукій, почти не отличается отъ № 54.

Слѣдующія отличія: среди атрибутовъ правыхъ рукъ khaṭvāṅga замѣняетъ triçula; у лѣвыхъ: kapāla, aṅkuça. У синяго мужчины подъ лѣвою ногою: въ правыхъ рукахъ—khaṭvāṅga, karttrikā, въ лѣвыхъ—kapāla, vajra. Фонъ—менѣе разнообразный. Кайма вокругъ образа — какъ въ № 54, съ которымъ настоящій образъ очень близокъ по стилю.

Hevajra.

59.

Образъ на холстѣ, сохранилась только правая (отъ смотрящаго) половина. 57 × 17. Сильно стертъ.

Въ пламени, на пестромъ лотосѣ стоитъ синій Hevajra съ голубою çakti. Сохранилась только лѣвая половина фигуры. Число головъ, въ два яруса, нельзя различить. 8 лѣвыхъ рукъ держатъ kapala; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ можно еще различить фигуры божествъ: двѣ—красныя и одну -синюю. Подъ лѣвою ногою—слѣды какого-то синяго существа. Çakti, повидимому, держитъ въ правой рукѣ karttrikā. Фонъ—синій съ обычными сценами „кладбищъ“. Наверху, въ пламени, были, повидимому, ḍākini или другія изображенія Hevajra. Настолько стерто, что не различить ясно.

Dharmapala—Хранители закона.

Acala.

60.

Образъ на шелку. 72 × 55. Разорванный мѣстами и мѣстами стертый.

На треугольникѣ, поставленномъ на пестромъ лотосѣ, стоитъ въ красномъ пламени четырехрукій синій Acala. Три глаза. Атрибуты: справа — вѣтка съ двумя золотыми плодами, мечъ; слѣва—kapāla, triçūla. Съ шеи спускается ожерелье изъ отрубленныхъ головъ, другое ожерелье, серьги и браслеты — змѣи. Волосы—пламенемъ, перевиты змѣею, вѣнецъ—съ пятью черепами, отъ вѣнца идутъ, развѣваясь въ обѣ стороны, розовыя ленты, на макушкѣ—золотой будда въ bhusparçamudra, повидимому—Akṣobhya. На шею накинутъ развѣвающійся длинный, зеленый шарфъ, на поясѣ—тигровая шкура. По бокамъ -четыре

двурукихъ, трехглазыхъ, синихъ Acala меньшихъ размѣровъ, повидимому—особыя разновидности, справа: 1. съ karttrikā, 2. съ aṅkuça; слѣва: 1. съ paça, 2. съ khaḍga. У всѣхъ въ лѣвой рукѣ—kapāla. Общій видъ—такой же, какъ у средней фигуры, нѣтъ только будды въ волосахъ. Вверху—5 dhyānibuddha среди красиваго лотоснаго зеленаго орнамента по синему фону, на бѣлыхъ лотосахъ, въ красномъ пламени (вмѣсто спинки); нимбы у всѣхъ окружены каемкою краснаго пламени. Въ серединѣ—желтый Ratnasaṃbhava съ особою mudrā; направо отъ него—красный Amitābha, съ dhyānamudrā, зеленый Amoghasiddhi, правая рука въ abhayamudrā, въ лѣвой—драгоцѣнность, ratna; слѣва: бѣлая Vairocana, съ bhūsparçamudrā—правой руки и съ vajra—въ лѣвой, синій Akṣobhya держитъ обѣими руками передъ грудью viçvavajra. Любопытно отмѣтить, что и mudrā и атрибуты—не тѣ, что наиболѣе употребительны въ новѣйшей буддійской иконописи [1]). Рядъ dhyanibuddha отдѣленъ отъ средняго поля образа красной полосою, съ черными полосками.

Внизу образа—отдѣленная полосою, зеленою въ серединѣ и красною въ обоихъ концахъ, широкая полоса съ 5 пляшущими женщинами, держащими дары: зеленою, желтою, красною, синею, бѣлою. По обѣ стороны изображены сидящіе на красныхъ коврахъ, съ синею, съ узоромъ, каймою, ламы въ желтыхъ одѣяніяхъ и своеобразныхъ шапкахъ; передъ ними—небольшіе алтари и столики китайскаго образца. У ламы справа цвѣтъ лица свѣтлѣе, и онъ держитъ правую руку въ abhaya-mudrā, а лѣвую—на лонѣ; у другого ламы руки спрятаны.

61.

Образъ на холстѣ. 48 × 36. Оборванъ верхъ лѣваго (отъ смотрящаго) края.

Синій, одноликій, трехглазый. Опустился на лѣвое колѣно. Въ правой рукѣ—мечъ, лѣвая—въ tarjanīmudrā (?) у груди. Среди пламени на коричнево-красномъ лотосѣ; внутри пламени видны маленькія фигуры, желтыя, синія, зеленыя (повидимому, повторенія центральной фигуры). Вокругъ бедръ—тигровая шкура, поясъ—змѣи. Волоса—пламенные; въ нихъ—обычный вѣнецъ изъ 5 череповъ. Фонъ былъ, повидимому, зеленый, узорный, съ желтыми цвѣтами.

Въ верхней полосѣ образа—5 желтыхъ буддъ, очевидно, 5 dhyānibuddha.

Внизу—три отдѣленія; въ серединѣ—пять подставокъ съ пятью алтарными принадлежностями. Справа—двѣ молящіяся свѣтскія фигуры, повидимому, мужчина и женщина; слѣва—сидящій монахъ.

Вокругъ—тонкая бѣлая, потомъ—темная широкая полоса, затѣмъ, съ боковъ—тонкая шелковая полоса, наверху—широкія шелковыя полосы.

Письмо—грубое, ремесленное.

Mahakala.

62.

Образъ на шелку, сильно вытертъ, такъ что детали разрисовки пропали. 97 × 60.

Синій, одноликій, двурукій, двухглазый; очень близокъ къ №№ 63 и 64, но композиція всего образа гораздо сложнѣе.

Въ среднемъ отдѣленіи, самомъ большомъ и главномъ—центральная фигура Mahākāla, среди пламени, на красномъ лотосѣ; въ пламени видно 8 синихъ фигуръ, повторенія центральной фигуры. Справа и слѣва вверху—по devatā на облакѣ, съ корзиною плодовъ.

[1]) См. L. A. Waddell. The Buddhism of Tibet or Lamaism. L. 1895, pp. 350—351.

Внизу посрединѣ, на скалѣ—корзина съ плодами. По обѣ стороны ея сидятъ: справа—Virupākṣa, желтый; лѣвая рука уперлась въ колѣно, правая вытянута въ сторону и держитъ маленькую caitya; на немъ—панцырь, вѣнецъ; слѣва—желтый Jambhala; въ правой вытянутой впередъ по колѣну рукѣ—плодъ мироболана, въ лѣвой—мѣшокъ изъ кожи nakula съ головкою звѣря, изъ которой сыплются драгоцѣнности; оба сидятъ на престолахъ съ нимбами. Фонъ средняго отдѣленія—синій съ раскиданными по нему цвѣтками.

Въ верхнемъ отдѣленіи—пять dhyānibuddha, считая слѣва направо отъ смотрящаго: Vairocana, Ratnasaṃbhava, Akṣobhya, Amitābha, Amoghasiddhi (почему-то съ dharmacakra-mudrā). Въ нижнемъ отдѣленіи, на подставкахъ—5 алтарныхъ принадлежностей. По бокамъ сидитъ по ламѣ, на коврѣ, въ желтомъ одѣяніи, въ молитвенной позѣ.

Работа—тибетская, но скала впереди Mahākāla—китайскаго рисунка.

63.

Образъ на шелку. 42 × 25. Почти совсѣмъ вытертъ.

Синій, одноликій, двурукій. Очень близокъ къ № 64, только очень плохой сохранности, такъ что трудно ручаться за подробности. Отличія: лѣвая рука, повидимому, въ tarjanīmudrā у груди, безъ ghaṇṭā; въ вѣнцѣ—повидимому, черепа. Общій фонъ—зеленый, узорный; за краски отдѣльныхъ частей образа трудно ручаться.

Вокругъ образа—повидимому, двѣ полосы, считая отъ изображенія: синяя и бѣлая.

64.

Образъ на бумагѣ. 30 × 21. Нѣсколько порванъ.

Несмотря на то, что изображеніе не отвѣчаетъ извѣстнымъ намъ типамъ этого божества, а ближе къ Vajrapāṇi, мы рѣшаемся обозначить его какъ Mahākāla, потому что онъ ступаетъ на Gaṇeça, на пестромъ лотосѣ (лепестки—красные, зеленые, желтые).

На распростертомъ Gaṇeça стоитъ среди пламени синій Mahākāla. Одноликій, трехглазый, двурукій: въ поднятой правой—vajra, въ лѣвой у груди—ghaṇṭā. На кистяхъ рукъ, у щиколки, въ волосахъ, вокругъ пояса—змѣи; онѣ также перекинуты черезъ плечо. Вѣнецъ—какъ у бодисатвъ, безъ череповъ. Опоясанъ тигровой шкурой. За плечами и развѣваясь въ стороны—узкій бѣлый шарфъ.

У вѣнца—зеленые банты съ боковъ и развѣвающіяся въ обѣ стороны зеленыя ленты. Gaṇeça—бѣлый; правая рука—подъ головой, лѣвая протянута вдоль туловища и держитъ морковь. Тѣло—человѣческое, только голова—слона, но съ тремя глазами и съ прической и вѣнцомъ бодисатвы. За отдѣльныя частности нельзя вполнѣ ручаться, такъ какъ образъ сохранился довольно плохо. Бумага, рисунокъ и раскраска—грубые.

Манера, повидимому—тибетская, индійскаго происхожденія.

65.

Образъ на полотнѣ. 54 × 35. Оборванъ сверху и справа (отъ смотрящаго).

Синій, одноликій, трехглазый. Въ волосахъ есть и черепа. Въ нижнемъ отдѣленіи—пять пляшущихъ женщинъ; атрибуты ихъ неясны или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ нижнемъ правомъ углу—лама въ красной одеждѣ. Лѣвый уголъ оторванъ. Оборванъ и верхъ, такъ что нельзя сказать, что было въ верхнемъ отдѣленіи. Оригиналенъ фонъ средняго отдѣленія: золотые квадраты, съ выступающими изъ нихъ четырехугольными драгоцѣнными камнями (ср. выше, № 52).

Прекрасная тибетская работа.

Gaṇeça.

66.

Образъ на шелку. 30×33. Верхъ оборванъ. Остались почти одни контуры, сильно вытерто.

Бѣлый, съ головою слона, четверорукій.

Справа въ рукѣ—akṣamālā, слѣва—морковь (?). Вторая пара рукъ—у груди; атрибутовъ не различить. Верхомъ, бокомъ, на мыши, стоящей на пестромъ лотосѣ.

Нимбъ у головы не разсмотрѣть—стертъ; большой нимбъ, повидимому—синій внутри, съ двумя краевыми полосами, изъ которыхъ можно опредѣлить цвѣтъ только у наружной: она—красная.

Зеленый, узорный фонъ—стилизованный лиственный орнаментъ; край узорный, геометрическій узоръ, повидимому, зубцами; потомъ—еще полоса, но какого цвѣта—теперь не опредѣлить.

Желтый Jambhala.

67.

Образъ на полотнѣ. 43×43. Низъ оборванъ, сильно вытертъ.

Желтый, одноликій, трехглазый, двурукій. Толстый. Въ лѣвой рукѣ, у лѣваго бедра, онъ держитъ мѣшокъ съ драгоцѣнностями, отверстіе котораго подобно головѣ ихневмона. Правая рука держитъ плодъ мироболана. На головѣ—богато украшенный вѣнецъ, и на тѣлѣ много украшеній. Вокругъ бедра, кромѣ пояса изъ драгоцѣнныхъ камней—гирлянда голубыхъ лотосовъ; справа къ плечу поднимается розовый лотосъ, къ лѣвому плечу—какой-то другой цвѣтокъ. Престолъ—золотой, украшенный драгоцѣнными камнями, покоится на лотосѣ (низъ образа оборванъ); наверху у спинки съ обѣихъ сторонъ—по haṃsa. За центральной фигурой—разноцвѣтные лучи и на зеленомъ фонѣ—кораллы, драгоцѣнности. Кайма—желтая, съ двумя красными полосками, затѣмъ—темная полоска.

Это описаніе совершенно отвѣчаетъ описанію въ заклинаніи (Foucher, II, 51).

Lokapāla—Цари-хранители странъ свѣта.

Vaiçravaṇa.

68.

Образъ на клѣтчатой, синее съ бѣлымъ, матеріи. 94×64. Мѣстами протерто, но въ общемъ совсѣмъ почти новый. См. таблицу.

Образъ сложной композиціи изображаетъ царя-хранителя сѣверной страны свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ бога богатства Vaiçravaṇa съ 8 спутниками и рядомъ сопровождающихъ фигуръ. На красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ небольшихъ картушахъ около каждой фигуры должны были, очевидно, стоять обозначенія именъ изображенныхъ божествъ, но, какъ мы это уже замѣтили и на другихъ образахъ, надписи не были помѣщены. Превосходная сохранность образа въ тѣхъ частяхъ, которыя не пострадали отъ случайныхъ причинъ, даетъ намъ нѣкоторое основаніе предположить, что мы имѣемъ дѣло съ неоконченнымъ вполнѣ образомъ.

Въ серединѣ образа на синемъ львѣ, съ зелеными хвостомъ и гривою, въ богатыхъ доспѣхахъ и вѣнцѣ сидитъ золотой Vaiçravaṇa съ тигровымъ знаменемъ въ правой рукѣ и желтымъ ихневмономъ, выплевывающимъ драгоцѣнности—въ лѣвой. Онъ окруженъ темносѣрыми облаками, по которымъ на бѣлыхъ коняхъ, держа каждый ихневмона

въ лѣвой рукѣ, мчатся вокругъ него 8 спутниковъ: 1) наверху: бѣлый, въ правой рукѣ—золотое блюдо съ синимъ драгоцѣннымъ камнемъ; нимбъ—красный; справа, ниже, 2) синій съ копьемъ въ правой рукѣ; нимбъ—зеленый; 3) желтый, въ правой рукѣ—золотое блюдо съ золотымъ сосудомъ; нимбъ—красный; 4) коричневато-лиловый, съ кривою саблею въ правой рукѣ; нимбъ—зеленый; внизу 5) красновато-желтый, въ правой рукѣ—блюдо съ зеленымъ драгоцѣннымъ камнемъ; нимбъ—красный; слѣва, выше, 6) бѣлый, съ прямымъ мечомъ въ правой рукѣ; нимбъ—зеленый; 7) синій, съ прямымъ мечомъ въ правой рукѣ; нимбъ—красный; 8) зеленый, держитъ въ правой рукѣ золотое блюдо съ небольшимъ зеленымъ храмомъ; головной уборъ—makara.

Вверху образа въ квадратѣ, въ пламени, на желтомъ лотосѣ стоитъ двурукій, синій Mahākāla, подъ ногами его—бѣлый Gaṇeça, въ правой рукѣ—vajra, въ лѣвой—pāça. По обѣ его стороны—по четыре божества, спутника, ближе трудно опредѣлимыхъ; у нихъ въ лѣвой рукѣ—по ихневмону; справа: 1) на волкѣ, красный, въ плоской шапкѣ; 2) на бѣломъ конѣ (стерто); 3) зеленый, на опрокинутомъ золотомъ сосудѣ, съ синимъ драгоцѣннымъ камнемъ въ правой рукѣ, большой радужный нимбъ; 4) бѣлый, съ трезубцемъ въ лѣвой рукѣ, правая стерта. Слѣва: 1) желтый, на бѣломъ львѣ, съ тигровымъ знаменемъ въ правой рукѣ; 2) синій, на желтомъ драконѣ, со змѣею въ правой рукѣ; 3) желтый, на бѣломъ медвѣдѣ, со знаменемъ, оканчивающимся ardhavajra, въ правой рукѣ; 4) красный, на желтомъ человѣкѣ, держитъ въ правой рукѣ отрубленную человѣческую голову. Между главными фигурами по обѣ стороны Vaiçravaṇa—второстепенныя. Справа: 1) человѣкъ, который что-то тащитъ, какъ будто находящуюся подъ нимъ фигуру на опрокинутомъ золотомъ сосудѣ (указана выше); 2) стертая фигура; 3) коричневатый карликъ съ блюдомъ на головѣ, на блюдѣ—клыки слона, драгоцѣнности (все эмблемы богатства); 4) стерто. Слѣва: 1) зеленый гаруда безъ крыльевъ тащитъ на спинѣ громадный свитокъ (книгу) въ синей матеріи; 2) желтая Siṃhavaktra, съ сѣкирою (?) въ правой рукѣ; 3) человѣческая фигура съ бѣлою заячьею головою, съ топоромъ въ правой рукѣ; 4) бѣгущій темнокоричневый человѣкъ со страшнымъ лицомъ.

Внизу—два ряда фигуръ: четыре—въ верхнемъ, пять—въ нижнемъ ряду; считая справа, верхній рядъ: 1) всадникъ на бѣломъ конѣ, всадника не различить, стертъ; 2) синій, на голубомъ оленѣ, съ развѣвающимся знаменемъ въ правой рукѣ; 3) красный, на коричневомъ козлѣ, съ бѣлыми рогами, держитъ въ правой рукѣ красный треугольникъ; 4) красновато-желтый, на тигрѣ; въ правой рукѣ—знамя, въ лѣвой—зеленая драгоцѣнность.

Нижній рядъ, считая справа: 1) на желтомъ лотосѣ, бѣлый, держитъ въ правой рукѣ дискъ луны; 2) бѣлый сидитъ на шкурѣ, держитъ развернутое знамя; 3) бѣлый, сидитъ на зеленыхъ волнахъ воды, которыя высоко вздымаются по обѣ его стороны, держитъ двумя руками золотой сосудъ; 4) красновато-желтый, на розовато-лиловомъ лотосѣ, въ правой рукѣ держитъ золотой сосудъ; 5) на лежащемъ навзничь человѣкѣ, въ правой рукѣ—золотой сосудъ, лѣвою держитъ за руку человѣка, на которомъ сидитъ.

Рамка образа—изъ синихъ, красныхъ, зеленыхъ лепестковъ лотоса, край—темный, внизу подшита черная матерія.

Dhṛtarāṣtra.

69.

Образъ на полотнѣ. 26 × 17. Средней сохранности.

Верхній правый (отъ смотрящаго) уголъ образа, который превращенъ въ цѣльный образъ съ изображеніемъ lokapala, хранителя восточной страны свѣта Dhṛtarāṣṭra. Мы уже раньше, при изображеніи бодисатвы Avalokiteçvara, видѣли, какъ изъ кусочковъ былъ составленъ образъ; здѣсь мы имѣемъ верхній уголъ образа, какого-то, очевидно, „маги-

Vaiçravaṇa (№ 68).

ческаго круга", аккуратно обрѣзанный, съ надшитыми сверху и снизу полосами матеріи и съ валикомъ для накатыванія. По сохранившейся части образа видно, что въ серединѣ было не менѣе двухъ полосъ лепестковъ съ фигурами; внутри это были будды (одинъ сохранился въ контурѣ), снаружи—докшиты; ясно различается синій Vajrapāṇi, ступающій на змѣй; затѣмъ—двѣ тонкія полосы: голубая и красная (пламя) по темному. Наверху, въ оборотъ къ углу—большой золотой драконъ китайскаго типа съ разинутою пастью. Передъ нимъ, въ пламени, сидитъ бѣлый Dhṛtarāṣṭra, стражъ восточной страны свѣта, играющій на музыкальномъ инструментѣ. Надъ нимъ виденъ nāga, подъ нимъ—человѣкъ въ красной одеждѣ, съ длинными черными волосами. Вокругъ образа—узорная полоса изъ синихъ, красныхъ, зеленыхъ лепестковъ лотоса.

Virūpākṣa.

70.

Образъ на холстѣ. 48 × 31. Верхъ и большая часть правой (отъ смотрящаго) стороны оборваны.

Золотой, стоитъ на скалѣ. Одѣтъ въ панцырь и богатыя одежды. Въ правой рукѣ—трезубецъ, опирающійся о правое плечо; въ лѣвой, поднятой—caitya съ изображеніемъ одѣтаго въ красную одежду будды внутри. Нимбъ у головы—зеленый. Отъ фигуры идутъ радужные лучи въ разныя стороны. За центральной фигурой видна точно стѣна изъ синихъ кирпичей. Нижняя часть фона—сѣрая, верхняя—красная съ раскиданными по нему цвѣточками. Virūpākṣa—стражъ западной страны свѣта.

Вокругъ образа—красный ободъ съ двумя желтыми полосками, далѣе—темносиняя или черная полоса. Краски и манера рисовать складки напоминаютъ китайскіе рисунки на бумагѣ въ настоящемъ собраніи.

Манера письма—съ сильнымъ китайскимъ вліяніемъ.

71.

Образъ на холстѣ. 64 × 43. Мѣстами нѣсколько вытертъ.

Желтокрасный. Очень близокъ къ № 70; въ правой рукѣ—трезубецъ, въ лѣвой—caitya; только латы и одежда нѣсколько иныя; видно, что трезубецъ обращенъ зубцами къ землѣ. На головѣ—желтый, съ краснымъ и съ драгоцѣнными камнями, вѣнецъ, вокругъ головы—зеленый нимбъ. Сзади -тоже лучи. Нижняя часть фона—сѣрозеленая, затѣмъ—полоса темнѣе, точно какъ и въ предыдущемъ образѣ—стѣна изъ темносинихъ кирпичей. Верхняя часть, по которой идутъ разноцвѣтные лучи—красная. Полоса вокругъ образа—желтая, съ узкой черной или темнозеленой полоской.

Письмо близко къ № 70, но имѣетъ въ себѣ и что-то тибетское.

Женскія божества.

Kurukulla.

Первоначально одинъ изъ видовъ Tārā [1]).

72.

Образъ на шелку. 65 × 51. Очень сильно пострадалъ, мѣстами даже контуры неясны. Сшитъ изъ двухъ кусковъ, и еще можно различить шовъ.

[1]) См. A. Grünwedel, Mythologie, pp. 152–154.

На красномъ лотосѣ, на лежащей навзничь человѣческой фигурѣ на бѣломъ кругѣ (лунѣ), стоитъ на лѣвой ногѣ красная, трехглазая Kurukulla; правая нога поджата. У богини—четыре руки, изъ которыхъ двумя она натягиваетъ цвѣточный лукъ и спускаетъ съ него цвѣточную стрѣлу, въ правой держитъ на веревкѣ отрубленную голову, лѣвой упирается въ бокъ. Любопытно, что вѣнецъ на головѣ—не изъ череповъ, какъ это обыкновенно изображается, а изъ отрубленныхъ головъ. На груди, рукахъ, ногахъ—украшенія, у пояса—тигровая шкура. Фонъ—стилизованный лиственный орнаментъ, который мы уже встрѣчали, съ небольшими разновидностями, и на другихъ образахъ на шелку. Въ верхней части образа, которая, къ сожалѣнію, особенно сильно пострадала, видны въ зеленыхъ большихъ нимбахъ фигуры буддъ; ясно видно двое буддъ; можетъ-быть, въ этой полосѣ были 5 dhyāni-буддъ. Ниже средняго изображенія—красная полоса, между двумя узкими желтыми полосами; на ней, на красныхъ и зеленыхъ лотосахъ—нѣсколько своеобразное изображеніе „семи драгоцѣнностей царя-міродержца". Посрединѣ, на зеленомъ лотосѣ, въ радужномъ нимбѣ—мечъ, повидимому, символизирующій военачальника; направо отъ него, на красномъ лотосѣ, человѣческая фигура, почти стертая—совѣтникъ; налѣво, тоже на красномъ лотосѣ—повидимому, царица; затѣмъ, направо, на зеленомъ лотосѣ—конь, налѣво, на зеленомъ лотосѣ—слонъ; съ краю, справа—колесо царя-міродержца, въ зеленомъ пламени, слѣва—драгоцѣнности (изображено 3 въ зеленомъ пламени; обѣ послѣднія драгоцѣнности—на красныхъ лотосахъ). Внизу, посрединѣ, полукругомъ—коверъ, желтый, съ цвѣточками и красной каймой; на немъ—три пляшущія женщины: въ серединѣ—синяя, по бокамъ—желтая и зеленая. Справа въ углу на красномъ коврѣ—темнолицый лама въ желтомъ одѣяніи и шапкѣ, передъ нимъ—алтарныя принадлежности. Въ лѣвомъ углу—колѣнопреклоненные міряне; нижнее платье у нихъ—зеленое, верхнее—повидимому, желтое; коверъ подъ ними—красный. Лица—очень выразительныя, точно портреты; какъ будто мужчина и женщина; къ сожалѣнію, сильно потерты.

Цвѣточный лукъ и стрѣлы Kurukulla слѣдуетъ, повидимому, объяснять тѣмъ, что ее призываютъ въ любовныхъ горестяхъ: атрибуты Kurukullā—тѣ же, что у бога любви Kāmadeva. Наше изображеніе не совпадаетъ съ указаніями заклинанія относительно изображенія четырехрукой богини [1]).

Vajravārāhi.

Vajravārāhī „Алмазная свинья" первоначально, повидимому, была лишь однимъ изъ видовъ Mārīcī (см. раньше [2]), но затѣмъ выдѣлилась въ самостоятельное божество, пользующееся большою извѣстностью и почитаніемъ въ новѣйшемъ буддизмѣ [3]). Повидимому, Vajravārāhī почиталась при Сунской династіи въ Китаѣ [4]), чѣмъ и слѣдуетъ объяснить большое число ея изображеній въ настоящемъ собраніи—8. Образа эти дѣлятся по композиціи на нѣсколько группъ. I. Vajravārāhī одна—четыре образа и II—со спутницами—четыре образа. Кромѣ того, можно различить двѣ группы, изъ которыхъ въ одной—5 образовъ,—здѣсь, кромѣ центральнаго изображенія самой Vajravārāhi—еще рядъ отдѣльныхъ изображеній въ небольшихъ квадратахъ, расположенныхъ по краямъ образа,—въ другой—3 образа, гдѣ изображена только главная фигура. Выясняется еще и третья группировка: на 5 образахъ Vajravārāhi изображается на фонѣ кладбища, и только на 3 этотъ фонъ отсутствуетъ.

[1]) Cp. Foucher. II. 72—74.
[2]) A. Foucher. II. 93—95 и 101—102.
[3]) A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus, 155—158.
[4]) A. Cunningham. Mahābodhi, p. 55.

73.

Образъ на полотнѣ. 49 × 37. Верхъ сильно оборванъ. Довольно сильно пострадалъ отъ времени.

На пестромъ лотосѣ, на красномъ полѣ лежитъ навзничь желтый человѣкъ; на немъ, на красномъ кругѣ, стоитъ на лѣвой ногѣ красная Vajravārāhī въ пламени; правая нога поджата. Двѣ головы, изъ нихъ правая, синяя—свиная. Вѣнецъ изъ 5 череповъ съ золотымъ колесомъ на макушкѣ и большое ожерелье изъ отрубленныхъ головъ; украшенія. За шеей развѣвается шарфъ съ синими концами. Три глаза, длинные черные распущенные волосы [1]). Двѣ руки; въ правой—karttrikā, въ лѣвой—kapāla и особаго рода khaṭvaṅga съ triçūla на концѣ и съ кольцами, какъ у монашескаго жезла. Наверху—какъ будто балдахинъ, и на небѣ, на облакахъ, съ каждой стороны—по красной devatā съ дарами (?). Большой красный нимбъ вокругъ всей фигуры заостренъ кверху въ видѣ листа. Съ обѣихъ сторонъ—по три отдѣленія съ ḍākinī, четырехрукими, держащими въ правыхъ рукахъ karttrikā и съ tarjanīmudrā, въ лѣвыхъ -khaṭvāṅga и kapāla; справа: 1) правая половина тѣла—желтая, лѣвая—красная, 2) зеленая, 3) правая половина тѣла—желтая, лѣвая—зеленая. Слѣва: 1) правая половина—красная, лѣвая—зеленая, 2) желтая, 3) зеленая. Внизу полоса съ 5 пляшущими женщинами съ дарами—красная, синяя, желтая, зеленая, бѣлая, считая слѣва направо отъ смотрящаго. Вокругъ образа узорная полоска зубчиками, красными и синими, отдѣленными желтою полосою съ чернымъ контуромъ.

Всѣ фигуры чрезвычайно граціозны и съ большимъ движеніемъ; письмо—очень тщательное, съ сильнымъ индійскимъ вліяніемъ.

74.

Образъ на полотнѣ. 57 × 52. Довольно сильно потертъ, вырваны нѣкоторые куски. Образъ по композиціи близокъ къ № 79; отличаютъ его: серія dhyānibuddha вверху и отсутствіе женскихъ фигуръ внизу образа.

Середина образа задумана какъ кладбище, по которому разбросаны черепа, кости, отрубленныя части тѣла; стоитъ нѣсколько деревьевъ, и у ихъ подножья—маленькіе круглые пруды. Посрединѣ, на большомъ пестромъ лотосѣ, на бѣломъ полѣ, лежитъ навзничь желтая человѣческая фигура; посрединѣ ея—красный кругъ, на которомъ стоитъ, на лѣвой ногѣ, красная Vajravārāhi; правая нога поджата. Атрибуты и украшенія—тѣ же, что у № 73, только вѣнецъ—изъ 7 череповъ и khaṭvāṅga—безъ колецъ. Большой красный нимбъ, съ пламенемъ, заостренъ кверху въ видѣ листа. Внутри этого нимба—четыре небольшихъ фигуры ḍākinī; считая справа и сверху: желтая, зеленая, красная, синяя. Всѣ онѣ стоятъ на розовыхъ лотосахъ, на бѣломъ полѣ и всѣ по украшеніямъ и атрибутамъ тожественны съ центральною фигурою; единственное отличіе—бѣлый продолговатый нимбъ около головы.

Вверху образа—полоса изъ пяти отдѣленій, въ каждомъ изъ которыхъ сидитъ по dhyānibuddha. Отдѣленія поочередно имѣютъ синій и зеленый фонъ съ цвѣточками. Dhyanibuddha сидятъ на розовыхъ лотосахъ; нимбъ у головы—бѣлый, продолговатый, большой нимбъ—красный. За спиною—узорная подушка, за нею—золотая спинка треугольникомъ, обращеннымъ вершиною внизъ и украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Считая справа: синій Akṣobhya, правая рука въ—неопредѣляемой mudrā, лѣвая—на лонѣ; бѣлый Vairocana, правая рука въ varamudrā, лѣвая на лонѣ; желтый Ratnasaṃbhava, dharma-

[1]) Наиболѣе знаменитое перерожденье этого божества, въ монастырѣ Самдинъ въ Тибетѣ, носитъ длинные волосы.

cakramudrā; красный Amitābha, dhyānamudrā; зеленый Amoghasiddhi, правая рука—abhaya-mudrā, лѣвая—на лонѣ.

По обѣ стороны центральной фигуры тянется по полосѣ, раздѣленной на четыре отдѣленія, гдѣ на фонѣ, тожественномъ съ фономъ отдѣленій для dhyānibuddha, на коврахъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ центральной фигурѣ, сидитъ mahāsiddha и монахи. Фигуры лишены характерныхъ атрибуговъ и потому не поддаются опредѣленію. За каждой фигурой—красная спинка сидѣнія странной формы, съ желтымъ ободкомъ и съ синею подушкою, украшенною лиственнымъ орнаментомъ. У головы каждой фигуры—бѣлый продолговатый нимбъ. Всѣ фигуры—розовато-красныя. Справа и сверху: 1—mahāsiddha—длинные волосы, dharmacakramudrā; 2—mahāsiddha, mudrā не разобрать, волосы зачесаны на макушкѣ, какъ у отшельника; 3—монахъ; нижняя одежда—бѣлая съ черною каймою, верхняя—желтая; 4—mahāsiddha, dharmacakramudrā. Слѣва: 1—тожественъ съ 1 справа; 2—очень близокъ ко 2 справа, только mudrā—другая; 3—почти тожественъ съ 3 справа, только нижняя одежда—синяя; 4—почти тожественъ съ 4 справа, только mudrā—немного иная. Вокругъ образа—красная кайма съ разноцвѣтными лепестками лотоса, между двумя желтыми полосками. По краю идетъ черная полоска.

Письмо—грубое.

75.

Образъ на полотнѣ. 38×29 (размѣръ внутри желто-красной рамки). Лѣвая сторона (отъ смотрящаго) оборвана, вырваны и въ другихъ мѣстахъ куски, но сохранность въ общемъ—хорошая.

Мало отличаясь отъ образовъ №№ 73, 74, 79 по композиціи, за исключеніемъ отдѣленій съ фигурами, настоящій образъ довольно значительно разнится въ деталяхъ.

Фонъ образа, изображающій кладбище, какъ и въ № 74, богаче деталями. Фигура распростертаго человѣка, на которомъ стоитъ Vajravārāhī—*бѣлая,* и лежитъ она на *красномъ* полѣ. У нея—продолговатый нимбъ, синеватый, съ зеленоватой каймой. Языки пламени большого нимба тщательно выписаны; маленькихъ фигуръ нѣтъ; вокругъ образа—двойная кайма: желтая и желто-красная. Нижнее отдѣленіе образа—съ краснымъ полемъ, на которомъ—пять бѣшено пляшущихъ женщинъ; изъ нихъ первая, справа, бросила на воздухъ музыкальныя тарелочки, вторая, зеленая, и четвертая, синяя, трубятъ въ большія трубы, третья, желтая, занесла руки надъ головою и высоко подняла правую ногу, пятая, бѣлая, тоже пляшетъ и держитъ въ правой рукѣ какой-то предметъ: на палку воткнуты бокомъ, одинъ немного ниже другого, два цилиндра; можетъ-быть, это—инструментъ въ родѣ трещотки. Вокругъ всего образа—загрунтованная темною краскою полоса. Снизу и сверху подшиты шелковыя полосы, расширяющіяся у концовъ. Внизу на эту полосу наклеена бумажка, съ напечатанными краснымъ знаками на языкѣ Си-ся. Сохранился деревянный валекъ.

76.

Образъ на шелку. 50×38. Въ общемъ хорошей сохранности.

На бѣломъ, съ розовымъ, лотосѣ, на красномъ „кругу солнца“ лежитъ желтая человѣческая фигура; на середину ея положенъ красный кругъ, на которомъ на одной лѣвой ногѣ стоитъ красная Vajravārāhī въ красномъ пламенномъ нимбѣ, почти тожественная съ № 73. Различіе: нимбъ бѣлымъ пламенемъ около головы, заостряющійся кверху; khaṭvāṅga обычнаго типа съ ardhavajra наверху. Фонъ—прекрасно исполненный зеленый лотосный орнаментъ, съ желтыми контурами. Внизу—красная полоса, окруженная узкими желтыми полосками; на красной полосѣ изображены пять желтыхъ треножниковъ съ

алтарными дарами; такъ какъ образъ нѣсколько потертъ въ этой части, то о деталяхъ трудно говорить.

Вокругъ всего образа—желтая кайма, съ черною чертою посрединѣ. Края—черные.

Хорошее письмо.

77.

Образъ на шелку. 53×35. Сильно потертъ.

Vajravārāhī—того же типа, что и № 73. Отличія: темносиній фонъ, съ цвѣточками; на разноцвѣтномъ лотосѣ—большой красный треугольникъ, съ желтою каймою. Посрединѣ его лежитъ, навзничь, головою налѣво отъ смотрящаго (въ другихъ изображеніяхъ—направо) желтый человѣкъ, посрединѣ его—обычный красный кругъ, на которомъ стоитъ Vajravarāhī. Нижняя часть образа подверглась, видимо, значительной перерисовкѣ, и сквозь краску видны какіе-то неясные контуры. У центральной фигуры въ вѣнцѣ—5 череповъ и обыкновенный khaṭvāṅga, маленькія фигуры въ пламени, безъ лотосовъ: желтыя, синія, красныя и зеленыя. Вокругъ образа желтая кайма, съ треугольными зубцами и лотосными лепестками, поперемѣнно, какъ орнаментъ.

Снизу и сверху подшиты шелковыя полосы, расширяющіяся въ концахъ; сохранилась шелковая полоса, прикрывавшая образъ.

О характерѣ письма нельзя сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ образъ слишкомъ потертъ.

78.

Образъ на полотнѣ. 54×42. Довольно сильно потертъ и мѣстами оборванъ.

Изображеніе Vajravārāhī, въ общемъ тожественное съ № 73. Отличія: пламенный нимбъ окруженъ еще золотою каймою, полосою съ зелеными и красными поперечными полосами съ лиственнымъ (?) орнаментомъ. Нѣтъ ни балдахина, ни devatā, но за нимбомъ справа и слѣва—по дереву açoka (?) съ красными цвѣтами. Внизу изъ-за лотоса и изъ-за нимба выглядываютъ концы треугольника, обращеннаго вершиною внизъ, краснаго, съ желтыми линіями близъ края. Нѣсколько предметовъ, указывающихъ на обстановку кладбища. Внизу около лотоса — двѣ маленькія сидящія въ padmasana, съ руками въ añjali, фигуры съ большими красными нимбами: справа—желтая, слѣва—синяя.

Вокругъ средняго изображенія—полоса изъ 17 отдѣленій, съ божествами.

Изображенія верхняго ряда, считая слѣва (отъ смотрящаго). Всѣ фигуры довольно сильно потерты, такъ что детали часто неясны.

1) Красная ḍākinī, двурукая. 2) Синій Saṃvara, двурукій, съ красною çakti. 3) Синій, многорукій Saṃvara обычнаго типа, съ красною çakti. 3) Группа, быть можетъ, тожественная съ группою на № 80: стоитъ двурукая красная ḍākinī, безъ головы; отрубленную свою голову она держитъ въ высоко поднятой лѣвой рукѣ; на плечахъ—khaṭvāṅga; справа—зеленая (?), слѣва—желтая ḍākinī. 4) Красная Паг-мо дон-дув, съ кабаньей головой (см. Сборникъ 500 бурхановъ, № 80).

Справа и слѣва—по полосѣ, въ 4 отдѣленія каждая. Въ 1 отдѣленіи, справа—какая-то стоящая, среди краснаго пламени, красная, двурукая ḍākinī; изображеніе настолько стерто, что трудно говорить о подробностяхъ. Слѣва первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ красную двурукую ḍākinī, которая лежитъ среди пламени подъ скалами. Остальныя три отдѣленія съ каждой стороны заняты каждое пляшущей ḍākinī, всѣ—четырехрукія, справа—karttrikā, (?), слѣва—çara и kapāla; всѣ стоятъ на лежащей навзничь фигурѣ, каждая на желтомъ лотосѣ; разница—въ цвѣтѣ; считая справа и сверху: 1) желтая, 2) ?, зеленая; слѣва: 1) бѣлая, 2) синяя и 3) красная.

Въ нижнемъ ряду, посрединѣ—четыре отдѣленія; въ нихъ среди пламени ḍākinī, четырехрукія, стоятъ на распростертыхъ человѣческихъ фигурахъ; въ правыхъ рукахъ—ḍamaru, karttrikā; въ лѣвыхъ—çara и kapāla: 1) желтая; 2) справа—желтая, слѣва—красная; 3) красная; любопытна густая черная борода; 4) справа—красная, слѣва—зеленая.

Справа и слѣва въ углахъ—ламы на красномъ фонѣ; справа почти все изображеніе оторвано. Слѣва—лама въ красномъ, съ усами, за нимъ—красная подушка, за нею—спинка, съ зеленымъ лиственнымъ орнаментомъ; наверху, сзади, выдается золотая часть престола—треугольникъ вершиною внизъ.

Вокругъ образа—желтая полоска съ красными лепестками лотоса и синими и зелеными четырехугольниками; наружная полоса—темная.

79.

Образъ на полотнѣ. 111×69. Въ общемъ отличной сохранности. (См. таблицу).

Изображеніе Vajravārāhī на фонѣ кладбища, довольно много деталей. Отличія отъ № 73: въ вѣнцѣ подъ колесомъ—бѣлый полумѣсяцъ, khaṭvāṅga съ vajra; на шарфѣ изображены цвѣты. Внутри нимба 6 маленькихъ фигуръ. Справа: 1) красная, трехголовая, шестирукая; атрибуты, справа: ḍamaru, çara, karttrikā; слѣва: khaṭvāṅga, pāça, kapāla; головы: красная, синяя и зеленая; 2) зеленая; 3) свѣтлосиняя; справа: 4) желтая; 5) темносиняя. 2—5—четырехрукія, одноголовыя; атрибуты, справа: ḍamaru, karttrikā; слѣва: khaṭvāṅga, kapāla. Каждая изъ 6 стоитъ на лежащемъ навзничь, на красномъ полѣ, на пестромъ лотосѣ, желтомъ человѣкѣ (онъ лежитъ слѣва направо отъ смотрящаго).

Въ верхней полосѣ—5 отдѣленій, съ поперемѣнно синимъ и зеленымъ фономъ. Посрединѣ—обычнаго типа Saṃvara съ çakti. По обѣ его стороны—по двѣ ḍākinī того же совершенно типа, съ тѣми же атрибутами, какъ и ḍākinī, внутри пламеннаго нимба Vajravārāhī. Справа: зеленая и красная; слѣва: желтая и синяя. Полосы справа и слѣва, тоже по пяти отдѣленій; фонъ—зеленый съ красною, съ цвѣточками, драпировкою. Въ каждомъ отдѣленіи—красный картушъ для надписи, оставшійся незаполненнымъ, безъ надписи.

Справа: 1) На бѣломъ коврѣ, съ коричневою каймою, стоитъ монахъ; цвѣтъ кожи—свѣтлый. Верхнее платье—красное, съ золотыми полосками около краевъ; нижнее платье—коричневое. Правая рука обнажена, но на плечо накинутъ кончикъ верхней одежды; въ правой рукѣ—монашескій посохъ, khakkhara, въ лѣвой—pātra. 2) Какой-то волхвъ, mahāsiddha, сидитъ на розово-красномъ кругломъ коврѣ, правою рукою обнимаетъ синюю женщину, сидящую на его колѣнѣ; это, повидимому, ḍākinī, такъ какъ во лбу—третій глазъ; правая рука ея—въ tarjanīmudrā. 3) На кругломъ красномъ коврѣ сидитъ монахъ въ коричневомъ одѣяніи, рука—въ dharmacakra (?) mudrā; за его спиною—скалы. 4) Какой-то зеленый бодисатва или богъ, верхомъ на тигрѣ; за нимъ, тоже верхомъ—красная çakti. 5) Лама, со свѣтлымъ цвѣтомъ лица, въ желтомъ одѣяніи, сидитъ на коричневомъ четырехугольномъ коврѣ; правая рука—какъ будто въ жестѣ ученія, лѣвая—на лонѣ. Изъ-подъ одежды у ворота и рукавовъ, выглядываетъ бѣлая рубашка.

Слѣва: 1) Монахъ, какъ справа, только рука—въ какой-то mudrā, безъ атрибутовъ. 2) Mahāsiddha, на кругломъ красномъ коврѣ, правая рука поднята, и пальцемъ онъ какъ будто указываетъ на красный дискъ солнца, нарисованный нѣсколько выше и справа отъ него; за его спиною виденъ большой кувшинъ. Передъ нимъ колѣнопреклоненный красный человѣкъ (?) въ вѣнцѣ что-то подноситъ ему. 3) Mahāsiddha (Lui-pa?), сидитъ на красномъ кругломъ коврѣ и держитъ двухъ рыбъ, собираясь опустить ихъ въ сосудъ, подъ которымъ разведенъ огонь; рядомъ—другой сосудъ. 4) На бѣломъ слонѣ ѣдетъ желтый Indra (или Samantabhadra?). За нимъ, въ вѣнцѣ—свѣтлосиняя фигура. 5) На коричневомъ четы-

Vajravarahi (№ 79).

рехугольномъ коврѣ сидитъ монахъ съ желтымъ цвѣтомъ лица, въ желтомъ одѣяніи; нижняя одежда—коричневая, видна рубашка. Правая рука, съ поднятымъ пальцемъ—у груди, другая—на лонѣ; передъ нимъ на красномъ коврикѣ—ghaṇṭā и vajra. У 2—5 справа и слѣва—нимбы; у 2 и 5 справа и 3 и 5 слѣва спинки сѣдалищъ—со страннымъ вырѣзомъ.

Нижняя полоса: красный фонъ, задрапированный сверху бѣлою матеріею съ голубыми цвѣточками. 6 пляшущихъ женщинъ съ дарами на подносахъ; слѣва отъ смотрящаго: 1) бѣлая, съ цвѣткомъ, 2) синяя, съ курильницей, 3) желтая, 4) зеленая, 5) красная, со свѣтильникомъ, 6) желтая, съ матеріей. Вокругъ образа—желтая кайма съ драгоцѣнными камнями. Край—темный. Образъ, по изображеніямъ сбоку, главной фигурѣ и нѣсколько по манерѣ, близокъ къ № 74.

80.

Образъ на шелку. 53×42. Сильно пострадалъ, вырваны куски, мѣстами сильно вытерто.

Образъ отличается, главнымъ образомъ, изображеніемъ значительнаго числа добавочныхъ фигуръ. Изображеніе Vajravārāhī такое же, какъ въ № 73. Отличіе: семь череповъ въ вѣнцѣ. Надъ большимъ нимбомъ—только балдахинъ, безъ devata. Разнообразныя кладбищенскія сцены; khaṭvāṅga безъ колецъ. Сопровождающія маленькія фигуры внутри пламени—желтая, синяя, красная и зеленая—всѣ двурукія, въ правой—karttrikā, въ лѣвой—vajra; зеленая—съ khaḍga въ правой рукѣ, съ vajra въ лѣвой.

Вокругъ главнаго изображенія—полоса изъ ряда отдѣльныхъ образковъ; на фонѣ попеременно синемъ и зеленомъ, съ цвѣточками, въ красномъ пламени, на красномъ полѣ, на розово-красныхъ лотосахъ, стоитъ 16 божествъ, изъ которыхъ часть настолько сильно потерта, что нельзя разобрать детали.

Верхній рядъ, считая справа.

1) ? Синее съ голубою çakti; атрибуты плохо различаются, есть мечъ; стоятъ на человѣкѣ, лежащемъ лицомъ внизъ на синемъ быкѣ. 2) Hevajra обычнаго типа. 3) Saṃvara, съ çakti, обычнаго типа. 4) Особый видъ Saṃvara (?), синій, съ красною çakti, четырехрукій; одна пара рукъ скрещена за спиною çakti и держитъ тетиву лука, другая натягиваетъ, съ каждой стороны, лукъ. Çakti, двурукая, обнимаетъ шею Saṃvara (?). 5) Yamāntaka, обыкновеннаго типа; единственное изображеніе въ собраніи.

Боковые ряды составлены изъ четырехъ отдѣленій; въ каждомъ изъ нихъ—по четырехрукой ḍākinī, въ правыхъ рукахъ которой—karttrikā и ḍamaru, въ лѣвыхъ—khaṭvāṅga и kapala; стоятъ на розовыхъ и желтыхъ лотосахъ, попеременно.

Цвѣтъ ḍākinī, считая справа: 1) правая сторона—синяя, лѣвая—желтая; 2) желтая, garuḍi (?); 3) правая сторона—желтая, лѣвая—красно-розовая; 4) красная, garuḍi (?). Съ лѣвой стороны: 1) синяя, garuḍi (?); 2) правая сторона—зеленая, лѣвая—синяя; 3) зеленая, garuḍi; 4) правая сторона—красная, лѣвая—зеленая.

Непосредственно подъ среднимъ образомъ—полоса изъ 3 отдѣленій; въ среднемъ—сильно вытертая группа, особенно средняя фигура; вслѣдствіе этого, трудно опредѣлить, есть ли эта группа изображеніе Vajravārāhī съ двумя ḍākinī, извѣстное подъ названіемъ изображенія „брахмана Çrīdhara“ [1]).

Видно, что средняя, красная, фигура держитъ въ лѣвой рукѣ kapāla, съ отрубленною красною головою, съ длинными черными волосами. Эта часть изображенія позволяетъ сблизить его съ образомъ-группою въ № 78, гдѣ средняя, красная, фигура—безголовая и держитъ тоже въ лѣвой рукѣ отрубленную голову, очевидно, свою собственную. Правая

[1]) A. Grünwedel. Mythologie. Abb. 131.

спутница—желтая ḍākinī, съ kapala въ поднятой лѣвой рукѣ; атрибута правой руки не различить. Слѣва—зеленая ḍākinī, съ kapāla въ правой рукѣ; атрибута лѣвой руки не различить. Въ отдѣленіи направо—красная ḍākinī Na-ro mK'a-spyod-ma, частая спутница, можетъ-быть, разновидность Vajravārahī [1]); изображеніе почти стерто. Слѣва—синій, двурукій Saṃvara съ красною çakti, безъ атрибутовъ,—только çakti держитъ въ правой рукѣ karttrikā.

Рис. 23.
№ 81. Dakinī (Yamī?).

Низъ образа состоитъ изъ трехъ отдѣленій; среднее, самое большое—съ краснымъ фономъ, на которомъ—цвѣточки; здѣсь изображены четыре пляшущія четырехрукія женщины: 1) желтая,—видны двѣ правыхъ руки и одна лѣвая; двѣ руки, правая и лѣвая, держатъ, повидимому, ленту, атрибута третьей руки не разобрать, стерто; 2) красная,—настолько стерта, что ничего нельзя опредѣлить; 3) зеленая,—одна пара рукъ держитъ бѣлый продолговатый барабанъ, съ желтыми концами, вторая лѣвая рука держитъ kapāla, атрибутъ второй правой руки неясенъ; 4) свѣтлосиняя,—правыя руки: khaṭvaṅga, красный kapāla или кусокъ кроваваго мяса (сердце?); лѣвая рука: kapāla, вторая рука—безъ атрибута.

Въ отдѣленіяхъ справа и слѣва на зеленомъ фонѣ, со спинками сѣдалищъ странной формы, съ вырѣзомъ, сидятъ два монаха. Справа: лицо—сѣрое, одежда—желтая, плечи покрыты, правая рука—въ жестѣ ученія, лѣвая—на лонѣ; передъ нимъ—красный круглый коврикъ и разукрашенный kalaça. Слѣва: черный монахъ, въ совершенно черной одеждѣ, только видно бѣлье у рукавовъ и шеи. На головѣ—черная шапка; въ правой рукѣ—vajra, въ лѣвой—ghaṇṭā. Передъ нимъ на красномъ кругломъ коврѣ—разукрашенный золотой kalaça и какая-то чаша.

Образъ окаймленъ двумя полосами—желтой и красной.

[1]) A. Grünwedel, l. c., p. 155. Abb. 130.

Dākinī.

81.

Образъ на холстѣ. 37×24. Отличной сохранности. (См. рис. 23).

Красная, одноликая, трехглазая, четырехрукая; въ правыхъ рукахъ: karttrikā, ḍamaru (?); въ лѣвыхъ: khaṭvāṅga, kapāla. Стоитъ на одной ногѣ на коричневомъ быкѣ, лежащемъ на красномъ полѣ, на разноцвѣтномъ лотосѣ. На головѣ—вѣнецъ съ 5 черепами и зелеными развѣвающимися лентами; въ ушахъ вмѣсто серегъ—змѣи; змѣи на кистяхъ и щиколкахъ. Съ шеи черезъ плечи ниспадаетъ къ ногамъ ожерелье изъ отрубленныхъ головъ. Длинные развѣвающіеся волосы. Вокругъ бедръ—звѣриная шкура. Съ обѣихъ сторонъ развѣваются бѣлыя ленты. Стоитъ въ пламени, которое начинается отъ краснаго поля и имѣетъ форму краснаго листа. Фонъ—зеленый съ желтыми цвѣтками. Вокругъ—желтая, съ двумя черными полосками, полоса; за нею—черная полоса; снизу и сверху пришиты черныя, узорныя шелковыя полосы. Сохранился деревянный валикъ для накатыванія образа.

Можетъ-быть, мы имѣемъ здѣсь особый видъ Yamī.

82.

Образъ на шелку. 86×58. Въ общемъ хорошей сохранности.

Синяя ḍākinī, можетъ-быть—Buddhaḍākinī. На пестромъ лотосѣ, на красномъ полѣ лежитъ, со слегка приподнятыми головою и плечами, желтая мужская фигура въ вѣнцѣ. На нее наступаетъ правою ногою пляшущая синяя ḍākinī, лѣвая нога которой нѣсколько поджата. Въ высоко поднятой правой рукѣ она держитъ karttrikā, въ лѣвой у груди—kapāla и ею же прижимаетъ khaṭvāṅga съ triçūla на концѣ.

Dākinī—съ обычными украшеніями. Въ высоко вздымающихся желтымъ пламенемъ волосахъ—большое изображеніе „Алмазнопрестольнаго“. Вокругъ—красное пламя языками. Фонъ образа—синій, съ цвѣточками. Край образа—съ орнаментомъ зубчиками: красными, синими и зелеными. Внизу и наверху подшита полоска синяго шелка.

Dākinī, по-тибетски mK'a-gro-ma, „носящіяся по воздуху“—рядъ женскихъ божествъ, часто связанныхъ, какъ çakti, съ какимъ-нибудь бодисатвою [1]).

83.

Образъ, вышитый шелкомъ по шелку. 53×30. Нѣсколько вытерся, съ заплаткою внизу; краски выцвѣли.

Работа образа настолько, въ общемъ, грубая и неумѣлая, что врядъ ли можно быть увѣреннымъ, что лицо, изготовлявшее образъ, имѣло точное представленіе объ изображаемомъ. Весьма вѣроятно, что изображена Indraḍākinī.

Фонъ средней части изображаетъ кладбище. Посрединѣ на лотосѣ лежитъ навзничь человѣкъ, на которомъ стоитъ лѣвою ногою ḍākinī; правая поджата. Dākinī—обычнаго типа, стоитъ среди пламени. Въ правой, поднятой, рукѣ—karttrikā, въ лѣвой—kapala, и ею же ḍākinī держитъ khaṭvaṅga.

Въ нижней части образа, на треножникахъ—5 алтарныхъ приношеній. По краю всего образа вышиты большія vajra. Единственныя, повидимому, краски въ образѣ, теперь выцвѣтшія, были желтая и синяя.

Сама вышивка недурна, но рисунокъ—чрезвычайно первобытный.

[1]) A. Grünwedel. Mythologie, pp. 153 sqq.

Preta.

84.

Большой образъ на бумагѣ; сохранилась только правая часть тѣла (см. рис. 24). 111 × 51 въ сохранившейся части.

Громадный синій preta сидитъ на корточкахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ ложку съ рисомъ, которую подноситъ ко рту; ротъ широко открытъ; лѣвая рука держитъ монашескую чашу съ рисомъ. Фигура — скелетообразная, съ громаднымъ животомъ. Громадные круглые глаза; волоса, пламенемъ — на подбородкѣ, и подъ носомъ — клочки волосъ. Preta сидитъ, повидимому, на коврѣ, съ краснымъ бортомъ, по которому идетъ черный узоръ. Ниже пояса точно подвязана какая-то бѣлая матерія.

Рис. 24.
№ 84. Preta.

Рисунокъ красками, съ чернымъ контуромъ на бумагѣ. Было, видимо, обрамлено полоской темной бумаги.

Смѣлый, вѣрный рисунокъ.

Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ пещерахъ Туюкъ-Мазара къ востоку отъ Турфана попадаются изображенія preta на стѣнахъ. Имѣли ли они значеніе memento, какъ, напр., изображенія адовъ, сказать трудно. Ученіе о preta — существахъ, наказанныхъ за жадность и корыстолюбіе тѣмъ, что они лишены возможности удовлетворить голодъ и жажду, мучащую ихъ—очень распространено въ буддизмѣ и служило въ рукахъ монаховъ могущественнымъ побудительнымъ средствомъ для пожертвованій въ пользу общины.

Siddha.

85.

Вырѣзано изъ какого-то образа на полотнѣ; очень близко къ изображенію будды Amitābha (№ 32), повидимому, изъ того же образа. 8 × 7,5. Хорошей сохранности; производитъ впечатлѣніе — точно вырѣзано изъ образа ножомъ или ножницами.

Изображена, повидимому, пещера въ горахъ. Горы—своеобразной трактовки, болѣе близкой, однако, къ индійской манерѣ, чѣмъ къ китайской. Пещера внутри —красная; внизу видны, какъ и въ изображеніи будды Amitābha, стебли какихъ-то золотыхъ травъ. На пятнистой шкурѣ сидитъ въ особой позѣ, названіе которой мнѣ неизвѣстно, siddha, кудесникъ, шоколадно-коричневаго цвѣта; ладони и подошвы—красныя. Вокругъ чреслъ—зеленая, съ золотымъ узоромъ и полосою вверху, матерія, синій поясъ. Черные волосы зачесаны клубкомъ на макушкѣ и частью падаютъ на плечи, перевиты красною лентой; въ нихъ—золотыя украшенія. Въ ушахъ—золотыя серьги, на шеѣ—ожерелье, на рукахъ—браслеты, на ногахъ -украшенія. Нимбъ—бѣлый, съ красною полоскою, продолговатый. Судя по золотому луку и стрѣлѣ, которыя онъ держитъ, это, вѣроятно—Çavarīpa. За нимъ, слѣва—желтая женщина, повидимому, ḍākinī, которая растираетъ подошву его лѣвой ноги. На головѣ, въ черныхъ волосахъ—вѣнецъ; нимбъ—такой же, какъ у главной фигуры.

Тонкое, миніатюрное письмо.

Лама (№ 86).

Лама.

86.

Образъ на холстѣ. 38 × 27. Немного только потертъ. См. таблицу.

Судя по нѣсколько смуглому цвѣту, имѣется въ виду, быть можетъ, одинъ изъ т. н. индійскихъ учителей. Лама сидитъ на бѣломъ полѣ, на пестромъ лотосѣ; лотосъ—на подставкѣ. Богатое сѣдалище поддерживается съ боковъ слонами, бѣлыми съ краснымъ; на нихъ стоятъ темносиніе козлы, съ золотыми хвостами. Надъ перекладиной съ обѣихъ сторонъ—желтые haṃsa. Все это включено въ упирающійся въ лотосъ красный, срѣзанный внизу овалъ съ ободкомъ зеленымъ, оранжевымъ, желтымъ. За овалomъ наверху съ боковъ по дереву; фонъ синій, съ раскиданными по нему цвѣтами. Подъ лотосомъ—коверъ съ цвѣтами, часть котораго свѣшивается спереди на низъ сѣдалища. Монахъ сидитъ въ padmāsana; правая рука поднята къ груди въ какой-то mudrā, лѣвая покоится на ногахъ. Нижнее платье—желтое, сверхъ желтаго—темнокоричневое; верхнее—красно-желтое. Внизу справа стоитъ молящійся мужчина, слѣва—молящаяся женщина. Оба въ уйгурскихъ (?) костюмахъ. Кайма образа—лепестки пестрыхъ лотосовъ и узенькая темная полоса. Снизу и сверху пришитъ синій шелкъ. Сохранилось и покрывало изъ желтаго, съ бѣлымъ, набойкою, узоромъ, шелка.

87.

Образъ [1]) на полотнѣ. 0,081 × 0,067. Составлялъ, очевидно, часть большого образа.

Онъ изображаетъ буддійскаго монаха, повидимому, одного изъ индійскихъ учителей, такъ какъ хронологически исключены тибетскіе учителя, изъ которыхъ могли бы быть приняты въ расчетъ только столь древніе, какъ Ми-ла-рай-ба или учитель его Мар-ба или Падмасамбхава. Конечно, можетъ-быть, мы имѣемъ дѣло и съ мѣстнымъ учителемъ. Несмотря на то, что образъ сильно стерся, контуры рисунка въ общемъ вполнѣ ясны. Точно такъ же можно опредѣлить почти безъ ошибки и всѣ тона красокъ на оригиналѣ, хотя онъ, несомнѣнно, немного выцвѣлъ.

Монахъ сидитъ на розовомъ лотосѣ, семь лепестковъ котораго ясно различаются; между ними выступаетъ второй рядъ лепестковъ уже бѣлаго цвѣта,—отъ нихъ видны только концы. Надъ лепестками поднимаются, повидимому, тычинки, сперва розовыя, потомъ желтыя. Монахъ сидитъ въ позѣ padmāsana, съ поджатыми ногами, ступнями вверхъ; изъ рукъ правая, обнаженная уже нѣсколько выше локтя—передъ грудью въ жестѣ abhaya-mudrā, лѣвая покоится на колѣняхъ, вытянутая. Нижнее платье—красное, верхнее—желтое съ красноватымъ оттѣнкомъ. Лицо—полное, съ глазами, обращенными внизъ, слегка повернуто вправо. Бѣлокъ виденъ ясно; относительно обозначенія зрачка нельзя ничего сказать точно, такъ какъ образокъ сильно потертъ. Губы были окрашены въ красный цвѣтъ и выдѣляются на тѣлесномъ цвѣтѣ лица. Волосы—гладкіе, бритые, черные; уши—съ обычнымъ удлиненіемъ внизъ. Видно обозначеніе двухъ складокъ на шеѣ. Складки и края одежды означены болѣе темными линіями. Вокругъ головы—зеленый нимбъ, нѣсколько овальный въ нижней части. Вся фигура окружена краснымъ нимбомъ такой же формы.

Монахъ опирается на темносинюю, повидимому, стеганую подушку такой же формы, какъ и нимбы. На ней, повидимому, обозначена простежка полосками. Можетъ-быть, впрочемъ, это и рисунокъ матеріи. На синемъ фонѣ подушки выдѣляются, по обѣ стороны фигуры, два синихъ лотоса, круглой формы, съ красными стеблями. Ихъ стебли, какъ

[1]) Былъ раньше описанъ нами въ замѣткѣ „Буддійскій образокъ, вывезенный изъ развалинъ Хара-хото". И. Р. Г. О. XLV. 471—473. (1909). Тамъ же рисунокъ по точной калькѣ Н. М. Березовскаго.

обыкновенно на буддійскихъ изображеніяхъ, восходятъ къ рукамъ изображенной фигуры, причемъ у настоящей фигуры не совсѣмъ видно, гдѣ начинается правый лотосъ. Видны слабые слѣды желтой краски по краю и въ серединѣ лотосовъ. Красный нимбъ нарисованъ на синемъ фонѣ, по которому были раскинуты красные листки и желтые цвѣты, теперь слабо различаемые.

Сверху и снизу—узкая желтая полоса, причемъ сверху—болѣе широкая красная.

Магическій кругъ Acala.

88.

Образъ на холстѣ. 74 × 49. Мѣстами совсѣмъ стертъ.

Посрединѣ образа большой раскрытый лотосъ съ восьмью лепестками. Въ серединѣ его, на красномъ полѣ, сидитъ, поджавъ подъ себя лѣвую ногу, на пестромъ лотосѣ (?), въ пламени, Acala, темный, вѣроятно, первоначально темносиній. Правая рука поднята съ мечомъ, лѣвая какъ будто держитъ kapāla. Въ волосахъ темный будда (Akṣobhya). Можно различить: на лбу третій глазъ, развѣвающійся шарфъ, браслеты изъ змѣй. На восьми лепесткахъ стоятъ, въ пламени, восемь темныхъ Acala или Vajrapāṇi съ vajra и kapāla (?). Вокругъ—темный ободокъ съ изображеніемъ vajra и красныхъ кружковъ съ неясно различаемымъ орнаментомъ. Фонъ обычнаго типа: „сцены на кладбищѣ". Въ четырехъ углахъ въ пламени: справа, наверху, существо съ черною головою во́рона и съ копьемъ (?), внизу темный, типа докшита, съ мечами въ обѣихъ рукахъ; слѣва, наверху не различить, кто именно, но ясно виденъ докшитскій типъ изображенія; внизу—зеленый гаруда безъ крыльевъ, съ палицею въ правой рукѣ и какимъ-то неопредѣленнымъ предметомъ въ лѣвой.

Наверху—полоса съ пятью изображеніями въ пламени; здѣсь образъ настолько вытертъ, что нельзя опредѣлить фигуры. Первая справа отъ средней фигуры—какъ будто Vajravārāhi, вторая слѣва—синій Mahākāla, со слономъ подъ ногами. Нижняя полоса—тоже съ 5 изображеніями въ пламени: въ серединѣ—темный гаруда, еще сохранились крылья; направо—черный воронъ и затѣмъ какая-то зеленая ḍākinī; слѣва—Vajrapāṇi или Acala, синіе, видно только kapāla въ лѣвой рукѣ; затѣмъ—Devī (Lhamo) на мулѣ, темносиняя.

Вокругъ образа—узорная полоса, за нею—темная. Было обшито темною матеріею.

Магическій кругъ Kubera.

89.

Образъ на холстѣ. 31 × 21. Нѣсколько выцвѣлъ и началъ лупиться.

Образъ дѣлится на три отдѣленія: изъ нихъ среднее, самое большое, представляетъ, повидимому, прудъ—зеленое поле, съ 4 nāga въ углахъ (считая съ праваго верхняго угла: красный, бѣлый (?), красный (?), бѣлый), такого же вида, какъ въ № 90. Посреди воды большой кругъ. Въ серединѣ его, на бѣломъ кругѣ, верхомъ, бокомъ на синемъ львѣ—Kubera, со знаменемъ (?) въ правой рукѣ; изъ деталей, вслѣдствіе порчи образа, можно только различить вѣнецъ и зеленое, съ красными каймами, платье. Широкая полоса, окружающая бѣлый средній кругъ, теперь темнокоричневая и раздѣлена на 8 отдѣловъ, изъ которыхъ въ каждомъ по одному спутнику Kubera, верхомъ на бѣлой лошади. Плохая сохранность образа не позволяетъ точнѣе описать этихъ спутниковъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи образа 5 dhyānibuddha. Въ серединѣ—желтый Ratnasaṃbhava съ dharmacakramudrā (?), направо: красный Amitabha, dhyānamudrā, синій Akṣobhya, varamudrā; налѣво: бѣлый Vairocana, bhūsparçamudrā, зеленый Amoghasiddhi, abhayamudrā. Какъ видно, и здѣсь mudrā не отвѣчаютъ принятымъ обыкновенно въ современной иконописи.

Внизу посрединѣ на красномъ фонѣ: въ чашахъ—„пять даровъ“, по бокамъ въ синихъ квадратахъ—по человѣку въ молитвенной позѣ около пальмы. Платье у пояса—красное. Вокругъ образа шла, повидимому, бѣлая полоса. Чрезвычайно грубое, неумѣлое письмо.

Внизу и наверху пришиты полосы желтаго (?) шелка.

Образа №№ 89 и 90 очень близки по композиціи, разнятся больше въ подробностяхъ.

90.

Образъ на полотнѣ. 36 × 22. Сильно потертъ.

Образъ дѣлится на три отдѣленія; изъ нихъ среднее, самое большое, представляетъ, повидимому, прудъ—мы принимаемъ зеленый волнообразный орнаментъ за условное изображеніе воды, а не зелени, потому что въ четырехъ углахъ среди этого орнамента мы видимъ по одному nāga красно-коричневаго цвѣта, съ человѣческимъ тѣломъ до пояса, переходящимъ далѣе въ завитки змѣинаго тѣла. Посреди воды—большой лотосъ, окруженный краснымъ пламенемъ. Въ серединѣ лотоса, на красномъ лотосѣ—желтый Kuḃera, повидимому, на львѣ: изображеніе очень стерлось; можно еще, впрочемъ, различить желтую своеобразную корону и знамя въ правой рукѣ. На 8 лепесткахъ лотоса, изъ которыхъ 2 зеленыхъ, 2 красныхъ, 2 синихъ (?), 2 желтыхъ—по спутнику Kuḃera, на коняхъ. Плохая сохранность образа не позволяетъ указать на отдѣльные атрибуты. Въ верхнемъ отдѣленіи образа на красномъ фонѣ, среди пламени—три фигуры: посрединѣ—синій, двурукій Saṃvara съ vajra и ghaṇṭā, справа—синій, двурукій Mahākāla (? или Vajrapāṇi), слѣва—синій двурукій Vajrapāṇi (или Mahākāla).

Въ нижнемъ отдѣленіи посрединѣ (?) ничего не видно, стерто, но, судя по аналогіи съ № 89 и по нѣкоторымъ остаткамъ живописи, тутъ находились алтарныя принадлежности; справа и слѣва—по ламѣ, нижнее платье—желтое, верхнее -красное, оба плеча закрыты, padmāsana.

Грубое письмо. Снизу и сверху пришиты полосы темнаго шелка.

Лотосъ.

91.

Образъ на шелку. 29 × 51. Сильно потертый и рваный, сохранился только кусокъ, недостаетъ почти половины, нижней.

Образъ представляетъ четырехугольникъ, составленный изъ четырехъ треугольниковъ съ общею вершиною; сохранились слѣды трехъ: бѣлаго, зеленаго и желтаго, такъ что можно предположить, что четвертый былъ или синій или красный. Посрединѣ—большой лотосъ съ восемью распустившимися лепестками, четырьмя красными и четырьмя зелеными, внутри—кольцо съ поперечными полосами въ родѣ обыкновеннаго изображенія радуги въ тибетской иконописи: синими, зелеными, красными. Посрединѣ—желтый или бѣлый кругъ, внутри котораго—красный треугольникъ ? (видна только верхняя часть, со слогомъ raṃ (?) тибетскимъ алфавитомъ; видны еще внутри круга по бокамъ треугольника тибетскіе слоги ha (? неясно), sa и ni, отдѣленные другъ отъ друга чертами).

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ весьма многочисленныхъ въ буддійскомъ обиходѣ магическихъ круговъ [1]).

[1]) Одно изъ подобныхъ изображеній см. напр. у Waddell, l. c. p. 403. The general charm print. Entitled „The Assembly of Lāmas' Hearts“.

M a n d a l a.

Mandala Usnisavijaya.

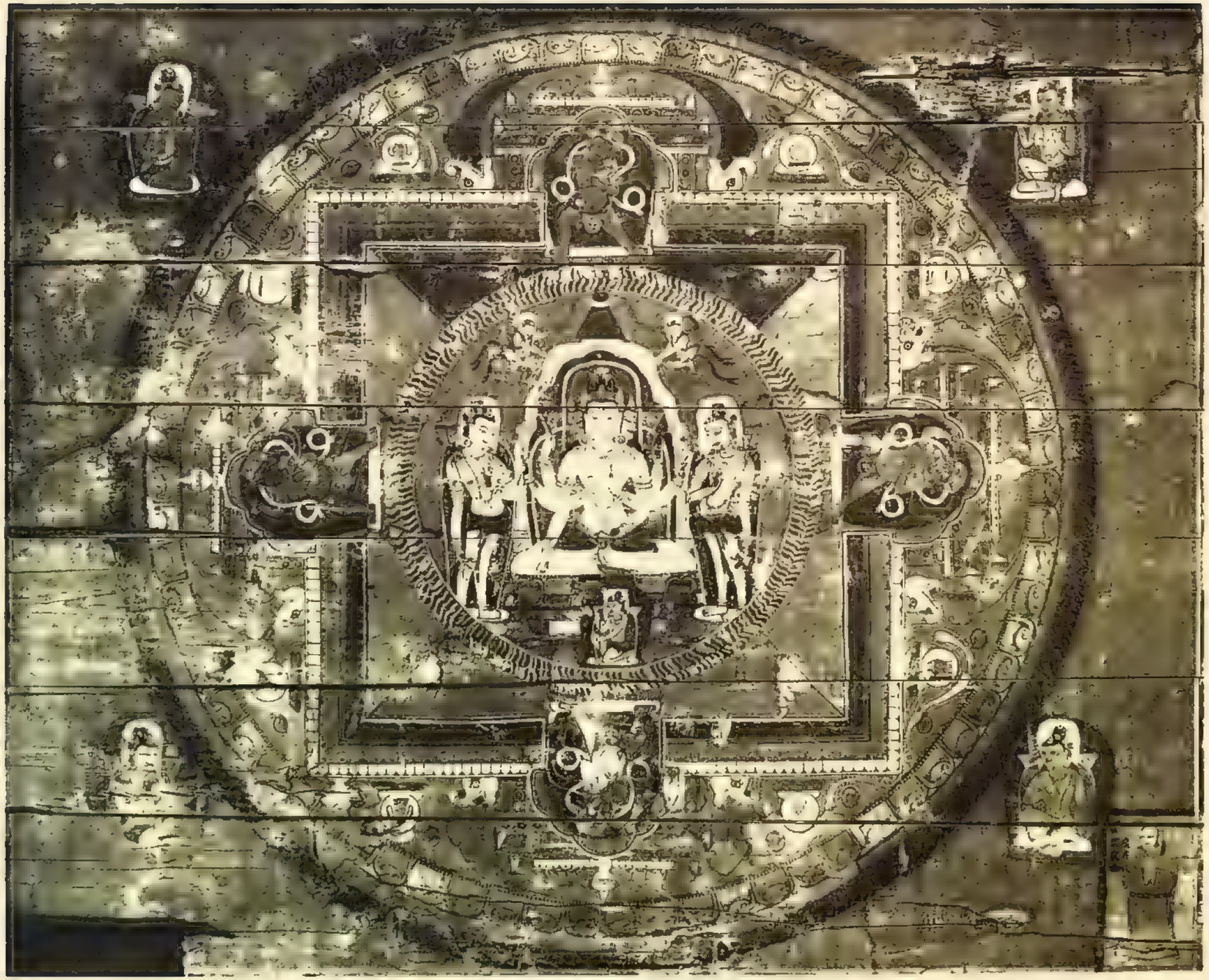
92 [1]).

Образъ на деревѣ. 130 × 108. Хорошей сохранности въ общемъ, нѣсколько только пострадалъ лѣвый (отъ смотрящаго) нижній уголъ. (См. таблицу).

Фонъ образа—синій, окаймленный желтой полоской, за которой, до края, идетъ нѣсколько болѣе широкая черная полоса. По синему фону желтыми іероглифами написанъ текстъ на языкѣ Си-ся. Вся середина занята большимъ кругомъ, наружная полоса котораго—красная, пламенная; за нею идетъ узкая зеленая полоса съ желтымъ орнаментомъ изъ vajra, отдѣленныхъ другъ отъ друга кружками, раздѣленными пополамъ поперечною полосою; затѣмъ идетъ полоса изъ пестрыхъ лепестковъ лотоса (пестрые, красные, зеленіе, синіе). Внутри помѣщается четырехугольникъ съ четырьмя воротами, внутри каждыхъ изъ которыхъ стоитъ по темносиней (теперь сѣро-синей) фигурѣ докшита, на красномъ фонѣ: двурукій, двуногій, трехглазый, съ волосами пламенемъ, опоясанный тигровой шкурой, на плечи накинутъ развѣвающійся бѣлый шарфъ съ синими концами; въ лѣвой рукѣ всѣ держатъ pāça, и эта рука—въ tarjanīmudrā; въ правой рукѣ держатъ, считая съ фигуры надъ центральной фигурой и затѣмъ вправо: 1) khaṭvāṅga, 2) aṅkuça, 3) khaḍga, 4) vajra. На воротахъ вмѣсто ланей—синевато-сѣрые бараны, вмѣсто cakra—закрытая pātra. У makara изъ открытой пасти выходятъ стилизованные рога (?), которые почти сходятся сводомъ; они—1) красные, 2) желтые, 3) синіе, 4) зеленые; makara—желтые. По бокамъ makara на нераспустившихся лотосахъ, между двумя нераспустившимися лотосами, расположены maṅgala (8), считая сверху: 1) kalaça, 2) cakra, 3) padma, 4) chattra, 5) çrīvatsa, 6) dhvaja, 7) çaṅkha, 8) matsya. Стѣна—изъ трехъ полосъ, на нижней изъ которыхъ—пляшущія ḍākinī, по двѣ съ каждой стороны воротъ, синія, розовыя, желтыя, всего 16. Орнаментъ двухъ другихъ полосъ виденъ на прилагаемой таблицѣ. Внутри поле, какъ обыкновенно, раздѣлено на четыре треугольника: красный, желтый, синій, зеленый; внутри—синій съ цвѣточками кругъ, окруженный радужной полосою. Внутри круга—открытая спереди бѣлая съ красною внутренностью и краснымъ зонтомъ caitya, внутри которой, на пестромъ лотосѣ (лепестки синіе, красные, зеленые, желтые, бѣлые, загнуты внизъ и вверхъ), сидитъ бѣлая Uṣṇīṣavijayā, трехликая (лицо бѣлое, желтое, синее) и на каждомъ лицѣ три глаза, ноги въ padmāsana, восьмирукая; въ рукахъ справа: 1) viçvavajra, 2) будда Amitābha на красномъ лотосѣ, 3) çara, 4) varadamudrā; слѣва: 1) tarjanīmudrā (безъ pāça), 2) abhayamudrā, 3) cāpa, 4) bhadraghaṭa, въ вѣнцѣ будда Vairocana. Ладони рукъ и подошвы—красныя; ожерелья, запястья, отъ пояса внизъ короткая красная одежда. Нимбъ у головы—красный съ желтымъ ободкомъ. Спинка сѣдалища—зеленая съ лиственнымъ орнаментомъ. По обѣимъ сторонамъ стоятъ на красныхъ лотосахъ, въ одеждѣ и украшеніяхъ бодисатвъ, справа—бѣлый Avalokiteçvara, около котораго лотосъ съ kalaça, слѣва—синій Vajrapāṇi съ лотосомъ, на которомъ vajra. Спереди—небольшая колѣнопреклоненная желтая фигура devatā съ краснымъ зонтомъ. Вверху по обѣ стороны caitya на красныхъ облакахъ—двѣ devatā, справа—желтая, слѣва—бѣлая, которыя льютъ что-то изъ сосудовъ Uṣṇīṣavijayā.

Внѣ круга, въ четырехъ углахъ въ красныхъ нимбахъ, покрытыхъ лотосомъ, съ бѣлыми—четыре божества, всѣ держатъ въ правой рукѣ по кошельку съ головою ихневмона. Отличія—слѣдующія, считая справа, сверху: 1) красный, въ лѣвой рукѣ—подносъ съ золо-

[1]) Снимокъ съ этого образа см. въ книгѣ: Н. И. Веселовскій. Гератскій бронзовый котелокъ и т. д. С.-Петербургъ. 1910, стр. 17.



Maṇḍala Uṣṇīṣavijayā (№ 92).

тымъ kalaça; 2) бѣлый, въ лѣвой рукѣ—бѣлый padma, 3) синій, въ лѣвой рукѣ держитъ золотую patra на подносѣ (такъ въ № 93; въ № 92 стерто); 4) красно-желтый, въ лѣвой рукѣ держитъ dhvaja изъ тигровой шкуры.

Съ самаго края слѣва на бѣломъ полѣ съ красною картушью—bhaktajana: мужчина среднихъ лѣтъ въ сѣроватомъ длинномъ кафтанѣ съ коричневымъ, съ бляшками, поясомъ; видна рубашка у шеи и у кистей рукъ; руки сложены въ añjali; небольшіе усы и бородка; волосы—черные, длинные. Обувь на ногахъ стерта, и потому ее нельзя описать подробно; носки—довольно острые. Работа—грубоватая, особенно окраска; рисунокъ—хорошій и отчетливый.

93.

Образъ на деревѣ. 130 × 108. Мѣстами краски сильно стерты.

Тождественъ съ предыдущимъ. Кромѣ совершенно незначительныхъ различій, слѣдуетъ отмѣтить только, что bhaktajana—женщина въ коричневомъ кафтанѣ съ чернымъ цвѣточнымъ узоромъ, съ красною каймою и разрѣзомъ сбоку; изъ-подъ разрѣза видно нижнее платье розоватаго цвѣта. Щеки нарумянены, высокая прическа съ лентами, волосы черные. Въ рукахъ, сложенныхъ въ añjali—красный цвѣтокъ на желтомъ стеблѣ. Такъ какъ кафтанъ очень длиненъ, то относительно формы обуви трудно сказать что-либо; она—темная и съ довольно острыми носками. Костюмъ женщины напоминаетъ уйгурскія изображенія изъ Китайскаго Туркестана. Въ виду тождественности образовъ, можно предположить, что изображенные bhaktajana—жертвователи мужъ и жена.

Mandala Samvara.

94.

Образъ на холстѣ. 77 × 65. Въ общемъ хорошей сохранности, только мѣстами пострадалъ.

Maṇḍala обычнаго типа съ большимъ количествомъ тщательно выполненныхъ деталей. Посрединѣ въ красномъ пламенномъ кругѣ стоитъ синій Saṃvara съ красною çakti. Saṃvara—съ 12 руками, 2 ногами, 3 головами (синяя, красная, у конской головы 3 глаза, зеленая). Въ рукахъ, справа: 1) край бѣлой слоновой шкуры, накинутый на плечи, 2) ḍamaru, 3) paraçu, 4) стерто, 5) triçula, 6) vajra; слѣва: 1) край слоновой шкуры, 2) khaṭvāṅga, 3) kapāla, 4) pāça, 5) отсѣченная четырехликая голова бога Brahma, 6) ghaṇṭā. У çakti правая нога обвивается вокругъ пояса Saṃvara, лѣвая вытянута вдоль его ноги, въ правой рукѣ—karttrikā, лѣвою она обнимаетъ шею Saṃvara. Низко свѣшивается у Saṃvara ожерелье изъ отрубленныхъ головъ. Подъ правою ногою—красный лежащій мужчина, подъ лѣвою—лежащая синяя женщина съ kapāla. Кругъ окаймленъ полоскою, которая, повидимому, изображаетъ тычинки лотоса, такъ какъ сейчасъ за ней идутъ лотосные лепестки, которыхъ восемь; они—красные, зеленые, сѣро-синіе; на четырехъ изъ нихъ въ красномъ пламени стоитъ по ḍākinī (красная, желтая, синяя, зеленая); онѣ—четырехрукія и держатъ каждая: справа—ḍamaru и karttrikā, слѣва—kapāla и khaṭvāṅga. На другихъ четырехъ лепесткахъ изображено по kapāla и подъ нимъ слоновый клыкъ (?). Затѣмъ—полоска съ золотымъ орнаментомъ, на которомъ видны драгоцѣнные камни. Слѣдующая полоса съ желто-краснымъ фономъ раздѣлена колоннами на 8 отдѣленій; внутри каждаго отдѣленія отгорожено мѣсто для стоящей въ пламени фигуры сѣро-синяго Saṃvara съ зеленою çakti; онъ—четырехрукій и держитъ: справа—ḍamaru и vajra, слѣва—khaṭvāṅga, ghaṇṭā. Эта полоса отгорожена отъ слѣдующей сѣрою полоскою съ орнаментомъ, изображающимъ, повидимому, стилизованные vajra. Слѣдующая полоса подобна прежней, съ тою разни-

цею, что фонъ—зеленый и Saṃvara—красный, а çakti—розовая. Эта полоса опять отдѣлена отъ слѣдующей узкою красною полоскою, въ которой орнаментъ—изъ шишекъ. Слѣдующая полоса опять подобна двумъ предыдущимъ, съ тою разницею, что фонъ—красный, Saṃvara—желтый, çakti—красно-желтая. Полоса окаймлена желтою полоскою, въ которой орнаментъ—изъ цвѣтовъ съ 8 лепестками. Колонки, отдѣляющія 8 отдѣленій и полоски, окружающія фигуры въ нихъ, имѣютъ каждый разъ тотъ же орнаментъ, что и полоска, окружающая болѣе широкую полосу. Весь кругъ лежитъ, какъ обыкновенно у maṇḍala, на четырехугольникѣ, составленномъ изъ четырехъ треугольниковъ: краснаго, желтаго, синяго, зеленаго. Въ каждомъ углу — по ḍākinī, съ четырьмя руками: справа—ḍamaru, karttrikā, слѣва — kapala, khaṭvāṅga. Цвѣтъ ихъ -слѣдующій: 1) правая половина—желтая, лѣвая—красная, стоитъ въ желтомъ пламени; 2) правая сторона—синяя, лѣвая—желтая, стоитъ въ красномъ пламени; 3) правая половина—зеленая, лѣвая—желтая, стоитъ въ красномъ пламени; 4) правая половина—красная, лѣвая—зеленая, стоитъ въ желтомъ пламени. Можно отмѣтить, что ḍakinī, какъ видно изъ описанія, обращены другъ къ другу стороною одного и того же цвѣта. Около каждой фигуры съ обѣихъ сторона—по сосуду съ двумя зелеными вѣтвями. Сосуды тоже парно: два синихъ, два желто-красныхъ, два желтыхъ, два зеленыхъ. Стѣны — съ обычнымъ орнаментомъ, внизу—красныя, и съ каждой стороны воротъ—по двѣ женскихъ фигуры (ḍākinī), повидимому, каждый разъ желтая и зеленая, всѣхъ 16. Внутри воротъ—по божеству: 1) красный —одноголовый Yama, съ четырьмя руками; справа—ḍamaru, karttrikā, слѣва—kapala и khaṭvāṅga, въ желтомъ пламени; 2) желтое божество съ кабаньей (?) головой, въ красномъ пламени, съ тѣми же атрибутами; 3) такое же синее божество, съ птичьей головой, въ красномъ пламени; 4) такое же зеленое, съ птичьей головой, въ красномъ пламени. Ворота—обычнаго типа съ колесомъ внутри caitya и съ ланями по бокамъ; makara—обычнаго типа: красные, желтые, синіе, зеленые. Рядомъ съ makara—по красному, съ зеленою каймою и съ развѣвающимися лентами, знамени. Далѣе, рядомъ со знаменами т. н. драгоцѣнности царя-міродержца. Любопытно, что это—особая серія 8, а не 7 драгоцѣнностей, гдѣ восьмымъ, повидимому, для симметріи прибавленъ мечъ (khaḍga), который обыкновенно въ эту серію не входитъ. Расположены драгоцѣнности такъ: 1) cintāmaṇi, 2) cakra, 3) hasti, 4) strī, 5) mantrin, 6) senāpati, 7) khaḍga, 8) açva. Затѣмъ—рядъ полосъ, кругомъ узкія красная и желтая, полоска изъ тычинокъ, полоска изъ пестрыхъ лотосныхъ лепестковъ (красныхъ, синихъ, желтыхъ, зеленыхъ), темно-сѣрая полоса съ орнаментомъ какъ будто изъ стилизованныхъ vajra и полоса, какъ будто составленная изъ пучковъ пламени (красныхъ, синихъ, желтыхъ, зеленыхъ). Въ четырехъ углахъ—сцены изъ кладбищъ и адскихъ мученій, чрезвычайно разнообразныя. Далѣе—ободокъ, узорная полоса, красная и желтая, и тонкая черная полоска у самаго края. Внизу подшитъ кусокъ темнаго шелка, къ которому прикрѣпленъ деревянный валикъ для накатыванія, слегка лакированный и украшенный нѣсколькими красными и желтыми полосками.

95.

Образъ на шелку. 77 × 60 (размѣры не вполнѣ точны, такъ какъ образъ очень смятъ и, въ виду хрупкости шелка, его нельзя вполнѣ растянуть). Почти вся краска сошла, сохранились только отчасти контуры; по контурамъ и можно возстановить образъ, который былъ, повидимому, очень тонко написанъ.

Образъ мало чѣмъ отличается отъ № 94. Композиція совершенно въ общемъ одинаковая, но о деталяхъ трудно говорить, въ виду неясности очертаній во многихъ мѣстахъ. Мы считаемъ, что это maṇḍala Saṃvara, такъ какъ можно видѣть, что главная фигура была синяя, а çakti—красная.

Mandala.

96.

Образъ на шелку, оставшаяся часть. 51 × 52. Оторвано приблизительно 18 сантим. сверху. Сильно вытертъ, что мѣшаетъ выяснить детали.

Вслѣдствіе плохой сохранности, трудно опредѣлить главную фигуру въ серединѣ, и потому нельзя пріурочивать maṇḍala къ опредѣленному божеству. Въ серединѣ—синяя фигура, шести или восьмирукая, çakti | зеленая или желтая, повидимому, шестирукая; лѣвая нога обвиваетъ мужскую фигуру, правая протянута вдоль ея лѣвой ноги; видно только низко свѣсившееся ожерелье изъ череповъ. Атрибутовъ различить нельзя. Центральная фигура правою ногою опирается на красную распростертую фигуру, лѣвая—на синюю. Кругъ, на которомъ изображена центральная фигура—красный. Къ этому кругу, обведенному тремя концентрическими полосами, первоначальные цвѣта которыхъ трудно различить, прикрѣплено шесть лепестковъ своеобразной формы; на каждомъ изъ нихъ—по ḍākinī, цвѣта которыхъ, считая ḍākinī надъ головою главной фигуры: зеленая, красная, желто-красная, синяя (?), зеленая (?), синяя (?). У всѣхъ—черные волосы и развѣвающіеся желтые шарфы, перекинутые черезъ плечи. Все это—на красномъ кругу, окаймленномъ желтою бисерною полосою. Красный кругъ—на четырехугольникѣ, составленномъ изъ четырехъ треугольниковъ: краснаго, зеленаго, синяго, желтаго. Далѣе идетъ стѣна съ четырьмя воротами, надъ которыми—священное изображеніе колеса закона съ двумя ланями по бокамъ; надъ колесомъ—повидимому, зонтъ. Любопытно отмѣтить, что закинутые головы и хоботы makara, которые обыкновенно сходятся почти полнымъ сводомъ надъ воротами, здѣсь совершенно стилизованы, такъ что можно предположить, что иконописецъ не зналъ, что именно онъ изображаетъ. Эти стилизованные makara—красные, зеленые, синіе, желтые. По обѣ стороны makara—сосуды съ выходящими изъ нихъ вѣтвями, тоже очень сильно стилизованными. Далѣе слѣдуетъ тонкій зеленый ободокъ, за которымъ идетъ значительно болѣе широкая полоса, съ изображеніями. Полосками бисернаго орнамента она раздѣлена на 8 частей; въ серединѣ каждой изъ послѣднихъ—по чайтьеобразному сооруженію, внутри котораго сидитъ, повидимому, mahāsiddha или божество на какомъ-нибудь животномъ; изъ нихъ ясно различается верблюдъ. Надъ сооруженіями—дерево, изъ листвы котораго выглядываетъ бычачья голова. Кругомъ—фигуры и сцены изъ обихода кладбища, обычнаго типа. Далѣе—полоска изъ лотосныхъ лепестковъ краснаго, зеленаго, желтаго, коричневаго цвѣта, узенькая темная полоска съ золотыми vajra, красная полоска. Все это—на четырехугольникѣ, составленномъ изъ четырехъ треугольниковъ: краснаго, зеленаго, синяго, желтаго; треугольники всѣ—въ орнаментѣ, квадраты—съ цвѣткомъ посерединѣ.

Какъ видно, maṇḍala—нѣсколько особаго типа, такъ какъ обыкновенно „сцены" помѣщаются за предѣлами круга.

—

Въ китайскомъ сочиненіи второй половины XIV вѣка упоминается, что уже въ началѣ XI вѣка въ Тангутскомъ царствѣ занимались живописью, причемъ то же сочиненіе сообщаетъ, что сѣверовосточные тибетцы были искусными живописцами буддъ, что пользовались они больше всего бумажными тканями, которыхъ поверхность покрывали лакомъ [1]). Свѣдѣнія эти, древнѣйшія изъ пока извѣстныхъ [2]), вполнѣ подходятъ къ тому матеріалу,

[1]) F. Hirth. Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst. München und Leipzig. 1896, s. 45.

[2]) Нельзя не пожалѣть, что богатѣйшіе источники по исторіи китайскаго искусства остаются недоступными несинологамъ; многаго мы должны ждать отъ работъ Шаванна и Пелліо, которыя, какъ мы знаемъ, уже подготовляются.

который доставилъ намъ Хара-хото. Образа тибетскаго письма, найденные тамъ, рѣзко отличаются отъ образовъ китайскаго письма и даютъ неопровержимое доказательство того—чего мы впрочемъ и въ правѣ были ожидать — основного, рѣшающаго вліянія, которое индійская живопись имѣла на древнетибетскую, а вмѣстѣ съ нею и на тангутскую, если въ Тангутскомъ царствѣ существовала своя самостоятельная школа живописи или иконописи. Это сразу отграничиваетъ тибетскую живопись отъ китайской, такъ какъ индійская живопись по своимъ пріемамъ есть живопись западная—пластическая. И дѣйствительно, если мы исключимъ облака и дракона, которые пишутся почти всегда по китайскому образцу, то не найдемъ почти ничего, что напоминало бы китайскую манеру письма. Въ образахъ изъ Хара-хото Китай напоминаетъ еще то обстоятельство, что нѣкоторые, весьма немногіе, образа написаны на шелку — наиболѣе обычномъ матеріалѣ китайскихъ образовъ.

Рис. 25.
Трафаретъ съ изображеніемъ Будды въ чайтья, съ фигурами божествъ въ облакахъ.

Техника и приготовленіе образовъ — почти тѣ же, что и въ современной тибетской иконописи: и здѣсь сказался поразительный консерватизмъ Тибета, представляющаго намъ удивительный примѣръ страны, письмена которой на протяженіи съ лишнимъ тысячелѣтія не подверглись никакому измѣненію. Точно такъ же и многіе образа настоящаго собранія могли бы быть написаны почти въ такомъ же видѣ иконописцами Лхасы или Лаврана въ наши дни. Какъ матеріалъ для образовъ употреблялось полотно и другія матеріи, какъ, напр., клѣтчатыя матеріи нѣкоторыхъ образовъ (№№ 17, 68) и, въ немногихъ случаяхъ, шелкъ, чрезвычайно тонкій и рѣдкій. Холстъ загрунтовывался, повидимому [1]), мѣломъ съ клеемъ, и затѣмъ наводился лоскъ на этотъ грунтъ. По грунту при помощи трафарета обозначался контуръ. Образецъ такого трафарета изображенъ на рисункѣ 25; онъ находится въ собраніи рукописей П. К. Козлова изъ Хара-хото въ Азіатскомъ музеѣ. Быть можетъ, что иногда контуръ проводился и безъ трафарета, такъ какъ буддійскіе иконописцы имѣли и имѣютъ удивительно вѣрную руку и глазъ. Достаточно указать на знаменитую серію изображеній Банченей, вывезенную Г. Ц. Цыбико-

[1]) Говоримъ повидимому, потому что еще не произведены соотвѣтствующіе анализы, и мы заключаемъ по имѣющимся образцамъ и по аналогіи съ современною техникою. См. А. М. Позднѣевъ. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго

вымъ изъ Тибета, и на рисунки современныхъ иконописцевъ. Затѣмъ уже рисунокъ раскрашивался. О краскахъ, въ виду отсутствія анализовъ, мы ничего пока сказать не можемъ. На ихъ прочность указываетъ удивительная свѣжесть нѣкоторыхъ образовъ, гдѣ блескъ красокъ изумителенъ. Кромѣ традиціонныхъ красокъ, мы встрѣчаемъ розовато-фіолетовые тона большой нѣжности; золото большею частью вполнѣ сохранило блескъ и свѣжесть.

Образъ всегда окаймленъ рамкою, причемъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы видимъ красную и желтую писаныя полосы вмѣстѣ съ синимъ шелкомъ, на который часто нашивались или которымъ обшивались образа; въ виду этого, есть основаніе полагать, что и въ старинной тибетской или тангутской живописи существовалъ уже обычай окружать образъ тремя цвѣтными каймами: красною, желтою, синею, символизующими радугу.

Обращаясь къ содержанію образовъ, мы прежде всего должны отмѣтить отсутствіе изображеній сценъ изъ жизни Будды и изъ джатакъ, которыя столь излюблены индійскими и средне-азіатскими фресками, а отчасти и индійскими миніатюрами, и которые и до сихъ поръ усердно воспроизводятся иконописцами. Какъ мы уже сказали выше, мы не считаемъ „сценами“ изъ жизни Будды образа Алмазнопрестольнаго и образъ Dharmacakrapravartana, такъ какъ они, по нашему мнѣнію—лишь воспроизведеніе знаменитыхъ образовъ, представляющихъ событія изъ жизни Будды въ значительно символизованномъ видѣ; подобно тому какъ, напр., глиняное изображеніе Будды съ раздвояющеюся верхнею частью тѣла, тоже найденное въ Хара-хото [1]), символически изображаетъ чудо съ образомъ Будды, разсказанное Сюан-Цзаномъ [2]). Нѣтъ въ собраніи и изображеній сценъ изъ жизни знаменитыхъ учителей-ламъ. Слѣдуетъ ли это отсутствіе объяснить случайностью, мы сказать не рѣшаемся.

Пантеонъ настоящаго собранія довольно великъ и въ общемъ отвѣчаетъ типу современныхъ пантеоновъ. Характерна развѣ одна, впрочемъ, вполнѣ понятная, особенность—единичный случай нахожденія Yamāntaka, и то какъ второстепенной фигуры: Yamāntaka выдвинулся въ буддійскомъ пантеонѣ позже—съ торжествомъ такъ называемой желтошапочной церкви послѣдователей Дзонхавы, покровителемъ которой онъ является.

Изъ буддъ мы имѣемъ прежде всего Будду-Шакьямуни,—его образа по числу занимаютъ первое мѣсто въ собраніи, причемъ среди нихъ главное мѣсто принадлежитъ наиболѣе чтимому въ буддійскомъ мірѣ образу „Алмазнопрестольнаго“. Затѣмъ образъ 8 великихъ чайтья, въ честь которыхъ составлялись гимны и которые среди уйгурскихъ буддистовъ, близкихъ сосѣдей тангутовъ, пользовались особымъ почтеніемъ, какъ то свидѣтельствуетъ уйгурская рукопись сутры „Золотого блеска“ [3]). Образъ Будды, вращающаго колесо закона, сохранилъ намъ, вѣроятно, изображеніе какого-нибудь знаменитаго образа. „Владыка Врачеванія“, Bhaiṣajyabhaṭṭāraka (со спутниками), распространенный во всѣхъ странахъ сѣвернаго

къ народу. Спб. 1887. Гл. II. А. Д. Рудневъ. Замѣтки о техникѣ буддійской иконографіи у современныхъ зурачиновъ (художниковъ) Урги, Забайкалья и Астраханской губерніи. Спб. 1905. (Сб. М. А. и Э. при И. Ак. Н. V).

Собраніе матеріаловъ бурятскихъ иконописцевъ находится въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи при Академіи Наукъ, а подборъ тибетскихъ сочиненій по тибетской иконографіи—въ Азіатскомъ музеѣ. Недавно появившаяся работа проф. Б. Лауфера (B. Laufer. Dokumente der indischen Kunst. Erstes Heft. Malerei. Das Citralakshana. Leipzig, 1913) сообщаетъ любопытные матеріалы по индотибетской иконографіи. Небольшая печатная литература по этому вопросу приведена нами въ работѣ нашей „Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ непальскихъ миніатюрахъ“. З. В. О. Арх. Общ. XVI. 213—214.

[1]) Оно будетъ подробно описано нами въ одной изъ слѣдующихъ частей описанія собранія П. К. Козлова.

[2]) Mémoires sur les contrées occidentales, traduits... par Stanislas Julien. Paris, 1857. I. 110—111. Писаные образа этого Будды имѣются въ собраніяхъ сэра А. Штейна и фонъ-Лекока.

[3]) Suvarnaprabhasa; рукопись найдена С. Е. Маловымъ въ Ганьсу и издается имъ и академикомъ В. В. Радловымъ въ Bibliotheca Buddhica.

буддизма. Нѣсколько изображеній Будды, которыя пока не поддаются болѣе точному отождествленію. Изъ другихъ буддъ, можетъ-быть, имѣемъ Dipaṃkara и нѣсколько изображеній будды Amitābha, внѣ серіи пяти dhyanibuddha. Изъ серій буддъ имѣемъ, кромѣ уже упомянутыхъ буддъ врачеванія: 5 dhyanibuddha, 35 буддъ покаянія, серію 84 буддъ вокругъ центральной фигуры Будды, серію въ 11 буддъ, которую мы не умѣемъ ближе отождествить.

Изъ бодисатвъ имѣемъ: Amitāyuḥ, Avalokiteçvara: Siṃhanādalokeçvara, Ṣaḍakṣarimahāvidyalokeçvara, Padmapāṇi-Lokeçvara и одиннадцатиликій, Mañjuçrī (два вида), Mahāsthāmaprāpta, Vajrapāṇi, Vajrasattva, Samantabhadra. Весьма вѣроятно, что среди неотождествленныхъ еще нами фигуръ имѣются и неперечисленные здѣсь бодисатвы. Изъ женскихъ бодисатвъ Uṣṇīṣavijayā, Cunda, Tārā (зеленая), Marīcī, Sitātapatrā. Изъ yi-dam: Saṃvara, Hevajra. Изъ Dharmapāla: Acala, Mahākala, Ganeça, желтый Jambhala, Yamāntaka, Devi. Изъ Lokapāla: Dhṛtarāṣṭra, Virūpākṣa, Vaiçravaṇa. Женскія божества: Kurukullā, Ekajaṭā, Vajravārāhī, Yamī (?), Sarasvatī. Изъ божествъ: Brahmā, Indra (?), божества Солнца и Луны. Изъ ḍākinī: Indraḍākinī, Buddhaḍākinī, Naro-mK'a-spyod-ma, Пагмо-дон-дув. Изъ другихъ существъ: nāga и garuḍa, мужскія и женскія, preta. Изъ людей: волхвы Lui-pa(?) и Çavaripa и другіе, пока неотождествленные, цѣлый рядъ неотождествленныхъ ламъ. Наконецъ maṇḍala.

Изъ этого перечня видно, что число отождествленныхъ лицъ пантеона уже весьма значительно, а когда къ нимъ прибавятся еще и тѣ, которыя пока, за отсутствіемъ характерныхъ атрибутовъ, не могутъ быть отождествлены съ достаточною точностью, то мы замѣтимъ, что передъ нами тотъ же въ общихъ чертахъ пантеонъ, что и въ настоящее время въ Тибетѣ и Амдо, съ тою разницею, что учителя-ламы другіе.

Композиція образовъ та же, что и въ современной тибетской иконописи, стоящая въ несомнѣнной связи со скульптурою и фресками. Писаные образа на матеріи часто кажутся прямо уменьшенными копіями съ фресокъ или подражаніемъ скульптурнымъ группамъ. Этимъ только лишній разъ подчеркивается декоративный характеръ этой иконописи. Стоитъ только указать на преобладающую группировку трехъ фигуръ въ центрѣ съ буддою или бодисатвою посрединѣ и двумя фигурами буддъ, бодисатвъ, божествъ или монаховъ по бокамъ. Это обычный мотивъ композиціи, начиная съ древнѣйшихъ скульптуръ или фресокъ; точно такъ же какъ обыченъ вверху образа фризъ изъ пяти dhyani-буддъ или иныхъ группъ буддъ. Столь же стараго происхожденія боковая орнаментовка образа полосою поставленныхъ одна надъ другою небольшихъ стелъ съ фигурами. Совершенно аналогичную композицію мы нашли въ одной пещерѣ къ сѣверу отъ Турфана, на тибетскій характеръ которой было уже указано проф. Грюнведелемъ. Полоса съ пляшущими женскими фигурами внизу образа представляетъ собою, повидимому, нѣкоторую особенность древнѣйшей тибетской иконописи; мы выше (стр. 96—97) указали на нее уже и въ Турфанѣ. Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не имѣемъ въ виду исчерпать вопросъ о композиціи описанныхъ образовъ, а хотимъ только указать на тѣсную связь ихъ съ индійскою иконографіею и на ихъ близкое родство, часто почти переходящее въ тождественность, съ современною тибетскою иконописью. Съ этой стороны необходимо отмѣтить и два характерныхъ отличія. Одно—въ изображеніи воды, которая въ современной тибетской иконописи изображается въ видѣ зубчатыхъ волнъ и совершенно отличается отъ изображенія воды на китайскихъ образахъ. Тибетскіе образа Хара-хото изображаютъ воду иначе. Другое отличіе—это отсутствіе любимыхъ современною тибетскою иконописью горныхъ ландшафтовъ, оживленныхъ звѣрями.

Намъ остается коснуться самаго труднаго вопроса—о времени, къ которому должны быть пріурочены наши образа. Если бы въ собраніи П. К. Козлова были только тибетскіе образа, намъ почти невозможно было бы дать сколько-нибудь точное хронологическое ука-

заніе,—такъ мало еще изучена тибетская иконопись; мы могли бы развѣ сказать, что образа относятся ко времени до XV вѣка по полному отсутствію указаній на „желтошапочную“ церковь и на Дзонхаву; указаніе это, однако, было бы не вполнѣ убѣдительно, какъ всякое argumentum a silentio, такъ какъ нѣтъ въ образахъ указаній и на знаменитаго учителя Padmasaṃbhava, позже котораго, однако, они несомнѣнно написаны. Никакой опоры не даетъ намъ и сближеніе съ турфанскими фресками. Къ счастью, вмѣстѣ съ тибетскими найдены и китайскіе образа, которые по стилю своему должны быть отнесены къ концу Сунской, а нѣкоторые, можетъ-быть, даже къ началу Юаньской династіи. Наиболѣе вѣроятною датою для насъ являются XII—XIII вѣка; образа могутъ быть и древнѣе, но не могутъ быть моложе XIV вѣка. Всѣ тибетскіе образа найдены, согласно указанію П. К. Козлова, въ „знаменитомъ“ субурганѣ, и потому terminus ad quem для нихъ одинъ. Несомнѣнно, что когда книги письменами Си-ся будутъ прочитаны и тибетская иконографія будетъ болѣе изучена, мы дождемся и еще болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія [1]).

Намъ не пришлось коснуться въ настоящей статьѣ одного чрезвычайно любопытнаго образа, представляющаго будду Amitabha въ раю Sukhāvati, потому что главная часть образа—китайскаго письма и только фигуры буддъ вверху образа—тибетскаго письма. Мы опишемъ этотъ образъ въ слѣдующей статьѣ. Это—единственный намъ пока извѣстный примѣръ того, чтобы на одномъ образѣ встрѣтились эти два, столь противоположныя по своему характеру, письма. Чѣмъ объяснить это явленіе, мы пока не знаемъ. Ясное отличіе китайскихъ образовъ отъ тибетскихъ сознавалось уже давно на мѣстахъ, какъ видно, напр., изъ тибетскаго текста о построеніи знаменитаго монастыря Самьэ въ Тибетѣ [2]).

С. Ольденбургъ.

---

[1]) Тибетскіе образа Хара-хото бросаютъ свѣтъ на ладакскіе образа собранія Шлагинтвейта, которые даны въ атласѣ къ его книгѣ о буддизмѣ въ Тибетѣ; рисунки не особенно точны, но въ общемъ передаютъ, повидимому, манеру письма. Мы знаемъ теперь, по большому сходству съ образами Хара-хото, что у Шлагинтвейта мы имѣемъ дѣло со старинными образами. Большинство оригиналовъ, которые сильно закопчены, какъ намъ сообщилъ проф. А. Грюнведель, находятся въ берлинскомъ Museum für Völkerkunde. Кромѣ сходства, часто переходящаго почти въ тождественность, съ ладакскими образами, мы должны отмѣтить поразительное сходство нѣкоторыхъ образовъ, особенно въ стоячихъ фигурахъ, отчасти и въ сидячихъ, съ индокитайскою иконописью. Изслѣдованія въ этой области укажутъ намъ со временемъ, чѣмъ мы должны объяснить это сходство.

[2]) B. Laufer. Die Bruža-Sprache und die historische Stellung des Padmasambhava. Toung-Pao II s. v. IX, pp. 20 и 24. Здѣсь указывается, что въ Тибетѣ въ VIII вѣкѣ различали въ пластикѣ изображенія тибетскаго, китайскаго и индійскаго стиля.

ОБЪЯСНЕНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ТЕРМИНОВЪ.

akṣamālā—четки.
akṣasūtra—четки.
aṅkuça — крюкъ, въ особенности крюкъ, употребляемый вожаками, чтобы погонять слоновъ.
ācārya—учитель; въ тибетской иконописи подъ этимъ названіемъ имѣютъ обыкновенно въ виду индійскихъ знаменитыхъ учителей буддизма.
añjali—положеніе рукъ для молитвы или для выраженія почтенія. Руки нѣсколько собраны въ горсть и приложены одна къ другой; держатся такъ или передъ грудью или передъ лбомъ.
abhayamudrā — положеніе руки ладонью наружу; рука, при этомъ, держится или у груди или около плеча; названіе указываетъ, что этимъ символизуется дарованіе безопасности.
ardhacandra — полумѣсяцъ.
ardhavajra—полуперунъ, полу-vajra.
açokapallava—вѣтка дерева açoka (Jonesia Asoka Roxb.).
açva—конь, одна изъ 7 драгоцѣнностей царя-міродержца.
açvattha — дерево, подъ которымъ Будда достигъ высшаго познанія (Ficus religiosa L.).
aṣṭa mahācaitya—восемь великихъ caitya, т.-е. восемь религіозныхъ сооруженій, памятниковъ въ 8 мѣстахъ, связанныхъ съ памятью 8 значительнѣйшихъ событій въ жизни Будды.
ādarça -зеркало.
uṣṇīṣa — возвышеніе на макушкѣ головы Будды, одинъ изъ „32 признаковъ Будды".
kapāla—чаша изъ верхней части человѣческаго черепа, распиленнаго съ этою цѣлью; употребляется при жертвоприношеніяхъ.
karttrikā—жертвенный ножъ.
kalaça—сосудъ.
kiṃnarī—женское существо изъ рода kiṃnara, небесныхъ пѣвцовъ; въ буддійской позднѣйшей иконографіи изображаются, какъ сирины.
khakkhara—монашескій посохъ съ кольцами.
mK'a-gro-ma – тибетское названіе ḍākinī.
khaṭvāṅga—палица, имѣющая форму ножки кровати; въ буддійской иконографіи изображается обыкновенно съ черепомъ въ концѣ.
khaḍga—мечъ.
gaḍa—палица.
garuḍa — низшее божество съ птичьимъ клювомъ и крыльями; garuḍa—враги змѣй.
garuḍī—женское существо garuḍa.
ghaṇṭā—колокольчикъ.
cakra — колесо, символъ міродержавія и религіозной проповѣди.
candramaṇḍala — кругъ луны; онъ—бѣлый, изображается на лотосѣ, и на немъ сидятъ или стоятъ извѣстныя божества.
cāpa—лукъ.
cāmara—метелка-махало. Для него обыкновенно употребляется хвостъ Bos gruniens.
cintāmaṇi—драгоцѣнный камень, обладающій волшебною силою доставлять его владѣльцу все, чего тотъ пожелаетъ.
caitya — чайтья, особое религіозное сооруженіе, предназначенное служить памятникомъ какому-нибудь знаменательному событію или извѣстному лицу.
chattra—зонтъ.
Jāti—рожденіе; этимъ словомъ сокращенно обозначается мѣсто рожденія Будды въ саду Lumbinī, около города Kapilavastu, или изображеніе этого событія.
ḍamaru—небольшой ручной барабанъ.
ḍākinī — женскія существа, спутницы супруги Шивы; онѣ изображаются обыкновенно въ страшномъ видѣ; занимаютъ видное мѣсто въ буддійскомъ пантеонѣ.
tarjanikāpāça — веревка угрозы; особая веревка, атрибутъ страшныхъ божествъ; въ концѣ веревки обыкновенно vajra.
tarjanīmudrā—особое положеніе рукъ, когда указательный палецъ поднятъ, остальные же пригнуты къ ладони; оно означаетъ угрозу.
triçūla—трезубецъ.
devatā—божество.
Dharmacakrapravartana — Вращеніе колеса закона; этимъ словомъ сокращенно обозначается первая проповѣдь, изображеніе первой проповѣди Будды въ Бенаресѣ.
dharmacakramudrā—особое положеніе рукъ передъ грудью, которымъ символизуется проповѣдываніе.
dharmadeçanāḥ — учащій законъ, эпитетъ, придаваемый буддѣ, бодисатвѣ или учителю и указывающій на особое положеніе правой руки.

dhyānamudrā—положеніе обѣихъ рукъ, положенныхъ одна на другую, ладонями вверхъ, символизующее созерцаніе.
dhyānibuddha — будда созерцанія; ихъ 5: Vairocana, Akṣobhya, Ratnasaṃbhava, Amitābha, Amoghasiddhi. Каждый изъ нихъ стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ одному изъ 5 человѣческихъ буддъ того міроваго періода (kalpa), въ которомъ мы живемъ. Спеціально Amitābha имѣетъ отношеніе къ Буддѣ.
dhvaja—знамя.
nāga — змѣиное божество, изображаемое обыкновенно въ человѣческомъ образѣ и съ головами змѣй, выступающихъ вѣнцомъ сзади головы.
nāgī—nāga женскаго рода.
padma—лотосъ (Nelumbium speciosum).
padmāsana—особый способъ сидѣнія, при которомъ ноги сложены одна на другую подошвами вверхъ.
paraçu—топоръ.
pātra—чаша монаха для пищи.
pāça—веревка, петля изъ веревки.
пурбу (тиб.) — трехгранный жертвенный ножъ съ рукояткою.
preta — существа, претерпѣвающія „мытарства“, какъ наказаніе за свои грѣхи въ прежнихъ перерожденіяхъ; наиболѣе обычно они представляются съ огромнымъ животомъ и очень узкимъ ртомъ; этимъ символизуется жадность, съ трудомъ удовлетворяемая.
bhaktajana -адорантъ.
bodhi—высшее познаніе.
bhūsparçamudrā — положеніе правой руки ладонью внутрь, съ вытянутыми пальцами, которые какъ бы касаются земли. Изображаетъ положеніе руки Будды, когда онъ призывалъ въ свидѣтельницы землю.
makara—морское чудовище, стилизованное, играетъ большую орнаментальную роль въ буддійской иконографіи.
maṅgala — знаки, эмблемы счастія; ихъ 8; они изображаются на ступеняхъ Будды и отдѣльно.
maṇḍala—кругъ, волшебный кругъ, затѣмъ получилъ спеціальное значеніе въ буддійской иконографіи: такъ называются особые образа, на которыхъ изображено обиталище того или другого будды или божества.
matsya—рыба.
mantrin—совѣтникъ, одна изъ 7 драгоцѣнностей царя-міродержца.
malla—молотъ.
Mahāparinirvāṇa—великая кончина, кончина Будды и мѣсто и изображеніе этого событія.
Mahāprātihārya — „Великое чудо“ — событіе въ жизни Будды, когда онъ чудесами сразилъ еретиковъ въ Çrāvasti и мѣсто и изображеніе этого событія.
mahāsiddha—волхвъ; они играютъ очень видную роль въ позднѣйшемъ буддизмѣ.
mudrā — особыя символическія положенія рукъ; отдѣльныя mudrā объяснены подъ соотвѣтствующими названіями.
yidam—божества-хранители (тибет.).
ratna—драгоцѣнность.
lokapāla—стражъ страны свѣта, ихъ четыре, они носятъ еще названіе великихъ царей, mahārājā.
vajra—перунъ, жертвенная принадлежность, которой приписывается волшебная сила.
vajraparyaṅka—особое положеніе ногъ.
varamudrā—положеніе протянутой открытой руки ладонью вверхъ; символизуетъ щедрость, удовлетвореніе просящаго.
viṇa—струнный музыкальный инструментъ.
viçvavajra—двойной перунъ, образуется положенными крестъ-накрестъ двумя vajra.
çaṅkha—раковина.
çara—стрѣла.
çrīvatsa—мистическій знакъ, первоначально, повидимому, пучокъ волосъ особаго вида на груди святого, изображается въ видѣ узла особой формы.
ṣaḍakṣarī (mahāvidyā)—шестислоговая формула oṃ maṇi padme hūṃ (исправить соотвѣтственно опечатки на стр. 111 и 117, прим. 2), посвященная Avalokiteçvara.
siddha—волхвъ см. mahāsiddha.
sūcī—игла.
sūryamaṇḍala—кругъ солнца; онъ—красный, изображается на лотосѣ, и тогда на немъ сидитъ или стоитъ какое-нибудь божество.
senāpati—военачальникъ, одна изъ 7 драгоцѣнностей царя-міродержца.
strī—женщина, одна изъ 7 драгоцѣнностей царя-міродержца.
haṃsa—гусь, лебедь.
hastin—слонъ, одна изъ 7 драгоцѣнностей царя-міродержца.
hrīḥkārākṣarasaṃbhūtaḥ — происшедшій изъ слога hrīḥ.

Бумажное обращеніе въ Китаѣ до XV в. [1]).

Возникновеніе бумажныхъ знаковъ китайскіе источники относятъ ко времени династіи Танъ, а именно ко времени имп. Сянь-цзун'а (806—821). Частныя лица, стѣсненныя въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ неудобствомъ брать съ собою полновѣсную мѣдную и особенно желѣзную монету, дѣлали вклады въ столичныя казенныя учрежденія (казначейства), получая взамѣнъ ихъ удостовѣренія, по коимъ вклады возвращались. Назывались эти удостовѣренія „фэй-цянь, т.-е. летающія деньги" **(1)** [2]).

Этотъ порядокъ возбудилъ протестъ одного изъ высшихъ администраторовъ, находившаго, что такія свидѣтельства подрываютъ обращеніе свидѣтельствъ на соль, такъ называемыхъ янь-чао **(2)**, т.-е. ассигновокъ на соль, право на добычу коей, какъ и квасцовъ, составляло правительственную монополію. Пріемъ вкладовъ, вслѣдствіе этого протеста, былъ запрещенъ.

Послѣдовавшее вскорѣ распоряженіе о предоставленіи купцамъ права дѣлать вклады въ отдѣленія министерства финансовъ для полученія удостовѣренія на вклады или, взамѣнъ его, ассигновокъ на соль и желѣзо не встрѣтило сочувствія купцовъ.

Эти краткія свѣдѣнія, которыя мы находимъ у Ма Дуань-линя въ Вэнь-сянь-тунъ-као и въ Синь-танъ-шу, т.-е. Новой исторіи дин. Танъ, не даютъ еще основаній говорить о бумажномъ обращеніи при послѣдней. Слѣдуетъ скорѣе предположить, что эти свидѣтельства были только развитіемъ существовавшей при этой династіи, а, можетъ-быть, и нѣсколько ранѣе, частной практики вкладовъ на храненіе подъ безсрочныя обязательства, съ одной стороны, и обращенія среди населенія ассигновокъ на соль, желѣзо, чай и другіе товары—съ другой. Торговлю послѣдними правительство сосредоточило въ своихъ рукахъ, продавая купцамъ особыя свидѣтельства [3]).

Только со времени дин. Сунъ (X—XIII в.) бумажные денежные знаки входятъ въ оборотъ государственнаго хозяйства.

Выпускаемые, какъ то будетъ видно ниже, подъ различными наименованіями, при первоначальномъ обезпеченіи до $^3/_7$ всего выпуска звонкою наличностью, они стали предме-

[1]) Бумажныя деньги XIV в. описаны на основаніи образцовъ изъ коллекціи П. К. Козлова, найденныхъ въ г. Хара-хото.—Китайскіе знаки для названій и цитатъ помѣщены въ концѣ статьи.

[2]) Китайскіе источники относятъ появленіе бумажныхъ денегъ ко времени имп. Сянь-юань (XXVII в. до Р. Х.) и, кромѣ того, указываютъ на оплату вассалами кусковъ кожи бѣлыхъ оленей изъ императорскаго парка при дин. Хань (240 до Р. Х.), какъ на первую организацію правительственныхъ банкнотовъ. См. также Ши-цзинъ.

[3]) Свидѣтельства давали право пріобрѣтать въ мѣстахъ добычи, составлявшихъ собственность правительства, извѣстные запасы. Соль и желѣзо составляли предметъ монополіи правительства до династіи Танъ (VII—X в).

томъ беззастѣнчиваго употребленія правительства, выпускавшаго безъ всякаго обезпеченія бумажные знаки какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера, напр. для покрытія расходовъ по постройкѣ крѣпостей, а металлическій фондъ использовавшаго на неотложныя нужды. Эти знаки, называвшіеся первоначально общимъ терминомъ „бянь-цянь—удобныя деньги" (3), были причиною окончательнаго разоренія и населенія и правительства, не сумѣвшаго использовать новаго источника.

Возникшая въ XII в. династія Чжурчженей (1115—1234 г.) на сѣверѣ Китая шла по слѣдамъ своей южной соперницы, уклоняясь въ сторону окончательнаго принятія системы бумажнаго хозяйства, результатомъ чего былъ финансовый кризисъ.

Эти примѣры не были учтены монгольской династіей (XIII—XIV в.), и прельстившія Марко Поло ассигнаціи, выпускаемыя великимъ ханомъ (см. ниже), также быстро увлекли на скользкій путь девальдаціи денежныхъ знаковъ при его преемникахъ, вынужденныхъ впослѣдствіи даже отказаться отъ нихъ.

Исторія бумажнаго обращенія, какъ и исторія звонкой денежной монеты, лишній разъ подтверждаетъ то явленіе, которое мы видимъ такъ часто въ Китаѣ во всѣхъ проявленіяхъ его культурной исторіи: возникшее по частной иниціативѣ начинаніе, обѣщающее блестящую будущность, гибнетъ, съ переходомъ его въ правительственныя руки, за отсутствіемъ административнаго и организаторскаго таланта [1]).

Классическій сборникъ Шу-цзинъ даетъ перечисленіе необходимыхъ элементовъ государственности. Къ числу таковыхъ относится понятіе хо, переводимое теперь словами: „имущество", „товаръ" и состоящее изъ знака „бэй—раковина" и „хуа — обращать, -ся", т.-е. вымѣнивать [2]) цѣнности на раковины. Такими товарами были: ткани, золото, металлы, ножи, черепаха и раковины; хо -это то, что могло служить мѣновой единицей для обмѣна и пріобрѣтенія необходимаго (4).

Характеръ мѣновыхъ единицъ, объясняемый культурными условіями жизни древняго Китая, сохранился въ формахъ и названіяхъ монетъ, которыя стали впослѣдствіи лить изъ

[1]) And now the question arises again: what has been the cause that the chinese civilisation, so much older than that of any other people in the world, containing so many good elements, has never attained to a higher stage of development, but has remained stationary in all respects in the same way as we have observed it in the history of their currency... If we draw a comparision between the progress made in art and language by these people (Greeks and Romans) and that in China, we are inclined to grant that lack a lack of natural capacity must have been the obstacle which has prevented them from reaching the same height under nearly similiar circumstances... So during a period more of than 25 centuries we see no progress in the art of constructing roads and of protecting the fields from inundation...

We have had occasion to show what misery was produced in China by a bad currency, and how they have never been able to find the right means to baffle false coiners. And this must be said of a people of merchants, while ihe Romans who felt much less inclined to trade have directly invented the art of striking money, as may be seen from the excellent fragment of the writings of the civilian Paulus, lex 1 pr. De Contrahenda emptione (Dig. Lil. XVIII, 1) while we read in the Lex Cornelia de falsis (Dig. Lil. XVIII, 10, lex 9 pr.) that the false coiners at Rome cast their money, so, that the better mechanical process of the government money made it easy there to distinguish between true and false coins... The lack natural capacity of the chinese people we observe in all their intellectual proceedingis, in the way of which they cultivated science, in their art and in their political institutions.

In this way occurs everywhere the same phenomen so clearly seen in the monetary system; the want of a progressive development and of a organizing talent which were to unite into a whole, into a system the good elements scattered here and there, and this notwithstanding the chinese people lived in circumstances which made it necessary for them to exert all their strenght of intellect to accomplish radical improvements. On chinese currency, coin and paper money by W. Visserіng LL. D. 1877, p. 25.

[2]) Начало введенія мѣновой единицы приписывается китайцами легендарному Шэнь-нун'у (XXIX в. до Р. Х.), но слѣдуетъ, конечно, считать, что это совершалось постепенно, такъ какъ если даже допустить существованіе Шэнь-нун'а, то необходимо принять во вниманіе постепенное нарастаніе народной легенды, которая иногда затмеваетъ истинную физіономію героя, нерѣдко даже искажая ее.

металла, и даже въ самомъ знакѣ для опредѣленія понятія „цянь—монета", объясняемаго въ Шо-вэнь, какъ знакъ „яо -мотыка" (5).

До дин. Цинь (III в. до Р. Х.), введшей въ Китаѣ цѣлый рядъ преобразованій, были ножевыя монеты, т.-е. тѣ же ножи, которые первоначально служили объектомъ мѣны, а затѣмъ мѣновой единицей, и монеты въ видѣ мотыки, называемыя терминомъ бу (конечно, здѣсь слѣдуетъ видѣть слово бу въ первоначальномъ его значеніи—пеньковой матеріи, а не въ послѣдующемъ, переносномъ: распространять, -ся); далѣе—„би—шелковыя ткани", „хо—товаръ" и, позднѣе, общія, какъ „бао—драгоцѣнность", „гуань—связка" и другія. Только одно наименованіе „цюань—источникъ" является отвлеченнымъ. Постепенно эволюціонируя въ разныхъ мѣстахъ весьма разнообразно [1]), монетное обращеніе, съ объединеніемъ Китая подъ властью дин. Цинь, казалось, стало прочно. Монеты лились изъ золота и мѣди, а остальныя мѣновыя единицы не признавались болѣе за таковыя.

Со времени ханьской династіи правительство предоставляло населенію право лить монету, строго карая за примѣси къ металлу недозволенной лигатуры; лило само серебряную монету; пыталось даже совершенно упразднить металлическую монету, замѣнивъ ее мѣновыми единицами матеріи и зерна; возвращалось даже къ раковинамъ и черепахѣ, какъ мѣновымъ единицамъ, и вводило золотыя монеты. Насколько колебанія были значительны, мы видимъ изъ указанія на то, что въ VI в. при дин. Лянъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая употребляли монету, тогда какъ въ остальныхъ *мѣняли* на зерно, матеріи, золото и серебро. На западной же границѣ обращалась даже иностранная золотая и серебряная монета.

На литье денегъ смотрѣли, какъ на доходную статью, давая право на это избраннымъ (удѣльнымъ князьямъ) и лишая его остальныхъ (621 г.). Деньги дѣлались и желѣзныя. Желая урегулировать ихъ стоимость, запрещали населенію имѣть мѣдные предметы, и, наконецъ, со времени танской династіи вводится запрещеніе хранить деньги свыше указанной суммы (5000 связокъ) служилому сословію, торговымъ людямъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ.

Слѣдовательно, до танской династіи право лить монету не было присвоено исключительно правительству: на монету смотрѣли, какъ на товаръ, стоимость котораго опредѣлялась стоимостью матеріала, расходовъ по изготовленію и нѣкоторыми побочными условіями. Правительство только иногда принимало мѣры къ урегулированію вѣса и качества монеты и, въ видѣ исключенія, старалось обезпечить себя большимъ запасомъ, чтобы вліять на ея стоимость. Къ числу такихъ мѣръ слѣдуетъ отнести также мѣру, принятую въ IX в. имп. Сянь-цзунъ.

Установивъ запрещеніе на мѣдные предметы, а позднѣе и на изготовленіе статуй, насильно заставляли торговыхъ людей дѣлать пріобрѣтенія у правительства, отдавая накопленныя деньги.

Неудобство и неустойчивость системы, а также невозможность брать съ собою значительный запасъ наличныхъ денегъ, вызвали потребность въ денежныхъ знакахъ частнаго характера,—навѣрно, ранѣе того времени, къ которому относится упоминаніе о нихъ.

Ко времени Сянь-цзун'а (IX в.) купцы, прибывавшіе въ столицу, какъ и провинціальные сановники, поручали суммы казеннымъ учрежденіямъ подъ расписки. Отправляясь куда-нибудь „налегкѣ", они эти взносы получали при представленіи расписки. Суммы ускользали отъ контроля правительства, и оно стало наказывать, производить обыски, требуя поручительства въ томъ, что данныя лица свободны отъ обязательствъ (6).

При дин. Сунъ первый разъ бумажныя деньги были выпущены въ пров. Сы-чуань при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Мы знаемъ монеты съ указаніемъ вѣса, относящіяся къ VII в. до Р. Х., и круглыя, о которыхъ говоритъ Шу-цзинъ, относящіяся къ періоду X—VII в. до Р. Х.

При имп. Шэнь-цзун'ѣ (998—1023) управлявшій провинціей предложилъ 16 богатымъ семьямъ принять на себя выпускъ денежныхъ бумажныхъ знаковъ, каждый стоимостью въ одну связку (минь) въ 1000 монетъ, сроком̀ъ на три года **(7)**. Всего предположено было 22 выпуска на срокъ 65 лѣтъ. Названы они были цзяо-цзы **(8)**, т.-е. размѣнные билеты. Причиною, побудившей Чжанъ Юн'а **(9)**, служившаго въ этой провинціи, войти съ такимъ представленіемъ, была значительная тяжесть полноцѣнной мѣдной монеты, которую приходилось возить съ собою при сдѣлкахъ. См. Юань-ши, 293 цз.

Богатѣи, однако, вскорѣ обѣднѣли и не могли исполнять принятыхъ на себя обязательствъ при предъявленіи къ уплатѣ выпущенныхъ знаковъ. Слѣдствіемъ этого были постоянные судебные процессы, что и побудило Сѣ Тян'я и Чжанъ Жо-гу **(10)** войти съ представленіемъ объ учрежденіи въ И-чжоу спеціальнаго правительственнаго бюро по выпуску размѣнныхъ билетовъ **(11)** съ тѣмъ, чтобы правительство могло извлечь доходы отъ этой операціи какъ при выпускѣ, такъ и при обратномъ поступленіи банкнотовъ. Частный же выпускъ размѣнныхъ билетовъ, по мнѣнію предлагавшихъ, долженъ былъ быть запрещенъ.

Императоръ Жэнь-цзунъ (1023—1064), смѣнившій на престолѣ Шэнь-цзун'а, согласился съ представленіемъ. Рѣшено было ограничить каждый выпускъ суммою 1.256.340 связокъ, что должно было составить 1.256.340.000 монетъ. Однако, только въ первый годъ правленія Си-нинъ (1068—78) послѣдовало установленіе какъ наказаній за поддѣлку казенныхъ размѣнныхъ билетовъ, такъ и наградъ за доносъ о поддѣлывателяхъ.

Удобство новыхъ денежныхъ знаковъ вызвало постепенное расширеніе сферы ихъ обращенія. Уже въ слѣдующемъ (1069) году было учреждено второе бюро въ окр. Лучжоу, нын. пров. Шань-си, опять-таки вслѣдствіе трудностей, связанныхъ съ перевозкой металлической монеты.

Считаясь, однако, съ тѣмъ фактомъ, что дальнѣйшее распространеніе этихъ знаковъ можетъ повліять на продажу соли и минеральныхъ солей, которыя доставлялись по особымъ полученнымъ отъ правительства квитанціямъ, а также на подвозъ фуража и сѣна въ Китай съ сѣвера и запада, управленіе по завѣдыванію перевозкой казенныхъ припасовъ (чжуань-юнь-сы) предложило прекратить дѣйствія сказаннаго бюро **(12)**.

Но въ 1071 г. знаки снова были введены въ пров. Шэнь-си, и одновременно былъ закрытъ складъ, вѣдавшій выдачей особыхъ квитанцій по поставкѣ соли въ войска въ Юнъ-синъ.

Вслѣдствіе заявленія высшихъ чиновъ, посѣтившихъ провинціи, что мѣра эта, весьма выгодная и удобная для пров. Сы-чуань, непримѣнима для Шэнь-си, вскорѣ рѣшено было окончательно упразднить знаки.

Когда въ 1072 году, съ 23-мъ выпускомъ, было постановлено сдѣлать обмѣнъ, то оказалось, что въ обращеніи находится болѣе милліона связокъ прежнихъ выпусковъ.

Въ виду этого были отпечатаны новые 25 выпусковъ на сумму 1.250.000 связокъ, соотвѣтствующую стоимости невыкупленныхъ знаковъ прежнихъ выпусковъ, для обмѣна ихъ. Съ этого момента начинается одновременное существованіе двухъ серій, еще болѣе осложнившее обращеніе.

Выпускаемые денежные знаки скоро начинаютъ сильно падать въ цѣнѣ, такъ какъ ихъ выбрасывалось на рынокъ слишкомъ много и для ихъ оплаты не хватало звонкой наличности **(13)**.

По мнѣнію одного изъ тогдашнихъ администраторовъ, вѣдавшаго финансами въ одной провинціи, это было слѣдствіемъ направленныхъ въ ущербъ казнѣ дѣйствій коммерсантовъ. Если мы, однако, вспомнимъ, что бумажные знаки были введены, повидимому, по частной иниціативѣ и за свой страхъ коммерсантами, то неправильность этого обвиненія станетъ очевидною, и ее слѣдуетъ искать, какъ то мы увидимъ неоднократно, въ отсутствіи обезпе-

ченности и въ несогласованности дѣйствій провинціальной администраціи. Тѣмъ не менѣе, выпускъ шэньсійскихъ размѣнныхъ билетовъ былъ прекращенъ.

Съ 1094 года, для покрытія расходовъ правительства, связанныхъ съ организаціей продовольственнаго дѣла, и при производствѣ набора, выпускались неоднократно бумажные знаки (размѣнные билеты) на различныя суммы, отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ до нѣсколькихъ милліоновъ связокъ. Одновременно съ этимъ разрѣшался выпускъ не разъ и для Чэнъ-ду—главнаго города пров. Сы-чуань. Такимъ образомъ, нормировка размѣнныхъ билетовъ къ этому моменту совершенно исчезаетъ. Далѣе, въ 1104 г. было учреждено бюро размѣнныхъ билетовъ для зап. и сѣв. провинцій (заключавшихъ префектуры: Инъ-тянь, Си-цинъ, Синъ-жэнь, Дунъ-пинъ, Хэ-нань, Инъ-чанъ, Хуай-нинъ и Шунь-чанъ) и для провинцій Сы-чуань и Шэнь-си; были установлены кары какъ для поддѣлывателей, такъ и для сосѣдей, которымъ извѣстно было о самомъ фактѣ. За поддѣлку бумаги, на которой печатались размѣнные билеты, наказывали ссылкой.

Въ слѣдующемъ, то-есть 1105, году мы встрѣчаемъ указаніе на возвращеніе къ системѣ денежныхъ билетовъ цянь-инь повсюду, кромѣ пров. Сы-чуань.

По свидѣтельству совѣта министровъ сунской династіи, эти денежные билеты были введены взамѣнъ т. наз. янь-чао, квитанцій на продажу соли [1]). Эти знаки выдавались населенію взамѣнъ прежнихъ и служили при торговыхъ сдѣлкахъ.

Новые знаки стали постепенно вытѣснять размѣнные билеты, выпущенные въ первые годы династіи. Такъ, въ 1107 году бюро размѣнныхъ билетовъ было преобразовано въ бюро денежныхъ билетовъ, и, очевидно, былъ установленъ обмѣнъ, хотя въ офиціальной исторіи объ этомъ и не упоминается. Правительство и въ данномъ случаѣ поспѣшило использовать новый, повидимому, установившійся было источникъ дохода, выпустивъ за это время денежныхъ билетовъ на сумму въ двадцать разъ большую, чѣмъ ихъ было въ періодъ за 1023—1032 гг., для покрытія издержекъ на военныя операціи, которыя ему приходилось вести (такъ какъ мы приближаемся къ моменту утраты династіей сѣвера).

Естественнымъ слѣдствіемъ было, въ связи съ общими финансовыми затрудненіями паденіе курса денежныхъ билетовъ настолько рѣзкое, что новыя серіи обмѣнивались съ отношеніемъ 1 : 4.

Во избѣжаніе недоразумѣній стали печатать по прежнимъ образцамъ.

Однако, переносъ, въ силу политическихъ событій, торговой дѣятельности къ югу вызвалъ тамъ скопленіе бумажныхъ знаковъ, тогда какъ потеря позицій на сѣверѣ привела къ утратѣ безопасности передвиженія въ провинціяхъ Шэнь-си и Хэ-дунъ. Это обстоятельство было учтено купцами, скупавшими правительственныя обязательства, и цѣна ихъ упала вновь на 90%. Въ виду этого, съ цѣлью урегулировать вопросъ, хотя и съ нарушеніемъ интересовъ держателей билетовъ, въ 1109 г. былъ прекращенъ обмѣнъ 41-го и 42-го выпусковъ. Таково было положеніе бумажныхъ денежныхъ знаковъ при сѣверной сунской династіи.

При перечисленіи отдѣльныхъ выпусковъ, въ исторіи сунской династіи не указывается точно размѣръ наличности и была ли она вообще.

По этому вопросу мы находимъ, однако, слѣдующія указанія. Наличность вносилась въ бюро, выпускавшее знаки только до 1109 года, причемъ каждый выпускъ обезпечивался 36.000 связокъ или 36.000.000 монетъ, что составляетъ во всякомъ случаѣ $3^1/_3$%, если взять цифру выпуска 1023 года—1.256.340 связокъ въ бумажныхъ знакахъ. Отсутствіе

---

[1]) См. біографію Чжао Кай'я въ сунской исторіи: онъ, по примѣру пров. Сы-чуань, отлилъ монету и учредилъ въ Цинь-чжоу бюро, въ которомъ продавались населенію: золото, серебро и шелковыя ткани при предъявленіи полноцѣнной монеты или денежныхъ квитанцій. См. Юань-шн, 374 цз.

наличности и сказалось, главнымъ образомъ, на цѣнности знаковъ, упавшей на 90%. Послѣдніе годы династіи могутъ быть отмѣчены возстановленіемъ курса до al pari, благодаря принятію обязательности обезпеченія свободной наличностью бумажныхъ знаковъ. Съ 1131 года, т.-е. при первомъ императорѣ южной сунской династіи, вводится новый видъ правительственныхъ обязательствъ „гуань-цзы—таможенные билеты" **(14)**.

Появленіе этого вида новыхъ знаковъ было вызвано невозможностью подвезти деньги въ мѣдной монетѣ къ У-чжоу **(15)**, гдѣ стояли войска.

Такія свидѣтельства предъявлялись въ таможняхъ при взысканіи пошлинъ съ товаровъ для оплаты звонкой монетой. При желаніи, взамѣнъ послѣдней, можно было получить квитанціи на соль, чай и благовонія.

Мѣстная провинціальная администрація не преминула использовать этотъ источникъ при закупкѣ для казны запасовъ хлѣба на непредвидѣнные случаи, и, конечно, пришлось прибѣгнуть къ принужденіямъ при расплатѣ. Это не могло не повліять на значеніе и стоимость новыхъ знаковъ, такъ какъ по предъявленіи оплачивалась только $^1/_3$.

По представленію высшей администраціи, вопросъ объ одновременномъ обращеніи и вѣданіи однимъ и тѣмъ же бюро размѣнныхъ билетовъ (1135 г.) былъ разрѣшенъ съ большою пользою для дѣла.

Было указано на тотъ фактъ, что эти два вида правительственныхъ обязательствъ не имѣютъ ничего общаго между собою; кромѣ того, таможенные билеты обезпечены полностью звонкою монетою, мѣстная же администрація поставила ихъ въ одинаковое положеніе съ размѣнными билетами.

Въ силу этого представленія, было предписано акцизному бюро **(16)** хранить наличность и на нее выпустить таможенные билеты.

Въ 1159 г. былъ сдѣланъ выпускъ новыхъ билетовъ, въ названіи которыхъ включено было два знака: гунъ-цзюй **(17)**, т.-е. на предъявителя, причемъ для трехъ провинцій ихъ было выпущено на сумму 80.000 связокъ для каждой, а для Хуай-дунъ—на 40.000. Знаки были пяти видовъ: отъ 10 тысячъ до 100 тысячъ монетъ.

Черезъ два года по нимъ обѣщано было произвести уплату мѣдной монетой и серебромъ съ тѣмъ, чтобы половина поступила въ видѣ налоговъ въ казну.

Два указанныхъ выше вида денежныхъ знаковъ предназначались, главнымъ образомъ, для провинціи, и самое появленіе ихъ объяснялось неудобствомъ подвоза звонкой монеты и т. п. Но въ 1161 г. выпущены были новые знаки, спеціально предназначенные для обращенія въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Знаки были обезпечены наличностью. Желавшимъ получить новые билеты предоставлялось обращаться въ казначейство цзо-цзанъ-ку. Вѣдѣнію новаго бюро хуй-цзы-у **(18)** со слѣдующаго года подчинили и чайныя плантаціи.

Важной представляется одна подробность опубликованныхъ въ 1162 г. правилъ касательно поддѣлки знаковъ и награды сообщившимъ о виновныхъ: лицамъ, не желавшимъ принять узаконенную денежную награду, предоставлялось право занять опредѣленную должность.

Площадь распространенія хуй-цзы постепенно увеличивалась, и было разрѣшено совершать на нихъ сдѣлки при продажѣ и покупкѣ недвижимостей, скота, экипажей, судовъ, а также представлять подати изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ судоходство было затруднительно.

Съ 1163 г. впервые эти знаки, согласно императорскому указу, должны были быть снабжены печатью министра министерства финансовъ.

Бюро по завѣдыванію ими, учрежденное въ Цзянъ-чжоу, называлось хуй-цзы-у.

Однако, уже въ 1165 г., въ виду обнаружившихся злоупотребленій, правительствомъ было ассигновано 10.000 ланъ серебра для выкупа билетовъ.

Для замѣны износившихся билетовъ были выпущены новые, и съ 1168 г. принимается трехгодичный срокъ дѣйствія знаковъ. Каждый выпускъ равнялся общей суммѣ 10.000.000 связокъ **(19)**.

При оплатѣ и обмѣнѣ, какъ то раньше было узаконено для таможенныхъ билетовъ, предоставлялось получить квитанціи на соль и проч. На новыхъ билетахъ ставилась печать казначейства хуй-цзы-ку **(20)**, и при замѣнѣ взыскивался извѣстный процентъ на расходы.

О количествѣ выпущенныхъ за это время знаковъ можно судить по отчету министерства финансовъ: изъ общей суммы поступленія 1174 г.—12.000.000—половину составляли бумажныя деньги; къ этому нужно прибавить 4.000.000 обмѣненныхъ казначействомъ.

Затрудненія финансоваго характера, возникшія, повидимому, въ это время, побудили правительство отсрочить выкупъ знаковъ, но указанія высшей администраціи, что такая отсрочка вызоветъ недовѣріе населенія, заставили отказаться отъ нея, и при десятомъ выпускѣ было означено время обмѣна. Въ 1195 г. выпускъ былъ опредѣленъ въ 30.000.000.

Въ 1209 г. количество знаковъ 11-го (за исключеніемъ выкупленныхъ), 12-го и 13-го выпусковъ (кромѣ сгорѣвшихъ и испорченныхъ) составляло 203.360.000 слишкомъ связокъ. Этотъ фактъ побудилъ правительство принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію финансоваго положенія. Оно ассигновало на выкупъ и обезпеченіе билетовъ, по расчету при обмѣнѣ двухъ старыхъ на одинъ новый, значительную сумму золотомъ (1 ланъ = 40 связкамъ монетъ), монашескими грамотами (стоимостью каждая 1.000 связокъ) и проч. Впрочемъ, эта мѣра нисколько не повліяла на уменьшеніе числа билетовъ, обращавшихся въ населеніи. Уже въ 1204 году только въ одной провинціи Сы-чуань банкнотовъ обращалось на 53.000.000, а въ 1234 году ихъ было уже болѣе 30.029.000.000.

Не ограничиваясь выкупомъ, правительство стремилось также, введеніемъ болѣе строгихъ наказаній за поддѣлку знаковъ и улучшеніемъ изготовленія ихъ, предупредить появленіе фальшивыхъ, число которыхъ во всякомъ случаѣ, судя по упоминаніямъ, встрѣчаемымъ въ докладахъ, было весьма значительно.

Дальнѣйшая исторія бумажнаго обращенія при дин. Сунъ съ 1195 года и до конца ея, т.-е. до 1280 года, отмѣчается тѣми же колебаніями, которыя приводились выше; такъ, напримѣръ, отказывались даже отъ принципа срочнаго обмѣна, полагая, что данныя серіи будутъ всегда въ обращеніи; выпускали свидѣтельства по случаю какихъ-либо мѣропріятій правительства, требовавшихъ чрезвычайныхъ расходовъ, и т. д.

Два факта заслуживаютъ, однако, особаго вниманія. Какъ мы видѣли, упомянутыя выше свидѣтельства (цзяо-цзы, гуань-цзы, хуй-цзы, цянь-инь) выпускались центромъ и провинціальной администраціей, главнымъ образомъ—пров. Сы-чуань, гдѣ обращались свидѣтельства, называвшіяся инь-хуй **(21)**, т.-е. ассигнаціи на серебро (инь—билетъ, удостовѣреніе на право полученія), а также, согласно приказу годовъ правленія Шунь-ю (1241 1253), ассигнаціи на 770 мо **(22)**. Въ 1256 г. было рѣшено сосредоточить выпускъ ассигнацій исключительно въ рукахъ центральнаго правительства.

Вторымъ обстоятельствомъ является фактъ выпусковъ свидѣтельствъ цзяо-цзы, продолжавшійся при южной сунской династіи съ тѣми же иногда уклоненіями отъ обязательнаго срочнаго выкупа и обезпеченія звонкой наличностью, какъ и при ея предшественницѣ. Билеты, выпущенные на мелкія суммы въ нѣсколько монетъ, были къ концу династіи отмѣнены.

Въ 1125 г., какъ извѣстно, Чжурчжени разбили Киданей и основали новое владѣніе, столица котораго была сначала въ нын. Ляо-ян'ѣ, а затѣмъ, когда имъ удалось вытѣснить сунскую династію изъ сѣверной части собственнаго Китая,—въ нын. Пекинѣ. Весь сѣверъ перешелъ въ ихъ руки, и Китай распадается, до объединенія его монголами въ XIII в., на сѣверныя владѣнія Чжурчженей и южныя—сунской династіи.

Бумажные знаки при чжурчженьской династіи были введены въ періодъ Чжэнъ-юань (1153—1156 гг.), причемъ первоначально было рѣшено установить семилѣтній срокъ для замѣны ихъ новыми. Выпущены они были центральнымъ правительствомъ стоимостью въ 1, 2, 3, 5 и 10 связокъ и въ 100, 200, 300, 500 и 700 монетъ. Первые назывались да-чао-инь, т.-е. крупныя ассигнаціи, а вторыя—сяо-чао-инь, т.-е. мелкія ассигнаціи. Они могли обращаться на равныхъ основаніяхъ съ полноцѣнной звонкой монетой. Затѣмъ былъ отмѣненъ срочный обмѣнъ, и предоставлено было обмѣнивать ассигнаціи въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ казначейства. Всѣ операціи по выпуску ассигнацій были сосредоточены въ инь-цзао-чао-инь-ку (типографіи ассигнацій) и цзяо-чао-ку (ассигнаціонное казначейство) **(23)**. На билетахъ помѣщались: сумма, текстъ закона о наказаніи за поддѣлку и наградѣ за доносъ о поддѣлывателяхъ, а также подписи и нумера серій и билета (почеркомъ чжуань). Кромѣ того, было указано, для какого пункта выпущены билеты, гдѣ они могутъ быть предъявлены для обмѣна на звонкую монету и гдѣ можно получать ассигнаціи. Важно, намъ кажется, впервые встрѣчающееся указаніе на то, что за бумажными знаками признается право равноцѣнности, что они безсрочны и выпускаются центральнымъ правительствомъ; на безсрочность указывалось въ текстѣ билета.

При обмѣнѣ удерживался опредѣленный процентъ на расходы по производству. При представленіи въ казну мѣдныхъ предметовъ, стоимость ихъ оплачивалась по опредѣленной таксѣ.

Въ первое время при цзиньской династіи (Чжурчженей) правительствомъ наблюдалось соотвѣтствіе обезпеченія находившихся въ обращеніи ассигнацій и принимались мѣры къ проникновенію ихъ въ населеніе не однимъ только путемъ продажи за драгоцѣнные металлы или расплату съ казенными поставщиками.

Въ 1193 г. было получено донесеніе, что количество ассигнацій въ Шэнь-си превышаетъ наличность и что населеніе испытываетъ затрудненія при сбытѣ ихъ. Слѣдствіемъ этого было распоряженіе: при уплатѣ акциза и проч. принимать исключительно ассигнаціи и ими же выплачивать жалованье чиновникамъ и солдатамъ, если сумма въ послѣднемъ случаѣ была небольшая, при выдачѣ же въ вознагражденіе большихъ суммъ уплачивать половину ассигнаціями на серебро инь-чао **(24)**.

Одновременно правительство, стремясь упрочить бумажное обращеніе, издавало указы, какъ это было уже отмѣчено для дин. Танъ, о запрещеніи хранить мѣдныя вещи и монеты свыше указанной нормы.

На засѣданіяхъ, которыя происходили въ это время при дворѣ для обсужденія мѣръ къ поднятію финансоваго положенія, неоднократно высказываются мнѣнія, что все хозяйство держится исключительно благодаря бумажнымъ деньгамъ, такъ какъ непомѣрные военные расходы истощили совершенно казну.

Насколько положеніе было серіозно, видно изъ распоряженія, изданнаго въ 1203 г., согласно которому въ монастыряхъ, гдѣ было менѣе 10 человѣкъ, не разрѣшалось имѣть мѣдные священные предметы; всѣ предметы, имѣвшіеся у населенія, надлежало представить въ двухмѣсячный срокъ въ казну. Виновные въ неисполненіи предписанія подвергались такому же наказанію, какъ за неисполненіе закона. Подтверждаетъ эту нужду и тотъ фактъ, что въ 1208 году, желая пресѣчь неудовольствіе населенія, вызванное необычайнымъ разнообразіемъ выпущенной звонкой монеты, ея недостаточностью и обиліемъ въ то же время мелкихъ и крупныхъ ассигнацій, правительство прибѣгло къ установленію процентнаго отношенія бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ при торговыхъ сдѣлкахъ и закладахъ. Эта мѣра не примѣнялась только въ Ляо-дунѣ.

За нарушеніе распоряженія виновные наказывались двухгодичною ссылкою; подвергалась карѣ также и виновная въ отсутствіи надзора администрація.

Купцы не могли имѣть при себѣ болѣе 10.000 монетъ, а при выѣздѣ изъ столицы нельзя было брать съ собой болѣе той же суммы.

Всѣ эти мѣропріятія, конечно, не достигли намѣченной цѣли, и населеніе предпочитало пользоваться звонкою монетой, курсъ же бумажныхъ денегъ падалъ; такъ, въ 1214 г. билетъ, номинально стоившій связку или 1.000 монетъ, ходилъ по курсу 1 : 1000.

Послѣдній выпущенный видъ бумажныхъ знаковъ относится къ 1215 году. Названы они были: денежныя свидѣтельства періода Чжэнъ-ю **(25)**. Въ первое время они успѣшно замѣняли окончательно потерявшія всякое значеніе ассигнаціи прежнихъ выпусковъ. Ровно черезъ два года эти знаки упали въ цѣнѣ на 1000%, что было учтено при замѣнѣ новыми въ 1217 г. Однако, и эти новыя ассигнаціи, названныя „тунъ-бао [1])— ходовая монета“ **(26)**, къ 1221 г., т. е. черезъ четыре года, упали въ цѣнѣ.

При выпускѣ, 4 ассигнаціонныя связки или ассигнаціи на 4.000 монетъ, равнялись одному лану; къ этому же времени за 1 ланъ давали 800.000 монетъ ассигнаціями; курсъ, значитъ, упалъ на 200%.

Выпущены были, затѣмъ, ассигнаціи бао-цюань, чжэнь-хо, т. е. ходовая монета, драгоцѣнная монета **(27)**, и, наконецъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія династіи, мелкія ассигнаціи въ одну, двѣ, три и четыре монеты подъ названіемъ бао-хуй **(28)**, но, какъ указывается въ исторіи династіи, населеніе уже не пользовалось ими, а власти ничего не могли сдѣлать, несмотря на жестокій законъ, каравшій ослушниковъ.

Въ главѣ „Какъ великій ханъ вмѣсто монетъ тратитъ бумажки“ Марко Поло разсказываетъ: „Когда приготовятъ бумажки, какъ я вамъ описалъ, распространяютъ ихъ по всѣмъ областямъ, царствамъ, землямъ, всюду, гдѣ онъ властвуетъ... Приходятъ много разъ въ году купцы съ жемчугомъ, съ драгоцѣнными камнями, съ золотомъ и серебромъ и съ другими вещами... въ даръ великому хану. Сзываетъ великій ханъ двѣнадцать мудрыхъ... и приказываетъ имъ досмотрѣть приносы... и заплатить за нихъ, что они стоятъ... Скажу вамъ еще, что много разъ въ году отдается приказъ по городу, чтобы всѣ, у кого есть драгоцѣнные камни, жемчугъ, золото и серебро, сносили все это на монетный дворъ..., а уплачивается всѣмъ бумажками...; и еще слѣдуетъ сказать... если кто пожелаетъ купить золото или серебро для подѣлки какой-либо посудины... или чего другого, то идетъ онъ на монетный дворъ, несетъ съ собою бумажки и ими уплачиваетъ“ (Марко Поло, пер. Б. В. Бартольда. Изд. И. Р. Г. О.). Слѣдовательно, при основателѣ монгольской династіи въ Китаѣ—Хубилаѣ, въ царствованіе котораго жилъ тамъ Марко Поло, бумажные знаки выпускались правительствомъ и обращались безсрочно, драгоцѣнные же металлы и драгоцѣнности, какъ жемчугъ и проч., скупались правительствомъ.

Мы видѣли уже при династіяхъ Сунъ и Цзынь, что срочныя правительственныя обязательства постепенно были замѣнены безсрочными, принудительнаго обращенія. Почва для этого была подготовлена, колебаніе же курса зависѣло исключительно отъ необезпеченности бумажныхъ знаковъ, которыхъ правительство не могло оплатить по предъявленіи.

Закупка драгоцѣнныхъ металловъ, даже принудительная, устанавливалась неоднократно, начиная съ дин. Танъ, что также отмѣчено выше.

Итакъ, обращеніе бумажекъ, поразившее Марко Поло, въ общихъ чертахъ не было новостью для Китая. Однако, представляется весьма важнымъ тотъ путь, по которому пошло монгольское правительство, введя бумажное обращеніе.

За время предыдущихъ династій наблюдаются два теченія. Первое состояло въ томъ, чтобы одновременно со звонкой монетой обращались бумажныя деньги, обезпеченыя метал-

---

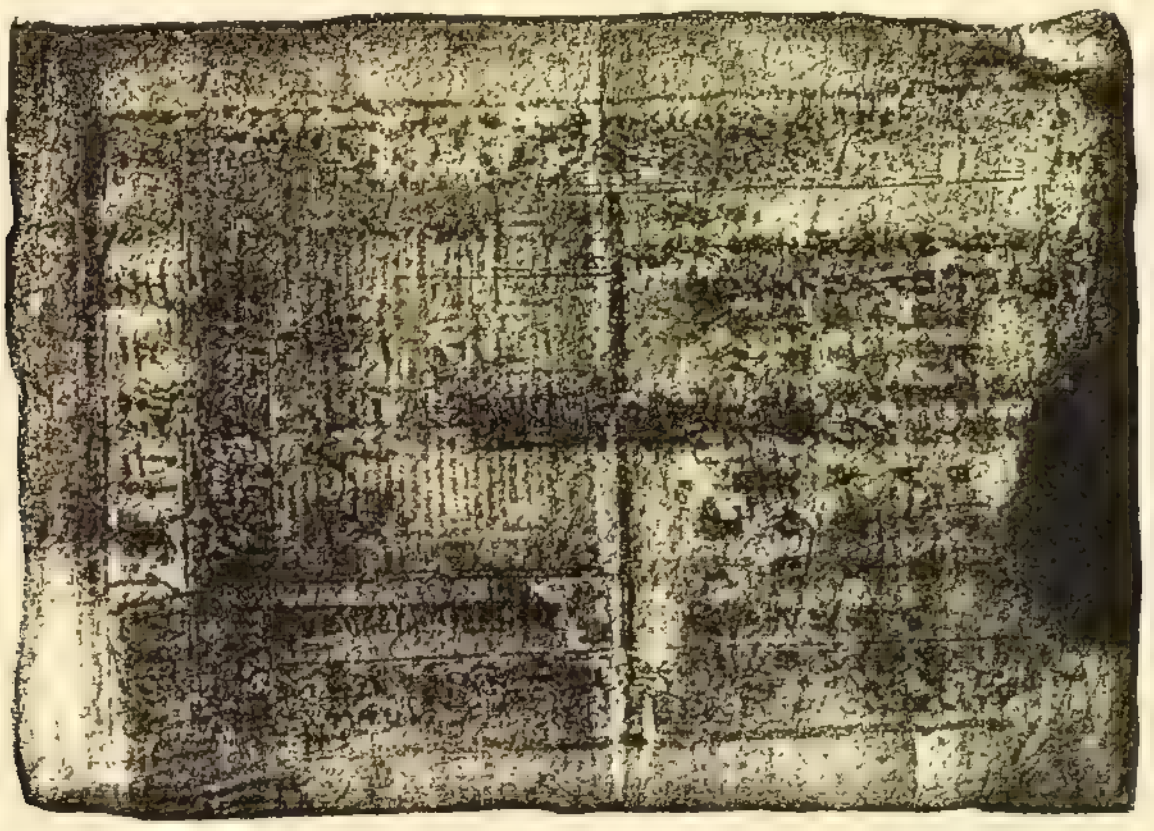
[1]) Слѣдуетъ упомянуть, что правительство сдѣлало попытку распространить дѣйствіе ассигнацій на весь Китай, не ограничиваясь только пунктами, указанными на нихъ.

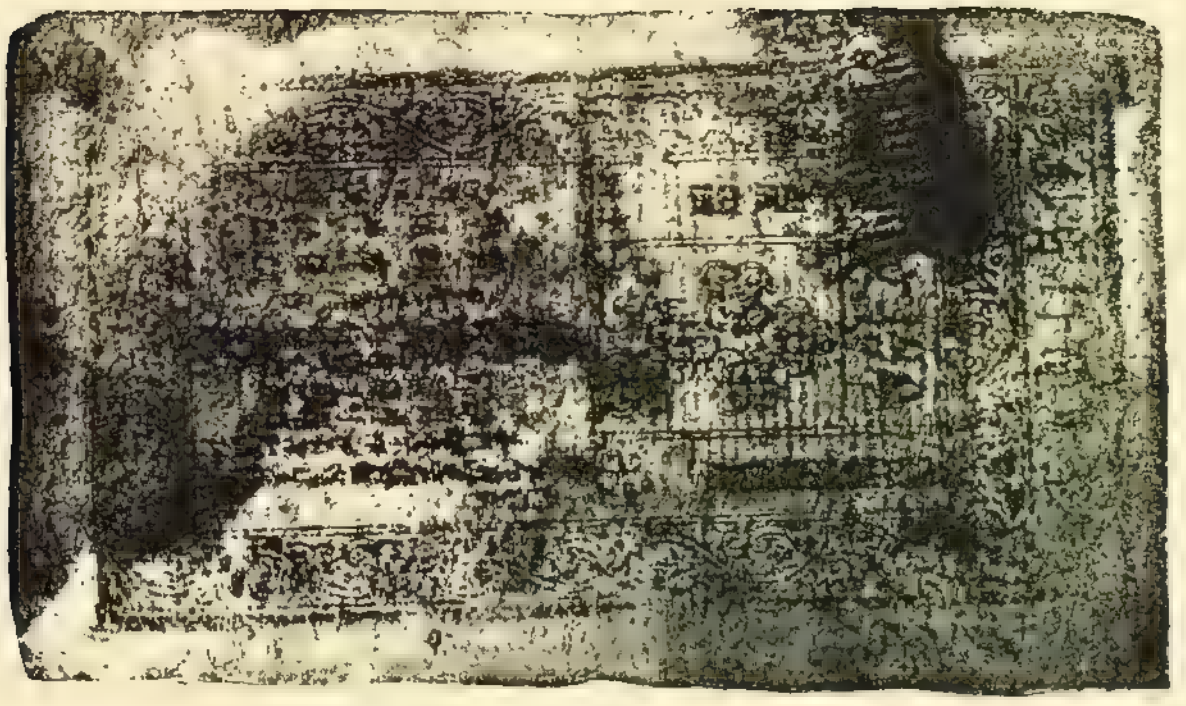
лическою наличностью, срочныя или безсрочныя. Удобства и преимущества таковыхъ были неоспоримы и очевидны. Большинство финансовыхъ дѣятелей обѣихъ династій стояло всегда за это направленіе. Другое—весьма незначительное по числу сторонниковъ—стремилось вытѣснить звонкую монету, если не совсѣмъ, то по мѣрѣ возможности, и замѣнить ее, обезпеченными тоже, срочными или безсрочными ассигнаціями.

Послѣднее преобладало въ годы экономическаго упадка, въ періоды войнъ, совпадавшихъ всегда съ временемъ послѣднихъ дней существованія династіи.

Бумажные знаки, встрѣчаемые безъ всякаго недовѣрія со стороны населенія, которое само создавало ихъ для себя, шли al pari до первыхъ эксцессовъ правительства, когда послѣднее, имѣя въ виду сосредоточить у себя звонкую монету, ограничивало выпускъ ея; съ этого момента начинается обыкновенно колебаніе и паденіе курса, подъему котораго не помогаютъ уже никакія конверсіи.

Начавшее блистательно свою дѣятельность правительство монгольской династіи пошло по второму пути, и естественнымъ результатомъ этого было обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и возвратъ, сильно, впрочемъ, запоздалый, къ металлическому обращенію,—возвратъ безнадежный, такъ какъ онъ имѣлъ мѣсто незадолго до исчезновенія династіи въ Китаѣ.





Бумажному обращенію въ исторіи юаньской династіи посвящены двѣ главы, носящія одинаковое заглавіе Чао-фа — Система, организація ассигнацій (см. 94 и 97 цзюани Юань-ши), причемъ вторая даетъ только дополнительныя свѣдѣнія, относящіяся къ задуманной То-то, извѣстнымъ дѣятелемъ этой династіи (1313—1355), финансовой реформѣ въ періодъ Чжи-чжэнъ (1341—1368).

Въ основу бумажнаго обращенія былъ положенъ принципъ: и у вэй му и чао вэй цзы (29) основаніемъ, исходной цѣнностью считались вещи, а ассигнаціи только ее представляли, т.-е. принципъ, принятый въ отношеніи полноцѣнной и неполноцѣнной размѣнной монеты и современныхъ кредитныхъ правительственныхъ билетовъ: цзы му сянъ цюань эр синъ (30).

До 1260 г. ассигнаціи были выпущены, но свѣдѣній о нихъ не сохранилось. Въ упомянутомъ же году послѣдовалъ выпускъ цзяо-чао—размѣнныхъ ассигнацій на шелкъ (31). За каждые 50 ланъ серебра выдавали 1000 ланъ шелковыхъ ассигнацій (32). Назывались онѣ такъ потому, что все расцѣнивалось на шелкъ. Въ 10-мъ мѣсяцѣ того же года появляются новые знаки юань-бао-чао—цѣнныя ассигнаціи дин. Юань, стоимостью въ 10, 20, 30, 50, 100, 200, 300 и 500 монетъ и въ 1 и 2 связки. Каждая ассигнаціонная связка равнялась одному ассигнаціонному лану, двѣ же связки составляли одинъ ланъ серебра. Кромѣ того, появились ассигнаціи на серебро (33) въ 1, 2, 3, 5 и 10 ланъ. Ассигнаціонный ланъ серебра равнялся лану металла. Послѣдніе знаки не получили распространенія.

Въ своихъ заботахъ о сосредоточеніи металловъ въ казначействѣ правительство, вынуждаемое къ этому, вѣроятно, большими военными издержками, учредило въ 1268 г. особые во всѣхъ провинціяхъ оцѣночные склады, которые должны были вліять на равновѣсіе цѣнъ на всѣ предметы: шэ гэ лу пинъ чжунь ку чжу пинъ у цзя ши сянъ и чжунь бу чжи ди анъ (34). Въ качествѣ основного капитала имъ было выдано ассигнаціями 600.000 ланъ, что составляло 52.000 динъ серебра.

Затѣмъ, правительство отпечатало въ 1275 г. мелкіе билеты стоимостью въ 2, 3 и 5 монетъ. До 1276 года печатаніе производилось при помощи деревянныхъ досокъ, съ этого же года ихъ замѣнили мѣдными.

Вскорѣ послѣдовала и первая реформа бумажнаго обращенія. Принимая во вниманіе, что мелкія бумажныя единицы были неудобны для населенія, а крупныя стали падать въ цѣнѣ, тогда какъ цѣны на все повышались, выпускъ мелкихъ былъ прекращенъ въ 1287 г., и новые знаки расцѣнивались отъ 2 связокъ до 2 монетъ. Всего появилось 11 видовъ знаковъ.

Они могли обращаться наравнѣ съ прежними при слѣдующей расцѣнкѣ. Каждая кредитная связка новыхъ знаковъ соотвѣтствовала пяти связкамъ, выпущеннымъ въ годы Чжи-юань (1260 1264). Не ограничиваясь оцѣночными бюро, рѣшено было также устроить повсюду правительственные склады для торговли золотомъ и серебромъ.

При покупкѣ серебра за каждый ланъ хорошаго металла давали 2 ассигнаціи годовъ Чжи-юань, а при продажѣ—ланъ стоилъ 2,5 ассигнацій. То же примѣнялось и къ золоту. За ланъ червоннаго золота платили 20, а давали, при продажѣ, 20 связокъ и 500 монетъ. За поддѣлку ассигнацій наказывали смертной казнью. Донесшій о поддѣлкѣ получалъ въ награду 250 ланъ серебра. Какъ и раньше было уже принято, имущество уличеннаго въ поддѣлкѣ ассигнацій поступало въ пользу доносчика.

Считаясь съ паденіемъ курса, правительство наслѣдника Хубилая въ 1309 году выпустило кредитные билеты на серебро отъ 2 ланъ до 2 ли (0,001 лана), всего 13 видовъ. Каждый ланъ новыхъ знаковъ долженъ былъ соотвѣтствовать 5 связкамъ ассигнацій годовъ Чжи-юань, 1 лану серебра и 0,01 лана чистаго золота. Слѣдовательно, съ 1260 года до 1309 года, на протяженіи 50 лѣтъ, трижды была произведена конверсія знаковъ съ очевидной убыточностью для правительства, когда отношеніе новыхъ знаковъ къ старымъ въ обоихъ случаяхъ составляло 1 : 5.

Не прошло и года, какъ, со вступленіемъ на престолъ имп. Жэнь-цзун'а, послѣдовало повелѣніе объ изъятіи упомянутыхъ кредитныхъ билетовъ, тогда какъ бумажные знаки годовъ 1260—1264 и 1264—1295 обращались до конца династіи.

Замѣна и изъятіе износившихся знаковъ производились за этотъ періодъ слѣдующимъ образомъ. Еще въ 1265 г. были назначены спеціальныя лица для обмѣна въ кредитномъ казначействѣ (цзяо-чао-ку) старыхъ знаковъ на знаки новаго выпуска (35). Взыскиваемая первоначально сумма на расходы по производству знаковъ была черезъ два года уменьшена съ 30 до 20 монетъ, но въ 1275 году стали взыскивать прежнюю сумму. При обмѣнѣ обращалось вниманіе на степень сохранности бумажекъ, и тѣ, на которыхъ ясно читалась стоимость, не принимались.

Неподчинявшіеся этому правилу подвергались взысканію.

Каждую четверть года, по взысканіи налоговъ, мѣстныя провинціальныя власти должны были доставлять въ министерство подлежащіе изъятію знаки, гдѣ они и сжигались, но сжигать самимъ имъ было запрещено.

Въ 1298 году всего было 25 видовъ знаковъ, подлежавшихъ уничтоженію.

Затѣмъ, уже въ 1327 году были учреждены спеціальныя мѣста, гдѣ знаки уничтожались путемъ сожженія, и для завѣдыванія ими назначались извѣстныя своею честностью лица. Въ провинціяхъ ими вѣдали, совмѣстно съ назначенными, провинціальные администраторы.

Окончательный переходъ къ бумажному обращенію совершился только при имп. Жэнь-цзун'ѣ (1312—1321), что и было указано въ императорскомъ повелѣніи объ обмѣнѣ бумажекъ на серебро.

Всего за время существованія династіи было произведено 70 выпусковъ, считая первый въ 1260 г. и послѣдній въ 1330 г., т.-е. только за 70 лѣтъ. Размѣры выпусковъ были неодинаковы: первые были невелики, тогда какъ относящіеся ко времени У-цзун'а (1308—1315) обыкновенно выпускались на сумму 50.000.000 ланъ; однако, и самые небольшіе были не менѣе 2.000.000 ланъ, что, конечно, значительно превышало потребность, даже если допустить необычайное развитіе торговли; на самомъ же дѣлѣ экономическому подъему слѣдуетъ противопоставить разорительные походы самого Хубилая и неудачи его преемниковъ.

О наказаніяхъ за поддѣлку бумажныхъ знаковъ какъ при дин. Сунъ, такъ и при дин. Юань было упомянуто уже выше. При послѣдней положеніе о наказаніяхъ было дополнено и развито. Вмѣсто наложенія клейма при сунской династіи и затѣмъ смертной казни, при монголахъ казнили не только поддѣлывателей бумажекъ, но и всѣхъ участниковъ вообще, какъ-то: приготовлявшихъ штампы и бумагу, продававшихъ матеріалы и хранившихъ ихъ у себя.

Наказанію батогами подвергались недонесшіе сосѣди, квартальные (выборные) полиціи. Если полиція не могла въ срокъ задержать продавцовъ фальшивыхъ знаковъ, виновныхъ наказывали батогами, высылали, а затѣмъ, при нарушеніи данныхъ сроковъ, ссылали на поселеніе въ отдаленныя мѣста. Задержавшіе же награждались 250 ланами наличнаго серебра.

Если отецъ поддѣлывалъ знаки, приказывая сыну участвовать въ дѣлѣ, то сынъ не отвѣчалъ передъ закономъ, какъ не отвѣчалъ въ аналогичномъ случаѣ и отецъ.

Если выдѣлка штамповъ не была закончена, виновные наказывались батогами.

Конфискація имущества виновныхъ не касалась жены и дѣтей; жена не отвѣчала за поддѣлки мужа.

Изъ всѣхъ категорій преступниковъ только поддѣлыватели фальшивыхъ бумажныхъ знаковъ лишены были права ходатайствовать о замѣнѣ имъ смертной казни другимъ наказаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ не было кормильцевъ или родители были престарѣлы[1]).

Изготовлялись бумажныя деньги изъ бумаги особаго сорта (изъ пров. Сы-чуань), затѣмъ изъ древесины Broussonetia papyfera и изъ древесины тутоваго дерева.

[1]) См. Юань-ши, отдѣлы о бумажныхъ деньгахъ и о наказаніяхъ.

ОБРАЗЦЫ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ ЮАНЬСКОЙ ДИНАСТІИ.

1. „Чжунъ-тунъ юань бао-чао—Ассигнація годовъ правленія Чжунъ-тунъ (1260—1264)“. Отпечатана на древесной бумагѣ сѣраго цвѣта. Верхняя часть билета имѣетъ надписи на китайскомъ языкѣ (почеркомъ чжуань и обыкновеннымъ) и монгольскимъ квадратнымъ письмомъ. Посрединѣ—„И-гуань-вэнь-шэнъ—Стоимостью въ одну связку“. Справа, почеркомъ чжуань—чжунъ тунъ юань бао, т.-е. ассигнація періода „Чжунъ-тунъ“. Возлѣ—та же надпись въ транскрипціи монгольскимъ квадратнымъ письмомъ. Слѣва, почеркомъ чжуань и въ транскрипціи монгольскимъ квадратнымъ письмомъ—„чжу-лу тунъ-синъ—имѣетъ обращеніе во всѣхъ провинціяхъ“. Внизу—изображеніе связки монетъ. Справа отъ изображенія—„Тао-цзы-ко, отдѣлъ Тао“. Слѣва—„Танъ-цзы-хао, шифра Танъ“.

Внизу крупнымъ шрифтомъ помѣщенъ текстъ о поддѣлкѣ знаковъ: „Вэй-цзао-чжэ чжань Шанъ инь у-динъ“ и мелкимъ—„жэнъ цзи фань-жэнь цзя-чань—Поддѣлывателямъ будутъ отрублены головы. Въ награду (донесшимъ) будетъ выдано 5 динъ (см. выше) серебра. Какъ то было установлено ранѣе, (имъ же) будетъ отдано имущество преступника“.

Остальной текстъ неясенъ, но можетъ быть возстановленъ по надписи на ассигнаціяхъ годовъ Чжи-юань.

„Шанъ-шу шэнъ представило докладъ, удостоившійся высочайшаго утвержденія, о выпускѣ (печатаніи) ассигнацій Чжунъ-тунъ. Онѣ должны приниматься при платежахъ безъ ограниченія срокомъ и обращаться во всѣхъ провинціяхъ. Подпись начальника казначейства мелкихъ ассигнацій и типографіи. Дата. Подписи помощниковъ начальника казначейства и типографіи. Отдѣленіе Ти-цзюй сы (исполнительнаго) шанъ-шу-шэнъ“.

Надпись окаймлена рамкой изъ стилизованныхъ изображеній драконовъ. Билетъ носитъ печать.

Интересно отмѣтить, что ни на одномъ изъ билетовъ не проставлены даты въ текстѣ, что, впрочемъ, не дѣлалось и при минской династіи, такъ какъ таковыя отмѣчались печатью.

2. „Чжи-юань-тунъ-синъ бао чао—Ассигнація годовъ правленія Чжи-юань“, стоимостью въ 100 монетъ. Изъ того же матеріала, какъ и № 1. Текстъ ассигнаціи сходенъ съ текстомъ предыдущей, съ тою разницею, что у цѣны нѣтъ изображенія связки или, какъ нужно было бы здѣсь—монетъ. Взамѣнъ его надпись передана въ транскрипціи монгольскимъ квадратнымъ письмомъ, и въ самомъ текстѣ надписи вмѣсто Чжунъ-тунъ юань-бао-вэнь стоитъ Чжи юань бао-чао. Отсутствуетъ также надпись почеркомъ чжуань.

3. „Чжи-юань тунъ-синъ бао-чао—Ассигнація годовъ правленія Чжи-юань“, стоимостью въ 30 монетъ. Въ отличіе отъ № 2 внизу цѣны „Сань-ши-вэнь—Тридцать монетъ“ помѣщено изображеніе тридцати мѣдныхъ монетъ.

1. 飛 錢.
2. 鹽 鈔.
3. 便 錢.
4. 貨.
5. 銚 也 古 者 田 器, 14 цз., 1 ч.
6. 憲 宗 以 錢 少 禁 用 銅 錢 時 商 估 至 京 師 委 錢 諸 路 進 奏 院 及 諸 使 富 家 以 輕 裝 趨 四 方 合 券 乃 取 之 號 飛 錢.

7. 以三年爲界; 繰.
8. 交子. ср. 開寶三年 (970 г.) 置使錢務令高人入錢者詣務陳牒.... 至道末... 便錢一百七十餘萬貫... 天禧末增增一百一十三萬貫 (990—1022 г.). Т. обр. временныя обязательства казначейства существовали уже давно.
9. 張用.
10. 薛田, 張若谷.
11. 交子務.
12. 轉運司.
13. 交子多而錢不足致價大賤旣竟無寶錢.
14. 關子.
15. 夔州.
16. 榷貨務.
17. 公據.
18. 會子. 會 хуй — собирать, балансъ, счетъ.
19. 貫.
20. 會子庫.
21. 銀會.
22. 陌 — базарная улица, а затѣмъ — сто базарныхъ монетъ.
23. 印造鈔銀庫; 交鈔庫.
24. 銀鈔.
25. 貞祐寶券.
26. 通寶.
27. 寶泉; 珍貸.
28. 寶會.
29. 以物爲母以鈔爲子.
30. 子母相權而行.
31. 交鈔.
32. 絲鈔.
33. 中統銀貨.
34. 設各路平準庫主平物價相依準不至低昻.
35. 以新鈔倒換.

А. Ивановъ.

Литература.

1. Sur l'origine du papier monnaie. J. Klaproth, Mémoires relatifs à l'Asie. 1826. T. I, p. 375. 2. Mémoire sur le systéme monétaire des Chinois. Ed. Biot, Journal Asiatique, 1837. 3. On chinese currency. Coin and paper money. W. Vissering LL. D. 1877. 4. The origin of the paper currency of China. Shioda Saburo, Journal of the Peking Oriental Society, V. II, № 1. 1887. 5. Танъ-шу—Исторіи династіи Танъ: Цзю-танъ-шу, составленная Лю-Сюй-емъ, и Синь-танъ-шу, авторомъ которой былъ Оуянъ Сю. 6. Сунъ-ши—Исторія династіи Сунъ (960—1279), составлена То-то при юаньской династіи. 7. Цзинь-шу—Исторія Чжурчженей (1115—1234), составлена То-то при юаньской династіи. 8. Юань-ши—Исторія юаньской династіи (1206—1367), составлена Сунъ Лян'емъ при минской династіи. 9. Вэнь-сянь-тунъ-као Ма Дуань лин'я. Энциклопедія, содержащая свѣдѣнія по библіографіи, государственному хозяйству, литературѣ, религіи, администраціи и т. д. за періодъ съ начала кит. исторіи до первыхъ десятилѣтій XIII вѣка. 10. Сюй-вэнь-сянь-тунъ-као Ванъ Ци, продолженіе энциклопедіи Ма Дуань-лин'я (254 кн.), составленное въ 1586 г. съ нѣкоторыми дополненіями.

Символическій орнаментъ въ Китаѣ.

Описаніе нефрита изъ коллекціи А. В. Верещагина.

Символы окружаютъ китайца; они живутъ съ нимъ, встрѣчаютъ его при рожденіи, провожаютъ въ загробную жизнь и даже тамъ не разрываютъ своей связи съ нимъ.

Культура и свойства письменности Китая, отражающей въ безчисленныхъ произведеніяхъ его многовѣковую жизнь, создали необычайно благопріятную для нихъ почву.

Первая сосредоточиваетъ въ себѣ собраніе всевозможныхъ культурныхъ переживаній, вторыя представляютъ обильный матеріалъ для символовъ-омофоновъ, т.-е. такихъ знаковъ, которые принимаются фонетически, точно или приблизительно, какъ символы извѣстныхъ пожеланій, напр., фу-летучая мышь—фу-счастье.

Любое головное украшеніе китаянки, ея серьги, кольцо изображаютъ извѣстный символъ и нерѣдко комбинацію ихъ, не говоря уже объ украшающемъ ихъ орнаментѣ.

На концѣ, напримѣръ, шпильки встрѣчаемъ двухъ птичекъ—символъ супружескаго согласія и любви; серьги представляютъ собою сѣмянныя коробочки или сережки ивы—символъ чадородія обладательницы ихъ.

На кольцѣ мужчины находимъ изображеніе жабы—символъ пожеланія богатства и т. д.

Для разгадки всѣхъ этихъ символовъ требуется знаніе исторіи и религіи, что особенно важно при разборѣ орнамента, гдѣ причудливо переплетаются различные элементы—и туземные и иностранные. Иное дѣло, если мы встрѣчаемся съ символами второй категоріи, то-есть съ однимъ знакомъ (предметомъ) или сочетаніемъ знаковъ (предметовъ), которыми желаютъ выразить извѣстное пожеланіе или иногда даже цѣлый рядъ ихъ, причемъ вмѣсто знаковъ мы имѣемъ предметы или изображенія ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ символовъ понятны и говорятъ—только китайцу.

Такъ, сосна и вообще хвойныя деревья—вполнѣ естественный символъ долгой жизни, тогда какъ бабочка—символъ скоротечности; между тѣмъ, въ Китаѣ и бабочка и сосна—символъ долголѣтія, такъ какъ бабочка ху-дѣ или дѣ—омофонъ слова или точнѣе знака дѣ 1), имѣющаго смыслъ глубокаго возраста.

Слѣдовательно, при изученіи символовъ въ Китаѣ, приходится имѣть дѣло съ символами общими и символами-омофонами. Къ этимъ двумъ категоріямъ слѣдуетъ прибавить еще и третью: символы спеціально китайскіе—результатъ собственной культуры.

Насколько символизмъ второй категоріи сложенъ и какъ часто фигурируетъ онъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. На третій день послѣ рожденія ребенка происходитъ церемонія торжественнаго обмыванія его, и въ этотъ день передъ изображеніями девяти богинь-покровительницъ Цзю-нянъ-нянъ ставятся „радостные плоды“: 1) плоды Nephelium lichi, 2) плоды жужуба, 3) каштаны, сухіе плоды Nephelium longanum и 4) куриныя яйца (2).

Каждый предметъ есть символъ. Плоды Nephelium lichi по однозвучію значатъ „дать новую вѣтвь“, разумѣя генеалогическое дерево. Жужубы, цзаоръ—омофонъ слова цзао,

[1]) Китайскіе знаки помѣщены въ концѣ статьи.

рано, скоро, т.-е. скоро родится сынъ. Каштаны—ли́-цзы понимаются какъ ли-цзы́—получить наслѣдника. Nephelium longanum называется въ просторѣчіи лунъ-янь—глаза дракона, а въ Пекинѣ –юань-юань, символъ полнаго благополучія и единенія семьи. Послѣдній символъ понятенъ самъ по себѣ.

Съ момента рожденія на ребенка надѣваютъ амулеты-символы. Его костюмъ—символъ; все въ домѣ украшено символами до послѣдней мелочи—и символами различнаго характера; его женитьбѣ будутъ сопутствовать символы, его душѣ будутъ также приносить символы, ставить жертву и сообщать семейныя горести и радости передъ дощечкой, съ написаннымъ его именемъ; въ дощечкѣ, предполагается, пребываетъ его душа.

Приведемъ примѣръ символическаго орнамента омофоновъ.

Если передъ нами рисунокъ, представляющій: плоды какки, монеты, хризантемы, персикъ, переплетенный узелъ и такъ называемый скипетръ (жу-и), то этотъ орнаментъ значитъ: желаю вамъ долгой жизни, исполненія всѣхъ желаній въ дѣлахъ, и пусть передъ вами всегда будетъ счастье.

Соединеніе бамбука, летучей мыши, травы безсмертія и орхидей—пожеланіе глубокой старости.

Какки, музыкальный инструментъ изъ камня, алебарда и рыба—во всемъ счастье и успѣхъ съ избыткомъ.

Каждый подарокъ китайца, столь излюбленныя на Дальнемъ Востокѣ параллельныя надписи съ пятью, напримѣръ, знаками на каждой полосѣ—все сулитъ и зоветъ къ счастью и богатству, обилію дѣтей, глубокой старости и высокимъ почестямъ [1]).

Въ коллекціи А. В. Верещагина, подаренной Е. И. В. Государемъ Императоромъ Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III, находится великолѣпный образецъ символическаго орнамента на нефритѣ.

Вышина камня, выдѣланнаго съ использованіемъ углубленій для рисунка—31 см., длина—44 см. Цвѣтъ—темнозеленый, полупрозрачный. Нефритъ—высокаго качества безъ какихъ-либо дефектовъ, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ свѣтлозеленыхъ пятенъ.

На одной изъ сторонъ (верхній рисунокъ) изображенъ идущій, въ сопровожденіи мальчика съ посохомъ, старецъ. Въ рукахъ старецъ держитъ жезлъ. Кругомъ—сосны. Нѣкоторая условность изображеній, какъ и на другой сторонѣ, объясняется тѣмъ, что мастеръ ограничивался только обработкой выпуклыхъ частей, не дѣлая новыхъ углубленій. На другой сторонѣ пять мальчиковъ играютъ на духовыхъ и ударныхъ инструментахъ внизу террасы съ аркой. На самой террасѣ стоитъ левъ, а невдалекѣ отъ него—мальчикъ съ коробкой (?) въ рукахъ. Внизу же террасы съ лѣвой стороны другой мальчикъ несетъ горшокъ съ какой-то травой. Отъ первой террасы виденъ переходъ къ другой, на которой стоитъ, опираясь на посохъ, старецъ. Подлѣ него — мальчикъ. Наверху, въ облакахъ, видна крыша какого-то зданія. Кругомъ всей сцены, слѣва—сосны, справа—коричное дерево.

Переходимъ къ содержанію заключенныхъ въ орнаментѣ пожеланій.

Сосны—символъ долголѣтней жизни, очевидно, благодаря вѣчно зеленой хвоѣ (3).

Оставляя пока въ сторонѣ террасы съ находящимися на нихъ фигурами, обратимся къ остальной части орнамента.

Изображеніе пяти мальчиковъ, играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ, указываетъ на пожеланіе полной гармоніи въ домѣ лица, которому дарятъ вещь, такъ какъ пять звуковъ составляютъ китайскую гамму: у инь вэй хэ—пять звуковъ даютъ гармонію (4). Въ то же самое время дѣти своей музыкой привѣтствуютъ событіе, изображенное

[1]) См. Wilhelm Grube: Zur Pekinger Volkskunde Veröffentlichungen aus dem König. Museum für Völkerkunde. 1901.

на террасѣ фигурой льва. Левъ по-китайски ши, въ разговорномъ языкѣ—ши-цзы, однозвучное съ ши-цзы—десять сыновей [1]) (5).

Появленіе льва на террасѣ можетъ быть понято — левъ поднялся на террасу [2]), ши-цзы дэнъ тай. Принимая однозвучное „десять сыновей" для начала фразы, имѣемъ: „десять сыновей поднимутся на террасу".

Если же принять во вниманіе, что представленіе о восхожденіи на террасу связано съ картиннымъ изображеніемъ удачи на экзаменахъ для полученія высшей ученой степени, открывавшей прежде дорогу къ почестямъ и славѣ, тогда понятно и самое пожеланіе.—„Пусть у васъ будетъ десять сыновей; они пусть живутъ въ мирѣ и согласіи и удостоятся получить высшія ученыя степени".

Переходимъ къ террасамъ, которыхъ мы видимъ три. Понятіе это связано съ представленіемъ китайцевъ о состояніи, въ которомъ пребываютъ люди въ загробной жизни, и съ поклоненіемъ небеснымъ свѣтиламъ.

Звѣзды и планеты являются пребываніемъ духовъ-покровителей, и въ то же время на звѣздахъ имѣетъ мѣстопребываніе административная организація, аналогичная съ земной. Тамъ же живутъ небожители, не появлявшіеся на землѣ.

Въ примѣчаніи къ указанному мѣсту Чжоу ли мы читаемъ: „Сы чжунъ (звѣзда) имѣетъ три ступени... Она называется иначе столбомъ, поддерживающимъ небо. Верхняя часть ея господствуетъ надъ жизнью (людей) и является Великимъ командующимъ; средняя блюдетъ за соотвѣтствіемъ всего своему назначенію [3]) и является министромъ финансовъ, а нижняя управляетъ счастьемъ [4]) и есть министръ работъ" (8).

Такимъ образомъ, изображеніе трехъ террасъ равносильно вручению лица, которому дарятъ его, тремъ божествамъ, въ рукахъ которыхъ—жизнь, богатство и счастье.

На третьей террасѣ изображенъ еще старецъ съ деформированной головой. Это—богъ долголѣтія „Шоу-синъ", въ сопровожденіи мальчика. Надъ террасами виднѣется крыша зданія, окутанная облаками. Это—мѣстопребываніе людей въ блаженныя времена глубокаго прошлаго [5]).

Остаются на этой сторонѣ—мальчикъ съ горшкомъ и мальчикъ, держащій коробку. Первый стоитъ сбоку террасы. Трава въ горшкѣ—такъ назыв. линъ-чжи цао, трава безсмертія, растущая на островахъ безсмертія въ восточномъ морѣ.

Коробъ въ рукахъ мальчика скорѣе долженъ изображать плодъ, дающій также безсмертіе, если онъ сорванъ въ садахъ, находящихся въ горахъ Кунь-лунь. Это—персикъ, извѣстный символъ долгой жизни, безсмертія, часто встрѣчающійся въ орнаментѣ и на картинахъ.

Итакъ, все содержаніе орнамента сводится къ пожеланію долгой жизни, богатства, счастія, знатности (гуй—знатный, гуй—коричное дерево) и большого числа сыновей, которые должны достичь высокихъ ученыхъ степеней.

Обратная сторона украшена соснами и коричнымъ деревомъ, о которыхъ мы уже говорили, и изображеніемъ старца съ жезломъ.

За отсутствіемъ спеціальныхъ атрибутовъ у фигуры, центръ тяжести, намъ кажется, лежитъ въ жезлѣ.

---

[1]) Ср. Если въ одной комнатѣ десять сыновей отъ разныхъ матерей, но согласные межъ собой, не бывать ни бѣдѣ ни несчастію, коль скоро они принимаютъ мѣры противъ бѣдствій, какъ указываетъ долгъ (6).

[2]) Помѣщеніе льва на террасу не случайно, если припомнить одно мѣсто въ Чжоу-ли, глава Тай цзунъ-бо (7). Опущеніе же ключевого знака—явленіе нерѣдкое.

[3]) Чжунъ—средина, попадать въ цѣль. Сы-чжунъ—солнце.

[4]) Лу—счастье, пожалованіе, жалованіе.

[5]) Ср. Пянь-цзы лэй-пянь, 10 цз. (9).

Происхожденіе этого предмета не установлено, и каково было первоначальное его примѣненіе—неизвѣстно. Скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что это былъ посохъ паломниковъ, для защиты отъ звѣрей. Появляется въ Китаѣ очень рано, до дин. Хань (III в. до Р. Х.), и затѣмъ его можно видѣть въ рукахъ изображеній буддійскаго характера.

Употребляется какъ символъ исполненія желанія, благодаря самому названію „жу-и—пусть будетъ по вашему желанію".

Вся картина, слѣдовательно, можетъ быть выражена въ словахъ: „будьте богаты, счастливы, знатны и долголѣтни, какъ сами того желаете".

1. 鏊
2. 喜菓子: 荔枝(立枝), 棗兒(早兒), 票子(立子), 桂圓(龍眼, 圓圓, 團圓), 鷄子兒, называемыя 白菓兒, т. е. «бѣлые плоды».
3. Ср. 千歲之松下有茯苓上有免絲, Хуай Нань-цзы; 松者橫也時受服者皆至三百歲.
4. 五音爲和.
5. 十子登臺; 十子=獅子.
6. 一室十子同心異母以義防患禍災不起(易林).
7. 以欙燎祀司中司命飌師雷師.
8. 司中三態三階也: 一名柱上台司命爲太尉中台司中爲司徒下台司祿爲司空.

Т. обр., изображеніе «сань-тай» — пожеланіе высшихъ должностей, богатства и долгой жизни, пожеланіе, которое поддерживаютъ небожители.

9. 元始天尊時靜處閑居偃息雲宮黃房之內七寶幃中.

А. Ивановъ.

Человѣческія кости изъ субургана въ Хара-хото.

Въ числѣ предметовъ, доставленныхъ экспедиціей полковника П. К. Козлова изъ Хара-хото и поступившихъ въ Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III, оказалась высохшая голова особы, погребенной въ „знаменитомъ“ субурганѣ, заключавшемъ въ себѣ цѣлое собраніе буддійскихъ священныхъ изображеній и прочихъ вещей, относящихся къ буддійскому культу (см. стр. 92). Голова эта, покрытая еще пожелтѣвшей высохшей кожей, имѣла видъ какъ бы оторванной вмѣстѣ съ шеей отъ туловища, которое, по словамъ П. К. Козлова, превратилось въ небольшіе, совершенно раздробленные фрагменты и поэтому не было взято вмѣстѣ съ прочими остатками погребенія. Послѣ продолжительной мацераціи и очистки въ Институтѣ Нормальной Анатоміи Императорской Военно-Медицинской Академіи, голова эта, въ видѣ черепа съ нижней челюстью, семи шейныхъ позвонковъ, перваго спинного и подъязычной кости (os hyoïdeum), была передана въ Кабинетъ Географіи и Антропологіи С.-Петербургскаго Университета для изслѣдованія и измѣренія. Послѣднее было произведено, подъ моимъ наблюденіемъ, оставленнымъ при Университетѣ Д. А. Золотаревымъ, который сдѣлалъ и точные рисунки черепа на стереографѣ Брока.

Черепъ—очень хорошей сохранности. Нѣсколько съуженное основаніе, округленные, очень слабо развитые костистые выступы (гребни), очень мелкіе зубы, небольшіе размѣры вообще и изящныя очертанія лицевого скелета заставляютъ склониться въ пользу мнѣнія, что черепъ этотъ принадлежалъ женщинѣ, несмотря на довольно значительное, для женскаго черепа, развитіе надбровныхъ дугъ, могущее наводить на нѣкоторое сомнѣніе [1]). Судя по состоянію зубовъ и черепныхъ швовъ, можно предполагать возрастъ покойницы близкимъ къ старости (болѣе 50 лѣтъ).

[1]) Въ виду особенной важности находокъ въ Хара-хото и теоретическаго значенія опредѣленія пола погребенной особы (гэгэна – перерожденца), для которой былъ воздвигнутъ роскошный субурганъ, я счелъ необходимымъ обратиться къ Тов. Предсѣд. Русскаго Антропологическаго Общества при Университетѣ д-ру мед. Ѳ. А. Бялыницкому-Бирулѣ и къ Предсѣдателю Общ. Анатоміи и Антропологіи при Имп. Военно-Медицинской Академіи профессору И. Э. Шавловскому съ просьбой высказать свои компетентныя мнѣнія объ этомъ черепѣ, сексуальный характеръ котораго оказался нѣсколько неопредѣленнымъ. Оба эти ученые, которымъ считаю себя обязаннымъ выразить свою живѣйшую признательность,—по разсмотрѣніи черепа, пришли къ заключенію, что, несмотря на значительно развитыя надбровныя дуги, онъ по всѣмъ прочимъ признакамъ можетъ быть признанъ женскимъ.

Разсматривая черепъ въ четырехъ основныхъ положеніяхъ, можно отмѣтить слѣдующее:

1) *Norma verticalis.* (Рис. 1). Обращаетъ на себя вниманіе плагіокефалическая асимметрія крыши черепа въ видѣ прижатія въ правой темянной области. Форма крыши черепа округленно-пентагональная, скуловыя кости выдаются довольно умѣренно. Возлѣ брегмы слегка замѣтенъ слѣдъ лобнаго шва (на рис. не виденъ).

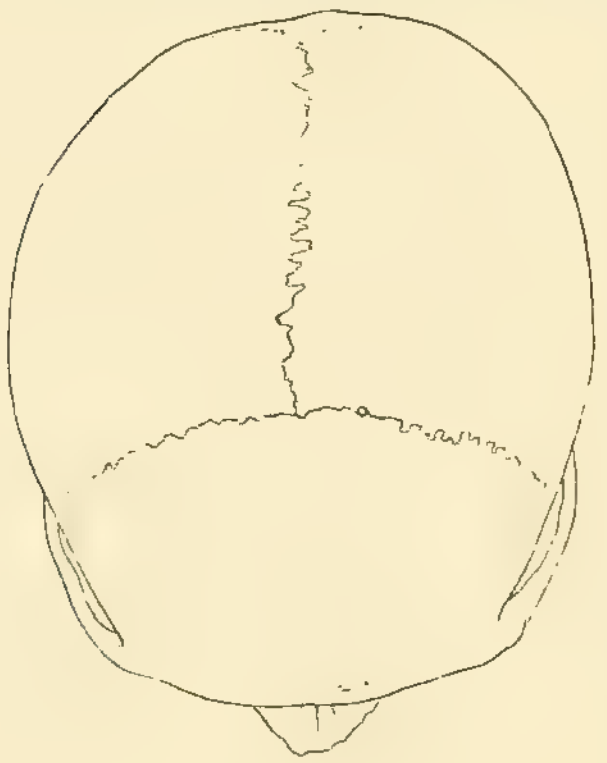


Рис. 1.

2) *Norma facialis.* (Рис. 2). Крыша черепа уплощенная. Надбровныя дуги для женскаго черепа значительно развиты. Носовыя кости ровныя. Apertura profundis съ рѣзко выступающимъ нижнимъ краемъ. Зубы бѣлые съ желтыми пятнышками въ мѣстахъ, гдѣ стерта эмаль; сидятъ не особенно плотно. 3-ій коренной верхней челюсти съ правой стороны меньше другихъ; 2-го праваго рѣзца нѣтъ; съ лѣвой стороны зуба мудрости недостаетъ (пустая ячейка); недостаетъ и давно потеряннаго 2-го коренного. Въ нижней челюсти недостаетъ всѣхъ коренныхъ зубовъ съ правой стороны, причемъ пустая ячейка осталась только отъ 3-го коренного, а отъ двухъ прочихъ нѣтъ и слѣдовъ ячеекъ. Всѣ зубы въ прекрасномъ состояніи, но очень замѣтно стерты. Зубного прогнатизма нѣтъ.

3) *Norma lateralis.* (Рис. 3). Затылочная часть почти не выдается. Pterion сфенопаріетальный, довольно сильно съуженный (en k. Broca). Орбиты нѣсколько выдаются наружу. Limae temporales расположены довольно высоко и выступаютъ достаточно ясно. Переносье почти не вдавлено. Наблюдается слабый верхнечелюстный прогнатизмъ.

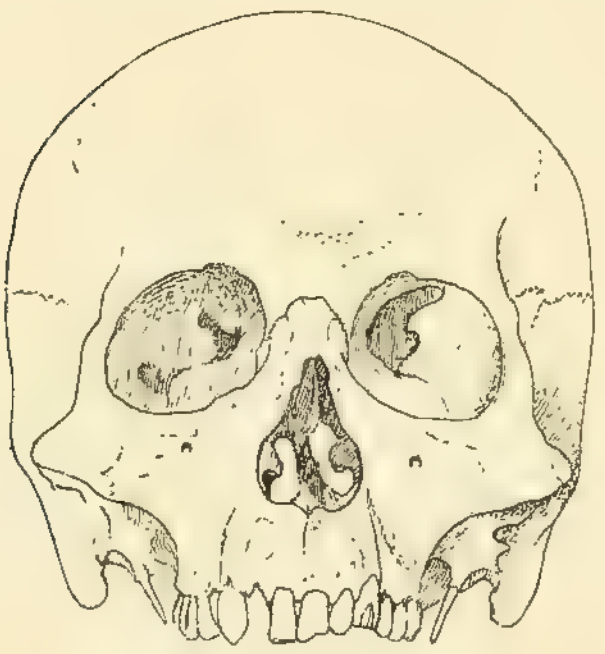


Рис. 2.

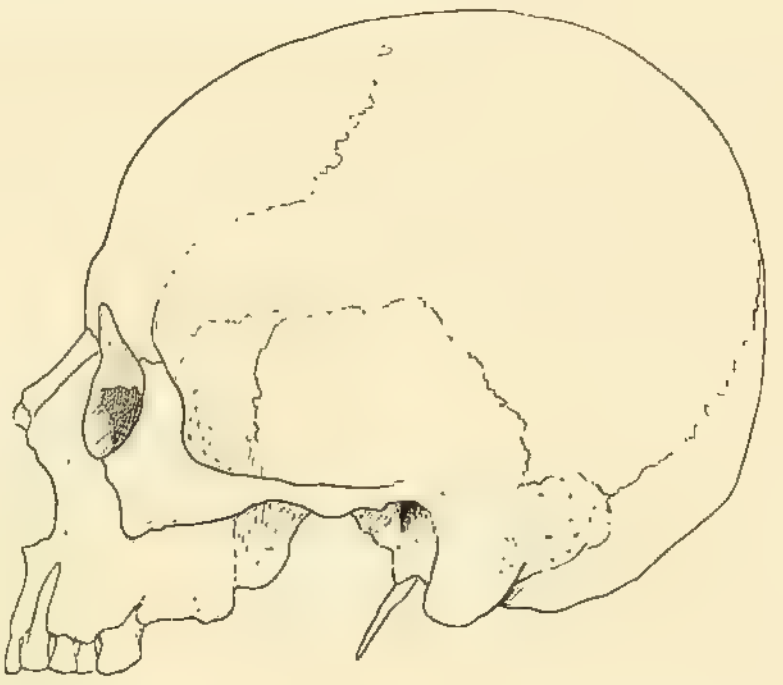


Рис. 3.

4) *Norma occipitalis.* Общій видъ закругленный, крышеобразности не замѣтно. Ворміевыхъ косточекъ, за исключеніемъ двухъ, находящихся въ углахъ возлѣ сосцевидныхъ отростковъ, нѣтъ. Затылочныя линіи -слабаго развитія. Замѣчаются два паріетальныя отверстія, симметрично расположенныя по сторонамъ сагиттальнаго шва на $3^1/_2$ cm. выше ламбды.

Измѣренія:

А. Черепа:

1) Наиб. продольный діаметръ (D. anteroposter. max.) 169 mm.
2) Поперечный діаметръ (D. transversal) 142.
3) Высота черепа (Haut. du crâne basilo-bregmot.) 137.
4) Наименьшая ширина лба (D. frontal minim.) 91.
5) Наибольшая ширина лба (D. front. max.) 118.
6) Двумастоидный діам. (D. bimastoïdien) 125.
7) Скуловый діам. (D. bizygomatique) 133.
8) Діам. носо-основной (D. naso-basilaire) 100.
9) Діам. альвеоло-основн. (D. alvéolo-basil.) 99.
10) Діам. носо-подбородный (D. naso-mentonnier) 123.
11) Діам. носо-альвеолярный (D. naso-alvéolaire) 79.
12) Высота носовой впад. (Hauteur du nez) 55.
13) Ширина носовой впад. (Largeur du nez) 25.
14) Ширина междуорбитная (Larg. interorbitaire) 22.
15) Высота глазн. орбиты (Haut. orbitaire) 34.
16) Ширина орбиты (Larg. orbitaire) 40.
17) Шир. верхняго края альвеолъ (Larg. du bord alvéol. supér.) 60.
18) Высота альвеолярной дуги (Haut. de la courbe alvéolaire) 54.
19) Длина нёбнаго свода (Long. de la voûte palatine) 46.
20) Ширина нёбн. свода (Larg. de la voûte pal.) 35.
21) Высота глазно-альвеолярная (Haut. orbito-alvéol.) 44.
22) Длина затылочнаго отверстія (Long. du trou occipitale) 38.
23) Ширина затылочн. отверстія (Larg. du trou occipitale) 31.

Дуги: 1) Сагиттальная дуга черепа (Courbe sagittale) 354.
a) лобная часть (p. frontale) 123.
b) темянная часть (p. pariétale) 117.
c) затылочная часть (p. occipitale) 114.
2) Поперечная дуга (Courbe transversale) 320.
3) Горизонтальная окружность (Courbe horizontale) 501.

В) Нижней челюсти.

1) Разстояніе между сочленовными отростками (Larg. bicondylianne) 115.
2) Разст. между углами (D. bigoniaque) 95.
3) Длина восход. вѣтви (Long. de la branche mont.) 61.
4) Наименьшая ширина вѣтви (Larg. minima) 31.
5) Наибольшая ширина (Larg. maxima) 46.
6) Наибольшая толщина (Epaiss. maxima) 13.
7) Высота спайки нижн. чел. (Haut. symphisienne) 34.

С) Измѣренія позвонковъ и os hyoïdeum не представляютъ ничего характернаго и поэтому не приводятся.

Указатели (Indices):

Черепной указатель (Ind. crânien) 84,02.
Высотный указатель (Ind. de hauteur) 71,0.
Лицевой указатель (Ind. facial) 59,32.
Носовой указатель (Ind. nasal) 45,45.

На основаніи приводимыхъ измѣреній можно думать, что черепъ изъ „знаменитаго“ субургана въ Хара-хото принадлежалъ племени короткоголовому, съ довольно высокимъ черепомъ, длиннолицому, съ не особенно выдававшимися скулами и съ довольно длиннымъ узкимъ носомъ. Приблизительное опредѣленіе роста не можетъ быть сдѣлано вслѣдствіе отсутствія хотя бы даже одной изъ длинныхъ костей, что̀ еще лишній разъ заставляетъ выразить пожеланіе, чтобы гг. путешественники, кромѣ черепа, брали всегда изъ погребеній, по возможности, и всѣ прочія кости.

Ѳ. Волковъ.

УКАЗАТЕЛЬ

этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ.

Абадзехи (абедзехи) 58, 60.
аблŏгъ 26.
Абхазія 61.
авалиша 6.
Агойскій аулъ 71, 74.
адзёръ 22, 29.
адорантъ 113, 114, 157. См. bhaktajana.
Адріановъ, А. В. V.
адъ 144; (мученія) 150.
Азіатскій Музей 93, 152.
Азія III.
Академія Наукъ III, VI; 86, 93.
Алашаямынь 81.
алебарда 176.
Алтай IV, VI.
алтарь 126, 131; (принадлежности) 147.
Альтерно (псевдон.) VII.
амбаръ для храненія зерна 64, (плетеный) 69.
Амдо 154.
Амитабха 84. См. Amitâbha.
антилопа 118, 121.
Анучинъ, Д. Н. 52.
апýдала (пугала) 23.
Архангельская губ. 1.
ассигнаціи 84, 170, 172; (на серебро) 165, 166; (на шелкъ) 170.
астрóга 19.
ашока (дерево) 125. См. açoka.
Ашше, р. 61.

Бабочка 175.
Бако 104.
балдахинъ 137, 139, 141.
балки 22.
банты 132.
Банчень (перерожденецъ Амитабхи, второе по значенію духовное лицо послѣ Далай-ламы въ Тибетѣ) 152.
бао-цюань (ходовая монета) 167.
барабанъ 142.
Барадинъ, Б. Б. 93, 104.
баранъ 148.
барсучій жиръ 31.
Бартольдъ, В. В. 167.
Бата (имя) 81.
безрукавка 105.
безсмертіе (трава безсмертія) 177.
безхозяйственные предметы 18.
Белль, Дж. 59, 70.
Бенаресъ 156.
Бергманъ V.
Березовскій, Н. М. 124, 145.
Березовскій у. 35.
Берингово море 56.
бесленеевцы 58.
Бжегакай Старый и Новый, бжедухскіе аулы 63.
бжедухи 58.
билеты размѣнные 162—164.
— таможенные 164, 165.
блокъ 25.
блюдникъ 9.
блюдо 134.
бляхи мѣдныя (подвѣски къ жен. шапкамъ) 53, 54.
— изъ вогульскихъ могилъ 52.
бляшки 149.
Бобруйскій у. 13.
богиня 126, 136.
Богоразъ, В. Г. V, VI.
богъ 123, 133, 136, 140. См. божество.
— долголѣтія 177.
бодисатва 91, 93, 95, 98—100, 105—107, 109, 111, 113, 116—126, 128, 132, 134, 140, 143, 148, 154, 156.
божества IV; 93, 100, 101. 104—108, 116, 120, 129, 130, 132—134, 137, 139, 141, 143, 148, 150—152, 154, 156, 157. См. devata.
— Солнца и Луны 104—107, 154.

божества хранители 126 — 130. См. yidam (yi-dam).
женскія 135 — 143.
божница 9.
Большой Зеленчукъ, р. 71.
боровокъ (небо) у печи 8.
Боро-хото 85.
борти 14, 17—21, (колоды) 23, 24, 27, 29.
— лѣсныя 21, 29.
— искусственныя 20.
— передвижныя 20 — 26.
бортникъ 17, 19, 22, 25—27, 30, 34.
бортничество 13 — 34.
— дикое 16.
— домашнее или пасѣчное 26 — 29, 34.
— лѣсное 28.
Ботокъ-беэрекъ 87.
браслеты 127, 130, 144, 146. См. запястья.
Брахма 128. См. Brahmā.
брахманъ 141.
Бременъ VII.
Брока 179.
брусья въ причертъ и съ вытесомъ 6, 7.
бубенчики (у рукавовъ жен. костюма) 49.
Будда 91, 94—105, 108 — 110, 112, 152 — 154, 156, 157.
— Алмазнопрестольный Будда Владыка 94—104, 143, 153.
— Владыка врачеванія 104—108, 153.
— Вращающій колеса закона 95, 108, 153.
— учащій 110—112.
— созерцающій 112—113.
— стоящій 113.
— Шакьямуни 153.
буддизмъ 94, 136, 144, 154, 156, 157.
буддисты 93, 95, 125, 153.
будды 84, 93, 94—157.
— Врачеванія 104, 154.
— японскіе 104.
— покаянія 109, 154.
— хранители закона 130 — 133.
— цари-хранители странъ свѣта 133 — 135.
буйволъ 75.
бумаги 86, 91.
бумажное обращеніе 159 — 172.
буравъ 19, 20.
бурханы 84, 91, 104, 110, 139.
буряты III, IV.
бусы 50, 51, 85.
быки (стропила) 4.
быкъ 141, 143; (голова) 114, 151.
Бѣловѣжская пуща 13.
Бѣлоруссія, бѣлоруссы 13 — 34.
бэйлэ (родовой князь) 80.
Бялыницкій-Бируля, Ѳ. А. 179.
бянь-цянь (удобныя деньги) 160.

Валы (для молотьбы хлѣба) 85.
Ванъ Ци (XVI в.), авт. 173.
Васильевъ, В. П. 109.
васкабо́йня (прессъ) 30, 31.
вашкажа́цина, см. вощина 30.
верблюдъ 151.
верескъ 15, 27.
Верещагинъ, А. В. 175, 176.
вертлюжокъ 6.
Верховье, сел. 1.
Веселовскій, А. Н. 59, 72.
Веселовскій, Н. И. 148.
Вея-Дзи, р. 61.
взвозъ 5.
взъѣздъ 5.
Виленская губ. 21.
Виташевскій, Н. А. VI.
Военно-Медицинская Академія 179.
войлокъ 36.
Волковъ, Ѳ. К. 28, 182.
волкъ 128, 134.
волосы (пучокъ) отъ косы 51.
волхвъ 140, 154, 157. См. siddha, mahāsiddha.
Волынь, Волынская губ. 13, 17, 24, 28, 29.
Воробьевъ, Н. И. 94.
воронецъ 7—9.
во́ронъ 146.
во́ронъ (повязка остяц. женщинъ на половые органы) и пряжка къ нему 48.
ворота кабляч 64, 66.
воротъ 25.
воскъ 14, 15, 18, 29 — 32.
Востокъ III, V.
Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. Общ. V.
во́тлип (мелкія стружки) 46, 47.
ВО́ЧКО (летокъ) 21.
вощина 27, 30, 32.
Вращаніе (Вращеніе) колеса закона 95, 156. См. Dharmacakrapravartana.
въѣздъ 1, 5, 6, 11.
выемка у бревна 3.
выемы (у стояновъ) 5.
вышивка 143.
вышка 22.
вѣдьмы 15.
вѣнецъ 118, 120—122, 124, 126—133, 135, 137, 139—141, 143, 146, 148, 157.
вѣтрушка 23.

Гаданіе 31.
газели 108.
гакъ 20.
галава́ (у улья) 22.
Гамбургъ VII.
Ганьсу 153.
гаруда 98, 134, 146.
Гастингсъ, Джемсъ IV.
Гашунъ-норъ, оз. 80, 87.
Геккеръ, Н. Л. VI.
Гельмгольцъ II.
Гельсингфорсъ VII.

Географическое Общество (И Р.) IV; 79, 86, 89. 93, 145, 167.
Георгій, генуэзецъ, авт. 59, 72.
Георгій Михаиловичъ, Великій Князь VI,
гимны молитвенные 100.
Главная (Торговая) улица 84.
глаза (окна у избы) 1.
глина 5.
гнила (глина) 5, 8.
гнилецъ (болѣзнь) 33.
гнѣздо пчелиное 19, 22, 33.
голова конская 120--122.
бычачья 124, 151.
— человѣч. 134, 136.
заячья 134.
— птичья 150.
— отрубленная 130, 137, 139, 141, 143, 149.
— кабанья 139, 150.
— ихневмона 148.
— бога Brahmâ 149.
Гондатти, Н. Л. 52.
горница 5, 6.
горнушка (углубленіе въ шосткѣ) 8.
гречиха 27.
Гринвичъ 83.
гробы-лодки 36, ящикъ-гробъ 36.
Гродненская губ. 13.
Грумъ-Гржимайло, Г. Е. V; 81.
Грюнведель, А., проф. 101, 154, 155. См. Grünwedel, A.
грядки (полатницы) 9.
— (шесты для вѣниковъ) 10.
гуань-цзы (таможенные билеты) 164.
гэгэнъ-перерожденецъ 92, 179.

Далай-лама 117.
дары 131, 137, 139, 141, 147. См. приношенія.
даубёшка 20.
дверь—пшче 67, 70; половинки двери—пшчешáу 70.
дворище 6.
дворъ черкесскій для молотьбы и просушки сѣна — хамышь 63, 66.
— скотный 63, 66.
Девріенъ, А. Ф. V, VII.
девятка (рама) 4, 5.
деготь 24.
де-Люка, Іоаннъ 59.
Дем-чокъ (бож.) 126.
деньги (бумажныя) 159—172.
— (образцы) 172.
джатака 153.
Дзонхава 153, 155.
дзуки (литовцы) 21.
докшитъ 105—108, 125, 135, 146, 148.
дóлато, см. долото.
должея 19—22, 33.
долото 19, 20.
домъ пріемный (для гостей) 65. См. кунáк.
Донъ, р. 59.
доспѣхи 133.
дóўжень 22, 33.
дощечки для письма 31.
— предохранительныя для руки 41.
— съ изображеніями буддъ 84.
драконъ 134, 135, 152.
древляне 14, 29.
Дрезденъ VII.
Дубровинъ, Н. 65, 70.
Дубчевское, с. 53.
Дунъ-пинъ, префектура 163.
дуплянки 29.
духовенство буддійское 152.
дымарь плетеный—уаджáк 70, 71.
дымилка 27, 30, 33.
дымница 6, 9.
дымоволокъ 9.
дымъ (выходъ) 77.
Дюбуа де-Монперё 59, 72.
дятелъ 24.

Едзинъ (Эцзинъ), р. 80.
Енисей II.
Енисейскій окр. 53.
еретики 157.

Жаба 175.
жани (черкес. племя) 58.
жаратокъ 8.
жарóўня (дымилка) 27, 30.
жезлъ 107, 108, 137, 177, 178. См. палица, посохъ.
желна 24.
жемчугъ 125.
женщина (у остяковъ) 55.
жернова 6, 81, 85.
жертвоприношенія IV, V; 156.
живопись 91, 147, 151 — 153.
животныя 128.
жилище черкесское 62, 66; половины мужская и женская — пыт 67.
— плетеное 77.
жиръ барсучій 31.
Жолобъ (пасъ) у бревна 2; (потоки) 4; (для покрытія улья) 22, 24.
жужубъ 175, 176.
жу-и (скипетръ) 176.
журавль 115.
Жэнь-цзунъ, имп. 162, 170, 171.

Заборъ чóу-карагул 66.
заваленка 69.
завалина 10.
загоны для овецъ, — для лошадей 6.
загробный міръ 36.
задъ (срубъ клѣти) 2.
заклинанія 32, 95, 96, 117, 125, 128 — 130. 133, 136.
законъ 105, 156; (колесо закона) 151, 156.
замазка (изъ воска) для посуды и лодокъ 31.
запястья 118, 120 — 124, 148. См. браслеты.

зарубка у бревна 3.
зауголъ (у избы) 3, 6, 11.
заяцъ 105; (голова) 134.
звозъ 5.
звѣзды 177.
зданія (постройки) глинобитныя 81—83.
Зеленая Tārā 124.
Зеленчукъ: Большой и Малый, р.р. 71.
зихи 59.
змѣя 105, 107, 108, 120, 121, 130—132, 134, 135, 143, 146, 157; (тѣло) 147.
знаки (денежные) 86, 91, 159.
— (конверсія знаковъ) 170.
— (замѣна знаковъ) 171.
знамя 105 — 108, 133, 134, 146, 147, 150, 157. См. dhvaja.
знахари, знахарки 31.
Золотаревъ, Д. А. 179.
золото 160, 163.
зонтъ 148, 151, 156. См. chattra.
зубе́ль, зу́бленка (дымилка) 27, 30, 33.
зубы лисьи (украшеніе) 50, 51.
зыбка 11.
зыряне 44.

Ива 175.
Ивановъ, А. И. 79, 89, 101, 173, 178.
Игуменскій у. 13.
Идикутшари, г. 101.
идолы 55.
изба курная 1 — 11.
— двойная или пятистѣнная 4.
измѣренія (черепа изъ Хара-хото) 179—182.
изображенія священныя 79, 91, 93, 94, 117, 121, 123, 125, 126, 129, 132, 134, 136, 139 — 144, 146, 147, 149, 151 — 155, 179.
иконографія, иконопись 86, 91, 92, 105, 126, 128, 131, 146, 147, 152 — 157.
иконы 79. См. образа.
Индія 94, 104.
Индо-китай 100.
инструментъ (музык.) 105, 107, 116, 125, 135, 138, 157. См. vīṇā.
Интеріано, авт. 59, 72.
Инъ-тянь, префектура 163.
Инъ-чанъ, префектура 163.
инь-хуй (ассигнаціи на серебро) 165.
инь-чао (ассигнаціи на серебро) 166.
Иркутскъ V.
искусство (буддійское) 79, 93; (средне-индійское) 101; (китайское) 151.
ткацкое 124.
исламъ 94.
ихневмонъ 105, 133, 134, 148.
И-Цзинъ (паломникъ) 94.
И-чжоу, окр. пров. Ху-бэй 162.

Іероглифы 101, 148.
ілья́н (дерев. идолъ) 55.
Іоаннъ де-Люка (Іоаннъ Лукскій) 59.
Іоновъ, В. М. VI.
Іохельсонъ, В. И. V, VI.

Кабардинцы 58, 60.
каза́, каза́къ 25.
Казанскій университетъ I.
казли́ 22.
какки, растеніе *Diospyros kaki*, L. f. 176.
калесца́ (блокъ) 25.
калитка 64.
кало́да (прессъ) 30.
камень драгоцѣнный 96 — 129, 132 — 135, 137, 141, 149, 156. См. cintāmaṇi.
канавы (оросит.) 81.
капара́цъ (блокъ) 25.
капсюли восковыя для ядовъ 31.
картушъ для надписи 101, 103, 106, 109, 133, 140.
кастрація быковъ 32.
Кастренъ, А. V; 55.
Катунь VI.
кафтанъ 114, 149.
каштаны 175.
кебн (остяц. олов. украш.) 48, 49.
кемгуй (черкес. племя) 58.
Кённингемъ, авт. 94. См. Cunningam, A.
кентавръ (изображеніе на мѣди. бляхахъ) 53.
керимъ (стѣны города) 81.
Кидане (907 — 1125) 165.
кисель 15.
ки́ски (ту́нды) 36.
Китаб-и-Синдбадъ 85.
Китай VI; 114, 122, 136, 152, 159 — 178.
китайцы 88.
кладбище 35, 128, 130, 136, 137, 139, 140, 143, 146, 150,
кладовая 75.
клекотка (колотушка) 26, 30.
Клеменцъ, Д. А. I — VII; 101.
клише 91.
клыкъ слоновый 149.
клѣтка (у печного свода) 7.
клѣть 5, 6.
книга 86, 91—93, 105, 106, 112, 123, 134, 155. См. рукопись, сутра.
князекъ (посомка) 4.
князь родовой (бэйлэ) 80, 81.
Кобукъ-сайря 80.
коверъ 106, 112, 119, 120, 127, 131, 132, 136, 138, 140 — 142, 144.
коврикъ 111, 141, 142.
ковши деревянные 43.
кожухъ (ко́минъ) 9.
козелъ 106, 109, 110, 134, 145.
Козловъ, П. К. (полк.) Предисл.; 79, 84, 86, 91, 93, 101, 152 — 155, 159, 179.
козлы 22.
кокорки (курицы) 4.
колдовство 32.

колдунъ 32, 34.
коловратъ 40.
колодецъ 64.
колодка 22.
колоды 26; (бортн-) 23; (-ульн) 24, 29.
колокольчикъ мѣдный (у оленьей упряжи) 45; (у рукавовъ жен. костюма) 49.
колотушка 26.
кольца 49.
ко́миньъ (кожухъ) 9.
Комитетъ (Русскій) для изученія Средней и Восточной Азіи III.
конекъ у печи 8.
коновалъ 31.
Контъ, Огюстъ I.
Кончедарья, р. 81.
конь 136, 147, 156; (бѣлый) 133, 134; (голова) 120 — 122. См. лошадь, аçva.
конюшня — шешь 75.
копье 105 — 107, 134, 146.
кораллы 133.
корзина 132.
коричное дерево 177.
коробочки сѣмянныя 175.
корона 147.
Коропчевскій, Д. А. VII.
коршунъ черноухій 90.
кости 128, 137.
Костиковъ, Л. В. 11.
костюмъ остяцкій 45 — 54.
— уйгурскій 145.
костяки 36.
косякъ (у оконныхъ рамъ) 4, (у двери) 6.
Котвичъ, В. Л. 79, 89.
котелокъ на цѣли 71.
котлы 42.
кошелекъ 148.
Крашенинниковъ С. П. V.
крестовина 25.
Крещеніе 33.
круглякъ 5.
крыжы́ (козлы) 22.
крыша изъ мелкаго камыша и соломенная 68.
крюкъ 105, 107, 108, 156.
ксилографы 93.
Кубань, р. 57, 58.
кувшинъ 140.
кудесникъ 144.
кукуруза 74.
кукурузникъ 64, 74.
культъ III — V; 35, 79, 84, 86, 91, 93, 104, 109, 114, 123, 126, 179.
кумирни 83; см. постройки кумиренныя.
кунакъ 72.
кунахская (кунацкая) 65, 72.
Кунделенъ-голъ (одинъ изъ рукавовъ р. Едзинъ) 80.
курильница 120, 122, 125, 126, 141.
курицы (кокорки) 4.
курятникъ четышь 63, 74.
кухня 76.
куця́ (кутья) 15.
Кяхта, г. 80.

Лаба, р. 58.
Лавранъ (монастырь въ Амдо) 93, 152.
лама 92, 97, 104, 105, 109, 117, 126 — 132, 136, 140, 145, 147, 153, 154.
ламаизмъ III, IV.
ланчжа (письмо) 111.
лань 148, 150, 151.
лапы у слягъ 4.
латы 135.
Лауферъ, Б. 153.
Леббокъ IV.
левъ 99, 106, 108, 112, 133, 134, 146, 147, 177.
легчай (коновалъ) 31.
Лекокъ, фонъ- 153.
лента 117, 118, 121, 124, 130, 132, 142 — 144, 149, 150.
летокъ 19—21.
летучая мышь 91, 175.
летящая птица (изображ. на мѣдн. бляхахъ) 53.
лещо́тка (тиски) 30, 31.
ли́линг лонх (олов. идолъ) 55.
ли́на, ли́ня (канатъ) 25.
линъ-чжи цао (трава безсмертія) 177.
ли́паўка (липовка) 30.
лиственница (бревна изъ—) 36.
Литва 16, 17, 20.
литовцы-дзуки 21.
лишаи (накож. бол.) 31.
ли͡эзиво 19.
Лобъ-норъ, оз. 81.
лодки 24; (однодеревки) 36.
— (гробы) 36.
ложка 43, 144.
лонг (остяц. божество) 55.
ло́пацень (лопатень) 20.
лотосъ 95, 96, 98 — 101, 103 — 116, 118 — 128, 130 — 141, 143, 145—149, 156, 157. См. padma.
лошадь бѣлая 146. См. конь.
лубъ еловый 22, 24.
лукъ 123, 136, 141, 156. См. сара.
— ручной 37, 40.
— сторожевой 40.
луна 105, 125, 126, 134, 136, 156; (бож.) 104—107, 154.
Луцкій у. 24.
Лу-чжоу, окр. 162.
Лхаса 94, 152.
Любарскій, И., д-ръ 15.
Лю-сюй, авт. 174.
Лянъ, дин. 161.
Ляо-дунъ, пров. 166.
Ляо-янъ, г. 165.

Маакъ, P. V.
Ма Дуань-линь, авт. 159, 174.
Майновъ, И. И. VI.

Майтрея 93. См. Maitreya.
Макаренко, А. А. VII.
Макушинъ, П. И. VII.
Маловъ, С. Е. 153.
Малый Зеленчукъ, р. 71.
Манла 104. См. sManbla.
мантія 105.
Мар-ба 145.
Мардинская вол. 1.
Марко Поло 160, 167.
Мартьяновъ, Н. М. II, VII.
маска 84.
матица-слега 7.
матка (пчелиная) 26, 27.
маточникъ 26, 27.
маты 36.
махалка отъ мухъ, метелка - махало 95, 105, 106, 156. См. cāmara.
медвѣдь 23, 24, 28, 134.
— темнобурый 16.
— муравейникъ 16.
медъ 14, 15, 18, 27, 29 — 32.
— дикій 14—20.
Мельникъ, І. С. V, VII.
Мертвый городъ (Хара-хото) 86.
металлы 160.
мечеть 82, 83, 85.
мечъ 105—108, 120, 123, 130, 131, 134, 136, 141, 146, 150, 156. См. khaḍga
Ми-ла-рай-ба 145.
Миллеръ, А. А. Предисл.; 23, 66, 77, 78.
миніатюры (индійскія) 101, 153; (непальскія) 104, 106.
Минская губ. 13, 19, 24.
Минская династія 172, 174.
Минусинскій Музей II, III.
Минусинскъ II.
мироболанъ 104, 132, 133.
Мироновъ, Н. Д. 94.
Митенская, д. 1.
міръ загробный 36.
Могилевъ, губ. гор. 23.
могилы 35.
— (вогульскія) 52, 54.
— (самоѣдскія) 52.
могильники (остяцкіе) II; 35—56.
Могилянскій, Н. М. VII.
модели 91.
Мозырскій у. 13, 24.
молитвенное помѣщеніе 89, 91.
молотокъ 20, 105, 107.
молотъ 108, 157. См. malla.
монастырь 152.
монахъ 105, 107, 108, 111—113, 116, 120, 122, 125, 131, 138, 140—142, 144, 145, 154, 157.
Монголія 152; (средняя) III, VI.
Монголо-Сычуанская экспедиція 79, 86, 93.
монголы III; 80, 88.
монеты 35, 160, 161, 167, 172, 176; монеты-чохи 84, 85.
Морінъ-голъ (рукавъ рѣки Эцзинъ-голъ) 80.
морковь 132, 133.
Москва I, IV, VII.
мостикъ 24.
мостъ черный 7.
Мудьюга, р. 1.
Музей Антропологіи и Этнографіи VI; 96, 100, 153.
Музей географич. кабинета москов. университета 103.
мулъ 146.
Мунунгинъ-голъ (рукавъ рѣки Эцзинъ-голъ) 80, 81.
муравьи 24.
мусульмане 85.
мышь 34, 133; (летучая) 91, 175.
мѣдные предметы 161.
Мюнхенъ VII.

Навѣсъ 64, 69.
надвѣсъ 4.
надлавочники 9.
наказанія за поддѣлку денежныхъ знаковъ 165, 170, 171.
Нансенъ, Фритіофъ VII.
Нань-Шань (го́ры) 80.
наперстки 50.
напечь 9.
натухайцы (ноткуаджъ) 58.
Наугеймъ VII.
небо 137; (боровокъ у печи) 8.
Непаль 117.
нефритъ 85, 175, 176.
нечистая сила 15.
нимбъ 96, 99, 101, 103, 105, 107 — 116, 118 — 122, 124, 125, 127—129, 131—141, 144—146, 148.
Новицкій, штабсъ-кап. 60, 61.
новоселы 18.
Новый Бжегакай, аулъ 63.
Новый годъ 33.
ноги (у стропилъ) 4.
ножны 39.
ножъ 38, 39, 108, 156, 157, 160. См. karttrikā, пурбу.
но́ри (тага́ръ) 36.
ноткуаджъ (натухайцы) 58.
нужникъ 6, 11.
Нюрнбергъ VII.

Обдорскъ, с. 35.
обо́дверина 6.
образа буддійскіе тибетскаго письма 79, 84, 85, 93, 94—157.
— на бумагѣ 132, 144.
— на деревѣ 148, 149.
— матеріи (полосатой) 106, 117; (клѣтчатой) 108, 133, 152.
— на полотнѣ 103, 106, 107, 110, 111, 113, 114, 116, 120—122, 125, 132—134, 137—140, 144, 145, 147, 152.
на холстѣ 96, 97, 99—103, 104, 107, 109, 111, 116, 118, 128—131, 135, 143, 145, 146, 149, 152.
— на шелку 99, 110, 112—114, 116, 118, 120, 123—128, 130—133, 135, 138, 139, 141, 143, 147, 150—152.

Община 105.
обычаи, связ. съ бортничествомъ 18, 29, 32 — 34.
Обь, р. 35.
огнива 41, 42.
огонь 140.
— священный 33.
— добыв. треніемъ 33.
— отъ огнива 33.
огородъ 64.
ограда 66, 72.
одверь (косякъ) 6.
одподеревки 36.
ожерелье 118, 120 — 124, 127, 128, 130, 137, 143, 141, 148 150.
окно 1; проемы для волоковыхъ оконъ 4.
— красное 4, 6.
— волоковое 6.
— безъ стеколъ 70.
олень 134; (шкура) 36.
Ольденбургъ, С. Ѳ. Предисл.; III; 79, 89, 97, 155. См. С. О.
Онега, р. 1.
Онежскій у. 1.
орнаментъ 96, 98, 100, 106—114, 116, 118, 120, 122, 123, 125—127, 129—131, 133, 136, 138—140, 143, 146 — 151.
— символическій 175—178.
орудія и оружіе 37—41.
Орхонская экспедиція II, III.
острея стрѣлъ 40, 41.
остяки 35, 55.
отхожее мѣсто псун 63, 64, 76.
отшельникъ 128, 138.
Оу-янъ Сю, авт. 174.
очагъ черкесскій—джагу́—съ плетенымъ дымаремъ 70, 71, 77.

Паг-мо дон-дув (Пагмо-дон-дув) 139, 154.
Падмасамбхава 145.
палеазіаты V.
палица 120—122, 146. См. жезлъ, посохъ, khaṭvaṅga, gaḍa.
Палласъ, П. С. (путеш.) V; 41, 59, 60.
палочки костяныя (неизвѣст. назначенія) 56.
пальма 147.
пантеонъ божествъ IV; — буддійскій 103, 104, 107, 117, 153, 154, 156.
панцырь 132, 135.
пасцёль 22.
пасъ (жолобъ) у бревна 2.
пасѣка 14, 21, 23, 26, 28, 29, 33, 34.
— (пчельникъ) 28.
— лѣсная 29.
Патрановъ, С. К. 55.
пекарня хакуышь 73.
Пекарскій, Э. К. Предисл.; VI.
Пекинъ 165.
Пелліо, авт. 151.
передъ (срубъ избы) 2.
перекладина (прогонъ) у косяка оконнаго 4, (надъ дверью) 9.
перерожденцы 92, 114.
перинникъ 9.
персикъ 176, 177.
перстни 49, 50; (у косы) 51.
перунъ 95, 96, 157. См. vajra, viçvavajra.
Петербургъ V, VI; 86, 93.
печное мѣсто (печь) 7.
печурки 6.
печь—хакý 73, 76.
пешня 20, 38.
Пинскій у. 13, 19.
письмена 85, 86, 91, 92, 152, 155.
письмо тибетское 79, 84, 86, 92, 94, 103, 114, 118, 120 — 124, 132, 135, 138, 139, 144, 147, 152, 155.
— китайское 114, 152, 155.
— тибетско-китайское 125.
— магадское 101.
— индійское 116, 123, 137.
планеты 177.
пластика 155.
пластинка изъ рога у оленьей упряжи 45.
платки 45, 46; шелковый платокъ 46.
плетень—чóу 66.
— съ терновникомъ 66.
плоды 132.
повѣрья, связ. съ бортничествомъ 29, 32 — 34.
повѣть (сарай) 2, 5.
подволока 10, 11.
подвѣски къ женскимъ мѣховымъ шапкамъ 52 — 54.
подгорница (подклѣть) 6, 11.
поддѣлка бумаги для размѣнныхъ билетовъ 163.
— ассигнацій (денежныхъ знаковъ) 165, 170, 171.
пóдка (нижняя часть улья) 22.
подклѣть 2, 5, 6, 10, 11.
подкуретники 4.
подносъ 141, 148, 149.
подпечье 8.
подполье 2, 6, 11.
подпольница 6, 10.
подростки-пастухи 22.
подсѣнье 6, 11.
подтески 4.
подушка 109, 137, 138, 140, 145.
подъ (печи) 8.
Позднѣевъ, А. М. 152.
покойникъ 34, 36.
покрывало 145.
полати для ульевъ 14, 22, 24, 29.
— для бортей 29.
полатницы (грядки) 9.
политеизмъ V.
полички (планки) 6.
Полуй, р. 35.
полумѣсяцъ 140, 156. См. ardhacandra.
полъ (глинобитный) 71.
Полѣсье 13, 14, 17, 18.
полѣшуки 14, 16, 18, 19, 20.

пóмочь 25.
попугай 91, 115.
поребрины 4.
порядки (ряды избъ) 1.
посомка (князекъ) 4.
посохъ монашескій 140, 156. См. жезлъ, палица, khakkhara.
постель 36.
постройки черкесскія 57 — 78; (для зерна куáн) 74; (для кукурузы) 74; см. кукурузникъ.
— (зданія) глинобитныя 81—84, 101.
— кумиренныя 84; см. кумирни.
посуда (глин., фарф.) 81, 82, 85.
Потанинъ, Г. Н. VII; 80.
потоки (жолобы) 4.
пóцерабъ (пасѣка) 28, 29.
пояса и пряжки 46—48; кожаный поясъ 47; женскій поясъ и пряжки къ нему 47 — 48; поясъ на буддійскихъ образахъ 106, 114, 120 — 122, 124, 126, 127, 131, 133, 144, 149.
правилины 4.
Прага VII.
предметы культа 35.
— промысла 36.
— неизвѣстнаго назначенія (остяцкіе) 55, 56.
предразсудки 34.
прессъ 30, 31.
престолъ 95 — 100, 103, 104, 106, 108 — 113, 115, 116, 118—124, 128, 132, 133, 140.
прикрытіе 24.
примиреніе пчеловода съ врагами 33.
приношенія (алтарныя) 143. См. дары.
Припеть, р. 13.
припора (трубникъ) 9.
прирубанныя къ клѣти сѣни 2.
приступъ печной 6, 7.
прическа 105, 108, 149.
пріемная для гостей (хачишь) 72; пріемный домъ (хаджичижъ) 65.
прогонъ (перекладина) у оконнаго косяка 4.
проемы (для оконъ) 4.
промыселъ 36.
— роебойный 16.
проповѣдь 156.
прудъ 137, 146, 147.
прысáды 22, 29.
пряжки къ поясамъ 46—48.
птица 128; (голова) 150.
птички (симв.) 175.
пýдала (пугала) 23.
пурбу 108, 157. См. ножъ.
пчаладзёръ 18, 32.
пчела сѣверная 17.
— итальянская 17.
пчеловодство 13, 20, 26, 29, 33, 34.
— дикое или бортевое 28.
пчелы дикія 14, 17, 18, 20, 22, 29.
— домашнія 14, 17, 22, 27.
— (-работницы) 26, 27.
пчельникъ 33.
— (-пасѣка) 28.
Пчеха, р. 60.
пѣтухъ черный 105.
пяточныя косточки песца 56.

Радловъ, В. В. II, III, VI, VII; 153.
радуга 147, 153.
раёўня (роевня) 30.
развилины 22.
размíэръ 20.
раковина 106, 107, 157, 160. См. çaṅkha.
рáла 22.
расчистка 29.
Ратцель, Фридрихъ 14.
Римскій-Корсаковъ, М. 16.
Римъ III.
рисунки 93, 135, 153.
рисунокъ (письмо) 128, 131, 132, 143 — 145, 149.
рисъ 144.
рога (стилиз.) 148.
роевня 27, 30.
Рождество Христово 33.
рожокъ изъ бумаги, пропитан ой воскомъ 31.
рой (пчелиный) дикій 17, 18, 20, 22.
— домашній 29.
рубашка 140, 141, 149.
рубить въ уголъ, въ круглую, въ потемокъ, въ глухарь, въ чистую, въ лапу 3.
Руденко, С. И. 56.
Рудневъ, А. Д. 153.
рукописи 85, 91, 92, 153.
рундукъ 5, 6, 11.
Русскій Комитетъ по изуч. Сред. и Вост. Азіи 97.
рыба 128, 157, 176. См. matsya.
Рѣчицкій у. 13.
рѣшетины 4.
Ряхновская, д. 1.

С. О. (С. Ѳ. Ольденбургъ) 81, 84, 85.
сабля 134.
сакля 63.
Самдинъ, монастырь 137.
Самьэ, монастырь 155.
С.-Петербургскій университетъ II; 179.
сарай 64; (скотный—эшь) 75.
— (повѣть) 2, 5, 6.
сверло 40.
свинья 125.
свитокъ 91, 105, 107, 109, 112, 134.
свѣтильникъ 141.
свѣчи (восковыя) 31.
— (амулеты) 15.
святые (изображенія) 91.
сердце кровавое 129, 142.
серебро 163.
сережки, серьги 117, 120—122, 127, 130, 143, 144.
Сержпутовскій, А. К. 25, 33, 34.

Сибирь II, III, V, VI; 35.
Сибиряковская экспедиція VI.
Сибиряковъ, И. М. VI.
символъ 105, 156, 175 — 178.
Си-нинъ 1068—1078, годы правленія Шэнь-цзун'а (1068—1086) 162.
Синъ-жэнь, префектура 163.
Сиреліусъ 35. См. Sirelius.
сиринъ 156.
Си-ся (тангутское царство) 84, 85, 89, 101, 138, 148, 155.
ситникъ 36.
Си-цинъ, префектура 163.
скважины (отверстія въ сарай) 5, 11.
скипетръ (жу-и) 176.
склады оцѣночные 170.
склобля (скобель) 20.
скоба мѣдная у оленьей упряжи 45.
скобель 20.
скрѣплять на коксъ 3.
скульптура 154.
слега (у избы) 2, 4, 7.
слéпатъ 17.
слонъ 99, 106, 109, 110, 123, 128, 132—134, 136, 140, 145. 146, 156; (шкура) 149; (клыкъ) 149. См. hastin.
Слуцкій у. 13.
сляга (слега) у избы 4.
Смирновъ, Н. И. VII.
сн͡iэдъ 22, 33.
собственность (общая) 18.
— (частная) 18.
— (знакъ) 18, 19.
Сого-норъ, оз. 80, 86.
солнце 125, 138, 140; (бож.) 104 -107, 154.
сосна 175.
сосудъ 112, 116, 125, 134, 140, 150, 151, 156. См. kalaça.
соты 17, 18, 32, 34.
— (запасы) 19.
сочиво 15.
Союзъ для изученія Средней и Восточной Азіи III.
Средняя Азія 79.
срубчики 36.
срубъ (избы, клѣти, сарая) 2.
Стааль-фонъ-Гольстейнъ, А. А. 101.
Старый Бжегакай, аулъ 63.
статуетки 79, 91—93.
статуи 84, 92—94.
Стеллеръ, Георгій V.
Стокгольмъ VII.
столбы подъ ульи 29.
столики кит. образца 131.
Столинъ, м. 19.
стояны 5, 6,
стоячки 5.
стрихнинъ 31.
стругъ 39, 40.
стрѣла 37, 40, 41; 136 (см. çara).
стѣны, забранныя въ столбы 5.
субурганъ 79, 81, 82, 84, 86, 87, 90—93, 101, 155, 179, 182.
судъ крестьянскій, судъ стариковъ 32.
Сунъ, Сунская дин. 136, 155, 159, 163, 165, 167, 171, 174.
Сунъ Лянь, авт. 174.
сутра 153. См. книга, рукопись.
существа священныя 93, 156, 157.
сыта 15.
Сы-чуань, пров. 161 — 163, 165, 171.
сѣкира 134.
сѣни 2, 6.
Сѣ Тянь (имя) 162.
Сюанъ-Цзанъ (паломникъ) 94, 95, 153.
сябры 32 — 34.
Сянь-цзунъ, имп. 159, 161.
Сянь-юань, имп. 159.

Табакерки 43, 44; табакерка-рожокъ 44.
тагáръ (нóри) 36.
Тангутское царство 151.
тангуты 126, 153.
Танъ, Танская династія 159, 161, 166, 167, 172, 174.
тарелочки музыкальныя 138.
тасъ (тазъ) деревянный 7.
тáхты (постель) 36.
Тейлоръ IV.
теленгиты VI.
телятникъ 6.
темиргоевцы 60.
терраса 177.
тесовыя (доски крыши) 4.
тибетцы 151.
Тибетъ 79, 104, 106, 114, 137, 152 — 155.
тигръ 134, 140; (шкура) 127 — 132, 136, 148, 149.
тиски 30, 31.
ткани 160.
— шелковыя 163.
Тобольская губ. 35.
топазъ 84.
топоръ 37; 108, 134, 157 (см. paraçu).
Торговая (Главная) улица 84.
торгоутъ-бэйлэ (родовой князь) 80, 81, 86, 89, 90.
торгоуты 80, 85, 88, 89.
То-то, авт. 169, 174.
трава безсмертія 177.
тращóтка (трещетка) 26, 30.
трезубецъ 135, 156. См. triçūla.
треніе, какъ средство добыванія огня 33.
треножникъ 138, 143.
трещетка 23, 26, 138.
Троицынъ день 33.
Трокскій у. 21.
труба у дымаря 71.
трубникъ (припора) 9.
трубочки (подвѣски къ жен. шапкамъ) мѣдная и желѣзная 54.
трупы 128.
трутни 27, 28.
Туапсе, г. 71, 74.
туби (племя) 60.

тунгусы VI.
тунъ-бао (ходовая монета) 167.
турачки 11.
Туркестанская экспедиція 97, 101.
Туркестанъ Восточный (Китайскій) III; 116, 149.
Турфанская экспедиція VI.
Турфанскій оазисъ 96, 101.
Турфанъ, г. 101, 144, 154.
тутовое дерево 171.
Туюкъ-Мазаръ 144.
тѣло (отрубленныя части) 137
— змѣиное 147.
Тэтбу-де-Мариньи 59, 74.

Уборъ головной 134.
убыхи (племя) 58, 60.
уголъ (дверной) 7, (большой) 9, (меньшо́й) 9.
удавъ степной 91.
узваръ 15.
узоръ 133, 144, 145, 149.
Украина (Малороссія) 28, 29.
украшенія остяцкія 45—54; (оловянныя) 48, 49; (косы) 51.
— на буддійскихъ образахъ 86, 100, 117, 118, 122, 126, 128, 133, 136, 137, 143, 144.
улей-колода 14, 19, 20—26, 27, 29, 32, 34.
унна́ (черкес. жилище) 62, 66; унна́-шкуа́ (мужская половина) 67.
упряжь оленья 44, 45.
Ургa, г. 86.
урочища „живыя" 18.
усадьба черкесская аг-унна́-зэхэ́т 62.
устье печи 6, 8.
утварь домашняя 41 — 45, 86.
У-цзунъ, имп. 171.
У-чжоу, окр. пров. Чжэ-дунъ 164.
учитель индійскій 98, 100, 120, 145, 156
— тибетскій 145.
— лама 153, 154.

Фагуа, черкесскій аулъ 60.
фарфоръ 84.
Фа-сянь (паломникъ) 94.
Фелицынъ, Е. Д. 60, 61.
фигурки черепообразныя 84.
форма (свѣчная) 31.
фрески 91, 96, 153—155.
футлярчикъ кожаный для наперстка 50.
Фушэ, А. 95, 117. См. Foucher, A.
фэй-цянь (летающія деньги) 159.

Хаданъ-хошу (котловина) 86.
хайло (у печи) 7.
Хангаловъ, М. Н. IV, VII.
Хань, Ханьская династія 159, 161, 178.
Хара-байшэнъ (крѣп.) 86, 87.
Хара-хото, г. Предисл.; 79 87, 89, 90, 92, 95, 101, 116, 145, 152—155, 159, 179, 182.
Хара-цзянь-цзюнъ, батырь 84, 87, 88.
хегаки 58.
хлопушка 27.
хлѣвы для коровъ 6.
хозяйство (государственное) 159.
хошунъ 80.
храмъ 91, 95, 101, 126, 134. См. чайтья, caitya.
хризантема 176.
хрусталь горный 84.
Хуай-дунъ, пров. 164.
Хуай-нинъ, префектура 163.
Хубилай (имя основателя монгольской династіи въ Китаѣ) 167, 171.
Хэ-дунъ, пров. 163.
Хэ-нань, префектура 163.

Царь-міродержецъ 136, 150, 156, 157.
цаца (маленькія глиняныя вставныя фигурки: субурганы и бурханы) 84.
церковь желтошапочная 153, 155.
цеслá 20.
Цзинь, Цзинская династія (Чжурчженей) 166, 167, 173.
Цзянъ-чжоу, пров. Цзянъ-си 164.
цзяо-цзы (размѣнные билеты) 162.
Цинь, дин. 161.
Цинь-чжоу, окр. нын. пров. Гань-су 163.
циркуль 20.
Цыбиковъ, Г. Ц. 152.
цыновка 36.
цѣпочка мѣдная у косы 51.
цѣпь желѣзная у оленьей упряжи 45.
Цюрихъ VII.

Чайтья (храмъ) 91, 98, 108, 152, 153, 156. См. caitya, храмъ.
чарпакъ (уполовникъ) 27, 30.
чаша 117, 142, 144, 147, 156, 157. См. kapāla, pātra.
чело у печи 8.
черва 27.
черепаха 160.
черепъ, черепа 36, 128—132, 136, 137 139, 141, 143, 150, 156.
— (изъ Хара-хото) 179—182.
черкесскія племена 58.
— постройки 57—78; (очагъ) 77.
Черниговская губ. 28.
Черновъ, А. 79.
Черноморское побережье 57, 58.
Чета-Челпановъ V.
четверка 5.
четки 156.
Чжан-чжа хутухта 126.
Чжанъ Жо-гу (имя) 162.
Чжанъ Юнъ, дѣятель дин. Синъ 162.
Чжао Кай, дѣятель дин. Сунъ 163.
Чжи-чжэнъ (1341—1368), годы правленія Шунь-ди (1333 1368) 169.
Чжи-юань (1264—1295), годы правленія Хубилая (1260 1295) 170, 172.
Чжунгарія 80.

Чжунъ-тунъ (1260—1264), годы правленія Хубилая (1260—1295) 172.
Чжурчжени, дин. 160, 165, 166, 173.
Чжэнъ-ю (1213—1217), годы правленія Сюань-цзун'а (1213-1224) 167.
чжэнь-хо (драгоцѣнная монета) 167.
чмели (шмели) 16.
чукчи VI.
чуланъ 6.
чурбаны 23.
Чуйскій районъ VI.
Чучевичи, с. 24.
Чэнъ-ду, г. (пров. Сы-чуань) 163.

Шаваннъ, авт. 151.
Шавловскій, И. Э. 179.
Шакьямуни 104, 153.
шаманизмъ, шаманство IV, V.
Шань-си, пров. 162.
шапка 105, 109, 114, 128, 131, 134, 136, 142.
шапсуги 58.
шарфъ 119, 120, 122, 128, 130, 132, 137, 146, 148, 151.
Шарцза (горы) 87.
Шахе, р. 58.
швейный мѣшокъ 50.
шестерка (оконная рама) 4.
Шива 156.
Ши-цзинъ, сборникъ древней поэзіи 159.
шкура 134, 143, 144.
— сѣвернаго оленя 36.
тигровая 127—132, 136, 148, 149.
— слоновая 149.
Шлагинтвейтъ 104, 155. См. Schlagintweit.
шлемъ (фригійскій), изображ. на мѣдн. бляхахъ 53.
шмели (земляные, черные, моховые или надземные) 16.
шóвнуша (шóмнуша) 9.
Шо-вэнь—словарь, составленный Сюй Шэн'емъ 161.
шоломъ 4.
шóмнуша (шóвнуша) 4, 6, 7, 9.
шостокъ (шестокъ) 8.
шосточница 8.
Шоу-синъ (богъ долголѣтія) 177.
Шренкъ V.
штаны 114, 124.
Штейнъ, А. 153.
Штернбергъ, Л. Я. V.
Шунь-чанъ, префектура 163.
Шунь-ю (1241—1253), годы правленія Ли-цзун'а (1225—1265) 165.
Шурцъ VII.
Шу-цзинъ, сборникъ 160, 161.
Шэнь-нунъ, имп. 160.
Шэнь-си, пров. 162, 163, 166.
Шэнь-цзунъ, имп. 162.

Щипецъ 4.
щѝпы 22.

Эмблемы 105, 134, 157.
Эрге-хара-бурюкъ, г. 80.
Эцзинъ-голъ, р. 80, 86, 87, 89, 90.

Юань, Юаньская династія 155, 169—171, 174.
юань-бао-чао (ассигнаціи дин. Юань) 170.
Юань-ши (исторія монг. дин. 1268—1368) 162, 163, 169, 171.
юкагиры VI.
Юнъ-синъ, окр. нын. пров. Хунань 162.

Ядринцевъ, Н. М. V.
яйца куриныя 175.
Якутская область VI.
Якутскъ VI.
якуты VI.
янь-чао (ассигновки на соль) 159.
Яриловъ V.
Яръ 101.
ясли 6; (шкытль) 64, 75.
Ястремскій, С. В. VI.
ящерица ночная 91.
ящикъ-гробъ 36.

Abhayamudra 96, 98, 103, 110, 114, 131, 138, 146, 148, 156.
Acala 98, 105—108, 120, 129—131, 146, 154.
ācārya 98, 156.
açoka 139, 156. См. ашока.
açokapallava 125, 156.
açva 150, 156.
açvattha 96, 103—107, 110—113, 156.
ādarça 98, 156.
akṣamālā 117, 118, 120—122, 133, 156.
akṣasutra 98, 156.
Akṣobhya 120, 129—132, 137, 146, 157.
Amitābha 112, 114—116, 118, 120—122, 129, 131, 132, 138, 144, 146, 148, 154, 155, 157. См. Амитабха.
Amitāyuḷi 116, 154.
Amoghasiddhi 120, 131, 132, 138, 146, 157.
Anaṅga 123.
anjali 98, 117, 118, 120—122, 139, 149, 156.
aṅkuça 105, 107, 108, 125, 126, 130, 131, 148, 156.

Anodonta 49.
Apis ligustica 17.
— *mellifica in sp.* 17.
ardhacandra 129, 156. См. полумѣсяцъ.
ardhavajra 134, 138, 156.
aṣṭa mahācaitya 96, 156.
Astragalus 56.
Avalokiteçvara 96, 98, 99, 101, 109 — 113, 115, 117 — 122, 134, 148, 154, 157.

Bacot, M. J. 104.
Bell, James Stanislas 70.
bhadraghaṭa 148.
bhaktajana 113, 114.
Bhaiṣajyabhaṭṭāraka 104, 153.
Bhaiṣajyaguru 104.
Bhaiṣajyarāja 104.
bhaktajana 149, 157. См. адорантъ.
bhūsparçamudrā 95, 96, 98, 101, 103, 111, 114, 130, 131, 146, 157.
Biot, Ed. 174.
Bodh-gayā 95, 101.
bodhi 95, 100, 104, 105, 110, 112, 157.
Bombus lapidarius, B. muscorum, B. terrestris 16.
Bos gruniens 156.
Brahmā 105, 107, 125, 154. См. Брахма.
Broca 180.
Broussonetia papyrifera 171.
Buddhaḍākinī 143, 154.
Burgess, J. 94.

Caitya 95, 96, 100—103, 105, 106, 108, 112, 128, 132, 135, 148, 150, 156. См. чайтья.
cakra 99, 104, 105, 120 — 122, 126, 129, 148, 150, 156.
çakti 126, 128 — 130, 139 — 143, 149 — 151.
cāmara 120, 156. См. махалка.
candramaṇḍala 125, 156.
çaṅkha 148, 157. См. раковина.
capa 98, 108, 120 — 122, 125, 126, 148, 156. См. лукъ.
çara 98, 125, 126, 139, 140, 148, 157. См. стрѣла.
Çavaripa 154.
chattra 126, 148, 156. См. зонтъ.
China 160.
cintāmaṇi 99, 105, 121, 150, 156. См. камень драгоцѣнный.
Çiva 125. См. Шива.
Çrāvasti 157.
Çrīdhara 141.
çrivatsa 105, 148, 157.
Cundā 123, 124, 154.
Cunningam, A. 94, 136. См. Кённингемъ.
Çyāmā Tārā 121, 122, 124.

Ḍakinī 99, 125, 127, 129, 130, 137, 139—143, 146, 148—151, 154, 156.
ḍamaru 128, 129, 140, 149, 150, 156.
de Luca, Jean 59.
devatā 98, 99, 108, 121, 127, 131, 137, 139, 141, 148, 156. См. божество.
Devi 146, 154.
dharmacakramudrā 96, 98, 100, 103, 105, 108 — 111, 113, 114, 120, 132, 137, 138, 140, 146, 156.
Dharmacakrapravartana 95, 101, 153, 156. См. Вращаніе (Вращеніе) колеса закона.
dharmadeçanaḥ 120, 156.
dharmapāla 130, 154.
Dhṛtarāṣṭra 134, 135, 154.
dhyānamudrā 96—98, 100, 103, 112—114, 116, 120, 129, 131, 138, 146, 157.
dhyānibuddha 96, 98, 103, 114, 120, 121, 129 — 132, 136 — 138, 146, 154, 157.
dhvaja 120, 126, 148, 149, 157. См. знамя.
Dīpaṃkara 110, 113, 154.
Dubois de Montpereux, Frédéric 72.
Ekajaṭā 98, 125, 154.

Ficus religiosa 104, 105, 109 — 111, 156.
Foucher, A. 94, 100, 101, 104, 123, 125, 133, 136. См. Фуше, А.

Gaḍa 156. См. палица.
Gaṇeça 132 — 134, 154.
garuḍa 99, 106, 154, 156.
garuḍī 128, 129, 141, 156.
ghaṇṭā 98, 105, 125 — 130, 132, 141, 142, 147, 149, 156.
Gṛddhrakūṭa 101.
Grube, Wilhelm 176.
Grünwedel, A. 94, 104, 117, 123, 135, 136, 141 — 143. См. Грюнведель, А.

Hackin, J. 104.
haṃsa 103, 104, 106, 109, 110, 112, 115, 120, 122, 124, 133, 145, 157.
hasti 150.
hastin 157. См. слонъ.
Hastings, James VII.
Hayagrīva 98, 120 — 122.
Hevajra 129, 130, 141, 154.
Hirth, F. 151.
hrīḥkārākṣarasaṃbhutaḥ 122, 157.

Indra 125, 140, 154.
Indraḍākinī 143, 154.
Interiano 59.
Ivanov, A. 79.

Jambhala 132, 133, 154.
Jāti 100, 101, 156.
Jäschke 104.
Jnānasatva 123.

Jonesia Asoka Roxb. 156.
Juncus conglomeratus 36.

Kalaça 101, 120—122, 142, 148, 149, 156. См. сосудъ.
Kāmadeva 136.
kapāla 125, 127—131, 137, 139, 140, 142, 143, 146, 149, 150, 156. См. чаша.
Kapilavastu 156.
Kāraṇḍavyūhalokeçvara 117.
karttrika 108, 125, 127—131, 137, 139 142, 149, 150, 156. См. ножъ.
khaḍga 98, 108, 129, 131, 141, 148, 150, 156. См. мечъ.
khakkhara 113, 140, 156. См. посохъ.
khaṭvāṅga 108, 127—130, 137—143, 148—150, 156. См. палица.
kiṃnara 156.
kiṃnarī 98, 115, 122, 156.
Klaproth, J. 174.
Kozloff, P. K., captain 79.
Kubera 105, 107, 146, 147.
Kurukullā 135, 136, 154.

Laufer, B. 153, 155.
Lévi, S. 100.
Lhamo 146.
lokapāla 133, 134, 154, 157.
Lokeçvara 95; Padmapāṇi - Lokeçvara 118.
Lui-pa 140, 154.
Lumbinī 156.

Mahabodhi 95, 100, 101.
Mahākāla 131, 132, 134, 146, 147, 154.
Mahāparinirvāṇa 100, 101, 157.
Mahāprātihārya 101, 157.
mahārājā 157.
mahāsiddha 138, 140, 151, 157. См. волхвъ.
Mahasthamaprāpta 115, 154.
Mahayānacaitya 101.
mahāvidya 157.
Maitreya 95, 96, 98, 99, 101, 104, 106, 109 113, 123. См. Майтрея.
makara 99, 123. 134, 148, 150, 151, 157.
malla 108, 157. См. молотъ.
maṇḍala 148—151, 154, 157.
— Uṣṇīṣavijayā 148.
— Saṃvara 149, 150.
maṅgala 148, 157.
Manjuçrī 106, 107, 109—111, 117, 122, 123, 154.
mantrin 150, 157.
Mārīcī 120, 125, 136, 154.
Martin, F. R. 40, 47.
matsya 148, 157. См. рыба.
Milvus melanotis 90.

mK'a-gro-ma 143, 156. См. ḍākinī.
mudrā 96, 98—100, 103, 105, 109, 110, 114, 118, 120—122, 125, 131, 137, 138, 140, 145, 146, 157.
Museum für Völkerkunde 155.

Nāga 98, 108, 124, 135, 146, 147, 154, 157.
nāgī 98, 157.
nakula 132.
Naro mK'a-spyod-ma 142, 154.
Nelson, E. W. 56.
Nelumbium speciosum 157.
Nephelium lichi 175, 176.
— *longanum* 175.

Pāça 103, 108, 128, 131, 134, 140, 148, 149, 157.
padma 98, 118, 120—122, 148, 149, 157. См. лотосъ.
Padmapāṇi 118; Padmapāṇi - Lokeçvara 118, 154.
Padmasaṃbhava 155.
padmāsana 96, 97, 100, 103—105, 108—111, 113, 114, 116, 118, 120—123, 139, 145, 147, 148, 157.
Pallas, P. S. 60.
Pander 104.
paraçu 128, 149, 157. См. топоръ.
Parmentier, H. 94.
pātra 123, 140, 148, 149, 157. См. чаша.
preta 144, 154, 157.

Radloff, W. VII.
Rāhu 125.
Rājendralāla Mitra 94.
Ramusio 59.
ratna 96, 105, 120, 131, 157.
Ratnasaṃbhava 120, 131, 132, 137, 146, 157.

Saḍaksarī 117, 157.
Saḍakṣarīmahāvidyālokeçvaraḥ 117, 154.
Samantabhadra 98, 140, 154.
Saṃvara 126—130, 139 - 142, 149, 150, 154.
Sarasvatī 105, 107, 108, 120, 154.
Schlagintweit, E. 104, 109. См. Шлагинтвейтъ.
Schurtz, H. V.
Senāpati 150, 157.
Shioda Saburo 174.
siddha 129, 144, 157. См. волхвъ.
Siddhārtha 94.
Siebold 104.
Siṃhanādalokeçvara 98, 154.
Siṃhavaktrā 134.
Sirelius, U. T. 35. 40.
Sitātapatrā 120, 125, 126, 154.
sMan-bla 104. См. Манла.
strī 150, 157.
Strychnos nux vomica 31.
sūcī 125, 157.

Sukhāvatī 114, 115, 155.
suryamaṇḍala 125, 157.
Suvarnaprabhāsa 153.

Taitbout de Marigny, M. 61, 74.
Tārā 120, 124, 125, 135, 154; (Çyāmā Tārā) 121, 122, 124.
tarjanikāpāça 125, 156.
tarjanımudrā 98, 126, 131, 132, 137, 140, 148, 156.
тонх (божество) 55.
triçūla 98, 108, 128, 130, 137, 143, 149, 156. См. трезубецъ.

Urṇā 121.
uṣṇiṣa 97, 99, 103, 104, 109—111, 114. 116, 156.
Uṣṇiṣavijayā 148, 154.

Yama 150.
Yamāntaka 125, 141, 153, 154.
Yamī 142, 143, 154.
yi-dam (yidam) 126, 154, 157. См. божества-хранители.

Vaiçravaṇa 133, 134, 154.
Vairocana 103, 120, 131, 132, 137, 146, 148, 157.
vajra 95, 96, 98—100, 105—108, 125—132, 134, 140—143, 146—151, 156, 157. См. перунъ.
Vajrānaṅga 123.
Vajrapāṇi 98, 106—108, 132, 135, 146—148, 154.
vajraparyaṅka 95, 157.
Vajrāsana 94—103.
Vajrasattva 98, 154.
Vajravārāhī 136—142, 146, 154.
varamudrā 98, 100, 103, 104, 110, 113, 114, 120, 121, 123, 129, 137, 146, 157.
viçvavajra 105, 109, 116, 131, 148, 157. См. перунъ.
Vimalakīrti 101.
viṇā 120, 157. См. инструментъ музыкальный.
Virūpākṣa 132, 135, 154.
Viṣnu 125.
Vissering, W. 160, 174.
Vulpes lagopus 56.

Waddell, L. A. 104, 131, 147.

Matériaux pour l'Ethnographie de la Russie,

publiés par la Section Ethnographique du Musée Russe de l'Empereur Alexandre III,

sous la rédaction de **M. Th. Volkov.**

TOME II, 1914.

Contenu des mémoires et explications des figures.

I. **L. KOSTIKOV.** La ferme des sept souverains.

Sommaire.

Description détaillée d'une ferme se trouvant au village de Verkhovié, distr. d'Onéga, gouv. d'Arkhangel, et existant depuis 1765, par conséquent sous le règne consécutif des 7 souverains de la Russie. C'est le type d'une ancienne habitation rustique de paysans avec le four sans cheminée; elle est à deux étages où les pièces habitées sont réunies dans une construction avec les services qui dans les maisons modernes sont situés ordinairement dans la cour.

Explication des figures.

Fig. 1. Vue générale de la ferme, où l'on peut distinguer trois parties principales de la construction: à droite — une espèce de cave surmontée d'une maison habitée; au milieu — le vestibule inférieur, surmonté d'une chambre, et à gauche — une espèce de halle ou la cour couverte. Fig. 2. Maison habitée et escalier du premier étage. Fig. 3. Maison habitée vue du front. Fig. 4. Partie inférieure du fronton avec la date de la construction incisée sur un bout de poutre. Fig. 5. Plan de l'étage supérieur: A. Pièce habitée principale (la cuisine); B. Chambre de débarras; C. Vestibule; D. Magasin; E. Pièce habitée quand la famille est nombreuse; F. Pièce la plus propre de la maison; G. Couloir; K. Perron menant à l'escalier (M); L. Hangar; N. Plate-forme inclinée pour monter les voitures; a) fenêtre à plusieurs vitres; b) fenêtre sans vitres, se fermant avec une planche; c) portes; d) porte-cochère; e) planches pour s'asseoir; f) pieux, supportant les poutres; g) table; h) cloisons incomplètes; i) trappe dans le plancher pour descendre à la cave; k) bouche de four; l) niches pratiquées dans le four; m) marche pour monter sur le four; n) moulin à bras; p) fenêtre pour faire sortir la fumée; r) étagères; s) escalier pour monter sous le toit; t) escalier pour descendre dans la cour; u) lieux d'aisance; z) lucarne pour descendre le foin. Fig. 6. Plan du rez-de-chaussée. A. Pièce inférieure remplaçant la cave. B, C, D, E—pièces inférieures sous les chambres du haut; F—N — cours inférieures; F — stalle pour les veaux; G et K — stalles pour les moutons H — écurie; M et N—étables pour les vaches; a — rembloi de terre autour des murs de la cave; b — portes; c — porte-cochère; d — escalier menant en haut; e — pilotis; f — mangeoire pour le bétail. Fig. 7. Four, vu du côté de la porte. Fig. 8. Bouche du four. Fig. 9. Trou pour faire sortir la fumée. Fig. 10. Intérieur de la pièce habitée principale (la cuisine).

II. **A. SIERZPUTOWSKI.** Apiculture forestière dans la Russie Blanche.

Sommaire.

Existence jusqu'à nos jours dans la Russie Blanche des anciennes formes de l'élevage des abeilles dans les creux d'arbres ou dans les troncs creusés, montés et attachés aux branches. Abeilles sauvages et domestiques. Manières de monter sur les arbres. Description des instruments pour cela. Arrangement des ruches. Précautions contre les ours. Ruches, posées debout ou couchées horizontalement sur le sol. Miel et cire. Croyances et superstitions des apiculteurs.

Explication des figures.

Fig. 1. Paysan blanc-russien portant sur le dos l'appareil pour monter ur les arbres. Fig. 2. Le même paysan monté sur un arbre et travaillant. Fig. 3. Tronc de pin, remplaçant l'escalier. Fig. 4. Abeilles sauvages dans un creux d'arbre; on voit le trou pratiqué pour extraire le miel et fermé auparavant. Fig. 5. Un arbre, dont le sommet est coupé et un peu enfoncé pour produire artificiellement la formation du creux. Fig. 6. Ruche double. Fig. 7. Instruments d'apiculture: a) hache; b) essette; c) spatule; d) forêt; e) ciseau; f) doloir; g) compas; h) marteau en bois; i et j) leviers. Fig. 8. Ruche mobile verticale. Fig. 9, 17 et 18. Ruches couchées et couvertes d'un toit en écorce. Fig. 10 et 16. Ruches sous le toit de la maison. Fig. 11. Ruche sous un arbre. Fig. 12. Arbre avec une plate-forme protégeant les ruches contre les ours et les voleurs. Fig. 13. Plate-forme sur deux arbres, munie de clous et de billots faisant enrager l'ours qui les pousse et reçoit les coups. Fig. 14. Peinture sur le plafond d'une synagogue, représentant un arbre avec les ruches et les ours qui cherchent à voler le miel. Fig. 15. Epouvantail pour protéger les abeilles. Fig. 19. Ruche couchée sur une plate-forme. Fig. 20 et 21. Moyens pour monter les ruches sur les arbres. Fig. 22. Boîtes pour enfermer les reines des nouveaux essaims. Fig. 23. a et b) les crécelles; c) boîte pour ramasser le nouvel essaim; d) cuillère en bois; e) instrument pour produire la fumée; f) écueil en fer pour le charbon. Fig. 24. a et b) Presses pour exprimer le miel. Fig. 25. Appareil pour enduire les mêches avec de la cire fondue.

III. **S. ROUDENKO.** Objets provenant des fouilles d'un cimetière ostiake près d'Obdorsk.

Sommaire.

Ce cimetière, situé à l'embouchure du Polouï, affluent de l'Ob, et ravagé souvent par les inondations, contient des tombes appartenant, d'après Sirélius, au XVII siècle, mais assez souvent aussi, d'après Roudenko, à la moitié du XIX. Une seule pièce de monnaie qui fut trouvée sur un des idôles, porte la date de 1769. Tous les cadavres étaient posés à la profondeur de 40 cm., sur le dos et dans la même direction: tête vers le sud et pieds vers le nord, où se trouve, d'après la cosmographie ostiake, l'emplacement de la vie d'outre-tombe. Les cercueils ont été remplacés par des canots monoxyles et recouverts de nappes en écorce de bouleau. Parmi les objets, trouvés dans les tombes, ceux en cuivre et en verre se sont conservés le mieux, tandis que les objets en peau, en cuir, en os et en fer sont bien endommagés.

Explication des figures.

Fig. 1. Haches en fer. Fig. 2. Couteau à douille en fer. Fig. 3. Couteaux divers emmanchés en bois, en os, en bois de renne, en cuivre et en bois incrusté d'étain. Fig. 4. Rabot en bois de cerf. Fig. 5. a — f) pointes de flèches bifurquées, g) pointe de flèche triangulaire, i et j) briquets, h) foret. Fig. 6. Planchette en bois de renne pour protéger la main contre le coup de la corde en tirant de l'arc. Fig. 7 — 10. Marmites en cuivre. Fig. 11. Puisoirs en bois. Fig. 12. Cuillère en argent. Fig. 13. Manche sculpté d'une cuillère en bois. Fig. 14. Tabatières en corne de vache. Fig. 15. a) et c) tabatières en cuivre avec un couvercle, b) pendeloques en perles. Fig. 16. Chaîne en fer 88 cm. de longueur. Fig. 17. Deux clochettes. Fig. 18. Partie supérieure de la bride en bois de renne. Fig. 19. Planchette en cuivre faisant partie du collier de renne. Fig. 20. Fichu en soie brodé. Fig. 21. a) boucle des Samoïédes pour la ceinture de femme, b) couteau en fourreau de cuir, c) ceinture en cuir, garnie de boutons en cuivre, d) ceinture en cuir, e) vórope — espèce de ceinture en cuir, portée par les femmes à leurs organes génitaux, pour soutenir un petit paquet de copeaux fins qui ferme toujours l'orifice de cet organe; cet objet de toilette intime ne fut jamais mis en sa position ordinaire sur le cadavre; il fut plié et posé seulement sur le pubis. Fig. 22. Boucles en étain pour les vóropes. Fig. 23. Ceinture en cuir avec une boucle en fer. Fig. 24. Boucle de ceinture en cuivre, gravée. Fig. 25. a) rangée de perles en verre avec un bouton en cuivre, b) la même, c) paquet de lamelles en étain, collées en un seul morceau, d) rangée de perles avec des petits boutons en cuivre, e — o) lamelles en étain, fabriquées par les Ostiakes eux-mêmes et attachées au bord des vêtements. Fig. 26. a — f) bagues en cuivre et en étain, g) sonnette, h — i) dés, dont le dernier avec un étui en cuir. Fig. 27. a) dents de renard perforées, b) perles en verre avec des noeuds en étain, c) perles diverses. Fig. 28. Ornements divers de nattes qui sont ordinairement tordues et entourées de cordons et de chaînettes garnies de pendeloques, d'anneaux, de boutons etc.

IV. **A. MILLER.** Constructions des Tcherkesses.

Sommaire.

Restes peu nombreux des villages tcherkesses. Essai de reconstitution des anciennes habitations d'après ces restes. Constructions en branchages d'arbre, recouverts d'argile avec les toits en chaume ou en roseaux. Détails des constructions. Plans, intérieur etc.

Explication des figures.

Fig. 1. Maison riche avec la galerie autour. Fig. 2. Vue générale (schématique) des habitations des Bjédoukhs de Kouban. Fig. 3. Plan des habitations des Bjédoukhs à Bjéhakaï. A. Cour principale; a) habitation

divisée en deux compartiments pour hommes et femmes, e) poulailler, f) construction en clayonnage pour le grain, g) auvent pour les ustensiles de ménage, h) four en argile battue pour le pain, i) hangar pour les voitures et les instruments agricoles. B. Cour pour battre le blé et garder le foin; d) lieux d'aisance. C. Cour pour le bétail; b) hangar fermé, c) mangeoir. D. Seconde cour pour le bétail; j) étable pour les vaches. E. Jardin potager. F. Cour pour les veaux; l) fontaine, h) étable pour les veaux. Fig. 4. A. Cour principale; a) maison habitée, b) poulailler, c) hangars en clayonnage, d) auvents pour les instruments agricoles, e) grenier en clayonnage pour le maïs. C. Cour pour le bétail; h) hangar fermé, g) mangeoir. B. Cour pour battre le blé; f) lieux d'aisance. Fig. 5 — 8. Enclos divers en branches et portes-cochères. Fig. 9. Plan d'une habitation double. A. Côté des hommes. B. Côté des femmes. C et D. Foyers. E. et F. Lits. Fig. 10. Maison en construction. Fig. 11—14. Détails des constructions. Fig. 15. Porte à gonds. Fig. 16. Cheminée avec la marmite, suspendue à la chaine. Fig. 17. Plan de la construction pour les amis: A. Chambre habitée. B. Ecurie. Fig. 18. Vue de la maison pour les amis d'après Dubois de Montpéreux. Fig. 19. Maison à une chambre habitée et une chambre de débarras. Fig. 20. Ancienne habitation à une chambre qui sert à présent de cuisine. Fig. 21. Construction non achevée pour les amis. Fig. 22. Cuisine avec les angles arrondis. Fig. 23 et 24. Fours en argile battue. Fig. 25. Deux formes de supports pour le toit. Fig. 26—30. Constructions pour garder le blé chez les Chapsoughs et les Bjédoukhs. Fig. 31. Grenier pour le maïs près de Touapsé. Fig. 32. Plan de l'étable pour le bétail: a) auvent découvert d'un côté, b) compartiment pour les veaux, c) mangeoir, d) compartiment des buffles, e) compartiment des veaux des buffles. Fig. 33. Vue extérieure du précédant. Fig. 34. Système de mettre les chevrons. Fig. 35 et 36. Etable pour le bétail. Fig. 37. Psoune lieux d'aisance. Fig. 38. Maison moderne d'un riche Tcherkesse, construite à la russe

V. S. d'OLDENBURG. Matériaux pour l'iconographie bouddhique de Khara-Khoto. I. Images tibétaines.

La trouvaille inattendue d'images bouddhiques et de manuscrits et xylographes Hsi-Hsia, chinois et tibétains et de fragments de manuscrits persans (entre autre un fragment du célèbre livre des Sept Sages—le Kitab-i-Sindbad) et syriaques, rapportés par le colonel P. K. Kozloff des ruines de l'ancienne ville Hsi-Hsia, appellée maintenant Khara-Khoto nous fournit de nouveaux et importants matériaux pour l'histoire de la propagation du bouddhisme dans l'Asie Centrale. Les deux articles du colonel Kozloff [1]) et les photographies et les plans reproduits ci-dessus (pp. 80 — 92) donnent une idée générale du voyage de P. K. Kozloff et des ruines de Khara-Khoto.

Nous comptons donner trois articles consacrés à une description préliminaire de la collection d'images bouddhiques et d'objets de culte de Khara-Khoto. Le premier article (v. ci-dessus p. 79—157) traite des images tibétaines ou tangoutes; nous préférons provisoirement la désignation „images tibétaines", car nous n'avons que des indications indirectes sur la possibilité de leur origine tangoute. Le style de ces images correspond tout à fait au style des images tibétaines que nous connaissons déjà: il faut comparer les images provenant de Ladakh de la collection Schlagintweit et beaucoup d'images de Lhasa et de différentes parties du Tibet dans la collection du Prince Ukhtomsky au Musée Alexandre III et dans les collections du Musée d'Ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences.

La technique des peintures est tibétaine, il n'y a qu'à noter la soie sur laquelle sont peintes quelques images et qui n'est guère employé dans l'imagerie tibétaine moderne; nous voyons ici une certaine influence chinoise, qui se retrouve aussi dans la représentation des nuages et des dragons. Il faut signaler l'absence des jolis paysages peuplés d'animaux des images tibétaines et des vagues frisées si caractéristiques pour la peinture tibétaine.

L'ancienne manière des peintres tibétains est la manière indienne: la peinture plastique de l'Occident tellement différente de la peinture chinoise: ces images sont comme des stèles peintes – de la sculpture sur toile.

Les images nous donnent des représentations de buddhas, de bodhisatvas et de différentes divinités, d'ācāryas et de lamas. Voici une liste des personnages et des divinités identifiés dans notre catalogue sommaire: le Buddha-Vajrāsana le même avec les huits grands caityas, le Buddha du Dharmacakrapravartana, Bhaiṣajyabhaṭṭāraka, Dipaṃkara (?), Amitābha; des séries de 5 buddhas (les dhyanibuddhas), de 7 buddhas (Compagnons du Bhaiṣajyabhaṭṭāraka, de 11 buddhas, de 35 buddhas (les buddhas de confession), de 84 buddhas. Amitāyuḥ, Avalokiteçvara: Siṃhanādalokeçvara, Saḍakṣarīmahāvidyālokeçvaraḥ, Padmapāṇi-Lokeçvara, l'Avalokiteçvara aux 11 têtes, Mañjuçrī (deux formes, la forme commune et la plus rare de Jñānasatva), Mahāsthāmaprāpta, Vajrapāṇi, Vajrasattva, Samantabhadra; Uṣṇīṣavijayā, Cundā, Tārā (verte), Mārīcī, Sitatapatra; Saṃvara, Hevajra; Acala, Mahākāla, Gaṇeça, Jambhala (jaune), Yamāntaka, Devī; Dhṛtarāṣṭra, Virūpākṣa, Vaiçravaṇa; Kurukullā, Ekajaṭā, Vajravārāhī, Yamī (?), Sarasvatī; Brahmā, Indra, divinités du Soleil et de la Lune; Indraḍākinī, Buddhaḍākinī, Naro-mK'a-spyod-ma, Pagmo-sdon-sgrub; Lui-pa (?), Çavari-pa; des nāga, nagī, preta des ācāryas, des lamas; des maṃḍalas de différentes divinités. Comme on voit par cette liste qui pourra évidemment être augmentée quand tous les personnages représentés seront identifié, nous avons devant

[1]) Captain P. K. Kozloff. The Mongolia - Sze - Chuan expedition of the Imperial Russian Geographical Society. Geogr. Journ. XXXIV, 384–408 et XXXVI, 288—310 (1909—1910).

nous en somme le panthéon tibétain, tel que nous le voyons dans les couvents bouddhiques modernes, manquent seulement les représentations de scènes de la vie du Buddha et des jâtakas.

La question de l'âge des images tibétaines de Khara-Khoto serait difficile à résoudre, vu l'extrême conservatisme de l'art tibétain et ses tendances archaïsantes, si nous n'avions l'appui des peintures chinoises trouvées dans le même „célèbre soubourgan" — caitya, qui nous donnent le terminus ad quem. Leur manière nous rapporte vers la fin des Soung et le commencement des Yuan. Des documents chinois trouvés à Khara-Khoto démontrent clairement, que la ville ne fut pas détruite du temps de l'invasion Mongole, de sorte que nous pouvons fixer comme date des images tibétaines de Khara-Khoto le XII—XIII siècle, certaines images pouvant être plus anciennes.

VI. **A. IVANOV.** Le papier-monnaie en Chine avant le XV siècle.

Sommaire.

L'origine du papier monnaie en Chine se rapporte d'après les sources chinoises au temps de la dynastie des T'ang—VII — X s.s., mais les vraies fei-ts'ien („argent volatil") ne sont en usage comme les billets d'état, qu'à partir de la dynastie de Sung—X—XIII s.s. Coup d'oeil historique. Description des trois billets de XIV siècle, dynastie des Youen (XIII—XIV s.s.) trouvés par P. K. Kozloff dans les fouilles de Khara-Khoto et appartenants au Musée de l'Empereur Alexandre III.

Explication des figures:

1. Tchung t'ung youen pao-tch'ao. Valeur une liasse. 1260—1264. 2. Tchi-youen pao-tch'ao. Valeur 100 monnaies. 1264—1295. 3. Tchi-youen pao-tch'ao. Valeur 300 monnaies. 1264—1295.

VII. **A. IVANOV.** Ornement symbolique en Chine.

Sommaire.

Le symbolisme chez les Chinois. Symboles dans l'ornamentation de la pièce en nephryte appartenant à la collection du colonel A. Verestchaguine; les pins (souhaits de longue vie), le connelier (célébrité), les fruits de *Nephelium*, les oeufs de poules etc. (symboles de la richesse, de bonheur etc). A remarquer sur le côté inverse l'image d'un vieillard, avec un sceptre (ju-i en chinois) à la main, symbolisant la réalisation des souhaits.

VIII. **Th. VOLKOV.** Ossements humains provenant d'une tombe de Khara-Khoto.

Sommaire.

Description d'ossements. Résultats de mensuration du crâne.

Изданія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III и изданія, принадлежащія этому Отдѣлу.

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ КОЛЛЕКЦІЙ. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ.

Предисловіе къ 1-му изданію. — Предисловіе ко 2-му изданію. О собираніи этнографическихъ коллекцій. — Поселенія, постройки, жилище и его принадлежности. — Одежда и украшенія. — Техника въ народномъ быту. — Пища и напитки. — Занятія и промыслы. — Семейный бытъ. — Суевѣрія и гаданія. — Народная медицина. 51 стр. (Форматъ 13—21 сантим.).

КОВРОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ. Выпуски 1—2. С.-Петербургъ, 1908. **TAPISSERIES DE L'ASIE CENTRALE** faisant partie de la collection réunie par A. Bogolubow. Fascicules I—II. S.-Pétersbourg, 1908.

44 стран. русскаго и французскаго текста, 43 таблицы въ краскахъ, 2 карты. (Форматъ текста 34—50 сант., таблицъ—51—68 сант.). Складъ изданія у К. В. Гирземанна, въ Лейпцигѣ. (Karl W. Hiersemann, Königstrasse, 29, Leipzig). Цѣна (за оба выпуска) 150 марокъ.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ РОССІИ. Томъ I. Подъ редакціей Ѳ. К. Волкова. С.-Петербургъ, 1910.

Отъ редакціи. — Очеркъ дѣятельности Этнографическаго Отдѣла съ 1902 по 1909 г.—Н. М. Могилянскій. Поѣздка въ центральную Россію для собиранія этнографическихъ коллекцій.—Ѳ. К. Волковъ. Старинныя деревянныя церкви на Волыни. — А. К. Сержпутовскій. Земледѣльческія орудія бѣлорусскаго Полѣсья. — А. А. Миллеръ. Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г.—С. И. Руденко. Чувашскіе надгробные памятники. — Кн. Д. Э. Ухтомскій. Рай Сукавати. — Э. К. Пекарскій и В. Н. Васильевъ. Плащъ и бубенъ якутскаго шамана. — Д. А. Клеменцъ и М. Н. Хангаловъ. Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ.—Ѳ. К. Волковъ и С. И. Руденко. Этнографическія коллекціи изъ бывшихъ россійско-американскихъ владѣній. — Указатель предметныхъ, личныхъ и географическихъ именъ.—Contenu des mémoires et explications des figures. 4 ненумер., XVII, 215, 5 стр., IX таблицъ (форматъ 23—30 сантим.). Складъ изданія въ Этногр. Отд. Русск. Муз. Императора Александра III. Цѣна 5 р.

ОТЧЕТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III за 1909, 1910, 1911 и 1912 гг.

Изъ общихъ отчетовъ Русскаго Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III за тѣ же годы. (Размѣръ 23—29 сантим).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи.

Н. М. Могилянскій. Памяти Д. А. Клеменца. . . . . I—VII
Л. В. Костиковъ. Изба семи Государей . . . . . 1— 11
А. К. Сержпутовскій. Бортничество въ Бѣлоруссіи. . . . . 13— 34
С. И. Руденко. Предметы изъ остяцкаго могильника возлѣ Обдорска 35— 56
А. А. Миллеръ. Черкесскія постройки . . . . . 57— 78
С. Ѳ. Ольденбургъ. Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото. 79—157
А. И. Ивановъ. Бумажное обращеніе въ Китаѣ до XV в. . . . . 159—174
А. И. Ивановъ. Символическій орнаментъ въ Китаѣ (описаніе нефрита изъ коллекціи А. В. Верещагина) . . . . . 175—178
Ѳ. К. Волковъ. Человѣческія кости изъ субургана въ Хара-хото . . 179—182
Указатель этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ. . . . . 183—196
Contenu des mémoires et explications des figures . . . . . (1) — (4)